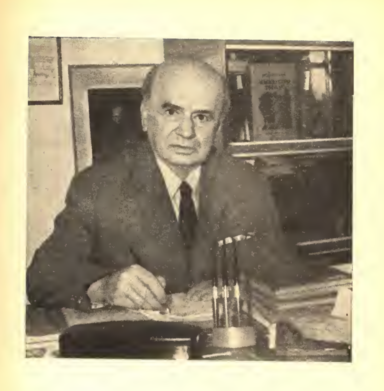

МИХАИЛ
ГУС
БЕЗУМИЕ
СВАСТИКИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ МОСКВА 1971

МИХАИЛ ГУС

БЕЗУМИЕ СВАСТИКИ

Новая книга Михаила Гуса «Безумие свастики» состоит из ряда очерков, в которых писатель, привлекая огромный материал, раскрывает социально-классовые и исторические корни германского милитаризма.

М. Гус рассказывает о своих впечатлеииях от поездки по Гермаиии в 1928 году, о работе иа радио во время Великой Отечествениой войны, о поездке по фронтам, по Германии после вступления в нее наших войск, о Нюрибергском процессе над гитлеровскими военными преступниками.

В книге освещена героическая борьба советского народа против фашизма, против идеологии нацизма в годы Великой Отечественной войны.

Историю М. Гус связывает с современностью, он говорит о том, что реваншизм, милитаризм еще существуют и уничтожеиие их остается иасущнейшей задачей всего человечества.

32 И
Г 96

7-3-2
20—70

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда в конце ноября 1945 года я вошел в Нюрнбергский Дворец юстиции, прошел по его бесконечным коридорам и вступил в зал заседаний, я испытал чувство, которое и сейчас, четверть века спустя, живо во мне. Его трудно передать словами... Не только глубокое удовлетворение тем, что рука закона бросила на скамью подсудимых нацистских главарей, но и острое ощущение непосредственного соприкосновения с историей в драматический момент, когда человечество подводило итог одному из наиболее трагических событий своей жизни.

Высокий, широкий зал без единого окна. Днем и ночью горит искусственный свет, настолько яркий и утомительный, что приходится надевать черные очки.

На возвышении — стол, за которым заседают судьи. Представители СССР в военной форме, а остальные судьи в длинных черных мантиях. Председатель трибунала, лорд-судья сэр Джоффри Лоренс, наружностью чем-то напоминающий бессмертного Пикквика, невозмутимый, спокойный, уверенно ведет судебный корабль сквозь все стремнины, извилины, пороги небывалого процесса.

Напротив судей, над входом, через который в зал вводят свидетелей, высится статуя Фемиды, с завязанными

глазами, с весами правосудия... Как-то она, невольно думается, справится с этим делом?..

Скамья подсудимых в два ряда. Вот они, главари «третьего рейха», злодеяния которых потрясли мир.

Геринг — «наци № 2», как он сам себя величал, сидит первым — ибо нет в живых «наци № 1»... Он исхудал, этот жирный рейхсмаршал, и мундир без погон и регалий висит на нем, как на вешалке. На худобу свою он надеется, сказал мне как-то один американский коллега, рассчитывает, что ему удастся пролезть даже и в маленькую трещинку в антигитлеровской коалиции. Рядом с Герингом Гесс, а далее Кейтель и Иодль, Дениц и Редер, Риббентроп и Розенберг, Кальтенбруннер и Штрейхер, Франк, Функ, Фрик, Фриче, Шахт, Шпеер, Ширах, Папен, Нейрат, Зейс-Инкварт. Вся нацистская верхушка — за исключением Гитлера, Геббельса, Гиммлера, которые предпочли яд из собственных рук — петле палача... Нет на скамье подсудимых и Лея, который повесился в тюрьме, Круппа, разбитого параличом, Бормана, находящегося в бегах.

Это — не сон... Их судят, этих нацистских извергов, которые залили кровью всю Европу, истребили миллионы людей в нашей стране, в других странах. Их судят, этих зверей в человеческом обличье. Их судят, этих самых последовательных, самых отвратительных представителей германско-прусского милитаризма и империализма...

И вот я присутствую на этом суде как журналист и как один из десятков и сотен миллионов тех людей Земли, жизнь которых целыми десятилетиями протекала в атмосфере постоянной угрозы со стороны германского милитаризма. «Ведь с немецкой земли были начаты две мировых войны нашего столетия. И народы Европы, которые варварски эксплуатировались и порабощались германским империализмом фашистского толка, никогда этого не забудут» (Вальтер Ульбрихт).

Германский империализм в этих войнах проявил особенно агрессивный и реакционный характер. Военный разгром гитлеровской «третьей империи» создал необходимые предпосылки не только для искоренения нацизма, но и для уничтожения германского империализма и милитаризма. Эти предпосылки — в полном соответствии с Потсдамским соглашением четырех держав — были полностью использованы в одной части Германии, и теперь там «налицо социалистическое германское национальное государство — Германская Демократическая Республика, которая осуществила Потсдамское соглашение, хранит и развивает дальше лучшие гуманистические и прогрессивные традиции немецкого народа» (Вальтер Ульбрихт).

К сожалению, в другой части Германии Потсдамские решения не были осуществлены. В ответе Советского правительства в связи с докладом генерального секретаря ООН «Методы, которые должны быть приняты против нацизма и расовой нетерпимости» указано: «Советский Союз, народы которого понесли неисчислимые потери в борьбе против гитлеровского фашизма во второй мировой войне, придает большое значение усилиям ООН, направленным на борьбу против нацизма и расовой нетерпимости».

В настоящее время, сказано далее в этом ответе, задача состоит в том, чтобы добиться выполнения решений об искоренении нацизма, пресечь деятельность нацистских и неонацистских организаций в тех странах, включая Западную Германию, где эта деятельность еще имеет место.

Реваншизм, милитаризм, неонацизм продолжают существовать, и борьба за их уничтожение остается насущнейшей задачей всех прогрессивных и миролюбивых сил человечества.

* * *

Мне на протяжении моей жизни пришлось не раз сталкиваться воочию с проявлениями прусско-германской агрессии — начиная с первой мировой войны и немецкой оккупации Украины и кончая второй мировой войной и ее Нюрнбергским финалом. Об этом и пойдет речь в данной книге.

То, что сохранила память, подкрепляется тем, что в момент событий было запечатлено в записных книжках. Этот «личный» материал сочетается с историческими экскурсами, выдержками из свидетельств очевидцев, документов.

Мемуары, публицистика, история... Смешанный жанр, и я прошу читателя быть снисходительным...

1

НЕМЦЫ НА УКРАИНЕ

1

С германской военщиной я непосредственно столкнулся впервые в 1918 году на Украине.

Учился я в Николаеве в гимназии, и нас в годы, предшествовавшие войне, усердно пичкали шовинистическими идеями «исконной вражды между славянством и тевтонством». Немецкий народ, весь в целом, изображался самыми черными красками.

Об экономическом засилье германских фирм, банков, компаний кричали газеты. Но они умалчивали о той реакционной роли, какую играли при царском дворе и в правительстве Бенкендорфы и Каульбарсы, Ренненкампфы и Штюрмеры, многочисленная свора графов, баронов и просто «фонов», присосавшаяся к русскому народу.

В жаркий июльский день 1914 года (по старому стилю, а по новому 1 августа) я сидел за столом и читал... И услышал сквозь раскрытое окно крики мальчишек, продававших экстренные выпуски телеграмм:

— Германия объявила войну России, Вильгельм объявил войну нашему царю.

Я выскочил в окно (мы жили в нижнем этаже), схватил длинный листок с телеграммами, прочел...

Война!

Тяжкая, потребовавшая от нашего народа неслыханных жертв война с каждым месяцем все более и более обнажала гнилость и обреченность царского строя.

1917 год. Конец февраля. Революция.

Как только до Николаева дошли первые сведения о событиях в Питере, был создан Совет рабочих депутатов.

Казалось, все сбылось, о чем мечталось.

Но война — как быть с войной?

— Нужно довести войну до победы, иначе Германия вернет царя на трон.

Так твердили, покорно следуя за буржуазией, соглашательские партии.

В июне я уехал в Киев поступать в университет. Там я видел, с каким энтузиазмом был встречен Керенский. Это было перед оперным театром, с балкона которого Керенский произнес речь о войне до победного конца. Его на руках вынесли и усадили в автомобиль восторженные курсистки, юнкера, офицеры.

Помню я и первое заседание новой городской думы.

Монархист В. В. Шульгин, кадетский лидер Бутенко, меньшевики, эсеры от имени своих фракций призывали сплотиться вокруг Временного правительства и вести войну до победного конца.

А потом слово получил от фракции большевиков, кажется, Леонид Пятаков (он погиб в бою за установление советской власти в 1918 году).

— Мы за войну, но войну против буржуазии и помещиков! Мы за установление власти Советов, за немедленное прекращение империалистической бойни!..

Слова эти были встречены свистом, топаньем, криками:

— Долой! Вон!

Перед думой круглосуточно кипели митинги. Ораторы взбирались на постамент свергнутого памятника Столыпину (он валялся тут же на земле).

И как-то раз я услышал речь солдата, видимо из крестьян, грамотного, развитого. И то, что он сказал, удивило складностью мышления и неожиданностью.

— Вот тут, граждане, раньше стоял душитель народа Столыпин. Теперь он валяется у ваших ног... А вот тут, — оратор указал на пьедестал, — написаны его слова к революционерам: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия» — ладно сказано, но враньё!.. Это нам нужна великая, свободная Россия, а дойдем до нее через великие потрясения.

Настали трагические июльские дни в Питере. Киев-

ская буржуазия с бешеной злобой ответила на выступление рабочих, солдат, матросов.

Осатаневшая толпа громила на Крещатике у думы киоски с большевистской литературой.

Керенский по требованию Корнилова восстановил на фронте смертную казнь; началась чистка армии.

В Киев была доставлена большая группа солдат-большевиков и сочувствующих, и их должен был судить военный суд.

Вспыхнул корниловский контрреволюционный мятеж и быстро разбился о несокрушимую стену красногвардейских отрядов и революционных частей Питерского гарнизона.

Политическая обстановка в стране круто изменилась. И когда в военном суде начался процесс, то он превратился в суд над контрреволюцией, над керенщиной, над предательством меньшевиков и эсеров.

Я был на нескольких заседаниях и слышал мужественные, яркие речи простых солдат. Суд не осмелился их осудить. Перед его зданием неотлучно стояли тысячи солдат.

Они устроили овацию, когда оправданные судом вышли на площадь.

Сентябрь... Октябрь... Близился девятый вал революции.

Знамя советской власти взвилось в Киеве только в январе 1918 года, когда восстание рабочих Арсенала было поддержано подошедшими к Киеву советскими войсками.

Тем временем в Бресте начались мирные переговоры Советской республики с немцами и их союзниками.

Немцы признали законным представителем Украины делегацию Центральной Рады и не допустили в Брест делегацию созданного в Харькове советского правительства Украины.

Диктат, навязанный в Бресте советской власти, отторгнул Украину от Советской республики.

В марте 1918 года началась германская оккупация.

Не дожидаясь вступления немцев в Киев, я уехал домой, в Николаев.

2

17 марта 1918 года Николаев был занят германскими войсками. Оккупанты немедленно разогнали Совет рабочих депутатов, произвели многочисленные аресты, закрыли судостроительные заводы, выбросив на улицу десятки тысяч рабочих.

Николаевские пролетарии, всегда отличавшиеся высоким боевым духом и революционным мужеством, ответили на силу силой.

22 марта вспыхнуло вооруженное восстание.

Германское командование было застигнуто врасплох, и на первых порах восстание имело успех. Немцы подтянули резервы. Трое суток продолжалось ожесточенное сражение. Немецкая артиллерия, установленная в самой высокой точке города, у собора и городской думы, била по рабочим кварталам. Пожары охватили рабочие районы. Немцы не разрешали тушить горящие жилые дома и стреляли по пожарным. Солдаты обстреливали группы санитаров с флагами и повязками Красного Креста, когда они оказывали помощь раненым или выносили их с места схватки.

Немецкий часовой, стоявший на крыше гостиницы, где размещался германский штаб, застрелил мальчугана, который выбежал из ближайшего двора на улицу посмотреть, что там.

На четвертый день восстание было потоплено в крови, и немедленно началась беспощадная расправа. Публично были расстреляны старый рабочий Апарин и три его сына. Казнены еще многие десятки рабочих.

Совершенно неожиданно, спустя двадцать семь лет, в 1945 году, в Нюрнберге я столкнулся с живым напоминанием о николаевских событиях марта 1918 года.

Пожилой официант в ресторане пресс-кемпа (в котором жили журналисты, работавшие на процессе), не помню по какому случаю, в разговоре упомянул, что был в 1918 году в Николаеве.

— В Николаеве? — удивился я. — Что вы там делали?

— Солдатом я был в полку, который стоял в этом городе. Нам офицеры говорили, что большевики предадут всех мучительной смерти, если одержат верх... Даже показали истерзанный труп одного солдата. Но, — поспе-

шил сказать официант, — мы потом узнали, что этот парень подорвался на нашей же мине... — Ну, а когда пришла революция, — говорил официант, — мы поумнели и сказали генералу и офицерам, что хотим домой, и поскорее... Нам отвечали: необходимо еще оставаться здесь, чтобы не пустить большевиков, как требует Антанта. А мы твердили свое: домой!

Передо мной был живой представитель того времени, когда поражение Германии вызвало революцию, когда в солдатской среде над пресловутой «верностью долгу» — то есть над слепым повиновением офицерам — взяло верх революционное сознание.

3

Киев 1918 года... Столица «Самостийной Украины», в которой номинальная власть принадлежит ясновельможному пану гетману Павлу Скоропадскому, а фактическая — его превосходительству генерал-лейтенанту императорской германской армии, начальнику штаба оккупационных войск Вильгельму Гренеру.

Диктатор Украины генерал Гренер не был полководцем и не подвизался на полях брани.

До войны он ведал отделом железнодорожных перевозок в генеральном штабе, во время войны руководил управлением военной промышленности, которое было создано по требованию Гинденбурга и Людендорфа. Гренер умел ладить с социал-демократическими лидерами профсоюзов. Но когда было нужно, он прибегал к военным методам: в 1917 году силой подавил забастовку берлинских металлистов. Послан он был на Украину для того, чтобы искусно направлять ее марионеточное правительство и выколачивать столь необходимое голодающей Германии и погибающей от голода Австрии продовольствие.

Я говорю о Гренере не только потому, что на Украине в 1918 году он беспощадно и жестоко осуществлял грабеж страны и подавлял революционное сопротивление народа.

Гренер сыграл зловещую роль в самой Германии в момент революции и в первые послереволюционные годы, когда свои способности и энергию использовал для

сохранения офицерского костяка германской армии, а затем для создания рейхсвера как основы многомиллионной вооруженной силы немецкого империализма.

На Украине Гренер проявил себя как ловкий политик.

Сперва он определил свою задачу так: «осуществить наши планы по развитию торговли», то есть планы выкачки зерна, масла, сала, мяса, сахара, и «вместе с тем сохранить правительству его маску государственного социализма».

Когда же Гренер убедился, что премьер-министр Голубович и его коллеги абсолютно неспособны разрешить эти задачи, он немедленно поставил перед Берлином вопрос о свержении правительства.

Считая Украину «страной самой невероятной фантастики», Гренер назвал генерала Скоропадского наиболее подходящим кандидатом на «престол» Украины.

Почему? Любопытный ответ дает посланная Гренером телефонограмма в Берлин:

«В наше время идеологов, фантастов и слабоумия он по крайней мере проявил себя как мужчина... Во всяком случае, он производит впечатление незаурядной личности. В данный момент Скоропадский находится целиком и полностью под влиянием главного командования».

Киевский оперный театр. Парадный спектакль. В царской ложе, откуда в сентябре 1911 года Николай Второй видел, как Богров стрелял в Столыпина, сидит бывший флигель-адъютант, затем свитский генерал царя, а ныне гетман всея Украины Павло Скоропадский. На нем, вместо мундира с аксельбантами и погонами с царским вензелем, фантастический маскарадно-карнавальный костюм: белый казакин, казацкие шаровары, широкий украинский пояс. Вокруг гетмана столь же маскарадная свита, пестрая и разноцветная.

В ложе бенуара в строгой серой военной форме старик Эйхгорн и молодой генерал Гренер.

Из ложи первого яруса, где мы сидели большой студенческой компанией, я разглядывал Гренера. Каменная холодность и надменность прусского офицера, но и нечто от кабинетного ученого было в его наружности, в выражении лица.

В партере — гетманские министры. Вчера они были невидными земскими деятелями, губернскими чиновни-

ками, средней руки банкирами. Волею Гренера они стали членами правительства и важно восседали в первых рядах с очень провинциальными женами, неумело разыгрывавшими светских дам.

Днем Крещатик можно было принять за Невский проспект. Расфранченные женщины, шикарные офицеры с волочащимися саблями, в мундирах самых аристократических полков. Переполненные рестораны и кафе. Густая толпа валютчиков на левой стороне Крещатика. Ажиотаж вокруг несуществующих вагонов хлеба, сахара, кожи и станков, которые переходили из рук в руки, непрерывно повышаясь в цене, но от этого не становясь реальностью.

Убийство германского посла в Москве Мирбаха этими людьми было встречено с радостью: вот теперь-то немцы пойдут прямо на Москву.

К концу лета в Киеве появились «реальные» политики, кадетские лидеры Милюков, Родичев. Среди моих коллег по университету были и кадеты, горячие поклонники прожженного лидера либеральной буржуазии Милюкова-Дарданельского. Однажды я спросил одного из наиболее ревностных милюковцев:

— Как же так, Милюков призывал к войне с Германией до победного конца. Он требовал, чтобы Россия была верна своим союзникам — Франции и Англии. И вдруг он здесь, в Киеве, где хозяйничают немцы? Он меняет ориентацию, готов сговориться с Вильгельмом?..

Милюков действительно повел в Киеве тайные переговоры с германскими властями о заключении союза для восстановления с их помощью «российской государственности». Не выступая публично, он из-за кулис направлял работу состоявшегося летом в Киеве съезда русских монархистов.

Милюков, лидер российской либеральной буржуазии, еще раз — который! — проявил отсутствие политического чутья и способности трезво оценивать ситуацию в ее перспективе.

В Киеве продавались немецкие газеты, и я внимательно читал «Берлинер тагеблат», «Фоссише цейтунг»...

В них господствовали бодрость и оптимизм. Восточного фронта больше нет. Англия вот-вот задохнется, блокированная немецкими подводными лодками. Америка

далеко. «Они никогда не придут», — внушалось немцам со страниц газет. А если американские солдаты и доберутся до Франции, то они не обучены, не обстреляны — и пока они научатся воевать, немецкая армия покончит с врагом.

Да, внешне картина была внушительная. 15 июля Людендорф начал наступление, и по его знаку газеты в один голос кричали: теперь наконец приходит победа...

Но если нам, юнцам, могло показаться, что дело обстоит так, как убеждала германская пропаганда, то опытный политик Милюков должен был трезвее глядеть на действительность, видеть то, что скрывалось за «очевидными фактами»... Милюков, однако, уверовал в немецкую победу именно тогда, когда стало неизбежным немецкое поражение!

«Решительное» наступление Людендорфа выдохлось на третий день. 18 июля перешли в наступление армии Антанты. Их внезапный танковый удар ошеломил немецкое командование. Немецкое сопротивление было надломлено. Настал «самый черный день в немецкой военной истории» — так назвал 8 августа Людендорф.

На углу Крещатика и Институтской, наискось от здания городской думы, находился немецкий военный книжный магазин. Два нестроевых унтер-офицера, еврей из Берлина Зигмунд и баварец Карл, торговали немецкими книгами, газетами, журналами и картами Западного фронта, которые выпускались в Берлине.

В середине июля на еженедельных картах застывшие линии фронта стали подвигаться — немецкие армии пошли вперед в то «последнее наступление», которым Людендорф намерен был победно завершить войну.

Но вдруг в конце июля немецкий фронт заколебался, начал подаваться назад. Что же будет дальше?

С волнением я и мой приятель-студент переступили порог лавки 6 августа. Баварец Карл, подавая нам карты, буркнул на своем полупонятном диалекте:

— Берите, пока есть...

А Зигмунд, хлопнув его по плечу, сказал с жестким берлинским произношением:

— Черт бы побрал этих затягивателей войны!

Мы переглянулись: таких речей от них еще не приходилось слышать.

На картах фронт снова отодвинулся назад.

С большим нетерпением ждали мы следующей пятницы и 13 августа снова были в лавке. За прилавком был один Зигмунд. Ответив на наше приветствие, он не протянул руки к полке позади себя, чтобы взять карты, и сказал с явной иронией:

— Es gibt keine Karte!

Карт не было не только сегодня — их вообще не было...

«Нервное настроение» охватило гетмана и его правительство. Австрийский посол писал в Вену: «Германский посол жаловался мне, что события на Западном фронте оказывают заметное влияние на гетмана, который отправляет свою семью в Германию».

С каждым днем пустели Крещатик, кафе, рестораны. Серел внешний облик города.

Девятого ноября в Германии вспыхнула революция, Вильгельм бежал в Голландию.

Месяц длилась агония гетманщины.

14 декабря, когда войска Петлюры были уже на Лукьяновке, немцы ночью вывезли гетмана в воинском поезде. Германская оккупация Украины закончилась.

...Вскоре после 9 ноября 1918 года я проходил мимо немецкой военной книжной лавки. Из распахнутых дверей солдаты выносили связки книг, газет, швыряли их на грузовики. Мой знакомец Зигмунд наблюдал за «операцией». Заметив меня, он помахал приветственно рукой.

Я кивнул головой и спросил, где же Карл.

— О, Карл теперь большой человек: он, — и Зигмунд сказал по слогам: — боль-ше-вик! Да, да, он в солдатском Совете командует.

Карл — большевик? Этот неповоротливый толстяк? Я был поражен, а Зигмунд рассказал, что Карл всегда был «красный», заодно с «красным Либкнехтом», и за это и был удален с фронта в тыл... Он ждал революции, и она пришла; войне — конец, кайзеру тоже, и все отныне будет хорошо в старой доброй Германии...

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

1

1920 год, последний год гражданской войны.

Николаев. Губернское отделение УкРОСТА — так назывался тогда Украинский филиал Российского телеграфного агентства — РОСТА.

В наши функции входило не только снабжение информацией местных газет и передача информации в Харьков, но и наглядная агитация и пропаганда в городах и селах губернии.

В Николаев к тому времени съехались многие интересные и талантливые люди. Голод прогнал их с севера, а у нас все-таки было сытнее.

Марьяна Пургольд и Дмитрий Буланов — питерские художники, Борис Глубоковский — актер Камерного театра, яркий, разносторонне талантливый человек, Всеволод Курдюмов, питерский поэт (впоследствии был много лет ближайшим сотрудником С. В. Образцова в его театре).

Не могу забыть, в каком виде ко мне в УкРОСТА впервые явился Курдюмов. Дверь в большой кабинет отворилась, и вошел молодой человек со светлыми кудрями, в красноармейской гимнастерке и штанах, но босой. В руках он держал солдатский котелок с кашей, а в глазу у него был монокль. Он мне представился: Всеволод Курдюмов из Петрограда, а теперь у вас здесь, в Красной Армии.

Эти приезжие составили творческое ядро нашего УкРОСТА и николаевской печати.

А из местной молодежи к нему примкнули поэты Яков Городской и Касьян Федулов, художник Владимир Каждан. В театре нашем в то время работали замечательные артисты: Владимир Сергеевич Володин, Александр Иванович Зражевский, Наум Адольфович Соколов, Мария Александровна Токарева.

Мы создали большую художественную мастерскую, которая украшала город плакатами, панно и конструкциями весьма левого толка. Выпускали мы и «Окна РОСТА».

К концу 1920 года под руководством Бориса Глубоковского возник театр революционной сатиры, в котором

выступали и сам Глубоковский, и Курдюмов, и Городской. В нашу группу входил и Алеша Селивановский. С ним я познакомился в Киеве в университете в 1918 году. И вдруг в феврале 1920 года он является в Николаев с прибывшим из Харькова губревкомом, в красноармейском одеянии, в буденовке. Его назначили редактором «Известий».

Вместе с ним и с А. П. Мариинским мы к 7 ноября 1920 года выпустили журнал «Октябрь» (единственный номер). В нем были стихи Селивановского, Владимира Нарбута, Якова Городского, Всеволода Курдюмова. Были рассказы, статьи А. Мариинского и других авторов, а также и моя под названием «Расшевелите театр».

Жили мы тогда скудно и бедно, но интересно и вдохновенно.

Красная Армия, отразив натиск белополяков, перешла в наступление и неудержимо продвигалась на запад. Она уже вступает в пределы Польши. Образован польский ревком в составе Ф. Э. Дзержинского, Ф. Я. Кона, Ю. Ю. Мархлевского. Советский вал катится все ближе и ближе к Варшаве.

Владимир Ильич говорил:

«Если бы Польша стала советской, если бы варшавские рабочие получили помощь от Советской России, которой они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен, и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы. Франция не имела бы тогда буфера, ограждающего Германию от Советской России».

А Германия, которую душил «ростовщический мир, мир мясников», ждала, затаив дыхание, минуты, минуты, когда на ее границах появятся советские войска. И Ленин сказал: «Самые неразвитые слои крестьянского населения Германии заявили, что они стоят за большевиков, что они — их союзники, и это понятно, потому что Советская республика в своей борьбе за существование является единственной силой в мире, которая борется против империализма...»

Никогда не забуду накала чувств и мыслей, какой у нас был тогда. Вот-вот будет прорван последний кордон, отделяющий российский очаг революции от Запада. Советская Польша, а там и Германия, в которой рабочий

класс только что показал свою силу, сокрушив контрреволюционный Капповский мятеж.

Октябрьская революция ворвется в самое сердце капиталистической Европы...

Мы выставляли в нескольких пунктах города большие фанерные плакаты с последними военными известиями.

С часу на час ждали великой вести о падении Варшавы. На щите особенно большого размера мы написали:

«Ура! Варшава наша!»

...История пошла более сложным и трудным путем. Варшава была освобождена от власти помещиков и капиталистов на четверть века позже.

Настала осень 1920 года — недели и месяцы борьбы с Врангелем, которому удалось вылезть из «крымской бутылки» и занять часть Екатеринославщины и Херсонщины. Белые войска дошли до Алешек, маленького городка на берегу Днепра против Херсона. Фронт подступил почти вплотную к Николаеву. Наша агитационная работа стала еще более напряженной и боевой. Приходилось ездить в Херсон инструктировать наших тамошних укростовцев, которые работали буквально под огнем.

В конце октября я упросил губком отправить меня по партмобилизации в распоряжение Политуправления 6-й армии, которая готовилась к решительному наступлению на Крым. За два дня до отъезда меня свалил тиф. И, уже выздоравливающий, я слышал, лежа в постели, как гремели оркестры в честь освобождения Крыма.

2

1922 год. Январь. Сессия ВЦИК.

Мне, участнику Всероссийского съезда журналистов, посчастливилось присутствовать на этой исторической сессии, которая обсудила и решила вопрос об участии Советской республики в Генуэзской конференции.

Заседание происходило в круглом, ныне Свердловском зале бывшего здания судебной палаты в Кремле.

С нетерпением все ждали начала заседания: будет ли Ленин... Вот появился Калинин, за ним члены Президиума ВЦИК.

Ленина не было.

Тревожный гул прошел по рядам. Калинин, видимо, уловил его и сказал, что Владимир Ильич уехал в Горки; состояние его здоровья хорошее, и врачи рекомендовали отдохнуть и набраться сил.

Г. В. Чичерин тихо, но внятно прочитал от имени СНК доклад об участии РСФСР в Генуэзской конференции.

По докладу развернулись оживленные прения. Некоторые члены ВЦИК не согласились с предложением правительства и решительно возражали против посылки в Геную нашей делегации.

— Нам нечего делать в Генуе, среди империалистических заправил, — говорили они.

Другие члены ВЦИК поддержали предложение об участии в конференции.

ВЦИК постановил послать в Геную делегацию во главе с В. И. Лениным, а его заместителем был утвержден Г. В. Чичерин.

Наиболее важным результатом этой первой встречи представителей правительства Советской страны с вождями империалистического мира был договор, заключенный неподалеку от Генуи, в городе Рапалло, между РСФСР и Германией.

По возвращении из Москвы я по партмобилизации был направлен в Красную Армию и назначен начальником агитпропа в Политотделе 15-й Сивашской дивизии, которая стояла в Николаевской губернии.

Незадолго до 1 мая 1922 года я посетил бригаду, расположенную в Вознесенске и вокруг него. В частях происходили предпраздничные митинги с докладами о внешнем и внутреннем положении — они тогда именовались: «РСФСР в капиталистическом окружении». В одном полку, еще не закончившем демобилизацию, митинг был многолюден. Бойцы, в большинстве испытанные участники гражданской войны, особенно внимательно, с большим интересом слушали ту часть доклада, которая была посвящена Генуэзской конференции. Советская делегация, возглавляемая Г. В. Чичериным, твердо противостояла в Генуе нажиму главарей Антанты, и бойцы громкими возгласами одобрения поддержали эту позицию наших дипломатов. А когда я рассказал о том, как Чичерин прорвал единый фронт наших империалистических

врагов, заключив в Рапалло договор с Германией, раздались дружные аплодисменты.

После доклада посыпались записки с вопросами, и их было много, о значении Рапалльского договора. А затем на трибуну вышел красноармеец лет сорока, бывший солдат еще с германской войны, и не очень складными словами выразил очень ясную мысль.

— Я воевал с немцем (примерно так говорил он). Тяжело было, силен он был. Но и он надломился: летом 1917 года, когда мы братались под Ригой, немец тоже клял на чем свет стоит и войну, и кайзера своего и мира ждал... Ну, а что за мир немцу вышел, нам товарищ докладчик хорошо рассказал: капкан или, проще сказать, удавка на шее. Как нам было в Бресте. Так что теперь он нам руку протягивает, помощи просит. Надо помочь! И нам выгода: немца от Антанты к себе перетащить...

Я пересказываю эту речь спустя сорок с лишним лет, по памяти, но, уверен, близко к тому, что говорил тогда этот солдат. Ведь две войны, две революции политически просветили русского мужика так, как не смогли бы никакие университеты, и «простые люди» отлично разбирались даже и в сложных проблемах политики. Они своей кровью участвовали в их решении, а потому и трезво и дельно судили о них.

Ленин уже в 1920 году сказал, что есть сила, разрушающая Версальский грабительский договор, это Советская республика. Окрепнет она, и разлетится Версальский разбойничий «мир». Договор в Рапалло и был одним из сильнейших ударов, и бойцы Красной Армии, с оружием в руках сокрушившие натиск Антанты, эти народные политики отлично понимали и одобряли смелые, дальновидные шаги ленинской дипломатии.

3

1923 год. Киев. Редакция газеты Украинского военного округа «Красная Армия».

В Германии из месяца в месяц нарастает новая революционная ситуация. Французская оккупация Рура. Небывалая инфляция — стоимость марки падает каждый час, и коробка спичек стоит сто миллионов, двести, три-

ста... Экономический хаос в стране. Возбуждение в самых широких массах населения. Голод. Нищета.

Бойцы и командиры Красной Армии с особым напряжением следят за тем, что происходит в Германии. Вот-вот революция победит. И позовет на помощь советских братьев. Каждому хочется быть в рядах тех, кто понесет эту помощь на Запад. А мы, политработники и особенно военные журналисты, обязаны толково, ясно, своевременно рассказывать о событиях нашим воинам.

11 января 1923 года французские и бельгийские войска оккупировали Рейнскую и Рурскую области. Пуанкаре хотел еще туже затянуть петлю на шее побежденной Германии.

13 января 1923 года Центральный Исполнительный Комитет за подписью М. И. Калинина опубликовал воззвание к «народам всего мира».

«В эти решающие дни рабоче-крестьянская Россия снова подымает голос негодующего протеста против безумной политики империалистической Франции и ее союзниц. Снова и с особой энергией она протестует против подавления права германского народа на самоопределение. Снова и с особой энергией предостерегает она народы мира от нависшей над Европой угрозы кровопролитий».

И тогда же появилось в газетах воззвание Центрального Комитета КПГ к немецкому рабочему классу, ко всем трудящимся. Партия призывала создать единый фронт для борьбы и против иноземных оккупантов и против германской реакции.

Но правительство Германии, ее буржуазия боялись не столько внешнего врага, сколько внутреннего.

Правые лидеры социал-демократии и слышать не хотели о действительно народной массовой борьбе. Они отклонили призыв коммунистов к единому фронту и поддержали решение правительства ограничиться пассивным сопротивлением оккупантам: не выполнять поставок угля и стали Франции и Бельгии, не подчиняться приказам военного командования. Негласно было дано указание националистическим реакционным организациям осуществлять диверсионные акты, взрывать мосты, портить дороги, поджигать склады.

Политическое положение в Германии обострялось с каждым днем.

В Рейнской области правые политики во главе с обер-бургомистром Кельна Аденауэром подготовляют отделение от Германии и создание самостоятельной Рейнской республики под эгидой Франции.

В другом конце Германии, в Баварии, тамошние сепаратисты объявляют о неподчинении берлинскому правительству и ставят во главе Баварии «государственного комиссара», отъявленного реакционера Кара.

В Берлине срочно созывается заседание правительства, на которое приглашается командующий рейхсвером генерал Ганс фон Сект.

В библиотеку имперской канцелярии прибывают министры, кто не брит, кто без галстука... Все очень напуганы. Президент Эберт, председательствующий, и рейхсканцлер Штреземан чрезвычайно нервничают. У всех на уме один вопрос: как поведет себя армия?

А Секта все нет... Наконец открывается дверь, и появляется безупречная с головы до ног фигура главы рейхсвера. С холодным, бесстрастным выражением лица, с моноклем в глазу, он кланяется и садится за стол.

Эберт задает ему вопрос:

— Будет ли рейхсвер стоять за нами, господин генерал?

И немедленно следует ставший историческим холодный ответ:

— Рейхсвер стоит за мной, господин президент!

Коротко и ясно: армия повинуется ему, Секту, а будет ли он стоять за правительство, зависит от самого правительства.

И Эберт, социал-демократ, и Штреземан, монархист и националист, быстро оценили реальное положение. Правительство принимает единогласное решение: на основании параграфа 48 Конституции ввести в стране чрезвычайное положение, приостановить действие статей о гражданских правах и передать полноту власти военному министру.

А военный министр, штатский человек Гесслер, под предлогом болезни передает эту чрезвычайную, неограниченную власть командующему рейхсвером генералу Секту.

О генерал-полковнике фон Секте многое мне рассказал осенью 1923 года Иона Эммануилович Якир.

После расформирования Киевского военного округа, которым он командовал, был создан особый Киевский укрепленный район (недолго просуществовавший), и его начальником был назначен Якир.

Якиру было тогда только 27 лет, но за его спиной уже были славные воинские дела. Он возглавлял в 1919 году труднейший отход Южной группы войск от занятой белыми Одессы на север. Отступление прошло удачно, Южная группа подошла к Киеву и в январе 1920 года освободила столицу Украины. После этого Якир громил белополяков, а затем ликвидировал петлюровские банды.

С личной отвагой, которая увлекала за собой бойцов в атаку, он сочетал природный дар полководца. Студент-еврей, он не имел никакого военного образования и опыта, когда ему пришлось стать боевым командиром. Но такова природа революции: она мгновенно «высвечивает» в человеке его внутренние, даже ему самому неизвестные силы и способности, ставит его на то место, где он нужен и где способен творить чудеса.

Якир был на редкость обаятелен в личном общении; его подлинная интеллигентность и культурность соединялись с революционной твердостью и партийной принципиальностью.

Он нарисовал мне портрет Секта, выходца из старинного рода померанского юнкерства, сына генерала времен Мольтке и Бисмарка. Начав в 19 лет службу в кайзеровской гвардии, Сект в 1899 году был переведен в генеральный штаб.

Свои стратегические способности он проявил весной 1915 года: как начальник штаба 11-й германской армии Макензена он разработал и осуществил план прорыва русского фронта у Горлицы. Русские армии, почти безоружные (по вине бездарного и преступного царского военного руководства), были разбиты, немцы овладели Польшей, частью Белоруссии, Галицией и частью Украины.

В конце 1918 — начале 1919 года Эберт и Гренер поручили Секту осуществить отвод немецких войск из оккупированных территорий России. А затем он был назначен «начальником Управления сухопутных войск», то есть командующим рейхсвера.

Делая вид, что он соблюдает ограничения Версаль-

ского договора, Сект построил рейхсвер так, чтобы в нужный момент можно было 7 пехотных и 2 кавалерийских дивизии развернуть в массовую армию. Солдаты рейхсвера, обязанные служить 12 лет, подготовляются как унтер-офицеры и офицеры будущей армии. Сект придает огромное значение сохранению и передаче новым поколениям «великих традиций» Фридриха, Мольтке, мировой войны.

Таков Сект-военный, но он и серьезный политик. Монархист, враг революции и республики, он не скрывает, что служит «империи», как вечной сущности Германии, и защищает республиканское правительство только как переходную форму, как оплот против рабочей, большевистской революции.

— Его называют «Сфинксом» за его вечную ироническую улыбку, за умение скрывать свои замыслы даже от ближайших сотрудников, за необычные для прусско-германского генерала черты характера. Он любит музыку и живопись и неплохо разбирается в них; любит женщин и, говорят в Берлине, неплохо разбирается и в них; любит и хорошо чувствует природу. Но превыше всего он ставит армию.

Примерно так говорил И. Э. Якир о Секте.

Спустя десять лет в вышедшей в 1933 году книге «Рейхсвер» Сект мог открыто сказать, что его «первой задачей было даже при соблюдении версальских ограничений обезвредить содержащийся в них яд».

Сект позаботился и о том, чтобы в Германии — вопреки условиям Версальского договора — продолжалось изготовление оружия и чтобы промышленность была наготове приступить к его массовому производству. Так, в ноябре 1925 года Сект совершил инспекционную поездку по Рурской области. В первую очередь он посетил крупповские заводы в Эссене. После осмотра заводских цехов в дирекции состоялось совещание Секта с руководителями концерна. Обсуждались проблемы восстановления частей завода, уничтоженных по требованию Международной контрольной комиссии, и подготовки к тайному выпуску тяжелых орудий и танков. Вернувшись в Берлин, Сект обратился к Густаву Круппу фон Болен унд Гольбаху с письмом, в котором сердечно благодарил за любезный прием на вилле Хюгель. «Я льщу себя надеждой,

что мое посещение не только дало мне возможность ознакомиться с условиями промышленности и экономики, но хотя бы в малой степени позволило содействовать будущей совместной работе и взаимопониманию. Особенно ценно было для меня, что в последний вечер моего пребывания на вилле Хюгель я имел возможность развить свои взгляды и надежды о будущем развитии наших вооруженных сил и получить сведения о возможностях промышленности».

В этих беседах и совещаниях главы германской армии с главой германской военной промышленности проявилось тесное сотрудничество обеих частей того военно-промышленного комплекса, который после поражения в первой мировой войне сразу же начал готовиться к реваншу в новой войне.

4

Немецкие коммунисты, а их было более 400 тысяч, считали осенью 1923 года, что настает последний, решительный час — час вооруженного восстания и захвата власти. Но в руководстве Коммунистической партии не было единства. Революционное крыло во главе с Эрнстом Тельманом, Кларой Цеткин, Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом противостояло тогдашним оппортунистическим руководителям ЦК Брандлеру, Тальгеймеру и их единомышленникам. Брандлеровцы проповедовали «мирный путь» превращения буржуазно-демократической республики в республику рабочих и крестьян.

В конце августа Тельман потребовал от ЦК начать подготовку к вооруженной борьбе за власть.

Брандлер и его группа отвергли требование революционного крыла ЦК. Брандлер угрожал Тельману:

— Если немедленно не прекратите разговора о диктатуре, вы будете исключены из рядов партии.

«Теперь с каждой минутой становилось яснее, что мирное решение больше невозможно. Беспощадная насильственная борьба между двумя классами становилась неизбежной» — так характеризовал положение Э. Тельман.

В эти напряженные дни Советское правительство предприняло важную дипломатическую акцию.

«Наступление мировой реакции и открытие военных действий в Германии было бы первым шагом к новому наступлению ее на нас», — говорил Г. В. Чичерин. Поэтому Советское правительство направило представителя в Варшаву, Ригу и Ковно с предложением заключить соглашение о невмешательстве в германские дела и обеспечить «транзит из СССР в третьи государства при любых политических условиях».

Смысл этой гибкой формулировки был очевиден: Советский Союз хотел обеспечить возможность помощи революционной Германии.

Мы, военные журналисты, жили как в лихорадке... Каждый час мы ждали с замиранием сердца великой вести: началось!

Под давлением широких масс партии, по настоянию Э. Тельмана и других представителей революционного крыла в ЦК был создан Военный совет, и ему было поручено вооружить рабочих, организовать боевые дружины, вести подготовку к вооруженной борьбе за власть.

Был выработан конкретный план подготовки и проведения восстания. В Саксонии и в Тюрингии коммунисты с левыми социал-демократами образуют правительства и используют их для вооружения рабочих. Восстание начинается в Саксонии, и здесь создается заслон от контрреволюционных сил в Баварии. Гамбург должен быть опорным пунктом восстания; выступление гамбургских рабочих отвлечет силы правительства из Берлина, и тогда в центре страны развернутся операции для захвата власти.

В плане, однако, не было оценено значение Рура и Рейнской области как важнейшего очага восстания.

В Дрездене разместилась оперативная группа ЦК для руководства восстанием под кодовым именем «Копф». Она назначила на 23 октября вооруженное выступление в Гамбурге, которое будет сигналом для начала действий во всей стране.

В Гамбург к Тельману был послан курьер с директивой действовать.

На общегерманской конференции фабзавкомов в Хемнице большинство делегатов, настроенных революционно, требовало объявить всеобщую забастовку как сигнал к началу общегерманского восстания. Так как социал-демократы были против забастовки, то Брандлер, не сове-

туясь с комфракцией конференции, снял предложение о забастовке. А по окончании конференции он собрал представителей организаций КПГ и заявил, что восстание «откладывается». Был послан второй курьер в Гамбург, но он опоздал.

Гамбургские рабочие выполнили свой долг. Три дня, с 23 по 25 октября, шла в Гамбурге вооруженная борьба пролетариата с частями рейхсвера и полиции.

Так как никто не поддержал Гамбурга, руководители восстания приняли решение прекратить борьбу 25 октября.

В то время как оппортунисты Брандлер, Тальгеймер и их соратники маневрировали, Сект действовал. Он приказал командующему войсками военного округа в Саксонии генералу Мюллеру воспрепятствовать вооружению рабочих, занять все важные в военном отношении пункты.

Части рейхсвера вступили в Саксонию и Тюрингию. Генерал Мюллер разогнал рабочие правительства этих земель.

А рабочие массы и их коммунистический авангард были парализованы предательской тактикой Брандлера и К⁰.

Революция, имевшая объективные шансы на победу, была подавлена в зародыше — по вине правых лидеров ЦК КПГ и действовавших с ними заодно троцкистов.

У каждого из тех, кто, как я, был сознательным современником тогдашних событий, кто, в той или иной форме, в большей или меньшей степени, участвовал в активной политической деятельности, навеки, до конца жизни, осталась в душе неизгладимая горечь: так реален, так близок, мы видели, мы верили, был коренной перелом в истории, и он не произошел.

5

Отголоски революционной бури — рабочие демонстрации, забастовки, столкновения с полицией — еще гремели во многих местах Германии, когда революционную трагедию сменил контрреволюционный фарс.

Придя в редакцию «Красной Армии» в первый день после Октябрьских торжеств, я нашел среди телеграмм

сообщения о попытке фашистского переворота в Мюнхене.

О Гитлере мы тогда не знали ничего, и появление этого имени было неожиданным. Теперь-то мы знаем, что с первых дней своей политической карьеры Гитлер мечтал о контрреволюционной диктатуре — разумеется, под его главенством.

Выходец из мелкобуржуазной среды, несостоявшийся живописец и архитектор, натерпевшийся материальных невзгод в свои молодые годы; затем солдат германской армии на Западном фронте, дослужившийся до ефрейтора и заработавший Железный крест, тридцатилетний Адольф Гитлер очутился в начале 1919 года в Мюнхене — без профессии, без средств к существованию, без сколько-нибудь обнадеживающего будущего.

Мюнхен был очень «горячим пунктом» в бурлившей Германии. В рабочей среде преобладали революционные устремления, которые и привели в марте 1919 года к созданию Баварской советской республики.

В командующих классах (буржуазия, помещики), в среде зажиточного крестьянства сильны были сепаратистские и монархические тенденции: они хотели отделиться от «зараженной революцией» Германии и устроиться в своей богобоязненной, порядочной Баварии.

Мюнхен был переполнен уволенными из армии солдатами и офицерами, которые в этой смутной, сложной обстановке быстро превращались в ландскнехтов, готовых продавать военные знания и опыт тому, кто больше заплатит...

По подсчетам В. Мазера, автора книги «Ранняя история НСДАП», в Мюнхене в 1919 году существовало 49 военных, полувоенных, гражданских организаций, враждебно настроенных по отношению к революции, к Берлину как ее очагу, к рабочим.

Одной из 49 была Германская рабочая партия (ДАП), основанная слесарем Антоном Дрекслером при содействии «Общества Туле».

Туле — страна, упоминаемая в древнеримских географических источниках. Ее открыл в 300 году до н. э. грек Питеас во время путешествия к северу от Британских островов, — быть может, это была Исландия. Она считалась у древних самой крайней точкой Земли.

«Общество Туле» было баварским филиалом крайне реакционного и милитаристского «Германского ордена», учрежденного Рудольфом фон Зеботтендорфом.

Его настоящее имя — Эрвин Торре, родился он в 1875 году в Саксонии. В начале века молодой саксонец очутился на Ближнем Востоке и там был усыновлен бароном Зеботтендорфом. Во время Балканских войн он возглавлял общество «Красный полумесяц» в Турции и, несомненно, был прикосновенен к германской разведке. В 1917 году новоиспеченный барон вернулся в Германию со значительными суммами денег «из неизвестных источников». Когда Германия потерпела поражение и погрузилась в пучину политических и социальных катаклизмов, авантюрист избрал полем своей деятельности Мюнхен. Он учреждал различные контрреволюционные организации, через «Общество Туле» снабжал их деньгами, направлял их деятельность.

При посредстве журналиста Карла Хорнера Зеботтендорф отыскал безвестного железнодорожного слесаря Антона Дрекслера и помог ему сколотить из 25 человек «Германскую рабочую партию». Она на деньги «Общества Туле» публиковала листовки и воззвания против марксистов, революционеров, евреев, за «истинный рабочий немецкий социализм». Но в общем она влачила жалкое существование.

Гитлер по прибытии в Мюнхен был прикомандирован к одному из находившихся там полков и обратил на себя внимание начальства своими выступлениями перед солдатами — с нападками на «революционеров-изменников», с призывами к восстановлению чести и силы Германии. Майор Майр послал его на «политические курсы» для военнослужащих, где он показал себя умелым пропагандистом-демагогом. Майор включил его в «просветительную команду», которая в специальном лагере обрабатывала демобилизованных в духе реваншизма и непримиримой вражды к республике, демократии, социализму. Здесь также Гитлер отличился, был сделан «доверенным» отдела разведки и пропаганды при штабе баварского рейхсвера (отдел I в/Р).

В таком качестве Гитлер и был послан 12 сентября 1919 года на собрание ДАП, чтобы разузнать, что это такое.

На собрании было 46 человек: 1 врач, 1 химик, 2 владельца мелких предприятий, 2 купца, 2 банковских чиновника, маляр, 2 инженера, 1 писатель, дочь судьи, 6 солдат, 5 студентов и 16 ремесленников (профессия остальных неизвестна).

Неудивительно, что на собрании «рабочей партии» не было рабочих: Дрекслер в «Руководящих линиях Германской рабочей партии» утверждал, что «между рабочими и пролетариями должна быть проведена резкая разграничительная черта», и себя он причислял не к нечестивым пролетариям, а к «облагороженным немецким рабочим».

Гитлер произнес горячую демагогическую речь. Дрекслеру она понравилась, и он вручил Гитлеру свою брошюру «Мое политическое пробуждение. Из дневника немецкого социалистического рабочего».

Через несколько дней Дрекслер послал Гитлеру приглашение на заседание «правления ДАП». Гитлер, представивший в отдел разведки отчет о посещении собрания, отправился 16 сентября в трактир «Альтер Розенблад» и был по предложению Дрекслера избран седьмым членом правления ДАП.

Так возникла легенда, что Гитлер был седьмым членом этой партии. На деле же он был занесен в списки членов ДАП под номером 5—55, то есть был пятьдесят пятым членом ДАП.

В партии он быстро завоевал первенствующее положение при деятельной помощи рейхсвера в лице капитана Рема. Рем с ним познакомился, вероятно, в контрреволюционном объединении офицеров «Железный кулак». Они пришлись, как говорится, по душе друг другу. Рем также вступил в ДАП и начал формировать «штурмовые отряды», как ударную силу партии, призванную «завоевать улицу».

Вскоре после вступления Гитлера в ДАП партия была переименована в «Национал-социалистскую германскую рабочую партию» (НСДАП), и он занял в ней руководящее место, оттеснив на задний план Дрекслера. Решающий шаг к подчинению партии Гитлер совершил летом 1921 года. Предварительно он съездил в Берлин, вступил в контакт с представителями прусской аристократии и монополистической верхушки. Эти «важные господа» уви-

дели в Гитлере такого человека, какой был им нужен, пообещали ему финансовую и политическую поддержку.

Окрылённый Гитлер вернулся в Мюнхен и заявил о выходе из партии, а условия своего возвращения изложил в ультиматуме: «немедленный в течение восьми дней созыв чрезвычайного собрания партии, нынешнее правление партии подает в отставку, а при выборах нового я требую для себя пост председателя с диктаторскими полномочиями»... Так прямо и было сказано.

Ультиматум был принят, и 29 июля 1921 года на собрании 544 членов мюнхенской группы НСДАП (всего в партии в то время было 3 тысячи человек) Гитлер был избран председателем с диктаторскими полномочиями.

6

Теперь вернемся к «пивному путчу» 9 ноября 1923 года.

Государственный комиссар Баварии Кар, командующий войсками VII военного округа Лоссов и начальник полиции Мюнхена Зайссер подготовили вооруженное выступление против центрального правительства в Берлине. На 8 ноября — пятую годовщину германской революции — они назначили собрание в «Бюргербройкеллер», чтобы призвать к походу на Берлин.

Гитлер на собрание не был приглашен. Приказав отрядам штурмовиков окружить «Бюргербройкеллер», а у входа поставить пулемет, Гитлер в сопровождении Гесса и нескольких штурмовиков ворвался в зал, когда Кар произносил речь об уничтожении марксистского господства и создании национальной власти.

Гитлер направился к Кару, но был остановлен полицейским офицером. Пригрозив ему револьвером, Гитлер вскочил на стол, выстрелил в потолок... Кар прервал свою речь. Гитлер закричал:

— Национальная революция началась. Баварское и имперское правительства смещены. Создается временное правительство. Казармы рейхсвера и полиции заняты, и войска и полицейские части встали под знамена со свастикой.

Гитлер приказал Кару, Лоссову и Зайссеру следовать за ним в соседнюю комнату. Там он назначил Кара пра-

вителем Баварии, Лоссова военным министром Германии, Людендорфа верховным главнокомандующим, а себя, конечно, рейхсканцлером.

Кар, Лоссов, Зайссер, никак не ожидавшие такого поворота событий, видя, что они во власти Гитлера, приняли все его требования, и Гитлер разрешил им удалиться. Он назначил на 9 ноября в ознаменование «национальной революции» торжественное шествие штурмовиков, членов своей партии, всех сторонников «революции» к Галерее полководцев.

Но утром 9 ноября по Мюнхену были расклеены плакаты, извещавшие, что Кар, Лоссов и Зайссер объявляют недействительным то, что им под угрозой оружия навязал Гитлер. У Галереи полководцев были размещены полицейские части с пулеметами.

Когда нацистское шествие, с Гитлером и Людендорфом во главе, поравнялось с Галереей, полиция открыла огонь. Гитлер был ранен, шедший рядом с ним его главный политический советник Шейбнер-Рихтер был убит. На месте остались еще 15 «героев национальной революции». Людендорф был невредим.

Колонны демонстрантов пустились наутек. Геринг скрылся за границу. Гитлер бежал в автомобиле в соседний городок и там был 11 ноября арестован, а затем предан суду. Но судил его не Верховный суд Германии, а баварский специальный суд. Так было безопаснее для Секта, для Эберта, для всего германского правительства.

Гитлер вел себя на суде вызывающе... Он кричал, что предпринятая им «национальная революция» ни в коем случае не была направлена против армии. Наоборот, подчеркивал он, цели его партии одинаковы с целями армии.

Свое последнее слово Гитлер закончил так:

«Когда я узнал, что стреляла полиция, я был счастлив: по крайней мере, не рейхсвер себя замарал. Он остается теперь таким же незапятнанным, каким был раньше. И настанет час, когда на нашей стороне встанет рейхсвер, его офицеры и солдаты... И именно в эти дни я имею гордую надежду, что настанет час, когда эти дикие толпы обратятся в батальоны, батальоны в полки, полки в дивизии, старая кокарда будет извлечена из грязи, старые знамена вновь будут реять. А вы можете ты-

сячу раз признать нас виновными, но богиня высшего суда — история со смехом отвергнет обвинение и приговор, ибо она оправдает нас».

Было совершенно ясно, что Гитлер через головы судей обращался к военной верхушке Германии, призывая ее не отвергать сотрудничества с «национал-социализмом», а видеть в нем свою опору. Милостивый приговор суда[1] с несомненностью свидетельствовал, что расчеты Гитлера были верны: армия не «списывала его со счета». И через 10 лет союз нацизма и военщины осуществился...

Интересные факты я узнал в мае 1924 года. Политуправление Красной Армии провело в Москве совещание работников военной печати. По окончании совещания редакция центрального военного органа, газеты «Красная звезда», пригласила на дружескую встречу редакторов окружных газет. И там кто-то из журналистов, бывший в Германии осенью 1923 года, рассказал, что Сект плел сложную интригу. Еще до введения чрезвычайного положения и передачи ему всей полноты власти глава рейхсвера подумывал о замене правительства, ответственного перед парламентом, директорией с полномочиями военной диктатуры. Такие же планы выдвигались и лидерами тяжелой промышленности, всемогущим главой гигантского концерна Стиннесом, бывшим генеральным директором у Круппа Гугенбергом, а также и председателем Пангерманского союза Классом. В Берлине в политических и журналистских кругах знали о тайных переговорах Секта как с представителями берлинских сторонников диктатуры, так и с мюнхенцами (Каром, Лоссовом, Зайссером). Летом генеральный директор Стиннеса Минц вел с Сектом переговоры о необходимости диктатуры. При посредничестве Стиннеса состоялась встреча Секта с Людендорфом.

Они предлагали главе рейхсвера, обладающему всей полнотой власти, сделать еще один, заключительный шаг — создать директорию. Но Сект медлил, хитрил, вы-

[1] Людендорф был оправдан, Гитлер приговорен к наименьшему наказанию по обвиненною в измене — к 5 годам тюрьмы, с тем что по истечении 6 месяцев он может быть условно освобожден. Так и произошло — Гитлер в конце 1924 года был выпущен из тюрьмы в Ландсберге, где он написал первую часть «Майн кампф».

жидал. Ему очень улыбалось — упрочить свое положение диктатора, произвести государственный переворот и возглавить директорию. Но он боялся сопротивления масс.

Неподчинение Лоссова приказу о смещении с поста командующего VII военным округом, приведение войск округа к присяге баварскому правительству Сект воспринял как бунт внутри рейхсвера, как подрыв дисциплины и неповиновение ему лично. Поэтому он «списал Кара со счета» и не поддержал его планов. Однако же Сект и не двинул войск рейхсвера против путчистов, а после подавления путча не принял никаких мер для ликвидации мюнхенского очага заговоров и мятежей — хотя имел право для таких действий.

7

В начале лета 1925 года я отправился во 2-й конный корпус, которым командовал Г. И. Котовский, на конференцию читателей и корреспондентов «Красной Армии». В конференции принял участие и Котовский. С ним у нашей редакции были давние дружеские отношения. Григорий Иванович ценил работу газеты как воспитателя бойцов Красной Армии, охотно выполняя просьбы редакции.

Конникам, стоявшим на рубежах страны, я подробно рассказал о важнейшем факте в международных отношениях — о переговорах между Германией и западными державами относительно заключения между ними гарантийного пакта. Они были начаты в январе 1925 года, когда Штреземан, министр иностранных дел, обратился в Лондон и Париж с меморандумом, в котором предлагал от имени Германии подписать договор, гарантирующий безопасность и мир на Рейне — на границах Германии и Франции.

Стала известна секретная записка британского премьер-министра Остина Чемберлена, в которой говорилось «о грозовой туче, нависшей над восточным горизонтом Европы», и о необходимости «определить политику безопасности вопреки России» — с помощью Германии, которая «рано или поздно вновь обратится в значительную военную величину». Рассказал я и о статье известного ан-

глийского специалиста по внешней политике, пользовавшегося псевдонимом «Авгур».

Этот осведомленный журналист писал в «Таймс»:

«Совершенно ясно, что Европа должна разрешить проблему стабильности и безопасности без участия России. Быть может, уже недалеко то время, когда глухая угроза, создаваемая самим фактом существования Советской России, приведет к осуществлению совместной европейской политики безопасности».

Привел я и некоторые откровенные заявления французских газет. Так, рупор министерства иностранных дел «Тан» разъяснял:

«Любая европейская группировка, даже если она создана с самыми чистыми намерениями, с точно определенными и строго ограниченными целями, по логике вещей обратится против советской политики».

Исходя из этого, газета обращалась к Германии с советом, звучавшим как требование:

«Для Германии наступило время выбирать между германо-русским блоком и европейским блоком, к которому Германию влекут ее традиционные тенденции и сила ее консерватизма».

Советская дипломатия не оставалась пассивной наблюдательницей событий. 8 апреля 1925 года Чичерин в беседе с германским послом в Москве Брокдорфом-Ранцау заявил, что «основной смысл нынешнего маневра Англии заключается в том, чтобы оторвать Германию» от Советской России. Это не сулило Германии ничего хорошего. «Мы уверены, — подчеркнул Г. В. Чичерин, — что Германия на этом новом пути разочаруется».

После моего доклада посыпались вопросы, а затем разгорелись прения:

— Кто истинный друг Германии? Тот, кто навязал ей Версальский гнусный договор, или тот, кто осудил его?

— Почему Штреземан продается Чемберлену и Бриану? Чего он добивается?

Взял слово и Григорий Иванович Котовский:

— Кто хочет сидеть меж двух стульев, тому крепкий зад нужен, чтобы не разбиться, ежели шлепнется.

Так он начал под общий хохот и аплодисменты свою, как обычно, яркую и умную речь.

Котовский всегда поражал проницательностью, тонкостью и точностью суждений.

Он был не только храбрый воин, но и хороший политик.

Так и на этот раз он просто и точно говорил о самой сути:

— Мы знаем завет Ленина: немецкий рабочий, немецкий крестьянин нам братья, и мы от них никогда не отвернемся. А ежели их заправилы перестанут понимать, что Советский Союз — верный друг Германии, и будут поворачиваться к нам спиной — что ж! Мы будем глядеть в оба... И мы знаем, на что нам даны кони и клинки...

По окончании конференции Котовский вместе со мной поехал в Киев. Всю ночь в вагоне мы проговорили — о прошлом, о настоящем, о будущем. Да, именно так получилось, что говорили «в трех временах»! Григорий Иванович вспоминал боевые дни и ночи гражданской войны, говорил о состоянии корпуса, но более всего о том времени, когда осуществится его заветная мечта — его родная Бессарабия освободится от власти румынских помещиков.

— Если я один переплыву Днестр и выйду на тот берег, вся Бессарабия поднимется и пойдет за мной!

И это не было хвастовством! Мы отлично знали, как трепещут при одном упоминании имени Котовского и помещики, и полиция, и сигуранца (контрразведка). Котовский был национальным героем Молдавии. Враги это тоже хорошо знали и сделали свой вывод.

Прошло почти 45 лет, а я помню отлично и нашу всенощную беседу, и последнюю встречу в Киеве. Мы оба были в театре на гастрольном спектакле, кажется, вахтанговцев. Григорий Иванович сидел в партере впереди меня, а предо мною был его крепкий, крутой затылок, его бритая большая голова... После спектакля мы простились, так как наутро я уезжал в Харьков. Спустя недели две или три в Кисловодске, где я лечился, я утром в парке купил «Правду», развернул ее и не поверил своим глазам: Котовский предательски убит...

ВПЕРВЫЕ В ГЕРМАНИИ

1

Познакомиться с Германией непосредственно удалось только в 1928 году.

Организовать советский отдел на Всемирной выставке «Пресса» в Кельне было поручено мне как главному редактору и Эль-Лисицкому как главному художнику.

Талантливый художник Л. А. Лисицкий (Эль-Лисицкий — его псевдоним) хорошо знал Германию, в которой жил в начале 20-х годов. Близкий к немецким экспрессионистам, он владел даром острой выразительности — в графике, в изобразительных конструкциях, в плакате. К сожалению, туберкулез рано унес этого обаятельного и скромного человека... Памятником ему служит изданная в ГДР большая монография с репродукциями его работ.

В Берлин мы приехали в конце января 1928 года. Было воскресенье. Магазины были закрыты, уличное движение незначительно.

Над перекрестками висели светофоры, их огоньки непрерывно сменялись. Это было новое для москвича зрелище.

На крыше большого здания на углу Фридрихштрассе и Унтер-ден-Линден светилась огромная неоновая надпись: «...Aber Odol ist besser» («...Но Одоль лучше»).

Я запомнил и как сейчас вижу ее, потому что меня поразил необычный метод рекламы. Она, как говорится, брала быка за рога: мы не отрицаем, что и изделия других фирм хороши, но наш «Одоль» лучше... Мнимая объективность призвана была сразу же подкупить потребителя, внушить ему доверие к фирме.

На Лейпцигерштрассе, на Потсдамерплац, на Кюрфюрстендамм многие старые дома меняли свое обличье: их стены обкладывались разноцветными плитками, металлическими полосами. Зданиям придавался модный внешний вид, но они оставались старыми, угрюмыми берлинскими домами.

Страна великих поэтов и ученых, но и страна прусского юнкерства, страна высокой культуры, но и разнузданного милитаризма — за блестящим фасадом экономи-

ческого расцвета и республиканского строя скрывала огромную сложность и противоречивость социальной, политической, культурной жизни. Пожалуй, об этом лучше всего сказать словами немецкого публициста Себастиана Хафнера из книги «Германия: Джекилл и Гайд».

«Это была демократическая республика, но все еще называвшая себя «Германской империей»; исполненная гнева против милитаристских и империалистических искусителей, но отказывающаяся выдать их для суда; испытывающая угрызения совести, но протестующая против «лжи о военной вине», пацифистская, но тайно перевооружавшаяся».

Карл Дуисберг, глава химического гиганта «И. Г. Фарбениндустри», точно сформулировал главный результат социально-политической бури, пронесшейся над страной после военного разгрома 1918 года:

«Кайзер и юнкеры потерпели поражение, но немецкая промышленность выиграла. Наше положение теперь лучше, чем когда-либо».

«Капитаны индустрии» — Крупп и Тиссен, Вольф и Стиннес, Флик и Кирдорф, тот же Дуисберг и Ганиель, Шредер и Рехлинг — желали «переиграть» проигранную войну и осуществить обширные захватнические планы германского империализма.

Казалось бы, Германия должна возместить пострадавшим странам причиненные ею убытки. Но получилось наоборот: в германскую экономику непрерывным потоком вливались миллионы и миллионы долларов. Этот золотой дождь из сейфов заокеанских монополий совершил экономическое чудо: Германия развивалась быстрее своих победителей.

Помню, как поразило газетное сообщенис об учреждении «Союза для обновления Империи». И поразило даже не столько то, что его учредители требовали решительного пересмотра конституции, сколько состав учредителей. Бывшие канцлеры 20-х годов Куно и Лютер, генерал Гренер и кельнский обер-бургомистр Аденауэр объединились с социал-демократом Носке... Кровавый палач революции, видимо, не довольствовался той «работой», которую совершил в 1918 и 1919 годах, и хотел завершить ее полным удушением Веймарской конституции.

2

Помог мне разобраться в том, что происходит в Германии, замечательный публицист, называвший себя «неистовым репортером», талантливый писатель и революционер-коммунист Эгон Эрвин Киш.

Начну рассказ о нашей встрече издалека.

В Берлине я ходил обедать в ресторан «Медведь». Его содержала артель бывших гвардейских русских офицеров.

Привлекала туда не только хорошая русская кухня, но и, признаюсь в этом, острое ощущение: гвардейцы с блестящей выправкой и тонкими, холеными лицами, но в официантских фраках подавали молодому большевику из Москвы. Отлично понимая, откуда я, а значит, и кто я, эти офицеры с низким поклоном принимали чаевые. А я нарочно давал им не 10 процентов, как положено было в немецких ресторанах, но вдвое больше, и они брали.

Однажды я увидел за столиком недалеко от себя человека в коричневой нацистской форме, но не юнцаштурмовика, а солидного господина лет сорока, типичного благополучного немецкого бюргера. С ним были двое таких же вполне буржуазных господ в штатском платье. Четвертый участник этой компании обращал на себя внимание великолепной военной выправкой, пышными усами и бакенбардами и еще тем, что офицеры и официанты обращались к нему по-русски и называли «ваше превосходительство». Это, очевидно, был бывший русский генерал, и он имел дела с нацистами.

И тогда я вспомнил происходивший годом ранее в Москве процесс белогвардейского шпиона, бывшего поручика Дружиловского, которого заслали к нам из Германии обосновавшиеся там белогвардейские центры. Дружиловский на суде рассказал и о связях этих центров с германскими экстремистскими организациями, в их числе и с национал-социалистами.

Я поделился впечатлением от этой сценки в ресторане с Эгоном Эрвином Кишем.

Он жил в новом районе, застроенном ровными рядами комфортабельных домов, похожих друг на друга, как солдаты в строю.

Все стены его квартиры — в книжных полках. На них коллекции книг по самым неожиданным вопросам: полка, посвященная истории проституции с древнейших времен до наших дней, полка книг выдающихся публицистов и журналистов всех стран и времен. Киш незадолго до этого выпустил антологию под названием «Классическая журналистика» — собрание статей, фельетонов, критических работ о театре, музыке, литературе — Лютера и Бонапарта, Марата и Маркса, Гюго и Диккенса и других выдающихся людей... Книгу эту Киш вручил мне с дружеской надписью.

Когда я ему рассказал о встрече бывшего русского генерала с нацистом в ресторане, Киш не удивился:

— А разве вы не знаете, что ваши «бывшие» давно и тесно связаны с нашими «бывшими»? Нет, вернее будет сказать, что с нашими будущими. Большой «друг» Советской страны генерал Гофман — тот самый герой Бреста — в прошлом году умер, запутавшись в темных махинациях с фальшивыми червонцами. Красивая была бы картина: на скамье подсудимых рядышком немецкие уголовники, кайзеровский генерал, русские белогвардейцы. Гофман умер, но друзья его живы. Теперь на первый план выходят люди в коричневом... Что вы знаете о Гитлере? — спросил он вдруг меня.

Я признался, что знаю немного: «пивной путч» в Мюнхене в 1923 году, потом процесс, тюрьма.

— Ну, в тюрьме он сидел недолго, — прервал меня Киш. — Но успел там целую книгу написать.

Киш подошел к полкам, взял книгу и протянул мне.

— «Майн кампф», — прочитал я на обложке.

— Вот эта книга наделает много беды, — сказал Киш, подбрасывая ее в воздух. — Вы, наверное, уже видели замечательный фильм Чаплина «Цирк»?

Я как раз накануне был на премьере фильма. Чаплин в нем воистину гениален. И сегодня отлично помню это повествование о маленьком человеке, который в поисках куска хлеба попадает в бродячий цирк, влюбляется в дочь директора, разумеется без всяких надежд на успех. Соперник — сильный, ловкий акробат — вталкивает Чаплина в клетку со львами. Описать невозможно, нужно видеть, что происходит с Чаплином. К счастью, любимая им девушка вовремя выпускает его из клетки. И еще

один поразительный эпизод. Чаплину нужно чем-нибудь оправдать свое пребывание в цирке. Директор предлагает ему ходить по проволоке. К поясу его прикрепляют страховочный канат, конец которого держат за кулисами.

Чаплин смело идет по проволоке. По знаку директора за кулисами канат отпускается. Но Чаплин, этого не видя, продолжает смело идти. И в эту минуту его соперник-акробат хватает отпущенный конец и показывает Чаплину. Молниеносная перемена. Чаплин дрожит, беспомощно балансирует руками, старается удержаться на проволоке, падает.

Чаплин с изумительным проникновением раскрыл черту психологии маленького человека: страх перед страхом. Вот эту-то сцену и имел в виду Киш.

— Понимаете, маленький человек в наше бурное время нуждается в поводыре. Гитлер это знает и собирает вокруг себя беспомощно мечущихся людей и дает им иллюзию поддержки и защиты. Именно иллюзию... Нет никакой страховки.

Мы еще долго говорили о политической ситуации в Германии.

— У нас тут, в Берлине, орудует ловкий и опасный человек. Некий доктор Геббельс. Тоже маленький человечек, с искалеченной ногой, невзрачный, но очень ловкий демагог. «Мы люди, а не собаки» — под таким лозунгом он устроил в Берлине массовое шествие безработных, разорившихся мелких хозяйчиков, бывших солдат. Армия фашизма — обездоленные маленькие люди, которым протягивают канат мнимой поддержки. Да, и вот что получается. В прошлом году «Национал-социалистская рабочая партия Германии» (НСДАП) насчитывала сорок тысяч человек, а теперь под ее знаменами со свастикой уже до ста тысяч. Гитлер проникает и в рабочую среду. В нашем Берлине уже сотни заводских и квартальных (в рабочих районах) групп. Гитлеровцы проводят тысячи массовых собраний. А это — миллионы слушателей, которых Гитлер гипнотизирует своим демагогическим словом.

Киш говорил горячо, с тревогой.

— Вы наверняка поездите по Германии. Очень советую не миновать Мюнхен! Гоголь шутя говорил, что луна делается в Гамбурге... А я говорю: будущее Германии — трагическое будущее! — готовится в баварской столице...

В Кельне для выставки «Пресса» была отведена большая территория за Рейном в предместье Кельн-Дойтц. Широкий мост через реку с четырьмя колеями рельсов — германский генеральный штаб основательно готовился к войне 1914 года. Рядом мост для трамваев, экипажей, пешеходов. Сотни раз проезжал я по нему над Рейном, и часто возникала мысль: доколе же эта великая река будет рубежом вражды, а не мира между народами?

«Пресса» была, насколько помнится, первой международной выставкой такого рода. Инициатором ее был не кто иной, как Конрад Аденауэр, обер-бургомистр Кельна, председатель прусского Государственного совета, один из лидеров влиятельной католической партии «Центр». Непомерное честолюбие этого человека, упорно добивавшегося рейхсканцлерского кресла, но уже несколько раз терпевшего неудачу, подсказало ему неплохую идею.

В 1928 году в Германии должны были состояться очередные выборы в рейхстаг. Аденауэр решил с помощью этой выставки сделать Кельн центром политической жизни. Действительно, в выставке приняли участие десятки государств, и Кельн стал местом паломничества не только обычных туристов, но и видных политических деятелей самой Германии и многих стран. А открытие выставки 12 мая вылилось во внушительное политическое событие.

В Кельн приехали рейхсканцлер Лютер, министр иностранных дел Густав Штреземан, другие члены правительства, почти весь дипломатический корпус, депутаты рейхстага, лидеры германской экономики.

В честь открытия выставки Аденауэр, как глава Кельнского муниципалитета и как почетный председатель Выставочного комитета, устроил пышный банкет в старинном зале Кельнской ратуши.

Перед началом банкета чиновник из германского МИДа от имени Штреземана попросил Н. Н. Крестинского произнести речь. Советский посол был главой дипломатического корпуса в Берлине. А по правилам протокола ни один посол не имеет права выступить раньше главы дипломатического корпуса. Между тем и германскому правительству, и американцам нужно было, чтобы

с политической речью выступил американский посол Шерман.

Николай Николаевич Крестинский произнес небольшую речь. После нескольких слов благодарности организаторам выставки он сказал, что Советский Союз с особенным удовлетворением принимает участие в международном форуме печати еще и потому, что происходит он в Германии, с которой Советскую страну со времен Рапалло связывают тесные, дружественные узы...[1]

Шерман не в пример Н. Н. Крестинскому разразился длинной речью.

Он говорил об общности интересов Германии и Соединенных Штатов, об успехе плана Дауэса, который поставил на ноги немецкую экономику. В Америке с сочувствием и пониманием относятся к потребностям Германии, понимают, что рамки плана Дауэса уже становятся узкими.

Я заметил, что при этих словах Шермана по залу пробежал гул одобрения. А Штреземан с подчеркнутым вниманием неотрывно глядел на американца.

Шерман велеречиво распространялся о том, что и здесь, в Германии, и у него на родине одинаково желают мира. И много еще елейных фраз вышло из уст мистера Шермана, который был одним из главных закулисных маклеров в сколачивании антисоветского блока с участием Германии.

Большую речь произнес министр иностранных дел Густав Штреземан.

Во время войны 1914—1918 годов в качестве лидера партии национал-либералов Штреземан в рейхстаге отстаивал захватническую программу германских монополий. В 1923 году, будучи рейхсканцлером, он руководил подавлением революции. Затем он стал министром иностранных дел и направлял внешнюю политику Германии до самой смерти осенью 1929 года. Он старался так лавировать между Западом и Советским Союзом, чтобы,

[1] В 1926 году, в развитие Рапалльского договора, между СССР и Германией был заключен договор, обязавший его участников не вступать во враждебные коалиции и гарантировавший Советскому Союзу нейтралитет Германии в случае враждебных акций против СССР партнеров Германии по Локарнскому пакту... «Дух Рапалло продолжает жить в этом договоре», — подчеркнул Г. В. Чичерин.

сохраняя выгодные отношения с Москвой, получать побольше от Лондона, Парижа и особенно Вашингтона.

Речь свою на открытии «Прессы» Штреземан и посвятил тем требованиям, какие германские империалисты предъявляли Западу.

Германия с нетерпением ждет того часа, когда немецкий народ вновь станет «полным хозяином во всем своем доме».

Это значило: французы, уходите поскорее с берегов Рейна!

Но эти слова имели и более широкий смысл. Ведь в инструкции германской делегации на конференции в Локарно в 1925 году было недвусмысленно сказано: «исключается мысль об отказе Германии от немецких территорий и немецкого народа». Это означало, что Германия не отказывается от территорий, отошедших по Версальскому договору к Польше и Чехословакии, и домогается пересмотра восточных границ.

Локарнская формула претендовала и на такие территории, которые не принадлежали в 1914 году Германии, но которые немецкие экспансионисты считали «немецкими», — например, Австрия.

Конечно, такой далеко нацеленный пункт внешнеполитической программы был искусно упрятан Штреземаном в красивых фразах о «великой идее европейского мира», о «единстве великой цивилизованной части света, какой является Европа».

Для Германии в этой «великой Европе» Штреземан просил «полного равенства»: в изворотливой, ловкой форме предъявлялось требование — разрешить Германии воссоздать свою вооруженную мощь.

Штреземану не удалось до конца осуществить эти замыслы. Смерть прервала его деятельность. Через полтора года после кельнской речи небывалый экономический кризис потряс весь капиталистический мир, круто изменил политическую ситуацию, и умирающий Штреземан видел, что складываются совершенно новые условия для осуществления его ревизионистских планов.

Но он также понимал, что не ему предстоит воспользоваться такой обстановкой.

Когда известная французская журналистка Женевьева Табуи попросила у него свидания, он ответил:

— Скажите мадам Табуи, чтобы она лучше поехала в Мюнхен и встретилась с Адольфом Гитлером.

На смертном одре Штреземан как бы передавал эстафету германского империализма новому «вождю»...

4

Программа торжественного открытия выставки включала также и увеселительную прогулку по Рейну на большом пароходе.

Отчалили мы утром из Кельна, к середине дня доплыли вверх по Рейну до Зибенгебирге, а затем повернули обратно и вечером были в Кельне.

Выставочный комитет не пожалел денег. Гостей, а их были сотни, кормили и поили бесплатно с утра до вечера. Пароход медленно скользил вдоль берегов. К ним террасами спускались виноградники. А подальше виднелись на холмах развалины средневековых замков. И по правому и по левому берегу бежали стальные ленты: железная дорога вдоль всего Рейна дублирована. При покупке билета кассир спрашивал: по правому или левому берегу вам билет?

На пароходе были, конечно, и журналисты — немецкие и иностранные. Они съехались не только на выставку, но и на заседание исполнительного комитета «Международной ассоциации журналистов».

Оживленные разговоры велись за бутылками коварного белого рейнвейна. Выпьешь его немало, пьется легко, голова светлая. А вот попробуйте встать и пройти несколько шагов. Не тут-то было. Ноги прикованы к полу...

Кельнцы из журналистской братии посвящали меня в закулисные тайны жизни важных господ, собравшихся в этот прекрасный летний день на борту парохода. У каждого из них была какая-нибудь скандальная история, которую смаковали всеведущие служители могущественной державы прессы.

Особенно доставалось Аденауэру.

— Этот рейнеке-лис у нас в Кельне властвует, как азиатский сатрап. На двенадцать лет он избран обербургомистром и вертит всем по-своему. А на самом деле слуга двух господ: Ватикана и рурско-рейнских баронов.

Кто-то предложил пари: удастся ли Аденауэру после выборов в рейхстаг осуществить свою заветную мечту и стать хозяином на Вильгельмштрассе?

Соперником его был Брюнинг — такой же, как и Аденауэр, лидер «Центра», пользовавшийся большей поддержкой всемогущего кардинала Шульте, кельнского архиепископа и фактического хозяина партии «Центр».

Я имел «честь и удовольствие» познакомиться с Аденауэром на открытии нашего павильона.

Аденауэр, осматривая экспонаты, недовольно морщился.

Лисицкий со своими помощниками создал яркую, динамичную экспозицию: экспонаты вращались, двигались бесконечной лентой, вспыхивали, гасли. Впечатляюще убедительна была эта пропаганда успехов советской экономики и культуры, и это не могло нравиться Аденауэру...

Представляя ему меня, комиссар советского отдела выставки, директор ОГИЗа СССР Артемий Багратович Халатов сказал:

— Господин Гус, главный редактор нашего отдела.

Аденауэр внимательно посмотрел на меня, мальчишку, вдвое моложе его, покачал головой, сказал:

— Да, вы умеете делать рекламу.

Я молча поклонился.

5

К нам в павильон приходили поодиночке и целыми группами рабочие из Кельна, из всей Рурской области.

20 мая предстояли парламентские выборы. Коммунистическая организация Рурско-Рейнской области, многочисленная, крепкая, в своей предвыборной агитации использовала и нашу выставку, разумеется без всякого нашего участия. По совету партийных ячеек рабочие приезжали, чтобы посмотреть, что же такое советская жизнь. И наши экскурсоводы с большой охотой и радостью давали пояснения, своими рассказами дополняли то, что было представлено на стендах. Об этом знали немецкие

власти, не очень им это нравилось, но ничего сделать было нельзя.

С особым вниманием рабочие осматривали экспонаты, показывавшие завоевания советского пролетариата: социальное страхование за счет государства, без вычетов из зарплаты, оплачиваемые отпуска, бесплатная медицинская помощь, дома отдыха и санатории для рабочих. Мы напечатали много небольших листовок, в которых рассказывалось обо всем этом. Листовки охотно разбирались посетителями.

Много было и женщин. Вспоминается визит пожилой дамы, одетой просто, но изысканно, в сопровождении двух вылощенных джентльменов, явно офицерского склада. Дама осматривала стенды внимательно, долго. Когда она ушла, мой секретарь, грузин, учившийся в Боннском сельскохозяйственном институте, сказал не без гордости:

— Вы знаете, кто это? Принцесса Августа, сестра императора Вильгельма.

Но, конечно, в большинстве женщины, приходившие в наш павильон, были не княжеского рода. Жены рабочих, работницы, машинистки. Они много расспрашивали про детские сады и ясли, восхищались длительным декретным отпуском для рожениц.

Надо заметить, что даже и в рабочей среде были очень туманные, а часто извращенные представления о советской жизни.

Строительные работы внутри павильона выполняла для нас одна контора. Чертежник, парень лет двадцати — двадцати трех, много расспрашивал, что и как происходит в Советской стране. Однажды он пришел с большим альбомом, раскрыл его на странице, где был изображен прицеп к грузовику, и с торжеством сказал:

— Вот этого-то у вас наверняка нет.

И был разочарован и удивлен, когда я сказал:

— Сколько угодно!

Работал у нас столяр Карл Иоганн Эккер, лет сорока пяти. Высокий, худощавый, с рыжеватыми усами, в мягкой шляпе и фартуке, он выглядел как типичный цеховой мастер на старинных гравюрах. У него была небольшая мастерская с несколькими подмастерьями и учениками. Инфляция в 1920 году сожрала ее.

Как католик и мелкий собственник, он состоял в «христианском профсоюзе» и голосовал за партию «Центра», представлявшую интересы церкви и тяжелой промышленности. С помощью духовенства и социальной демагогии этот союз креста и чековой книжки вел за собой миллионы ремесленников, торговцев, даже рабочих. Когда Эккер пришел впервые в павильон, то не скрывал своей неприязни к большевикам-безбожникам. Но это не мешало ему внимательно, после работы, осматривать экспонаты павильона. И неопровержимые факты воздействовали на его убеждения, точнее, предубеждения.

Перед окончанием работы в нашем павильоне Эккер обратился ко мне:

— Герр доктор, вот что хотелось бы сказать вам на прощание. Я католик, а вы, коммунисты, в бога не верите. Но я рабочий человек, и как хорошо было бы, если бы у нас, в Германии, так же заботились о рабочем человеке, как в вашей стране.

Так в душе этого «маленького человека» сталкивались противоположные мысли и чувства — труженика и собственника.

А если бы он знал правду о том, чего добиваются, куда стремятся лидеры его партии — кельнский архиепископ Шульте и владелец мощного угольно-стального концерна Отто Вольф, обер-бургомистр Кельна Аденауэр и руководитель христианских профсоюзов Брюнинг, то Иоганн Карл Эккер, мастер-столяр, верующий католик, сторонник партии «Центра», вряд ли бы отдал свой голос этой партии на выборах 20 мая 1928 года.

Если бы только знали миллионы таких, как он, что в 1934 году писал Аденауэр гитлеровскому министру внутренних дел Фрику, жалуясь на увольнение с поста обер-бургомистра без пенсии!

«По отношению к НСДАП я всегда занимал исключительно корректную позицию и неоднократно действовал вопреки указаниям министерства того времени», а именно предоставлял нацистам городские стадионы для их собраний, не принимал мер против бесчинств штурмовиков. «Я всегда заявлял, — подчеркнул Аденауэр, — что, по моему мнению, такая великая партия, как НСДАП, бесспорно должна играть руководящую роль в правительстве».

Он и получил от гитлеровцев пенсию в размере тысячи марок в месяц — заслуги не остались без воздаяния...

Однажды на пороге нашего павильона появились два парня в сапогах, в коричневых рубашках, опоясанные кожаной портупеей, на рукавах в белом круге мрачно чернела свастика.

Штурмовики (а это были они) молча прошагали, печатая шаг, по нашему павильону, мимоходом глядя на одни экспонаты и останавливаясь у других. У каких же? Их интересовало все, что касалось советской молодежи: как она живет, как работает, учится, развлекается...

Вероятно, они много рассказывали о виденном, так как почти каждый день наш павильон удостаивался чести посещения коричневыми визитерами, но никаких эксцессов с их стороны ни разу не было.

6

Алексей Максимович Горький принял приглашение А. Б. Халатова на пути из Италии в Москву посетить Кельн и посмотреть выставку.

По поручению А. Б. Халатова, который в это время был в Берлине, я и С. Б. Урицкий, редактор «Крестьянской газеты», встречали Алексея Максимовича на Кельнском аэродроме.

Вот он появляется, высокий, чуть сутуловатый... Я никогда раньше не видел Горького, и он мне показался более старым, чем я ожидал.

Горький не знал никого из встречающих и озирался вокруг. Мы подбежали к Алексею Максимовичу и представились.

— А, знаю, знаю, — сказал Горький, улыбаясь Урицкому, — читал вашу газету. Славная газета!..

Алексея Максимовича и его спутников мы отвезли в гостиницу на машине.

На другой день, вместе с вернувшимся А. Б. Халатовым, Эль-Лисицким, Урицким и мною, Алексей Максимович осматривал наш павильон.

Горький уехал из Советской страны в тягчайшее время разрухи, голода, упадка. Он издалека пристально следил за тем, как возрождается, крепнет Советская держава. А теперь, в нашем павильоне, он видел, чего уже

добились своим мужественным трудом рабочие и крестьяне, верные заветам Ленина.

Я отлично помню глубокое волнение, с каким Горький осматривал наш павильон. Он подолгу останавливался у каждого экспоната, внимательно рассматривал его, задавал вопросы, требовал пояснений.

— Это поразительно! . . Просто не верится, — говорил как бы самому себе Горький.

Особенный интерес вызвали у него экспонаты, которые показывали бурный расцвет издательского дела — тысячи газет и журналов, целый океан книг, плакатов.

Вечером Горький принимал у себя в отеле Халатова и всех нас. Со слезами на глазах он говорил, что не может себе представить, как приедет в Москву, войдет в Кремль и не увидит Ленина. И не может простить себе, что не был в Москве в последние годы жизни Владимира Ильича.

У нас на выставке Горький долго смотрел на большую фотографию: старик крестьянин пишет корреспонденцию в газету.

И теперь он говорил об этом старике селькоре как о знамении новой эпохи, новой жизни.

Много было сказано им и о том, что мы еще плохо и недостаточно рассказываем самим себе и всему миру о великом примере Страны Советов.

— Замечательно это у вас получилось, — сказал нам Алексей Максимович. — Конечно, ошеломляет сперва вся эта круговерть, но здорово, здорово! . .

Покидая Кельн, Горький сказал корреспонденту «Известий»:

— Оригинальность и своеобразие советского павильона повергли меня в изумление. Каждый участок, каждый экспонат в отдельности и весь павильон в целом отображают новую, самобытную, до сих пор небывалую созидательную работу, идущую своими собственными, совершенно новыми путями. После посещения советского павильона в других павильонах во всем чувствуется старый, давно приевшийся стиль. Там ничто не двинулось с места, все застыло в оцепенении, во всем заметны гнетущие тиски традиции. А здесь, в советском павильоне, неистовствует бурное творчество. Меня, как художника, поражает этот напор жизненной энергии; так как все экс-

понаты даны в движении, еще более усиливается впечатление потока энергии, создающей новые организационные формы человеческой жизни.

Я считаю великолепной идею показать экспонаты в движении, они невольно вызывают у зрителя представление: «Жизнь идет вперед, жизнь не стоит на месте, и ни для кого это движение не может пройти бесследно». В советском павильоне нет бесстрастного совершенства, тут нет никаких традиционных форм, тут идет повсюду творческая работа на всех парах, и это поистине достойно восхищения.

Когда мы устраивали прием в честь Горького, не было отбоя от желающих встретиться с великим писателем. Наглядна была его огромная слава даже в буржуазной среде. Собрались нотабли Кельна, Берлина и других городов, приехавшие на встречу с Горьким. Он не успевал пожимать руки этим адвокатам и депутатам, банкирам и промышленникам. А потом все они толпились буквально в очереди за автографами на книгах Горького.

Горький был оживлен, произносил небольшие тосты и много говорил об огромном впечатлении, которое на него произвел советский павильон. Это была увлекательная, страстная пропаганда в пользу Советской страны.

7

В Кельне я снимал половину квартиры у некоей фрау Краузе, вдовы владельца фабрики фарфора. Фабрики уже не было — и ее поглотила инфляция.

Фрау Краузе показала мне ассигнацию в 10 миллиардов марок.

— На нее в конце 1923 года нельзя было купить и коробки спичек, — сказала она. — Вот в такие бумажки обратилось наше состояние. Мои два сына — офицеры принуждены работать коммивояжерами... По фарфору, — закончила она сухо...

Возвращался я с выставки поздно и хозяйку видел всегда только по утрам, когда она приносила традиционный завтрак, входящий в стоимость квартиры, — кофе, булочка, фруктовый джем, масло... Но однажды, дня за три до выборов, я поздно вечером встретил фрау

Краузе в гостиной, через которую проходил в свои комнаты.

— Герр доктор, — сказала она, — не будете ли вы любезны уделить мне несколько минут?

Я молча поклонился, она пригласила меня сесть, сама опустилась на стул и, преодолевая смущение, после небольшой паузы продолжала:

— Мне нужен ваш совет, герр доктор. Вы знаете: вскоре выборы в рейхстаг... Помогите мне... За кого мне голосовать?

Вот этого я никак не ожидал! Вмешиваться во внутриполитические дела Германии мне не пристало, и я вежливо, но решительно отклонил честь быть советчиком в таком деле...

— Да, да, — заторопилась моя хозяйка. — Я понимаю, вам неудобно... Но это останется между нами, поверьте! Вы так хорошо разбираетесь в политике... Почему я так думаю? Потому что вы русский! Освободите меня от мучительного колебания! За кого же голосовать? За наци или за красных?

Так вот как ставила вопрос эта типичная представительница «миттельштанда»: или крайние правые, или крайние левые!

— Мои сыновья и я, мы любим свое немецкое отечество, скорбим, видя его в упадке, в унижении. Кто же воссоздаст Германию? Кто поможет нам в нашей национальной беде? Два голоса мы слышим — справа и слева. Оба зовут покончить с порядком, созданным в ноябре (она разумела революцию 1918 года). Кому же поверить из них?

Я вставил слово:

— Ведь существуют и другие партии...

Фрау Краузе рассмеялась:

— Кто? Эти обманщики — социал-демократы? Или важные господа из «Народной партии»? Я не католичка, и «Центр» мне тоже не подходит. Вот и остается выбор: или Гитлер, или Тельман.

Она помолчала.

— Конечно, коммунисты — они против собственности, и мне это не нравится. Но наци — они грубы, посмотрите на этих штурмовиков... В их глазах я вижу жажду захватить чужое...

Она говорила еще долго. Я терпеливо слушал. Но от совета, разумеется, воздержался, и она не настаивала. Вероятно, ей хотелось вслух, перед кем-либо, проверить свои сомнения и размышления.

...Через два дня после выборов я спросил, за кого же она голосовала.

Отведя взор свой в сторону, она ответила:

— За наци, герр доктор. Они ближе...

Так в данном конкретном случае разрешились колебания в сознании представительницы «миттельштанда».

8

Выборы 20 мая обнаружили серьезный сдвиг влево. Основные буржуазные партии — «Народная», «Центр» и юнкерская «Дейчнационале» — потеряли 3 миллиона голосов и 50 мандатов. Нацисты собрали 810 тысяч голосов и получили 12 мандатов. Коммунисты и социал-демократы выиграли более 2 миллионов голосов. Компартия получила 54 места в рейхстаге, социал-демократическая партия — 158.

Перед господствующими классами встал вопрос: как сформировать новое правительство взамен обанкротившейся буржуазно-юнкерской коалиции? В рейхстаге из 490 депутатов 212 (около 43,3 процента) принадлежали к двум рабочим партиям. Вместе с демократами, представлявшими интересы средней буржуазии и интеллигенции, и небольшими фракциями других мелкобуржуазных партий коммунисты и социал-демократы могли бы создать левое правительство. Могли бы... Но этого не желали допустить властители Германии и этого боялись социал-демократы.

Их центральный орган «Форвертс» сразу же после выборов поспешил оповестить напуганных сдвигом влево буржуазных политиков, что социал-демократы и не помышляют о создании левого правительства. «Никто не может ни ожидать, ни требовать, чтобы мы проводили чистую социал-демократическую политику» (то есть политику в интересах рабочего класса и всех трудящихся).

Так лидеры социал-демократии отвечали на вотум 12 миллионов тружеников, на требования более 4

миллионов участников мощных забастовок, происходивших незадолго до выборов. Они предпочли коалицию с буржуазией. Такая политика уже была испытана на деле: именно социал-демократические лидеры помогли подавить революцию в 1918 году, их предательство интересов рабочего класса способствовало и поражению революции осенью 1923 года.

Правое руководство партии твердо придерживалось политики прислуживания германскому империализму и не помышляло о том, чтобы повернуть партию на путь классовой, революционной политики.

Запомнилось мне, как в жаркий июньский день, часа в два, в наш павильон пришла большая группа вполне буржуазного вида господ, с сигарами во рту, раскрасневшихся, видимо, после сытного обеда, в сдвинутых на затылок шляпах. В центре был весьма респектабельный джентльмен лет пятидесяти, державшийся очень самоуверенно, даже нагловато.

Они прошли по павильону не останавливаясь, разглядывая экспонаты мельком, с иронической усмешкой.

Это были лидеры социал-демократии, только что закончившие свои совещания, и в центре группы шагал Германн Мюллер. Именно ему руководство партии поручило возглавить правительство «большой коалиции».

Его кандидатуру поддержал перед президентом Гинденбургом руководитель политического отдела военного министерства Шлейхер, ловкий политический интриган, заигрывавший с левыми кругами, но в 1933 году поддержавший Гитлера. Военным министром по настоянию Гинденбурга был назначен генерал Гренер.

Об итогах парламентских выборов, о правительстве «большой коалиции», о возвращении лидеров социал-демократии к власти у меня состоялась интересная беседа с кельнским журналистом Эрнстом Гюнтером.

Он не питал враждебных чувств к нашей стране, наоборот, считал, что для Германии политика Рапалло дорога к решению стоящих перед ней задач. Поэтому Гюнтер с большим вниманием рассматривал наши экспонаты, расспрашивал о жизни в СССР, читал изданную нами пояснительную, информационную литературу.

И вот однажды в воскресенье сели мы с ним в трам-

вай и поехали в Бонн. Да, да, в Бонн из Кельна ходил самый обыкновенный, городской трамвай...

Бонн, город трех больших высших учебных заведений, летом пустынен: десятки тысяч студентов покидали его, уезжали и те, кто их обслуживал в отелях, пансионах, ресторанах, кафе, мастерских.

Мы не спеша прогулялись по великолепному парку, прошлись по длинной и красивой набережной Рейна. А затем уселись в ресторанчике на поплавке, и за бутылкой рейнвейна завязалась беседа о делах германских.

Мой собеседник, лет тридцати пяти, бывший офицер — участник войны, не понимал и не принимал социализма, но не был согласен и с политикой правящих кругов, которая — он был убежден — приведет Германию к новому социальному, революционному взрыву и погубит демократию, пусть еще весьма несовершенную, но все же демократию. Поэтому он с беспокойством смотрел на попустительство властей нацистам, на заигрывание с ними больших господ из угольного синдиката, стального треста, других концернов Рура и Рейна.

Вот об этом Гюнтер и говорил на берегу широкого Рейна, в тогда тихом, провинциальном, а ныне столичном Бонне, июньским вечером 1928 года.

— Вы, конечно, были в Эссене и, вероятно, видели хоть издалека расположенную на холме виллу Хюгель. Не правда ли, нечто уродливое, напоминающее не то вокзал, не то выставочный павильон! А мне пришлось побывать на вилле. Как журналисту... Поверьте, безобразно, безвкусно внутри, как снаружи... Старый Альфред, первый пушечный король, воздвиг по собственному проекту это чудовищное сооружение в семидесятых годах, чтобы ознаменовать триумф своих пушек у Садовой и Седана... Там родилась империя Гогенцоллернов, ну а империя Круппов уже существовала, и без нее не бывать и Гогенцоллернам императорами... Они понимали это... Когда Густав Гальбах унд Болен в 1906 году женился на Берте Крупп, наследнице пушечной империи, свадьбу на вилле Хюгель почтил своим присутствием сам Вильгельм. Он присвоил Густаву фамилию Круппа. Вильгельма нет больше. А Густав Крупп фон Болен унд Гальбах попрежнему царствует в своей империи.

Мой собеседник называл имена королей стали, угля,

химии, капитанов индустрии: Фриц Тиссен, Эмиль Кирдорф, Карл Дуйсберг, Отто Вольф, Гуго Стиннес-младший. Они — подлинные хозяева Германии: они теперь богаче, чем были при Вильгельме; они только терпят ноябрьскую республику, потому что еще боятся народного возмущения. Но исход майских выборов напугал их! Люди поворачиваются налево. Недавние забастовки — тревожный сигнал: неустойчива, шатка нынешняя система... Теперь власть отдают социал-демократам. Зачем? Да чтобы они сдержали недовольство низов, как уже было не раз. Ну, а если им это не удастся, имеется в резерве Гитлер.

Мой собеседник усмехнулся:

— К слову сказать, Гитлер темного происхождения — сын незаконнорожденного Алоиса Шикльгрубера, отцом которого, возможно, был еврей-коммерсант, плативший матери Алоиса нечто вроде алиментов [1]. Но это не смущает важных господ... Не пугает их и то, что Гитлер называет свою партию национал-социалистской. На вилле Хюгель знают, чего стоит его «социализм». Деньги-то ему дают не за «социализм»!

Тут Гюнтер даже с азартом стал перечислять финансовых тузов, снабжающих Гитлера деньгами.

Стиннес создал в Берлине «Антибольшевистскую лигу», фонд которой превысил 50 миллионов марок золотом. Из него деньги шли к Гитлеру.

Владелец стального треста Фриц Тиссен, вступив в НСДАП, через Людендорфа «пожертвовал» Гитлеру сперва 100 тысяч марок золотом, а затем миллион.

Деньги давали и дают Борзиг, владелец машиностроительного концерна, Даймлер, глава автомобильного концерна, Бехштейн, фабрикант роялей.

Среди «благодетелей» нацизма числятся и еврейские банкиры, Гитлер не брезгует и их деньгами.

В январе 1927 года он имел четырехчасовую беседу

---

[1] Ганс Франк, палач Польши, казненный в Нюрнберге, в тюрьме перед казнью написал свои «воспоминания» («В преддверии виселицы»), в которых сообщил, что в 1930 году по поручению Гитлера расследовал вопрос о происхождении его отца. «Я должен сказать, что нельзя полностью исключить, что отец Гитлера был наполовину еврей».

с главой угольного синдиката Кирдорфом, познакомил со своими подлинными взглядами, очищенными от «социалистической» демагогии, и вручил брошюру, в которой говорится об истинных целях нацизма. Эту брошюру Кирдорф распространяет среди своих коллег — магнатов промышленности. По его предложению угольный синдикат установил в кассу НСДАП отчисление 5 пфеннигов с каждой тонны продаваемого угля.

— Таков «социализм» Гитлера, — сказал Гюнтер. — Но и его «национализм» не лучше!

И я услышал, что во время французской оккупации Рура в 1923 году Гитлер отказался примкнуть к общенациональному фронту сопротивления; его «штурмовики» не приняли участия в борьбе с оккупантами. Гитлер сосредоточил в эти месяцы огонь не на «потомственном враге» — Франции, а на германском правительстве «ноябрьских преступников» и особенно на коммунистах, которые были в первых рядах борцов против иноземной оккупации. Гитлер объявил, что будет исключен из партии каждый, кто примкнет к движению сопротивления.

— Но и это еще не все! — воскликнул Гюнтер. — Я тогда же, в 1923 году, точно узнал, что Гитлер тайно получал деньги и от «наследственного врага» — от французов. Эти средства поступали через посредников в Швейцарии, куда ездил Гитлер. На эти деньги он вооружал штурмовые отряды. В Мюнхене тогда было широко известно, что в «Коричневом доме» платят не бумажными марками, стоимость которых упала в миллиарды раз, а франками, фунтами стерлингов, долларами. Мюнхенские газеты в 1923 году открыто обвинили Гитлера в финансовых связях с врагами Германии. Гитлер подал на них в суд, но процесс не состоялся, так как Гитлер не представил в положенный срок требуемых документов. Обвинение, выдвинутое в прессе, осталось неопровергнутым.

— Вот что такое и «социализм», и «национализм» этого австрийского проходимца, обитателя венской ночлежки, — резюмировал свой рассказ Эрнст Гюнтер. — И если опять над Германией соберутся тучи, начнутся новые потрясения, к Гитлеру побегут за помощью из виллы Хюгель, и из «Стального дома» в Дюссельдорфе, и из замка Тиссенов.

Чтобы не возвращаться к этому пикантному эпизоду карьеры «фюрера», изложу тут же его финал.

В 1930 году, когда в обстановке экономического кризиса НСДАП начала завоевывать поддержку широких масс, социал-демократический депутат Штробль публично обвинил Гитлера в получении «темных денег». Гитлер подал жалобу в суд. Суд оправдал Штробля и в приговоре установил:

«Дело в действительности обстояло так, что деньги (к Гитлеру) поступали от промышленников и других работодателей, это засвидетельствовал также личный секретарь Гитлера Гесс, когда он заявил, что это происходило в небольшом масштабе».

В приговоре было также сказано, что в 1922—1923 годах, в разгар инфляции, штаб Гитлера оплачивался иностранной валютой, — то есть было подтверждено получение и иностранных денег.

9

В июле я предпринял большое путешествие по Германии.

Ездил преимущественно днем, чтобы лучше разглядеть страну. От города до города расстояния были небольшие, и дневные поездки не утомляли.

Однажды, не помню сейчас куда, я поехал ночным поездом и познакомился с оригинальным «орудием пытки». В вагоне с сидячими местами пассажиру за небольшую плату выдавалось приспособление для сна сидя: под голову прикрепляется к спинке дивана не очень мягкое изголовье, к скамье присоединяется подобие скамеечки для ног, подлокотники укрепляются на сиденье. Получается нечто вроде кресла у зубного врача, но намного менее удобное.

И так пассажиры проводят ночь.

Я попробовал, но ничего не вышло. Перешел в спальный вагон, доплатив разницу в стоимости билета.

Едешь днем три-четыре часа. Попутчики часто меняются: входят на промежуточных станциях, вскоре выходят. Деловой люд, неразговорчивый с незнакомыми...

Но запомнились две-три интересные встречи.

В поездку я взял несколько книг, и среди них эпопею Пруста. Она была издана у нас небольшими книжками, и я успевал за три-четыре часа не столько прочитать, сколько перелистать один томик. Сознаюсь, что Пруст показался мне невыносимо скучным...

Как-то раз, кажется на пути из Дрездена в Лейпциг, на небольшой станции вошел в мое купе солидный господин лет пятидесяти, скромно, но строго одетый. Он вежливо поклонился, сел напротив меня... Помолчал, а затем, увидев на столике русскую книгу, обратился ко мне по-русски:

— Пожалуйста, извините меня, но скажите мне: вы из России?

Он говорил почти без акцента, но с такой правильностью речи, которая сразу выдает иностранца... Так оно и было: герр Диттмайер был учителем немецкого языка в России, откуда уехал в 1918 году в родную Саксонию.

— Я читаю русские газеты, но я всегда бываю удивлен: почему эти газеты имеют столько зла против своей страны?

Я сказал, что тут нет ничего удивительного: герр Диттмайер читает газеты белых, врагов Советской страны.

— Да, да, я знаю. Они плачут по своим имуществам...

В Германии судьба Диттмайера сложилась не очень удачно. С трудом нашел он себе место в жизни, от порядков которой отвык за долгие годы пребывания на чужбине. Теперь он обучал русскому языку в коммерческой школе молодых людей, готовящихся к карьере торговых агентов. Так, по крайней мере, он мне сказал. Но, признаюсь, у меня было сильное подозрение, что эти молодые люди готовились к деятельности агентов совсем другого профиля...

Самое интересное произошло в конце беседы, когда мы уже подъезжали к Лейпцигу. Герр Диттмайер вдруг засуетился, покраснел, стал пыхтеть и наконец выжал из себя:

— Герр доктор, а не было бы возможности, чтобы мне опять приехать к вам? Учить немецкому языку ваших детей?

И, к моему удивлению, слезы показались на его глазах...

Я рекомендовал ему написать в Москву в Наркомпрос. Он долго благодарил, жал руку, и мы расстались друзьями...

Другой дорожный эпизод был совсем иного характера.

Где-то в Баварии я сел в поезд, направлявшийся из Мюнхена в Париж. В купе, в которое я вошел, сидела компания молодых людей — по их шапочкам судя, студентов-корпорантов. Они не обратили на меня внимания и продолжали свою оживленную беседу... Прислушавшись, я разобрал, что идет спор о войне. Студенты направлялись во Францию по приглашению французских коллег — в ответ на визит французов в их университет. И вот теперь они рассуждали: кто же виноват в войне?

Не только кайзер, но и Пуанкаре, Ллойд-Джордж, русский царь, говорили одни. Нельзя только Германию обвинять, что она вызвала войну.

Насколько я мог понять, эту мысль отвергли два студента. Они горячо доказывали, что русские, французы, англичане, да и американцы, конечно, виновники, а вот Германию ни в чем обвинить нельзя, потому что она защищалась от несправедливого нападения.

— Нас окружили со всех сторон, нам отказывали в месте под солнцем, а сами завладели всем земным шаром — эти биржевики и банкиры Парижа, Лондона, Нью-Йорка. Германия задыхается теперь еще сильнее, чем до войны. Так долго продолжаться не может...

Я слушал, не вмешиваясь в спор, и думал: так вот с какими мыслями едут эти молодые немцы к молодым французам...

В той же Баварии запомнилась мне еще одна интересная встреча. Я из Мюнхена поехал в Баварские Альпы, поднялся до знаменитого горного курорта Гармиш-Партенкирхен, в котором героиня романа «Успех» Л. Фейхтвангера встречается с Гитлером.

Летом курорт был пуст. Я бегло осмотрел его и на автобусе поехал обратно. На ночь остановился примерно на полпути в небольшом отеле на берегу горного озера. Удивительны эти озера в Альпах: расположенные на

разных высотах, они похожи на огромные блюдца, наполненные тихой голубоватой водой, которая стоит вровень с низкими, плоскими берегами.

Переночевав и позавтракав в отеле, я сел в спускавшийся сверху и направлявшийся в Мюнхен автобус. Мое место оказалось рядом с дамой средних лет, не примечательной ни наружностью, ни одеждой. Когда я, поклонившись ей, занял свое место, она на мгновение оторвалась от книги, чтобы взглянуть на нового соседа. Я успел заметить, что она читает «Преступление и наказание» (по-немецки).

Около часа мы ехали молча. Затем моя соседка отложила книгу, вздохнула, стала смотреть в окно... Мне очень хотелось поговорить с немецкой читательницей Достоевского, и я сказал:

— Разрешите, фрейлейн, взглянуть на вашу книгу.

Она повернулась ко мне, усмехнулась, затем молча подала мне книгу.

— Достоевский? — сказал я с подчеркнутым удивлением, чтобы вызвать ее на разговор.

Моя хитрость увенчалась успехом; я получил быстрый ответ:

— Да, Достоевский... Почему же это вас удивляет? Ведь вы русский, не так ли? — Она заговорила быстро, увлеченно: — Достоевский — самый важный, самый необходимый людям писатель. Была война, страшная, кровавая... Мой отец, мой брат не вернулись домой... А что же получилось? Нам говорили, что эта война — последняя, что она все разрешит и устроит новую жизнь, по-новому... Да разве это возможно! Слезинку одного ребенка никогда, слышите, никогда не искупят никакие победы! Достоевский один знает, где истина! На крови нельзя строить счастье... Революции к нему не ведут.

Я молча слушал этот страстный монолог, и мне хотелось понять, какие же позитивные выводы делает моя соседка из негативных предпосылок: если к счастью нельзя прийти через кровь, через революцию, то как же действовать людям, стремящимся к счастью?

Она словно угадала мою мысль:

— Не знаю, не знаю, что же делать людям! Достоевский тоже не знал и мучился, мучился безысходно... Как все мы мучаемся, и бьемся, и не знаем выхода...

Автобус остановился в попутном селении у очередного озера. Моя соседка порывисто поднялась, взяла книгу, кивнула мне и быстро вышла.

...Вот такие разные люди встречались на дорогах Германии в 1928 году.

Много городов объездил я и всюду видел: памятник Бисмарку и военные кладбища.

Железный канцлер сидел в кресле, гарцевал на лошади, стоял на трибуне — в мраморе, бронзе, граните.

В первой мировой войне Германия потеряла убитыми, умершими от ран два миллиона солдат и офицеров. Они лежат на многочисленных военных кладбищах в больших городах и маленьких, в деревнях и поселках. Ровные, как на смотру, шеренги могил с одинаковыми крестами, а на каждом стальная каска...

Какое же эти кладбища производят тягостное, страшное впечатление...

Но и с таким наглядным предупреждением не посчитался Гитлер. И теперь новые и еще большие военные кладбища появились на немецкой земле.

А сколько безвестных могил немецких солдат разбросано по всей Европе — от побережья Нормандии до берегов Волги...

Так расплачивался немецкий народ за авантюры своих господ.

10

В Лейпциг меня привлекли две достопримечательности древнего города: поле «Битвы народов» и знаменитый музей книги.

В небольшом этом музее были собраны тысячи древнейших книг — печатных и рукописных. Изумительные инкунабулы, великолепные эльзевиры — первые печатные книги Европы, рукописные библии VIII, IX, X веков. От них нельзя было оторвать глаз. Тысячу лет назад безвестными мастерами в монастырях были исполнены эти иллюстрации к библейским легендам, а свежесть красок такова, как будто все это написано только что.

Евангелие второй половины X века украшено чудесными миниатюрами, и мне запомнилась сцена соблаз-

нения Евы змием. Художник тогда еще не знал перспективы, поэтому изображение плоскостное, без воздуха, но фигуры и лица выразительны, живы. Змий темпераментно, настойчиво уговаривает Еву отведать запретного яблока...

Миниатюра эта — ровесница «Священной Римской империи германской нации». За тысячелетие, протекшее с тех пор, рассыпалась в прах и империя Оттонов, и «вторая империя» Бисмарка — Гогенцоллернов, и совсем недолговечная «третья империя» Адольфа Гитлера. А произведения искусства продолжают жить, волновать нас.

Долго я осматривал знаменитое поле «Битвы народов». 16 октября 1813 года сошлись здесь с одной стороны армии России, Австрии, Пруссии, Швеции, а с другой — армия Наполеона — французы, бельгийцы, итальянцы, голландцы, поляки. Три дня продолжалось кровопролитное сражение, и более 120 тысяч человек навеки остались на поле боя. На краю поля воздвигнут памятник русским воинам — православная церковь. На месте, откуда Наполеон руководил сражением, установлен камень с надписью. Он так и называется «Napoleonstein» («Наполеоновский камень»).

С этого места видел Наполеон, как рушится его империя — после Лейпцигского сражения началась ее агония. Думаю, что Гитлер не заглядывал сюда никогда. Напрасно...

Неподалеку я заметил другой камень. На нем было высечено: «Немцы, помните о своих колониях».

Боевой клич прусско-германского империализма оказался в соседстве с памятником поражения и гибели наполеоновских притязаний на всемирное владычество. Поучительное соседство. Увы, правящие силы Германии из него не извлекли уроков.

Мефистофель, бродя с Фаустом по Лейпцигу, спустился в пивной погребок Ауэрбаха. Там пировала шумная ватага студентов. Они затеяли спор с вновь вошедшими, Мефистофель ударил кулаком об стол, и из него брызнул фонтан вина.

Легенду эту чтят в Лейпциге. На Гриммайерштрассе высился огромный современный дом. Когда его возводили, то был бережно сохранен и встроен в дом знаменитый «Ауэрбах-келлер».

Сидел я в нем, рассматривал развешанные по стенам гравюры, посвященные приключениям Фауста и Мефистофеля, с цитатами из Гёте.

...Легенда оживает. С шумом распахивается тяжелая, дубовая дверь. Входит некто, закутанный в плащ, с зловещим профилем, с мрачным блеском в глазах. А за ним молодой человек в роскошном костюме щеголя того времени.

Дверь впрямь с треском раскрылась. В погребок, горланя песни, вваливается ватага штурмовиков в коричневой форме. Бюргеры, мирно пившие пиво, торопятся опустошить кружки и покинуть погреб.

Я тоже поднялся и ушел, так как знал, что штурмовики любят устраивать скандалы и завязывать драки в пивных. Дух гитлеровского «пивного путча» крепко засел в них.

С интересом я осмотрел — только снаружи — здание «верховного суда по защите государства и конституции».

Процесс Димитрова, которого нацисты обвиняли в поджоге рейхстага, был еще впереди, и никто не мог в 1928 году допустить и мысли о подобном «казусе». Но Лейпцигский суд уже прославился процессами над военными преступниками 1914—1918 годов. В силу статей 227—229 Версальского договора Вильгельм и другие германские лидеры должны были предстать перед судом как военные преступники. Голландия, где укрылся кайзер, отказалась его выдать, и главари Антанты не очень настаивали. А правительство Германии не выдало тех генералов и офицеров, которые совершили преступления во время войны, на том основании, что без них невозможно бороться с большевистской опасностью. Правительства Антанты признали такой довод убедительным и поручили германскому правительству самому вершить правосудие. С мая по июль 1921 года верховный суд в Лейпциге всего рассмотрел двенадцать дел.

В шести случаях были вынесены оправдательные приговоры, а в остальных шести виновные получили ничтожные наказания. На том и кончилось преследование лиц, виновных в совершении преступлений против мира и военных преступлений во время первой мировой войны.

В Дрездене я осмотрел художественные сокровища Цвингера. Долго сидел на бархатном диванчике перед Сикстинской мадонной.

. . .25 февраля 1945 года. Конец войны. «Третий рейх» повержен.

Над Дрезденом появляются армады американских и английских бомбардировщиков. Тысячи тонн фугасок и зажигательных бомб обрушиваются на Цвингер, на оперный театр, королевский замок.

Центр города с его бесценными сокровищами, которыми так восхищались британские и заокеанские туристы, превращается в груду дымящихся развалин. Наверняка среди молодых летчиков были те, кто в недавние годы юношами вместе с родителями бродили по залам Цвингера. Нажимая спусковой механизм, вспоминали ли они шедевры Тициана или Рембрандта, перед которыми подолгу простаивали?

Зачем понадобилось разрушать Дрезден?

Главнокомандующий англо-американской авиацией маршал Гаррис не оставил никаких сомнений в причине совершенного по его приказу преступления.

«Танковый удар Красной Армии создал опасную ситуацию. Шоссейные и железнодорожные линии связи Востока со Средней Германией и Чехословакией сходятся в Дрездене. Их разрушением создавался для Советов «невралгический пункт». Продвижение вперед затруднялось и задерживалось. Это означало трудности для них на долгое время».

Ясно и откровенно!

К счастью, художественные ценности были укрыты в тайниках и вскоре были найдены и спасены советскими воинами. Но вандализм англичан и американцев этим не умаляется.

Однако вернемся в 1928 год.

Однажды вечером на нижней террасе летнего ресторана, расположившегося на знаменитой Брюллевской набережной Эльбы, я сидел за бутылкой вина, смотрел на Эльбу, на видневшиеся вдали холмы Саксонской Швейцарии.

И вдруг услышал над собой русскую речь, быструю,

с модуляциями голоса вверх и вниз. Русскую речь в Германии услышать было не редкость. Но мое внимание привлекла не сама русская речь, а то, чтó я услышал. Мужчина, судя по голосу далеко не молодой, говорил о России, о святой Руси.

Я повернул голову, посмотрел вверх. И увидел. . . увидел Павла Николаевича Милюкова. Хотя прошло десять лет с тех пор, как я его видел в Киеве, я узнал его. Тот же профессорский вид, моржовые седоватые усы, такая же борода. Милюков сидел за столиком с дамой и произносил перед ней речь, а она молчала.

Я попал, так сказать, на середину его монолога. Милюков-Дарданельский, холодный, расчетливый политик, бесстрастный историк, говорил, как митинговый оратор: с пафосом, со слезой в голосе.

— Наша святая исстрадавшаяся Русь на Голгофе. . . Мы, мы виноваты. . . Наша безрукость, интеллигентская мягкотелость. . . Нужны новые силы. Не белые, нет! Они тоже из прошлого и несут на себе все его пороки. Новые силы должны созреть там, внутри России. Больше того, внутри самой большевицкой партии.

Милюков именно так сказал, как говорили все наши враги: «большевицкой» через «ц».

— Надо брать пример с Германии. Я приехал посмотреть и увидел тут новые силы. Враги большевизма, но и противники изживающего себя, не оправдывающего себя парламентаризма.

Мне сразу вспомнился знаменитый лозунг Милюкова во время Кронштадтского мятежа: «Советы без коммунистов». То была демагогия в крайнем выражении: использовать привычную, усвоенную народными массами форму власти, но наполнить ее старым, буржуазным содержанием, устранив Коммунистическую партию и поставив во главе «Советов» — разумеется, на первое время — эсеров и меньшевиков. . .

И вот в 1928 году Милюков предлагает новую разновидность контрреволюционного замысла: заимствовать у немецкого нацизма его социальную демагогию и приспособить ее к русским условиям. Всплыла в памяти виденная в ресторане «Медведь» встреча нацистов с бывшим русским генералом, вспомнились и слова Киша. . .

. . .Долго длилась речь главы российского либерализ-

ма перед его безмолвной слушательницей. И еще перед одним слушателем, о котором он и не подозревал. Я покинул ресторан, так и не дождавшись конца милюковских разглагольствований.

В Гамбурге летом 1928 года никаких следов восстания 1923 года не сохранилось. Да я на это и не рассчитывал, включив в свой маршрут этот величайший порт.

Я осмотрел пристани и доки, побывал с экскурсией на огромном лайнере компании «Гапаг», совершавшем рейсы в Аргентину. Прошел по широкому, ярко освещенному туннелю под Эльбой, соединяющему Гамбург с заречной частью города. В Альтоне побывал в Зоологическом саду Гагенбека, откуда снабжались животными зоопарки всего мира.

Вечером бродил по знаменитому Санкт-Паули. Широкая Реепербан, а на ней бесчисленные таверны, пивные, игорные дома, притоны. Матросы всех цветов кожи, всех национальностей. И бесконечное количество женщин тоже всех цветов кожи.

И тут я впервые в немецком городе увидел улицу с названием «Freiheit» — «Свобода». Так назывались две улицы, выходившие на Реепербан в самом бойком месте.

Вдруг я услышал хриплый женский голос — он покрывал уличный шум отборной русской бранью. Голос доносился из темного, узкого переулка, спускавшегося к реке. Я пошел на голос. Он несся из невзрачного погребка. По трем ступенькам я сошел вниз. За столом сидела пьяная, растрепанная, немолодая женщина. Ее обнимал негр, а другой негр стоял около нее со стаканом вина. Над дверью погребка висела вывеска с русской надписью: «Одесса-мама». Испитое, измученное лицо женщины еще сохранило следы прошлого: породу, интеллигентность.

Без слов было ясно: обломок той «Святой Руси», о которой говорил Милюков со слезами... Я повернулся и незаметно вышел.

12

Вы переходите через неширокий канал по узкому каменному мостику и из современного шумного, с трамваями, автомобилями, города попадаете в сказку...

Древний город — Альт-Нюрнберг, уголок средневековья и раннего немецкого Возрождения, бережно сохраняемый как музей.

Очарованный бродил я с утра до вечера по узким улицам и маленьким площадям от одного исторического и архитектурного памятника к другому.

Дом Дюрера на площади его имени.

Высокое четырехэтажное здание, и в нем сохранилось жилище великого художника с обстановкой той эпохи. Но ни одной его картины там не было: 1928 год был годом Дюрера, 400 лет со дня его смерти. И все его работы из всех музеев мира были свезены в Нюрнберг и выставлены на Юбилейной выставке в замке.

Ганс Закс, знаменитый поэт-сапожник, современник и друг Дюрера. Вот и его жилище, и он сидит рядом в кресле и тачает сапог. Каменный поэт. Ганс Закс увековечен в превосходном памятнике.

Церковь святого Зебальда, построенная в XIII веке. Но войти в нее нельзя, как и в расположенную рядом харчевню того же времени: реставрационные работы.

Церковь святого Лоренца.

Знаменитый бронзовый фонтан на маленькой площади.

И другие замечательные творения рук человеческих: императорский дворец, построенный во времена Фридриха Барбароссы в XII веке, пиршественные залы, опочивальни.

Недалеко от императорского замка — Тифбрунен, Глубокий колодец. Вы бросаете в него монету и долго ждете, пока донесется всплеск воды, так он глубок. А для чего же он тут был вырыт?

Невдалеке стоит «Eiserne Jungfrau» — «Железная дева». Ее грудь и живот представляет дверь, которая изнутри усажена длинными острыми шипами. Приговоренного к смерти вталкивали внутрь «Железной девы» и медленно закрывали дверь. Когда она прилегала плотно, человек был мертв. Дверь снова открывали, высвобождали из трупа шипы, раскрывался люк в дне, и тело проваливалось в глубокий колодец. Подземный бурный поток уносил его.

В пятиугольной башне, оставшейся от старинного вала вокруг города, размещен музей пыток.

Дыба, железные сапоги, обруч, стискивавший голову, щипцы, крючья, бичи из толстых ремней, топоры, кувшины для пытки водой, плахи, на которых отрубали головы, колесо для колесования. Все эти атрибуты средневековой «юстиции» — подлинные, все они были в работе, на некоторых еще остались следы крови. А на стенах старинные гравюры: орудия пыток представлены в действии.

Когда я осматривал этот единственный в своем роде музей, не могло и в голову прийти, что всего через пять лет в гитлеровской Германии, в двадцатом веке, будут далеко превзойдены садистской изощренностью, беспредельной жестокостью пытки средневековья. Фантазии заплечных дел мастеров того времени не хватило бы для изобретения всего того, что внесли в технику мучительства гиммлеровские «эксперты».

Нюрнберг, старинный город, поразительный памятник немецкой культуры, к сожалению, вошел в историю еще и как родина Гогенцоллернов, и как место нацистских сборищ.

В 1415 году нюрнбергский маркграф Фридрих Гогенцоллерн получил от императора Бранденбург в залог, а в 1417-м стал его владельцем, и с тех пор Гогенцоллерны правили сперва Бранденбургом, потом Пруссией, наконец, Германией, причинив немецкому народу неизмеримое зло.

«Партайгеленде» называлась территория фашистских «съездов». Шпеер, придворный архитектор Гитлера, возвел массивные железобетонные трибуны, на которых располагались нацистские главари. В центре этого мрачного, давящего сооружения — вынесенная вперед небольшая площадка, к ней ведут ступени, по которым спускался Гитлер, выйдя из портала главной трибуны. Освещенный прожекторами, он стоял один перед микрофоном, и по всей огромной площади, на всю Германию, на весь мир разносился его лающий голос. . .

Зимним январским утром 1946 года мы, советские корреспонденты на Нюрнбергском процессе, посетили «солдатский плац» — так американцы переименовали «партайгеленде».

Мы взошли на трибуны через расположенный позади главный вход, а затем через фасадный портал сошли по ступенькам на гитлеровскую трибуну. Перед нами

расстилалась огромная, слегка заснеженная, изрытая ямами, пустынная площадь...

А ведь не так давно тут выстраивались плотными рядами десятки тысяч штурмовиков, эсэсовцев, юнцов из «гитлерюгенд» с бесчисленными знаменами, транспарантами, факелами — «элита расы господ», готовая двинуться в поход для завоевания мира.

13

Мюнхен называли германскими Афинами. И по праву. Древняя столица Баварии с середины прошлого века стала одним из художественных центров Германии. В мюнхенских музеях — Глиптотеке, Старой и Новой пинакотеках — собраны богатейшие коллекции классической и новой живописи, памятники античной скульптуры. Эти художественные богатства издавна привлекали в Мюнхен художников, и город был местом учебы многих поколений живописцев, графиков, скульпторов.

Потому-то перебрался в Мюнхен из Вены и молодой австриец, трижды неудачно пытавшийся поступить в Венскую Академию художеств, Гитлер. Но у Адольфа Гитлера и в Мюнхене не получилась карьера художника.

Швабинг — район Мюнхена, в котором гнездилась художественная богема. В ее рядах было немало деклассированных люмпен-интеллигентов, предшественников нынешних битников и хиппи.

Их-то и окрестили именем «швабингер-тип»: полуобразованные, с непомерным честолюбием, с травмированной неудачами нервной системой. Адольф Гитлер был одним из них, когда переселился из Вены в столицу Баварии.

Летом 1928 года звезда главаря скандально провалившегося «пивного путча» вновь восходила на политическом небосклоне Германии. Мюнхен стал столицей нацизма. Здесь находились штаб-квартира гитлеровской партии, руководство штурмовых отрядов. Здесь же Гиммлер сколачивал черную гвардию СС.

Я не был в знаменитой пивной, в которой 8 ноября 1923 года Гитлер провозгласил себя рейхсканцлером Германской империи. Но я посетил гигантские биргалле двух

мюнхенских пивоваренных заводов — «Левенброй» и «Хофброй». Вот что это такое.

Огромный зал в нижнем этаже и такой же во втором. В первом зале публика попроще. А на втором этаже вечером после театров и концертов собираются почтенные бюргеры с дамами в вечерних платьях. Они располагаются вдоль длинных деревяннных столов и осушают пиво из литровых кружек. В зале стоит неумолчный шум от возгласов «Прозит!», от стука кружек о стол. Проворные кельнеры быстро заменяют пустую кружку полной, и перед почтенным джентльменом вырастает горка круглых подставок. По их числу кельнер получает деньги.

Вот здесь-то, в этой нарочито непринужденной обстановке, которая так не похожа на фешенебельные рестораны, мюнхенские заправилы банков, промышленных трестов, торговых фирм воображали себя детьми свободной богемы.

Зендлинг — окраинный район Мюнхена к югу от Главного вокзала, населенный рабочими, ремесленниками, мелкими служащими и чиновниками.

Воскресенье, 11 часов утра. На щитах множество афиш со свастикой, на митинге НСДАП будет говорить Гитлер [1].

Дешевый кинотеатр. У входа красные знамена с черной свастикой... Штурмовики на контроле (вход — 50 пф. и 1 марка). Зал, с рядами стульев впереди и скамьями позади, заполнен. Много женщин, пожалуй, более половины аудитории, по одежде, по виду жены торговцев, служащих, чиновников. Дам из крупной буржуазии в зале мало. Молодежи немного, большинство — люди средних лет, немало и пожилых — преимущественно мужчины. В мужской части аудитории заметны и рабочие.

Сцена украшена огромными полотнищами нацистских знамен... На ней — только трибуна, стола для президиума нет. Вдоль рампы — линейка штурмовиков.

На улице раздаются звуки оркестра... На сцену

---

[1] В 1925 году Гитлеру было запрещено выступать публично, так как он в первой же речи после выхода из тюрьмы призывал готовить новый переворот. Запрет был в Баварии отменен в 1927 году, а в остальной Германии только осенью 1928 года по указанию рейхсканцлера Мюллера.

поднимаются шеренги штурмовиков, выстраиваются лицом к уже стоявшим, так что между ними — проход.

И вот сбоку быстро выходит среднего роста, плотный человек, с небольшими усиками, с пробором посреди головы, но без свисающего на лоб клока волос.

Штурмовики выбрасывают вверх правую руку, кричат:

— Хайль Гитлер!

Многие, но не все в зале делают то же самое, женщины вскакивают, что-то выкрикивают.

Гитлер, не глядя в зал, твердыми шагами проходит к трибуне, поднимается на нее. . . Перед аудиторией — типичный бюргер среднего достатка.

Гитлер говорит почти без жестов, держа руки на животе, а когда жестикулирует, то руки совершают движение не от плеча, а только от локтя. Голос его звучит металлически, он рычит, когда бросает в толпу «шлагеры» — ударные места речи.

Моментами доводит себя до крайней экзальтации, женщины отвечают ему истерическими всхлипываниями.

Речь Гитлера состоит из отдельных, не связанных между собой утверждений-выкриков; он обращается не к разуму, а к чувствам, даже к инстинктам толпы.

Гитлер заявил однажды: «Все сильные, перевернувшие мир достижения пропаганды были достигнуты не письменным, но устным словом».

Он не раз говорил своим приближенным: если бы он знал, что будет рейхсканцлером, то никогда не написал бы книги «Майн кампф».

Геббельс как-то воскликнул:

— Если бы богу было угодно, мы никогда не слышали бы об этих несчастных 25 пунктах (программы НСДАП).

Такая боязнь слова, запечатленного на бумаге, понятна: демагогия не хочет оставлять улик против себя. А говорить перед наэлектризованной толпой можно все, что угодно. . .

Гитлер так делал и в то утро, когда я его слышал.

— В молодости я был рабочим, и я пробил себе дорогу с помощью усердия, исполнения долга и голода.

. . .Ложь! — лишь короткое время в Вене он чернорабочим трудился на стройках. Основным источником его

заработка, кроме денег, получаемых от сестер, были рекламные плакаты, эскизы для портных, пейзажики. Он их малевал, а сбывали на рынке его друзья-агенты.

— Богачи, ростовщики, банкиры пьют вашу кровь. Цены непрерывно растут, налоги становятся все больше и больше, и жить простому человеку все труднее и труднее.

Крики в зале:

— Да, да! Кровопийцы!

...Эти люди и вообразить не могли, что Гитлер — частый гость у этих самых кровопийц и говорит им совсем, совсем другие речи.

— Мы должны сбросить ноябрьских преступников в Берлине... Теперь они устроили большую коалицию с марксистами, и во главе их предатель Мюллер, который подписал Версальский диктат...

Крики:

— Позор! На фонарь их!

...Эти люди не знали, что именно Гитлер был предателем в 1923 году.

— Старые партии, все эти «фелькише», «национале», «Центр», обанкротились, и их нужно убрать, чтобы спасти Германию...

...Вскоре Гитлер вступил в союз с этими партиями («Гарцбургский фронт»), с их помощью захватил власть, ну, а потом разогнал и эти буржуазные партии...

— На выборах нам отдали свои голоса 800 тысяч настоящих немцев, и вы были среди них. Я вижу — уже почти миллион идет с нами. Я предсказываю сегодня торжественно: скоро, скоро с нами будут миллионы.

...На досрочных выборах 1930 года, когда жестокий кризис уже обездолил миллионы людей, за нацистов голосовали 6,4 миллиона человек.

Гитлер продолжает:

— Германия не виновна в войне, она защищалась. А теперь она требует возвращения земель, отторгнутых от нее. Границы 1914 года тесны нам. Все немцы должны быть в нашем отечестве! Один народ, одно государство! — наш лозунг.

Тут в зале началось неистовство. Все вскочили, орали, стучали ногами... А Гитлер был спокоен, и его невозмутимость резко контрастировала с возбуждением аудито-

рии. То был ораторский прием: заворожить толпу каменной выдержкой.

Так Гитлер изложил основные требования промышленных, финансовых, юнкерских тузов. Их программу он уснастил демагогическими заклинаниями, обращенными к вульгарным предрассудкам, к низменным инстинктам толпы.

Он смолк и стоит неподвижно, подняв руку в фашистском приветствии.

Раздаются бешеные вопли:

— Да здравствует наш фюрер! Хайль Гитлер!

Многие женщины — в истерике... Мужчины бросаются к сцене, к трибуне. Но штурмовики стоят стеной, никого не подпускают к Гитлеру.

Вождь — и массы: их должно отделять расстояние, дистанция мистической тайны могущества вождя...

Так я видел и слышал «фюрера» летом 1928 года — единственный раз в жизни.

В последующие годы я видел Гитлера только на снимках в газетах и журналах, в кадрах кинохроники; приходилось слышать по радио его голос, из года в год становившийся все более хриплым, лающим.

14

Посещением Мюнхена закончились мои странствия по Германии в 1928 году.

По пути в Москву несколько дней я провел в Берлине.

Художественные музеи Берлина (Старый и Новый, картинная галерея) куда менее интересны, чем музеи Дрездена и Мюнхена. И я осмотрел их бегло, для «очистки совести».

Но в Военном музее в старинном Цейхгаузе на Унтер-ден-Линден я задержался часа на два. Музей был создан в 1881 году при Бисмарке и Мольтке, и предназначено было ему прославлять прусско-германскую военную мощь, победы немецкого оружия. Семилетняя война (1756—1763) и войны 1864, 1866 и 1870 годов были основными объектами экспозиции. Портреты Фридриха, его генералов, картины с видами только тех баталий, в которых он одерживал победу, знамена, пушки, мушкеты и прочее оружие прославляли «старого Фрица», кумира

прусско-германского милитаризма. Еще помпезнее были представлены войны Бисмарка и Мольтке, в результате которых возникла новая «Священная Германская империя прусской нации» (по выражению Энгельса).

Так было в 1928 году. А 2 мая 1945 года в полуразрушенном Цейхгаузе я не нашел ничего, кроме нескольких стареньких пушек и выставки «Оружие бандитов» — то есть советских партизан.

Копавшийся в мусоре в одном из залов Цейхгауза старик, типичный отставной солдат, на ломаном русском языке попросил козью ножку... Он был в русском плену в 1916—1918 годах и научился скручивать цигарку из махорки. Получив пару сигарет, он долго и смиренно благодарил, а затем стал рассказывать, что служит здесь вахтером...

— Вот в этом месте, — говорил он, — стоял фюрер два года назад, в день памяти павших героев, и клялся, что полмиллиона немецких солдат, убитых на Восточном фронте, будут отомщены. Приняты все меры, которые обеспечат успех немецкого оружия вплоть до окончательной победы... Так говорил фюрер, — закончил старик со вздохом. — А что же вышло? — Он махнул рукой и заковылял к куче мусора, которую разгребал.

Из Цейхгауза я отправился в Потсдам, в резиденцию «старого Фрица».

Замок Сан-Суси, выстроенный Фридрихом в стиле немецкого рококо, комнаты короля, кабинет, в нем пюпитр с нотами, флейта, кресло, в котором Фридрих скончался, прожив 74 года 6 месяцев и 24 дня, из коих на троне 46 лет 2 месяца 18 дней.

Похоронен он не в заранее указанной могиле, а в Гарнизонной церкви Потсдама рядом с отцом. Строгой, как все лютеранские храмы, церкви соответствует простое, невысокое мраморное надгробие на могиле Фридриха.

Я глядел на место вечного упокоения человека, который был самым выдающимся из всех 19 Гогенцоллернов, занимавших трон в Берлине с 1417 по 1918 год, глядел и думал о его сложной натуре.

Высокообразованный представитель «просвещенного абсолютизма», друг Вольтера, Дидро, Даламбера, выдающихся мыслителей XVIII века, Фридрих оставался в то же время истинно прусским солдафоном... Автор кни-

ги «Анти-Макиавелли», в которой опровергалась политическая система макиавеллизма с ее методами лжи, вероломства, хитрости, Фридрих в своей деятельности пользовался именно и только такими политическими методами, чем и увековечил себя в памяти людей, по справедливому замечанию английского историка Т. Маколея.

Присоединившись к общеевропейскому договору о защите прав молодой императрицы Марии-Терезии от возможных покушений, Фридрих, как только она вступила на престол, предъявил мифические права на Силезию, вторгся в эту провинцию без объявления войны и быстро овладел ею.

Ценою четырехкратного нарушения своего слова и в результате двух войн Фридрих добился признания захвата Силезии, но заодно обеспечил себе репутацию «политика, лишенного совести в такой же мере, как и благопристойности, ненасытно-жадного и бесстыдно ленивого» (привожу слова английского биографа Фридриха).

Теперь, вспоминая о давнем посещении Потсдама, я перечитываю заключительные строки десятитомной истории Фридриха, написанной его горячим поклонником Томасом Карлейлем, который чтил «старого Фрица» как одного из выдающихся героев истории:

«Я определяю его для себя как Последнего из Королей — когда явится следующий, это очень большой вопрос! Но мне кажется, что Нации, все Нации, одна за другой, в их отчаянии — ослепленные, поглощенные, подобно Ионе, китовым чревом отвратительного, жестокого, опустошительного порядка вещей, — что все Нации без исключения, и Англия тоже, если она выстоит, могут более и более задумываться о таком Человеке с его Функциями и Свершениями, с чувствами, совсем иными, чем возможно теперь. . .»

Так Карлейль тосковал о новом Фридрихе.

Быть может, Рок истории услышал его и послал Германии Гитлера?

15

Я покидал Германию летом 1928 года, никак не предполагая, что вновь окажусь в этой стране только через 17 лет, после ее разгрома в новой мировой войне!

Я не пишу истории Германии и потому не стану говорить о том, как Гитлер пришел к власти, как установилась в Германии фашистская диктатура.

Все это хорошо известно. Но о двух аспектах этих событий хочется упомянуть: о роли лидеров социал-демократии и о роли генералитета.

В годы Веймарской республики Эберт и его коллеги неизменно отказывались от единых действий с коммунистами и сотрудничали с буржуазными партиями — во имя укрепления капиталистического строя. Когда в Германии угроза фашизма вырисовалась достаточно ясно, руководство социал-демократической партии не могло, да и не хотело дать точного, научного анализа фашизма. Демагогическим лозунгом «Германия не Италия» верхушка партии прикрывала отказ от борьбы против надвигавшейся на страну «коричневой чумы». В ноябре 1932 года, когда Гитлер и его коричневая рать переживали серьезный политический кризис, лидеры социал-демократии отклонили призыв коммунистов к объединенным решительным действиям.

Предательство наследников Эберта, Носке, Шейдемана достигло высшей точки в решающие дни января 1933 года.

Коммунисты вновь требовали единства действий всего рабочего класса, чтобы не допустить передачи власти Гитлеру. Компартия предлагала объявить всеобщую забастовку, вывести миллионную армию рабочих на улицы.

Но лидеры социал-демократии призывали рабочих к «спокойствию» и писали в своем центральном органе «Форвертс»: «Начинать всеобщую забастовку сегодня означало бы бесцельно израсходовать боеприпасы рабочего класса».

На заседании правительства 30 января, то есть сразу же после его назначения рейхсканцлером, Гитлер сказал, что «боится возможной тяжелой внутриполитической борьбы и возможной всеобщей забастовки. Если поставить вопрос, что для экономики более опасно — связанная с новыми выборами неуверенность и беспокойство или всеобщая забастовка, то, по его мнению, нужно прийти к выводу, что забастовка для экономики опаснее».

Геринг успокоил Гитлера: по его данным, социал-демократы в настоящий момент не будут участвовать в забастовке.

На что же ориентировались лидеры партии, отвергая путь открытой классовой борьбы против угрозы фашистской диктатуры? Ответ дал «Форвертс» 28 января 1933 года, за 2 дня до перехода власти в руки Гитлера.

«Гарцбургский фронт (блок всех правых партий, включая НСДАП) без парламентского большинства означает государственный переворот и гражданскую войну. Конституционность может быть обеспечена, только если Гитлер создаст парламентское большинство и если будет дана гарантия, что Гитлер исчезнет, как только он потеряет это большинство».

Гарантия! Какая? Чья?

Столь беспредельный «парламентский кретинизм» не был случаен. Политика лидеров социал-демократии в критический момент немецкой истории была логическим завершением всего предательского пути правой верхушки партии, начиная с голосования 4 августа 1914 года за военные кредиты и поддержки кайзеровского правительства и развязанной им империалистической войны.

Один из лидеров партии, бывший министр внутренних дел Зеверинг, давая свидетельские показания Международному военному трибуналу в Нюрнберге, вынужден был признать:

— Мы сделали очень мало — не было организованного и централизованного сопротивления Гитлеру...

Если бы Зеверинг хотел говорить правду, то ему следовало бы прибавить:

— Более того, мы поддержали Гитлера...

Ведь семнадцатого мая 1933 года социал-демократическая фракция рейхстага поддержала Гитлера и голосовала за предложенную им программу внешней политики Германии, программу, которая демагогическими фразами о «неизменном стремлении к миру» призвана была обмануть и немецкий народ и весь мир.

Читая теперь мемуары гитлеровского фельдмаршала Эриха Манштейна «Из одной солдатской жизни», я был поражен совпадением точки зрения лидеров социал-демократии с тем, как отнесся к фашистскому перевороту тогдашний командир батальона в Кольберге.

«Перемена в Берлине, рассматриваемая из Кольберга, представлялась как попытка заменить систему «президиального правления» [1], которую явно невозможно было дальше поддерживать, государственным руководством, которое найдет в парламенте большинство. Рейхспрезидент поручил составление правительства руководителю сильнейшей партии».

Какое трогательное совпадение точек зрения лидеров социал-демократии и военщины!

Гренер, с 1928 по 1931 год бывший военным министром, а в 1932-м — и министром внутренних дел, в качестве такового встретился с Гитлером в начале 1932 года. Гитлер, сказал он после беседы, «симпатичный, скромный, порядочный человек, он стремится к лучшему». Его цели хороши, но не все средства приемлемы, поэтому «бороться надо только против извращений, а не против самого движения». Гренер поддерживал передачу власти Гитлеру.

Главнокомандующий рейхсвера генерал Гаммерштейн после беседы с Гитлером осенью 1931 года признал: «Гитлер хочет того же, что рейхсвер». Поэтому 27 января 1933 года Гаммерштейн объявил, что лишь Гитлер может возглавить правительство.

И Гитлер с полным правом сказал на съезде НСДАП в 1933 году:

— Господа генералы, господа офицеры, тем, что я стою здесь, я обязан вам и лояльной поддержке рейхсвера.

Так исполнилось пророчество Гитлера на процессе 1924 года: нацизм и военщина заключили союз и сообща повлекли Германию в пропасть.

А об этом предупреждал даже Людендорф, написавший Гинденбургу:

«Назначив Гитлера рейхсканцлером, вы выдали наше немецкое отечество одному из величайших демагогов всех времен. Я торжественно предсказываю, что этот человек столкнет наше государство в пропасть, ввергнет нашу нацию в неописуемое несчастье. Грядущие поколения проклянут вас за то, что вы сделали это».

Что ж, Людендорф оказался неплохим пророком!

[1] Манштейн говорил о кабинете Шлейхера, который не имел большинства в рейхстаге и управлял страной по мандату президента.

ВОЙНА В ЭФИРЕ

Геббельса, когда он умер, задержали у врат рая и отослали в ад. Чтобы облегчить ему путь, апостол Петр показал через подзорную трубу уголок ада. Геббельс увидел бар с дорогими напитками и обнаженными девушками. Но когда он прибыл в ад, он нашел там совсем другое: ужас и муки. На вопрос, что же он видел раньше, дьявол ответил, пожимая плечами:

— Пропаганда!

Берлинский анекдот времен войны

1

21 июня 1941 года около полуночи я стоял в Калинине на берегу Волги.

Художественный руководитель драматического театра и актеры предложили полюбоваться белой ночью, а заодно продолжить разговор о спектаклях, которые я смотрел по поручению ВТО и Комитета по делам искусств.

Но беседа наша незаметно и быстро с театральных рельсов соскочила на политические, а точнее — на военные.

В эту ночь с 21 на 22 июня на волжском берегу мы говорили о том, насколько близка война. . .

Разумеется, ни к какому определенному выводу мы не пришли и расстались, не подозревая, что на мучающий нас, да и весь советский народ вопрос уже дан ответ.

Часов в шесть утра я сел в проходящий скорый поезд и в одиннадцатом часу утра 22 июня с Ленинградского вокзала на такси поехал домой на Арбатскую площадь.

Полных тридцать лет протекли с тех пор, а я как сейчас вижу Театральную площадь, Большой театр, гостиницу «Москва» — весь привычный пейзаж центра столицы. Малолюдный, мирный, спокойный воскресный день обещал быть ясным, жарким, хорошим летним днем. Москвичи неторопливо шли в магазины, входили на станции метро. . . А уже гремели орудия на тысячекилометро-

вом фронте, падали бомбы на наши города и защитники Бреста вели свою бессмертную борьбу.

В 4 часа дня в Союзе писателей состоялся короткий митинг, и после него долго мы не расходились и во дворе союза продолжали обсуждать, что конкретно каждому литератору нужно теперь делать в едином строю защитников революции и отечества.

К штыку приравнивать перо советские литераторы научились в огне гражданской войны, и на груди Демьяна Бедного орден Красного Знамени возвестил о боевых заслугах молодой советской литературы. В Великой Отечественной войне участвовали тысячи писателей и журналистов. И работникам фронтовых, армейских, дивизионных газет иной раз приходилось сменять перо на автомат.

В Центральном Доме литераторов увековечены на мраморе славные имена тех, кто не вернулся с поля боя к письменному столу.

Д. А. Поликарпов, поставленный сразу же после начала войны во главе Радиокомитета, привлек меня к участию в контрпропаганде по радио, вероятно потому, что в 1938—1939 годах я опубликовал большие статьи — «Ночь в Этшере», «Меттерних награждает Казимира Перье», «Биарриц, Садова, Седан». В них на исторических примерах показывалась гибельность «мюнхенской» политики умиротворения агрессоров, напоминалось, как кумир германского милитаризма Фридрих II терпел поражения от России.

Словом, у меня был к началу войны некоторый опыт в борьбе с фашистской пропагандой. А в первые недели войны я на страницах «Литературной газеты», «Советского искусства», «Московской правды» опубликовал несколько статей: «Идеология людоеда», «Игра ва-банк», «Гитлер ненавидит русский народ», «Стратегия морального ничтожества», «Страницы прошлого».

С Дмитрием Алексеевичем Поликарповым я впервые встретился до войны, когда он работал в Управлении пропаганды ЦК партии.

На радио мы проработали вместе почти до конца войны, и я ближе узнал этого незаурядного человека. Он располагал к себе прямотой характера, принципиальностью.

Его коммунистическая убежденность, партийная твердость внушали глубокое уважение. А внимательность к людям, человеческая отзывчивость прибавляли к уважению искреннюю симпатию. И даже приступы вспыльчивости и гнева, иной раз охватывавшие его, не изменяли этого отношения, так как его гнев был обычно вполне оправдан. На новом посту главы радиопропаганды внутри страны и за ее рубежами Дмитрий Алексеевич проявил себя умелым руководителем нового дела контрпропаганды в условиях войны.

Трудно было найти верный тон в обращении к немецкому тылу в обстановке первых успехов вермахта и оглушающей пропаганды Геббельса и его подручных. Но постепенно мы приобретали опыт, и наши материалы становились более целенаправленными, острыми, активными. Наш лозунг был — не обороняться, а наступать, говорить правду одурачиваемому немецкому народу, обличать Геббельса и его рать в демагогии и лжи.

И очень большую роль в правильной «настройке» нашего пропагандистского оркестра сыграл неутомимый, настойчивый, быстро ориентирующийся «дирижер» Дмитрий Алексеевич.

Были развернуты большие отделы по странам — вещание на Германию, на ее сателлитов, вещание на оккупированные фашистами страны, вещание на нейтральные страны, вещание на союзные с нами страны. В этих отделах активно работали виднейшие политические деятели — Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Вильгельм Пик, Георгий Димитров, Клемент Готвальд, Долорес Ибаррури и другие коммунисты, а также многие писатели, журналисты, деятели культуры из стран Европы, Азии, Америки.

Для отделов по странам материалы контрпропагандистского характера готовил особый отдел контрпропаганды, в котором я занимался, если будет так позволено сказать, персоной доктора Иозефа Геббельса. В организации отдела, в поисках верных методов работы многое сделали товарищи, возглавлявшие отдел, в особенности же М. А. Цейтлин, опытный и талантливый журналист-международник.

Как-то мой друг, известный писатель Николай Николаевич Никитин, увидел, что я работаю дома на пишущей машинке, у которой испортился лентоводитель. Приходилось подставлять утюг к выступающему краю вала механизма, чтобы лента двигалась.

Никитин рассмеялся и сказал:

— Против Геббельса с утюгом!..

Под этим шутливым лозунгом я и работал в незабываемые дни и годы войны...

2

Изо дня в день, из месяца в месяц четыре долгих года войны вели мы войну в эфире с пропагандистской машиной доктора Иозефа Геббельса.

«Даже не полные полтора десятилетия находилась Германия, да и не только один немецкий народ, под влиянием того духовного опиума, который каждодневно распространяло геббельсовское пропагандистское искусство. Но это относительно короткое время показало всему миру, какая огромная мощь, какая разрушительная воздействующая сила может быть присуща пропаганде и способна исходить из нее».

Так характеризует нацистскую пропагандистскую «кухню ведьмы» биограф Геббельса Вилли Бёльке.

В 1943 году в день десятилетия своего пребывания на посту министра пропаганды Геббельс самоуверенно изрек:

«Я верю, что в мире нет никого, кто усомнился бы в огромном значении министерства пропаганды для немецкой государственной политики».

Если мы отбросим бахвальство Геббельса, то все же останется изрядная доля истины в его оценке нацистской пропаганды. Да, «кухня ведьмы», им руководимая, умела изготовлять и распространять сильнодействующую отраву!

Теперь и в ФРГ, и за ее пределами, в США, Англии, Италии, книги, посвященные Геббельсу и его деятельности, по численности едва ли уступают книгам о самом «фюрере».

Очевидно, опыт Геббельса делается все более ценным для некоторых кругов буржуазии — по мере того как

обостряются классовые противоречия и интенсивнее становится идеологическая борьба между капитализмом и коммунизмом.

Учиться у Геббельса — таков смысл возрастающего интереса к личности и к методам работы бессменного шефа гитлеровского ведомства психологической и идейной обработки людей.

В потерпевшей в 1918 году поражение, охваченной глубоким социальным и политическим кризисом Германии Геббельсу, выходцу из наиболее пострадавшей мелкобуржуазной среды, угрожала судьба пролетаризированного, не находящего «места под солнцем» интеллигента.

Самовлюбленный честолюбец искал верных средств, чтобы добиться признания людей, которые, он понимал, будут издеваться над ним, обделенным судьбой калекой. И он решает: политика именно та область, где можно завоевать власть над «людским стадом».

Но какая политика? В потрясенной до основания стране был выбор между двумя радикализмами — пролетарским и мелкобуржуазным. Первый был революцией и социализмом, второй — контрреволюцией и фашизмом.

Геббельс выбрал фашизм.

Как свидетельствует В. Бёльке, «исследование народной души, изучение с неутомимым усердием сочинений Лебона и Ницше родили пренебрежение и цинизм, но также дали страстное убеждение, что необходимо искусство демагогического воздействия на народ, чтобы подчинять массы своей воле».

Проживший 90 лет (1841—1931) французский философ-идеалист и реакционный социолог, врач по образованию Густав Лебон в своих трудах обосновывал теорию неравенства рас, их разделения непроходимой умственной пропастью на высшие и низшие. Он излагал учение о «душе расы» как извечной и неизменной мистической субстанции.

В книге «Психология толпы», проникнутой крайним антидемократизмом и презрением к народным массам, Лебон уже в конце XIX века, в канун империалистической эры, дал теорию буржуазной демагогии:

«Главною характеристическою чертою нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы», в которой «может происходить накопление только глупости, а не ума».

Глупость и бессознательность толпы с помощью внушаемых иллюзий используют «вожди» — люди действия, судьбой предназначенные повелевать толпой.

Так учил Лебон. Его книги в конце XIX — начале XX века были переведены на многие языки, а в Германии незадолго до первой мировой войны «Психология толпы» была издана дважды. Знаменательно, что она переиздана теперь в ФРГ. . .

Не один Лебон был учителем Геббельса.

В 1921 году в Германии вышла книга «Пропаганда как политический инструмент», написанная Э. Штерн-Рубартом. С этим видным германским журналистом, работавшим во время первой мировой войны в официальном телеграфном агентстве Вольфа, я встретился в Кельне в 1928 году. Когда я ему сказал, что знаком с его книгой и интересуюсь проблемами пропаганды, Э. Штерн-Рубарт охотно вступил в беседу.

— Вы настаиваете в книге на необходимости создания «имперского пропагандистского ведомства» для объединения всей пропаганды. Не опасаетесь ли вы, что такое ведомство приобретет огромную власть и подчинит воле правительства всю печать, литературу?

Штерн-Рубарт живо возразил:

— Почему же? Наоборот, содействие демократического правительства, каким, например, является наше, только поможет правильно и беспристрастно формировать общественное мнение.

— Беспристрастно? А не появится ли у снабженного полномочиями и средствами «ведомства» желание и возможность искусно фальсифицировать беспристрастность и объективность?

Штерн-Рубарт покачал головой:

— Это невозможно! Мы ведем пропаганду только на глубоко этичной основе, в силу глубочайшего и благороднейшего морального чувства. . .

Не подозревал в 1928 году бедняга Штерн-Рубарт,

что через пять лет некий доктор Геббельс, внимательно читавший книгу «Пропаганда как политический инструмент», осуществит его идею и создаст министерство пропаганды, которое станет организатором и руководителем далеко не «благороднейшей моральной» пропаганды.

Геббельс вступил в ряды национал-социалистской партии в 1921 году и быстро сделал в ней карьеру. Сперва он был секретарем Грегора Штрассера, лидера так называемого «левого крыла нацизма». Но когда Геббельс убедился в том, что хозяином партии является не Штрассер, а Гитлер, он немедленно переметнулся на его сторону.

Гитлер оценил способности колченогого доктора и сделал его ближайшим своим помощником. В 1925 году Геббельсу было поручено руководство берлинской организацией партии, а в марте 1933 года он был поставлен во главе министерства пропаганды — «Проми», как его называли, а затем назначен рейхслейтером пропаганды внутри партии.

«Отличительная его черта — жульничество во всех возможных формах и масштабах», — свидетельствует длительное время наблюдавшая деятельность Геббельса дочь посла США в Берлине Марта Додд.

А. В. Путлитц, настроенный антифашистски германский дипломат, работал некоторое время в отделе печати министерства пропаганды и видел, «какое дьявольское удовольствие он (Геббельс) получает, когда ему удается при помощи различных трюков обвести вокруг пальцев легковерного человека... Его наглость, его уменье превращать белое в черное были просто потрясающими».

В 1934 году Геббельс ездил в Женеву на заседания Лиги наций.

Как рассказывает Пауль Шмидт, главный переводчик министерства иностранных дел, дипломаты и журналисты с интересом ожидали появления «дикого человека» из Германии, прославившегося своим фашистским неистовством... Они были удивлены: перед ними предстал прилизанный, корректный, улыбающийся и говорящий нормальным человеческим языком господин.

Они не видели, как отводил душу Геббельс, оставаясь в кругу «своих».

Убежденный, что он ловко одурачил всю мировую прессу, Геббельс в салоне отеля становился самим собой, рассказывал различные истории из своей деятельности в Берлине в годы, предшествовавшие захвату власти. А это была деятельность не только словом: он участвовал в бесчинствах штурмовиков на улицах, в избиениях политических противников, в еврейских погромах.

— Вот было время, черт возьми! Боевое время! Пожалуй, лучше, чем теперь, когда мы у власти и все идет как по маслу...

Так восклицал «дикий человек», сбросив маску цивилизованности.

В дневнике Розенберга много записей о «художествах» шефа пропаганды. Правда, Розенберг завидовал Геббельсу и интриговал против него, стремясь занять его место и объединить в своих руках всю идеологическую работу в Германии. Но то, что он сообщает о Геббельсе, не было выдумкой.

Геббельс принуждает подчиненных ему женщин к сожительству, говорил Розенберг Гиммлеру.

Гиммлер с ним согласился:

— Сегодня Геббельс самый ненавистный человек в Германии. Об этом я сказал фюреру, а он ответил: «Вы знаете, такой тип человека, как доктор Геббельс, мне совершенно чужд, но я воздерживаюсь от приговора...»

Ответ «фюрера» не должен нас удивить: Гитлер любил стравливать своих подручных, чтобы крепче держать их в руках. Он выслушивал жалобы на Геббельса, равно как жалобы Геббельса на его соперников, и поступал так, как находил нужным.

Из своего положения Геббельс извлекал все материальные выгоды, какие только было возможно: издавал большими тиражами свои книги, ставил в театрах свои пьесы, имел доходы в кино.

Таков был доктор Иозеф Геббельс — коварный, подлый, алчный карьерист с бесспорным талантом беспринципного, ничем не брезгающего демагога.

Его личные качества были в полном соответствии с деловыми: пропаганда античеловечной, насквозь безнравственной фашистской идеологии требует от ее руководителей именно такого психологического и морального облика, каким обладал Геббельс, этот, по определению В. Бёльке, «пропагандист par excellence».

3

Однажды Геббельс изрек:

— Государственный деятель, который может принимать свои решения, не считаясь с настроениями и мнением народа, имеет огромное преимущество перед тем, кто вынужден каждое свое мероприятие оправдывать перед общественным мнением.

Геббельс точно определил основное условие своей деятельности: наличие открытой фашистской диктатуры.

Он ясно изложил основной принцип нацистской пропаганды как демагогического насилия над разумом и волей немецкого народа.

«Национал-социалистская пропаганда с самого начала постоянно обращалась к простому человеку из народа и не делала попытки наставлять интеллектуалов. У интеллектуала никогда не будет силы сделать свои идеи близкими человеку с улицы. Примитивнейшие аргументы наиболее действенны и находят у массы наибольшее одобрение».

Если коротко выразить смысл этой длинной тирады, то он таков: «Чем больше ложь, тем легче ей верят». Так декларировал «сам» Гитлер.

Но было бы грубой ошибкой понимать этот верховный закон фашистской, да и вообще всякой буржуазной пропаганды как призыв врать напропалую, на манер бессмертного барона Мюнхгаузена.

Нет, «большая ложь» демагога всегда включает какую-то долю правды, конечно микроскопическую, но все же частицу истины. Без этого правдоподобия «маленький человек» раскусил бы «большую ложь».

Вилли Бёльке назвал важнейшим свойством «искусства» Геббельса то, что «через относительную откровен-

ность в признании частичной правды он не только придавал своей пропаганде необходимую окраску правдоподобия, но одновременно добивался того, что нередко исходившая из уст врага очень опасная правда с трудом достигала народа».

Вилли Бёльке суммировал принципы нацистского «искусства пропаганды»:

1. «Искусство» упрощения, так как только простейшие аргументы доступны пониманию и увлекают массы.

2. «Искусство» постоянного повторения, непрекращаемого вдалбливания тезисов, паролей и лозунгов пропаганды — разными словами и так долго, пока их не поймет «наиглупейший».

3. «Искусство» обращаться только к инстинктам, эмоциям, чувствам и страстям народа и не делать заранее обреченных на неуспех попыток убедить в своих идеях интеллектуалов с помощью рациональных аргументов.

4. «Искусство» преподносить факты под видом объективности, но тенденциозно окрашенные при помощи отбора и способа изображения.

5. «Искусство» замалчивать неприятные факты, — разумеется, поскольку правда не достигла общественного мнения иным способом.

6. «Искусство» лгать правдоподобно, причем повторение лжи, границы которой определяются «правдоподобием», способно творить чудеса.

Трудновато было геббельсовским подручным овладевать этим «искусством», о чем свидетельствует и такой факт.

Когда 9 апреля 1940 года нацисты захватили Данию и Норвегию, было приказано эту агрессию пояснять как «меру защиты этих стран» и ни в коем случае не давать повода думать, что «Германия желает создать опорные пункты для будущих военных операций».

Эта маскировка агрессии была столь неуклюжа, что Геббельс счел необходимым предупредить сотрудников министерства, чтобы «они сами этот тезис не подвергали сомнению и не высмеивали».

Комментарии излишни. . .

Радиовещание стало во время войны важнейшим средством пропаганды. 1 сентября 1939 года, в день нападе-

ния на Польшу, было издано «Распоряжение о чрезвычайных мерах в области радиовещания». Одной из этих мер было запрещение слушать иностранные передачи. Нарушение запрета каралось вплоть до смертной казни.

На каждом радиоприемнике по приказу Геббельса прикреплялась дощечка с надписью: «Слушание иностранных передач есть преступление против национальной безопасности нашего народа. Оно по приказу фюрера сурово карается».

Запрещая слушать правду, Геббельс обрушивал на немцев лавину лжи: около 130 тысяч часов различных передач в течение года.

Радиовещание велось 107 длинно- и средневолновыми и 27 коротковолновыми станциями и 150 трансляционными узлами. Эту сеть «Великогерманского вещания» возглавляли 17 «имперских передатчиков». Центром был «Радиодом» в Берлине на Мазурен-аллее.

Для нацистской пропаганды было характерно сочетание духовного насилия с физическим.

Союз демагога и палача олицетворялся в самом Геббельсе.

В начале войны он распорядился, чтобы население широко оповещалось о приговорах за слушание иностранных передач, а от фашистской юстиции требовал самых суровых приговоров. По мере того как усугублялись поражения вермахта, усиливались репрессии. Так, в одной сводке «службы безопасности» сообщалось об аресте в течение недели 68 человек, уличенных в слушании запрещенных передач. И если в первое время наказания ограничивались тюремным заключением на 2—3 года, то вскоре начались казни, и чем дальше, тем больше.

Во время Нюрнбергского процесса в Штайне, где расположился пресс-кемп для журналистов, я столкнулся с одной из таких расправ. Среди уборщиц в пресс-кемпе оказалась фрау Вирт, муж которой в 1944 году был казнен за слушание иностранных, в их числе и советских, передач, а она была приговорена к 5 годам тюрьмы.

Геббельс выступал в роли обер-палача не только в своей специальной области пропаганды.

19 января 1941 года он поручил статс-секретарю министерства пропаганды Гутереру довести до сведения министра юстиции «со всей ясностью следующую точку зрения. Во время войны нарушение существующих чрезвычайных законов необходимо оценивать не в отдельности, а в совокупности и соответственно наказывать. Речь идет не о том, в какой мере поступок человека, нарушившего военные законы, выражает его преступные убеждения. Решающее значение имеет, насколько преступление причиняет внутренний ущерб народной общине. В таких случаях должен быть обязательно вынесен смертный приговор».

Так шеф пропаганды звал на подмогу палача...

А обер-палач призывал на помощь литераторов.

Живет и ныне в ФРГ некий Эдвин Эрих Двингер, автор трилогии «Германские страсти», в которой он поведал о своем участии в вооруженной борьбе против советской власти в 1918—1920 годах и изложил свои антисоветские и антикоммунистические взгляды. Геббельс назначил его сенатором имперской культуркамеры. Гиммлер произвел в оберштурмбанфюреры СС. И вот 18 июня 1941 года, за четыре дня до нападения на СССР, Гиммлер пишет Двингеру: «У меня для вас есть задание, которое полностью соответствует линии ваших известных книг. Поэтому было бы очень ценно, если бы вы могли лично присутствовать при заключительном акте этой революции» — то есть при уничтожении Советского государства...

Гиммлер не остановился даже перед нарушением абсолютной секретности предстоявшего нападения, чтобы иметь при себе в такой исторический момент своего «летописца».

4

В ФРГ издана часть протоколов конференций в министерстве пропаганды, проводившихся Геббельсом с 26 октября 1939 года до 21 апреля 1945 года.

К сожалению, сохранились протоколы, датированные только до весны 1943 года.

Ровно в 11 часов на пороге конференц-зала появлялся элегантно одетый, подтянутый рейхсминистр, с папками

материалов в руках. Пожав руки участникам конференции, а их бывало до полусотни, сказав каждому несколько приветливых слов, Геббельс приступал к делу. Руководители отделов министерства делали краткие сообщения. Представители верховного командования, министерства иностранных дел, других ведомств давали необходимую информацию. Выслушав всех, Геббельс прений не открывал — этого не было и в помине! — а высказывал свои соображения, не мотивируя их и не допуская никаких возражений. Спросив в заключение, не хочет ли кто-нибудь высказаться, он не ждал ответа, выбрасывал руку с «немецким приветствием» и покидал зал.

III управление Главного управления имперской безопасности составляло и рассылало сводки о политическом положении внутри страны, о настроениях, мыслях, разговорах немцев.

Сперва сводки назывались «Отчеты о внутриполитическом положении», с начала 1940 года были переименованы в «Сообщения из империи».

III управление сообщало более или менее достоверные факты, и поэтому его сводки Гитлеру на стол не клались.

Геббельс внимательно их читал — ведь в них были данные и об эффективности пропаганды. И весной 1943 года на очередной конференции в министерстве пропаганды он заявил, что отчеты СД пригодны лишь для того, чтобы распространять пораженчество в руководящих кругах партии. Всемогущий «начальник партийной канцелярии» Борман разделял мнение Геббельса, и с июня 1943 года регулярные (два раза в неделю) «Сообщения из империи» были заменены нерегулярными «Отчетами СД по внутренним вопросам». Но и они были спустя год, сразу же после покушения на Гитлера, прекращены: неприглядная картина уныния, пессимизма, упадка духа в немецком народе представала перед читателями «Отчетов».

Но именно потому, что они содержали реальные факты — то, что есть, а не то, чему быть надлежало, — сводки и отчеты «службы безопасности» служат как бы реактивом, который проявляет и показывает действительные результаты пропагандистских усилий Геббельса и его ведомства. Протоколы конференций в сопоставлении с ма-

териалами пропаганды (статьи, комментарии, обзоры в печати и по радио), со сводками «службы безопасности» и с другими данными позволяют анализировать работу ведомства пропаганды на всех стадиях — от замысла, как его излагал Геббельс на конференциях, через исполнение к результату — к восприятию теми, кто был объектом пропаганды.

5

«Фюрер говорит, что это (разгром СССР) закончится в четыре месяца, но я говорю вам, что только восемь недель. Подобно тому как национал-социализм внутренне далеко превзошел коммунизм, точно так же и на полях сражений должно в кратчайший срок обнаружиться его превосходство».

Так начал конференцию Геббельс 22 июня 1941 года.

Убежденный, что и война на Востоке будет молниеносной и победоносной, он не сомневался в том, что его «четвертый род оружия» также пожнет новые лавры.

Все произошло совсем не так... Блицкриг не состоялся. И чем дольше шла война, тем меньше была доля правды в пропагандистских «коктейлях» Геббельса, и фантазия становилась все в большей мере содержанием продукции «Проми».

В первые недели войны радиопередачи, статьи в газетах, комментарии и для Германии и для всего мира определялись хвастливыми заявлениями Гитлера.

21 июля министру обороны Хорватии Гитлер говорит: «Мы до сих пор добились невероятных успехов.

Участь Наполеона на этот раз постигнет не меня, а Сталина».

12 августа Гитлер заверяет испанского посла, что не повторит ошибки Наполеона, который захватывал пространство, но не создавал баз снабжения.

Участь Наполеона тревожила его незадачливого последователя. Быть может, Гитлер был знаком с предупреждением, которое сделал Гренер:

«Кто хочет познать стратегический характер Восточного театра военных действий, тот не должен пройти мимо исторических воспоминаний. У врат огромной рав-

нины между Вислой и Уралом, вмещающей одно государство и один народ, стоит предостерегающая фигура Наполеона I, чья судьба должна внушать всякому нападающему на Россию жуткое чувство перед наступлением на эту страну».

Гитлер не внял мудрому совету... Но тень Наполеона маячила перед ним.

Геббельс вторит своему фюреру, но без упоминания о Наполеоне. На страницах «Дас райх» он пишет: «До сих пор ход войны против СССР подтверждает все наши прогнозы... Немецкий народ имеет все основания взирать на дальнейший ход войны с полным доверием и абсолютной уверенностью в победе».

Проходят недели — именно те восемь недель, о которых хвастливо возвещал Геббельс. И уже ясно: «молниеносное расписание» победы опрокинуто советским сопротивлением.

Немецкие армии на главных направлениях остановлены, переходят к обороне. К ней вынуждена переходить и пропаганда.

«Служба безопасности» с тревогой сообщает в начале сентября 1941 года: население угнетено тем, что сопротивление России не ослабело и она, очевидно, еще располагает большими ресурсами. Все чаще говорят, что мы недооценили противника. Люди ведут себя не столь самоуверенно, как в первые дни войны. Много разговоров о том, когда же она окончится. Уже два года она идет, а конца не видно. Кто мог бы подумать, что война будет такой долгой.

Геббельс, учитывая настроения народа, дает на конференции директиву: не назначать никаких сроков для достижения той или иной цели, например для прорыва на Кавказ.

2 октября Гитлер предпринял генеральное наступление на Москву и объявил в прокламации к войскам, что сделаны все приготовления к последнему, решительному удару и до наступления зимы враг будет уничтожен.

Вермахту удается совершить прорыв в нашей обороне у Вязьмы. Танковые армады Гудериана и Гота рвутся к Москве. И снова из Берлина разносится по Германии и по миру победный рев комментаторов, обозревателей, военных корреспондентов, всей рати Геббельса.

6

16 октября Д. А. Поликарпов отправил большую группу работников радио в Куйбышев.

Здесь пришлось проработать до конца ноября, когда меня вызвали обратно в Москву.

6 ноября вечером мы в Куйбышевском радиокомитете слушали речь Сталина на торжественном собрании. Оно состоялось на станции метро «Маяковская», но, конечно, это не было объявлено по радио, и мы ломали голову, где же оно происходит. А 7 ноября вечером мы по радио услышали запись московского парада на Красной площади.

В ресторане «Гранд-отеля» только и было разговора что о московском параде.

Английские и американские корреспонденты засыпали нас, советских журналистов, вопросами: как же так, немцы на дальних подступах к Москве, а на Красной площади собраны войска. Ведь это мишень для авиации... Значит, это демонстрация подлинной силы и непреклонной решимости не сдавать Москвы?

Кто-то, кажется корреспондент Юнайтед Пресс, сказал, что, по американским данным, Гитлер отдал приказ: капитуляции Москвы не принимать...

Женя Петров рассмеялся:

— А насчет капитуляции луны приказов гитлеровских не было? Впрочем, фюрер предусмотрительно поступил, отдав такой приказ: капитуляции Москвы не будет, и он с торжеством скажет, что все идет по его приказам...

Засмеялись и наши англосаксонские коллеги...

Первый натиск гитлеровских полчищ на Москву отбит, и пропаганду постигает шок: Геббельс не знает, как объяснить новую осечку «гениальной стратегии фюрера». А тут мир узнает о параде на Красной площади 7 ноября.

Гитлер спустя два дня после московского парада направляется не в советскую столицу, как самонадеянно возвещал, а в Мюнхен. Здесь, в своей «коричневой столице», он в годовщину «пивного путча» 9 ноября произносит большую речь, чтобы поднять настроение народа. Однако желаемого эффекта речь не дает. Секретные

сводки отмечают сожаление многих «соотечественников» (Volksgenossen), что «фюрер» не указал предполагаемого срока окончания войны. Значит, говорят многие, он считается с возможностью затяжной войны.

17 ноября началось второе наступление немецких армий на Москву.

Теперь, спустя более четверти века, я нашел в протоколах геббельсовских секретных конференций запись от 18 ноября: «Британская военная миссия в Москве повторно дала совет прекратить сопротивление в районе Москвы, отступить в направлении Урала и там без помех со стороны противника реорганизовать советские армии. Нежелательно, чтобы в немецкой прессе Советам давался такой же совет, какой был дан англичанами».

Не знаю, поступал ли такой совет от наших союзников. Но запомнился разговор с британским журналистом в Куйбышеве как раз в середине ноября. Он говорил, что нам нет смысла тратить силы на оборону Москвы, рациональнее отойти на восток, в районе Урала реорганизовать Красную Армию и продолжать борьбу. . . Пример Кутузова говорит в пользу такого решения. . .

Тогда в Куйбышев приезжал английский министр информации. От него, возможно, исходило то, что сказал журналист.

Мы, советские журналисты, отвечали британскому коллеге, что его дружеский совет излишен, так как гитлеровский натиск будет остановлен и у стен Москвы немцам будет нанесено поражение.

В разгар упорных оборонительных боев под Москвой в Куйбышеве проездом в Ташкент остановился А. Н. Толстой. Приехал и Д. Д. Шостакович. По просьбе Алексея Николаевича он согласился сыграть части симфонии, над которой работал. То была знаменитая «Ленинградская». . . Собрались мы — Алексей Николаевич, работники радио — москвичи и куйбышевцы — в студии музыкального вещания. Дмитрий Дмитриевич сел за рояль. . .

И понеслись звуки музыки суровой, жестокой, трагической. Первая часть симфонии: зловещая каменная поступь вражеских полчищ, тревога, смятение — они нарастают, а потом перелом — вливается новая тема, мощная, светлая. . .

Потрясающая первая часть захватила так, что не помню, играл ли Шостакович куски из других частей...

Музыка смолкла... А мы сидим не шевелясь, безмолвно... Алексей Николаевич первым встает, подходит к Шостаковичу, обнимает, целует его...

7

Московское сражение развертывалось все с большим и большим напряжением. Наша оборона обескровливала немецкие армии, а тем временем готовилось мощное советское контрнаступление.

В самом конце ноября Д. А. Поликарпов позвонил из Москвы и приказал мне немедленно возвращаться. Я сел в скорый поезд Ташкент — Москва и в мягком вагоне, совсем как «в мирное время», за трое суток доехал до Москвы. С волнением вглядывался я в мелькавшие мимо окон пригородные станции, дачные поселки. Был вечер, освещения — никакого, но белый снег на крышах, на дорогах оттенял и выделял дома, сооружения...

Пройдя на вокзале контрольно-пропускной пункт, я спустился в метро.

Арбатская площадь. Выхожу из метро. Площадь как была: никаких следов бомбежек. Иду в свой переулок и настороженно вглядываюсь: цел ли дом? Цел... Я снова в своей квартире...

Дмитрий Алексеевич, осунувшийся, но неизменно энергичный и бодрый, тепло встретил меня, не теряя времени, познакомил с обстановкой и напутствовал:

— Принимайтесь за дело. Нам поручают усилить контрпропаганду, придать ей боевой, наступательный дух...

Радиокомитет переместился из здания на Пушкинской площади в Дом звукозаписи на М. Никитской (ныне улица Качалова).

В глубоких подвалах, где хранились диски с фонограммами, были устроены рабочие помещения и общежитие для сотрудников, переведенных на казарменное положение,

Ночевать я уходил домой. По ночам под аккомпанемент зениток читал Бунина — «Деревня», «Суходол».

Читал, и дореволюционная, убогая, полудикая деревня вставала перед глазами... Это были годы моего детства, и многое я сам видел, и оттого так реальны, живы были картины, возникавшие на страницах отточенной, пластичной, осязаемо конкретной бунинской прозы.

Так было совсем недавно с исторической точки зрения. Но как давно! И бунинские картины начинали видеться словно сквозь повернутый другим концом бинокль: в дальней дали...

И думалось: как глубоко перепахала революция нашу страну. И еще понятнее становилось то, чего не могли постичь ни наши союзники, ни враги: «тайна» советского сопротивления.

Народ защищал не только отчизну, землю предков, — народ защищал новую отчизну, Землю Октября...

5 декабря началось наше контрнаступление, завершившееся разгромом гитлеровских армий под Москвой.

Победа Красной Армии не только спасла Москву, но и развеяла миф о германской непобедимости и обнаружила несостоятельность гитлеровской «гениальной стратегии».

Перед Геббельсом встала небывалая до того задача: объяснять, почему провалился весь план «молниеносной победы» и война, как в 1914 году, становится затяжной.

Русский климат был объявлен виновником неудачи.

«Мучения наших солдат длились бесконечно, начиная от июльской жары и до декабрьских морозов на пространстве от Белого до Черного морей. На этом пространстве наши солдаты страдали от грязи, насекомых, замерзали в снегу и во льдах».

Так Гитлер в речи 30 января 1942 года свалил и на жару и на мороз вину за свои просчеты и провалы. Эту мелодию и разыгрывал на все лады геббельсовский пропагандистский оркестр.

Но «служба безопасности» свидетельствовала, что народ удивляет огромная величина немецких потерь

в борьбе с противником, который уже был объявлен «разбитым». Поэтому Геббельс приказывает: «Во внутренней пропаганде показывать, как сильно к нашей выгоде отличается нынешнее положение Германии от положения в первую мировую войну (обеспечение всего континента, активный союз с Японией, лучшее руководство на фронте и на родине и т. д.). Это должно быть противопоставлено вражеской пропаганде, которая тянет к параллелям с 1917/18 годом».

Действительно, и мы из Москвы, и Би-би-си из Лондона настойчиво внедряли в немецкие умы напоминание о ходе первой мировой войны: поражение на Марне и провал «плана Шлиффена» привели к затяжной войне на истощение, и Германия не могла ее не проиграть — как не может не проиграть и нынешней войны...

В сводке ОКВ[1] впервые было употреблено выражение: «планомерное улучшение и сокращение фронта» — так деликатно Гитлер оповещал немцев о поражении и отступлении под Москвой.

Кризис на фронте повлек за собой и кризис в командных верхах. Главнокомандующий армией и Восточным фронтом фельдмаршал Браухич вышел в отставку, так как понял неизбежность проигрыша войны. Его примеру последовали еще некоторые генералы.

8

Новый, 1942 год я встретил в Центральном Доме работников искусств — здесь собрались работавшие в Москве актеры, художники, литераторы.

Я сохранил пригласительный билет:

«Уважаемый товарищ! Агитпункт Центрального Дома работников искусств приглашает Вас в среду 31 декабря 1941 года на новогодний вечер. Съезд в 11 ч. вечера».

Без пяти минут двенадцать из радиорупора раздался голос Михаила Ивановича Калинина. Он поздравлял советский народ с Новым годом, призывал самоотверженно и героически вести борьбу — впредь до полного уничтожения фашизма — этого подлого, гнусного врага челове-

[1] Верховное командование вооруженных сил.

чества. А в заключение Калинин преподнес новогодний подарок: советские войска, продолжая успешное наступление, только что освободили Калугу...

Гитлер тщательно готовил весеннее наступление, чтобы взять реванш за неудачи 1941 года. Геббельс со своей стороны «обрабатывал» немецкий тыл.

В статье «Преображенная душа» он предопределил главные принципы пропаганды. В 1917—1918 годах немецкий народ не выстоял, но теперь произошло глубокое душевное преобразование немецкой нации, и трудности не угнетают людей, а делают их закаленными и стойкими.

Но, очевидно, «преображение» было не таким уж основательным, ибо Геббельс вслед за опубликованием статьи произнес речь, в которой потребовал «от каждого не вмешиваться в дела, которые входят в компетенцию руководства, и принимать на веру каждое мероприятие, проводимое по приказу фюрера».

По распоряжению рейхсминистра пропаганды предпринимается кампания борьбы... за вежливость. Помню наше удивление, когда мы познакомились с материалами германского радио, а затем и прессы, в которых немцы призывались дружно и беспрекословно «в самом широком смысле упростить свою жизнь» и «в обращении между собой больше уделять внимания вежливости». «Внимание и участливость, хорошее настроение и юмор» — и войну будет легче вести.

Тем временем продовольственные рационы были уменьшены, что вызывало не только разочарование, но и беспокойство немцев: справедливо ли будут распределяться дефицитные товары. С большой горечью, констатировали сводки «службы безопасности», говорят, особенно в рабочих кругах, что привилегированные слои будут получать товары сверх нормы.

Тут-то и коренилась «нервозность», с которой Геббельс решил бороться призывами к «взаимной вежливости».

В пропагандистскую партитуру своего оркестра «дирижер» вводит тему, которая становится доминирующей. Я имею в виду статью в «Дас райх», которая тогда и поразила и обрадовала нас, сражавшихся с нацизмом в эфире.

Геббельс предался размышлениям о неисповедимости и превратности истории. «В сентябре 1939 года мы начали свой путь в неизвестность. Никто не знал тогда, куда ведет нас наш путь. Судьба идет не прямыми, а окольными путями».

Эту мысль он развил в другой статье: война становится игрой ва-банк.

Так обер-шеф пропаганды сказал правду, страшную для немецкого народа правду: развязанная Гитлером война — это бесшабашная авантюра. . .

«Козырной картой» в этой игре Геббельс решил сделать фильм «Великий король» — о Фридрихе II и его «чудесном спасении» от гибели в Семилетнюю войну 1756—1763 годов.

Однако же Геббельс счел необходимым дать своим подручным предупреждение. На конференции в министерстве пропаганды накануне премьеры фильма он объявил: в печати и по радио толковать фильм только как исторический и при всех обстоятельствах избегать параллелей между Фридрихом и «фюрером», а также аналогий нынешнего положения с положением Пруссии в Семилетнюю войну. Особенно было подчеркнуто в директиве: «не комментировать сцены, в которых генералы обращаются к Фридриху с требованием прекратить борьбу».

На слишком «вольные мысли» наводили немцев — в этом можно не сомневаться, исходя из геббельсовских инструкций, — сопоставления личности «фюрера» с личностью короля, поклоняться которому учили с детства.

«Для поднятия духа» народа Геббельс прибег и к театру. На сценах шли три пьесы о. . . Цезаре. Почему же Цезарь, и к тому же сразу в трех вариантах? Объяснение мы прочли в «Дас райх». Некий Эберлейн, ходивший в ведомстве Геббельса в знатоках искусства, так и назвал свою статью «Трижды Цезарь». Он без всякого стыда подчеркнул, что пьесы о Цезаре проводят параллель с настоящим временем, то есть Гитлер — это и есть Цезарь.

Эберлейн выразил и сожаление по поводу того, что написано всего только три пьесы о Цезаре. . .

На страницах «Дейче альгемейне цейтунг» откровения Эберлейна были дополнены: «Нельзя отрицать, что человек, перешедший Рубикон, очень близок нашей эпохе. . .»

Однако же, заметила газета, не может не огорчить, что наряду с Цезарем на немецкой сцене видное место занимает и кельнер, этот главный герой многих комедий. . .

На все эти экскурсы геббельсовских молодчиков в сферу искусства мы ответили фельетоном «Кельнер в тоге Цезаря».

Не случайно на сцене «третьей империи» одновременно действуют два героя: Цезарь и кельнер. Ведь нынешний берлинский «цезарь» — как бы ни тщились Эберлейны — все равно так же мало похож на подлинного Цезаря, как мало похож на него и кельнер из кафе «Фатерланд» на Потсдамерплац, где любят собираться за кружкой пива работники министерства пропаганды. . . А если уж им так хочется философствовать по поводу одновременного появления этих двух героев, то мы придем к ним на помощь. Секрет прост: ваш «цезарь» — это кельнер, напяливающий на себя римскую тогу. . .

9

Наступила весна, первая военная весна. Об этом мне сообщил. . . соловей. Однажды на рассвете я шел домой из Дома звукозаписи после ночной работы. На углу М. Никитской и Скарятинского переулка я услышал соловьиные трели. Это было так неожиданно, что сперва не поверил своим ушам. Прислушался, осмотрелся. Да, из сада при доме на углу неслась песня соловья, весенняя песня. Никогда я не слышал соловья в Москве — не дело соловьям распевать в огромном городе. А теперь он пел — смело, решительно, без боязни. И я всем своим существом ощутил: в о е н н а я весна в в о е н н о й Москве.

Радиокомитет вернулся в дом на Пушкинской, воздушных налетов почти не было, и работать можно было в нормальных условиях.

Начался, пожалуй, самый напряженный, трудный пе-

риод войны в эфире — с весны 1942 до конца зимы 1943 года.

После зимних немецких поражений и наших успехов вермахту удалось предпринять новое наступление на юге советско-германского фронта и дойти до берегов Волги, проникнуть на Северный Кавказ. В условиях бесспорных немецких успехов нужно было продолжать наступательную контрпропаганду, противопоставляя фашистским ухищрениям сильные, убедительные доводы.

В канун наступления немецкая пропаганда следовала директиве: сохранять спокойный тон, не делать никаких предсказаний и даже не пользоваться термином «наступление».

Теперь в протоколах я читаю директиву Геббельса: «Мне не хочется после лета, полного больших побед и чрезмерного оптимизма, опять стоять перед катастрофическим положением, как в октябре прошлого года».

6-я армия Паулюса приближается к Сталинграду. Тон немецкой пропаганды снова становится визгливым. Немецкому народу сулят близкую и окончательную победу.

12 августа в Москву прилетел Черчилль. Он пробыл в Москве четыре дня, пытаясь убедить руководителей нашей страны, что второй фронт в Западной Европе может быть открыт не ранее 1943 года.

Немецкая пропаганда мало говорила о его визите, и я только теперь прочитал директиву Геббельса: не придавать значения встрече Черчилля со Сталиным, наоборот, подчеркивать, что она никакого влияния на ход войны не окажет.

Вечером в день прилета Черчилля в доме на Малой Никитской, где жил Горький, а теперь остановился по возвращении в Москву А. Н. Толстой, собрались по его приглашению Н. П. Хмелев, художник Н. Э. Радлов, Н. Н. Никитин, М. Ф. Корнилова и я.

Алексей Николаевич призвал нас отведать, как он сказал, роскошных яств из его огорода на даче в Барвихе: молодую картошку и малосольные огурцы собственного производства, а также красное грузинское вино.

Сидели мы в столовой, увековеченной на известной картине, до рассвета. Картошка, огурцы, вино были отличны. А хлеб некоторые из нас предусмотрительно принесли с собой.

Обо многом было переговорено в эту памятную ночь. Алексей Николаевич как раз тогда начал писать свои замечательные «Рассказы Ивана Сударева», и первые два 14 августа появились в «Красной звезде». В этот вечер из редакции несколько раз звонили, уточняли что-то. Алексей Николаевич твердо говорил:

— Нет, оставьте, как у меня... Нет, нет, ни одной запятой не уступлю...

Толстой пояснил нам, о чем идет речь, и пошел горячий разговор о национальном характере.

— Фашист крепок, только пока сила на его стороне... Нажми на него, он поддается, — сказал Толстой.

— В немецком тылу не все так уж и прочно, — заметил я и рассказал о последней статье Геббельса. Он хотя и сквозь зубы, с многочисленными оговорками, но вынужден признать, что существуют люди, которые отрицательно относятся к «третьей империи». По подсчетам Геббельса, это — несколько десятков тысяч человек, преимущественно «безмозглых интеллигентов». — Но если бы дело было только в десятках тысяч, то не стал бы рейхсминистр пропаганды печатно о них распространяться.

Николай Павлович Хмелев, внимательно слушавший, но до сих пор молчавший, вдруг заговорил о царе Федоре Ивановиче:

— Когда я готовил эту роль, я долго мучился: неужто же это такая русская черта — мягкотелость, нерешительность? Человек-тряпка? И это мне очень мешало... А потом я как-то внезапно увидел: царь Федор внутренне силен своей верой в добро, в хорошее в человеке. Он не рожден, чтобы царствовать, но он с головы до ног русский человек... Его не согнуть никому.

— А что же, ребята, ведь он прав! — воскликнул Толстой. — Русский человек в драку ни с того ни с сего не полезет... Но не дразните его лучше!

Радлов попросил проводить его домой. Ночного пропуска у него не было, и обладавшие таковым Алексей Николаевич и я довели Радлова до его дома. На обрат-

ном пути Толстой остановился невдалеке от церкви, в которой венчался Пушкин, окинул взором темную Москву, взглянул на небо, усеянное звездами...

— Чтобы это все опоганили фашисты! Не может быть такого! Будем мы в Берлине... Обязательно будем...

...Не привелось Алексею Николаевичу дожить до великого Дня Победы.

О Черчилле, хорошо помню, мы не говорили. Алексей Николаевич только заметил:

— Старая лиса прилетела хвостом следы заметать...

10

У стен Сталинграда кипит ожесточенная битва. Лето позади, наступила осень, а обещанной окончательной победы над «обескровленной Красной Армией» все нет и нет.

На очередной конференции Геббельс обрушивается на своих подручных и обвиняет их в слабости и неэффективности пропаганды. Она стала в своем стиле и способе выражения столь истертой и затасканной, что только надоедает слушателям и читателям. Прессе, радио, кино, докладчикам надлежит покончить с шаблонным повторением набивших оскомину лозунгов и преодолеть дальнейшее уменьшение интереса людей к информации, статьям, передачам, докладам. «Задача пропаганды не в том, чтобы делать предсказания, а в том, чтобы сообщать факты». И для вящей убедительности он «привел сравнение с картой меню в ресторане, в котором указано только то, что можно получить сегодня, а не блюда на завтра».

Очень поучительное сравнение. Но оно, равно как и прочие директивы господина министра, впрок не пошло...

Секретная сводка от 22 октября констатировала: население Германии в преобладающем большинстве твердо ожидало, что летом СССР будет окончательно разбит и будет нанесен решающий удар Англии. Но и результат летних операций не оправдал таких надежд. И хотя пропаганда объясняет это неблагоприятными

условиями погоды, люди делают свой вывод — о больших резервах и огромной мощи Советов.

Сводку эту Геббельс, конечно, читал, как всегда, перед очередной конференцией.

Говоря о беспокойстве из-за того, что победы все нет и Сталинград еще не взят, он сравнил создавшееся положение с футбольным матчем. В первой половине команда одержала победу со счетом 4 : 0, во второй половине другой команде удалось забить один гол, что, конечно, не смутило победителя. Положение не дает никаких оснований для пессимизма и для сомнения в победе, и его нельзя сравнивать с положением прошедшей зимой.

Ранее Геббельс уподобил пропаганду ресторанному меню, теперь приравнял к футбольному матчу. Но и такие выверты не могли черное сделать белым...

Журналистка Урсула фон Кардорф вела дневник, который теперь издан: «Берлинские заметки. 1942—1945». Семья Кардорф — прусская, дворянская. Но отец Урсулы, художник-дилетант, был противником нацизма. И дочь также придерживалась антинацистских взглядов, но, разумеется, не революционных, а буржуазно-либеральных.

Она работала в большой берлинской газете и поэтому многое знала о положении в стране, о настроениях населения.

1 ноября 1942 года в дневнике она записала спор, происшедший в их доме с журналистом-эсэсовцем.

На ее сомнения об исходе войны он возразил:

— Мы все как крысы на одном корабле, но с той разницей, что не можем его покинуть...

Рассуждение вполне трезвое и весьма далекое от оптимизма Геббельса и его «фюрера». Ведь Гитлер ровно через неделю после такого признания эсэсовца, 8 ноября, на традиционном сборище в «исторической» мюнхенской пивной истерически вопил:

— Германия в минувшей войне сложила оружие без четверти двенадцать — я прекращу борьбу в пять минут первого.

Сообщение о «русском прорыве» у Сталинграда, констатировала сводка «службы безопасности», подействовало очень тревожно, так как ранее не считались возможными массированные русские действия такого масштаба. Нынешнее положение Германии многие считают очень тяжелым, одновременные действия на Востоке и в Африке (где высадились американцы и англичане) расцениваются как начало войны на два фронта.

Вот тогда Геббельс на конференции категорически заявил, что сводки СД не отражают истинных настроений народа, который верит в победу. Поэтому советскому наступлению у Волги следует противопоставить пропагандистское наступление.

Как же его вести?

Всего две-три недели назад Геббельс требовал, чтобы пропаганда делала упор на факты. А теперь он круто меняет тактику. «Пресса должна еще больше перейти от политики информации к действию в качестве средства пропаганды». А посему «при нынешнем положении необходимо посредством ловкого составления материала обходить наши неудачи. . . Нельзя умалчивать о серьезности положения, но, с другой стороны, недопустимо создавать впечатление, будто происходит решающее событие этой войны».

Такая директива означала: скрывать от немецкого народа правду о тяжелом поражении, знаменующем решительный поворот в ходе войны.

Генерал Типпельскирх, отнюдь не принадлежавший к числу оппозиционно настроенных военных деятелей, сохранивший верность «фюреру» до самого конца, в «Истории второй мировой войны», отметив верность и повиновение солдат приказам Гитлера, сказал: «Тем более отвратительным должно было казаться уже тогда всем осведомленным о настоящем положении дел стремление немецкой пропаганды использовать героическую стойкость 6-й армии для воодушевления немецкого народа, а непростительную ошибку высшего командования представить как разумную и неизбежную жертву».

1 января 1943 года, когда 6-я армия уже доживала последние недели, Гитлер радировал Паулюсу:

«Армия может непоколебимо положиться на меня». Так клялся Гитлер. Но это были пустые обещания.

31 января ночью Гитлер послал в 6-ю армию приказ о производстве Паулюса в генерал-фельдмаршалы. Когда в 7 часов утра в подвале разрушенного сталинградского универмага начальник штаба армии Шмидт вручил командующему эту радиограмму, Паулюс, прочтя ее, сказал:

— Должно быть, это приглашение к самоубийству. Но я не доставлю им этого удовольствия.

Паулюс был прав: Гитлер хотел, чтобы он своим самоубийством эффектно завершил «героическую эпопею Сталинграда». В подвале универмага, последнем прибежище штаба уничтоженной армии, разыгралась совсем иная сцена: капитуляция фельдмаршала.

Получив сообщение об этом, «фюрер» пришел в ярость.

— Почему Паулюс не покончил с собой? — вопил Гитлер. — Его смерть явилась бы предпосылкой удержания других котлов. Теперь, когда он подал такой пример, нельзя ждать, чтобы солдаты продолжали сражаться. . .

Из уст Гитлера вырывается фраза, которая как молния освещает и объективное значение катастрофы 6-й армии, и отношение к ней «фюрера»:

— Даже Вар приказал своему рабу: теперь убей меня.

Римский полководец Вар покончил с собой, когда его легионы были разбиты и уничтожены в Тевтобургском лесу восставшими германцами под предводительством Арминия. Это произошло в 9 году н. э., и Арминий — национальный герой, культ которого расцвел в кайзеровской Германии, а при Гитлере был стократно усилен.

И вот в трагический для немецкого народа момент гибели 6-й армии и краха не только летнего похода на Волгу и на Кавказ, но фактически всего «восточного по-

хода» Гитлер вспоминает не победителя-германца, но побежденного-римлянина.

Паулюса он уподобляет Вару, незадачливому римскому правителю захваченных германских земель, бездарному военачальнику.

Каким же ходом мысли, какими переживаниями уверенный в своей непогрешимости, убежденный в своей гениальности «фюрер» был приведен к тому, чтобы заговорить не об Арминии, но о Варе?

Ответ — в этой же стенограмме совещания у Гитлера 1 февраля.

— Я могу сказать одно: возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует. Это мы должны ясно представлять себе.

Так сказал Гитлер.

Но если войну нельзя окончить наступлением, значит, ее невозможно закончить победой!

В такой момент Гитлер и вспомнил о Варе. Сознавал он это или нет, но это было, в сущности, признание неизбежности поражения Германии.

«Сообщение о конце битвы у Сталинграда вызвало у немецкого народа глубокое потрясение», — доносила «служба безопасности». Во всех слоях населения обсуждается, неизбежен ли был такой исход событий и такие колоссальные жертвы. Особенно волнует то, что не была вовремя распознана угроза окружения 6-й армии. Больше всего указывают на то, что силы врага не были верно оценены.

Нельзя не признать, что многие в Германии здраво судили о значении поражения вермахта у Сталинграда...

Гитлер объявил трехдневный траур, а Геббельс приказал: «немецкая пропаганда должна из героизма у Сталинграда создать миф». Он на конференции критикует ошибки пропаганды, прибегая к иронии: «I военный год — мы победили. II военный год — Мы победим. III военный год — Мы должны победить. IV военный год — Мы не можем быть побеждены. Такое развитие пропаганды катастрофично и не может продолжаться ни при каких обстоятельствах».

Пропаганда должна доказывать: «мы не только должны, но и *можем* победить».

В нашей контрпропаганде мы били в одну точку: вас, немцев, обманывают рассказами о «героизме» ваших отцов и сыновей, они погибли по вине «фюрера» и без всякой пользы для Германии.

Мы имеем, так сказать, собственноручную расписку Геббельса в том, что наша контрпропаганда попадала в цель. На конференции 21 января он вынужден был признать «успех русской пропаганды», который объяснил тем, что она «основана на постоянных повторениях немногих положений». «Можно сказать, что русские выполняют в пропаганде образцовую работу».

Вильгельм Бартель, автор книги «Германия в период фашистской диктатуры», свидетельствует: «Большое значение для борьбы подпольных групп сопротивления имели информация и комментарии московского радио. Из них узнавалась правда о положении на фронте, о политических событиях в странах антифашистской коалиции, о смелых действиях партизанского движения».

13

На разгром у Волги Гитлер ответил объявлением «тотальной войны». После двухнедельной интенсивной пропагандистской подготовки Геббельс как гаулейтер Берлина созвал 18 февраля в Спортпаласте многотысячное собрание нацистской верхушки, перед которым произнес двухчасовую речь.

Он потребовал тотального напряжения всех сил народа для продолжения войны и в заключение задал своей аудитории десять вопросов.

Последним из них был:

— Хотите ли вы тотальной войны?

— Да, хотим, — ответили, и что иное могли ответить, собранные в Спортпаласте активисты и функционеры нацизма! . .

Но сам-то Геббельс был далек от той уверенности, какую внушал народу.

11 апреля 1943 года он занес в дневник: «Трудно даже представить себе, как закончится война и как мы сможем добиться победы».

Таковы были его мысли «про себя». А для немцев он опубликовал «Законы войны».

Первый «тотальный» закон — отказаться от критики правительства. «Мы требуем слишком много от нашего руководства. Оно движется по неизведанным путям, и нельзя ставить ему в вину, если некоторые его предсказания не оправдываются. . .»

Поэтому, гласит второй «тотальный» закон, «от нас требуется великое терпение и стойкая готовность идти на жертвы».

Однако «законы войны» не воспринимаются в Германии должным образом. В «отчетах по внутренним вопросам» сообщается, что в населении широко распространено стремление критиковать руководство партии и государства; в ресторанах, кафе, на заводах рассказываются анекдоты даже о «фюрере».

Геббельс публикует новую статью, «Слово и молчание». Он обрушивается на мнение, будто руководство страны не имеет права делать ошибки, и утверждает, что допущены были минимальные ошибки.

Закончил он статью многозначительно: война развертывается на открытой сцене, но часть ее происходит за кулисами. Но об этой важнейшей части судить могут лишь посвященные. А для остальных — молчание дороже золота.

Значит, немцы обязаны молчать, ждать, верить, терпеть.

Однако же немцы не верят. В «отчете о внутреннем положении» говорится: многие жалуются, что пропаганда не сообщает правды о военном положении. Замечено, что «соотечественники» часто не применяют «немецкого приветствия», а члены партии перестают носить партийные значки.

В такой морально-политической обстановке внутри Германии Гитлер начал наступление на Курской дуге.

Оно быстро было остановлено, и советские армии перешли со своей стороны в наступление, которое с лета 1943 года продолжалось вплоть до 8 мая 1945 года.

Тяжелое поражение на Курской дуге резко ухудшило положение в немецком тылу.

Еще больше и шире стали циркулировать анекдоты: «Меняю золотой значок партии на семимильные сапоги», «Член партии, завербовавший пять новых членов, получает право выйти из партии, а завербовавший десять приобретает справку, что никогда в партии не состоял».

После очередного воздушного налета на столицу из-под развалин откапывают погребенного там в течение двух дней берлинца. Придя в себя, он узнает о гибели жены и сына и кричит: «Хайль Гитлер! Главное — Данциг стал немецким!»...

Урсула фон Кардорф в электричке слышит слова женщины: «Я теперь совсем спокойна. Когда объявляют тревогу, я иду в подвал. Раньше я убегала в лес и там ночевала. А теперь я говорю себе: будь что будет... От судьбы не уйдешь».

В ведомстве пропаганды — растерянность. Радиокомментарии, газетные статьи, обзоры Дейченнахрихтенбюро поражали тоном подавленности, противоречивыми рассуждениями. Протоколы министерских конференций этого периода не сохранились. Но мы располагаем свидетельством Урсулы фон Кардорф. Она занесла в дневник 30 июля 1943 года: «Указания министерства пропаганды для прессы так беспомощны, что худшего нельзя и вообразить. Впервые даже находчивый дух самого Геббельса в передовой статье «Дас райх» онемел...»

Для растерянности была еще одна важная причина.

Как раз в это время началась активная работа антифашистской организации «Свободная Германия», созданной на территории СССР теми военнопленными немецкими солдатами, офицерами, генералами, которые поняли и осознали преступность нацистского режима, гибельность его для самой Германии, необходимость покончить с Гитлером и его войной. О создании этой организации, о ее лозунгах и целях гитлеровские войска на фронте, население в тылу Германии узнавали из радиопередач, из газеты «Фрайес Дейчланд», листовок и воззваний, распространявшихся в миллионах экземпляров, из самоотверженной работы участников «Свободной Германии» на фронте и в тылу.

Нацистская печать и радио с пеной у рта набросились на честных немецких патриотов, поднявших знамя борьбы против нацистской диктатуры и войны, поносили их, обливали грязью.

В Берлине, отмечает Урсула 2 августа, «паника достигает точки кипения. Орел взят русскими, и по городу распространяются слухи один нелепее другого — вплоть до того, что в мае будущего года будет восстановлена в Германии монархия. . .».

Наконец в сентябре Геббельс вновь обретает голос и спешит сообщить, почему он молчал: «то, что мы могли сказать, мы не хотели говорить, а то, что мы тогда хотели сказать, мы не могли говорить. . .»

Формула изворотливая и имеющая все ту же цель: внушать, что «молчание и спокойствие, доверие и душевное равновесие суть «заповеди войны» (так и называлась статья).

Плачевные итоги 1943 года подводил ближайший помощник Гитлера генерал Иодль в инструктивном докладе рейхслейтерам и гаулейтерам, этим высшим «нацистским «бонзам».

«Из конца в конец по стране шествует призрак разложения. Все малодушные ищут выхода, или, как они его называют, политического решения. Они говорят, что надо начать переговоры, пока не все еще потеряно. Теперь немецкий народ начал себе задавать вопрос, не хватили ли через край и по плечу ли нам те задачи и цели, которые мы перед собой поставили».

Но из трезвого анализа фактов делался ложный вывод: во что бы то ни стало продолжать войну. . .

14

1944 год был годом тяжелейших военных и политических кризисов фашистской Германии.

Война была окончательно проиграна, и Гитлер это знал и признавал в интимных беседах со своими помощниками.

Обзоры СД сообщают, что население подавлено непрекращающимися воздушными налетами, поражениями

на фронте, отпадением от Германии ее сателлитов — Финляндии, Румынии, Болгарии.

Ошеломило всех, констатируется в другом обзоре, молниеносное продвижение советских армий к Висле после разгрома в Белоруссии группы армий «Центр».

«Мы неизменно отбивали атаки, говорят люди, ликвидировали прорывы, наносили Советам тяжелые потери, — а теперь они у Львова и румынского нефтяного района».

В первые месяцы Геббельс подчеркивал, что война идет вдали от Германии, в «предполье». Но летом война вплотную подошла к пределам Германии. Геббельс призывает на помощь тень Фридриха II. В 1942 году было категорически запрещено проводить аналогии между положением теперешним и тогдашним. А теперь наоборот: на все лады, при всяком случае, по любому поводу только и твердится — помните о Фридрихе! Учитесь у него стойкости и выдержке!

Но одного Фридриха мало для борьбы с унынием и пессимизмом.

Геббельс прибегает и к... пророчествам. В газетах публикуется предсказание, сделанное шведским ясновидящим Свеном...

В мае 1945 года в канцелярии статс-секретаря Ламмерса я обнаружил отпечатанный на великолепной бумаге текст этого «пророчества».

В 1944 году произойдет вторжение во Францию, битва достигнет напряжения в августе, а к ноябрю вторжение будет ликвидировано, и союзники потерпят величайшее поражение. Новое немецкое оружие ввергнет Англию в хаос. К апрелю 1945 года Германия сосредоточит все свои войска на Востоке, и в течение 15 месяцев вся Россия попадет во власть Германии.

Чтобы внушить доверие к этому «предсказанию», немецкие газеты, публикуя его, сообщали, что Свен верно предугадал русскую революцию 1917 года, предсказал в 1935 году, что вторая мировая война начнется через четыре года.

Не знаю, насколько поверили немцы шведу Свену. Но вот предо мною письмо Гиммлера Кальтенбруннеру, написанное 21 июля 1944 года, на другой день после покушения на Гитлера.

Взрыв бомбы как молнией осветил отчаянное положение Германии: американцы и англичане продвигались в глубь Франции, советские армии стояли на Висле и у границ Восточной Пруссии. Кто-кто, а всемогущий шеф тайной полиции должен был бы трезво оценивать ситуацию. А вот что он пишет Кальтенбруннеру:

«Меня занимают соображения по всему комплексу вопросов: как мы будем господствовать в России и умиротворять ее, когда мы — что в течение следующих лет наверняка удастся — снова захватим большие пространства русской земли».

Что это было? Детская наивность? Доведенный до пределов самообман? Или попытка дурачить Кальтенбруннера, которого Гиммлер, кажется, подозревал в кознях против себя? Не берусь судить.

И вот какие планы лелеет рейхсфюрер СС:

«Мы должны перед возведенным в будущем немецким Восточным валом создать новое казачество... Территорию и землю, самостоятельное существование и свободу мы предоставим по нашему статуту украинскому и русскому населению только вдоль казачьей границы... Казаки получат надлежащие наделы при условии, что будут с 16 до 60 лет нести солдатскую службу для обороны против Востока».

Итак, новая отрасль СС — «германское казачество»...

Его одного мало: Гиммлер призывает на помощь религию, чтобы держать в повиновении народ позади Восточного вала. Какую религию? Ни православие, ни католичество не подходят, так как, несомненно, эти церкви будут сплачивать людей против немцев. Поэтому надлежит использовать сектантов.

«Они имеют такие для нас неслыханно положительные качества: начнем с того, что они отвергают военную службу и работу для войны... Далее, они исключительно трезвенники, не пьют и не курят, чрезвычайно прилежны и в высшей степени честны».

Вот пример тупоумия нацистских главарей, их абсолютной неспособности понимать истинное положение вещей, их безграничной самоуверенности.

В августе 1944 года я был командирован на 2-й Белорусский фронт. Его армии вышли к старой русско-германской границе, и мне было поручено познакомиться с материалами о настроениях немецких солдат (военнопленных), с их рассказами о состоянии тыла.

Одна из армий фронта стоит у самой границы Восточной Пруссии. Начальник поарма — полковник, молодой, подтянутый, с живыми, умными глазами. Начальник 7-го отдела постарше. Они рассказывают о положении на их участке фронта. Пока сравнительно спокойно. Приказано постоянными местными активными действиями беспокоить противника, держать в напряжении, сковывать его силы. Армия ждет с нетерпением, когда двинется вперед, в пределы Пруссии — этого очага немецкого милитаризма и реакции.

Недавно попал в плен русский белогвардеец, работавший переводчиком в каком-то немецком штабе. На допросе говорил:

— Ваши у нас молчат, а наши, как к вам попадут, все рассказывают. Очевидно, у вас есть прекрасно разработанная система пыток.

— А вот мы вас и не пытали, а вы уже все выложили, — сказал ему майор. . .

Еду в деревню, где размещена школа военнопленных-антифашистов.

В просторном сарае вокруг деревянного стола сидят на скамьях человек двадцать немцев в форме, но без погон, нашивок, значков. Большая часть — рядовые, два или три унтер-офицера. И капитан — уполномоченный комитета «Свободная Германия». Руководит школой работник 7-го отдела.

Разбирается тема — почему немецкий народ пошел за Гитлером в 30-х годах?

Идет живая, интересная, острая беседа, умело направляемая руководителем.

Пожилой солдат, рабочий из Рура, был много лет социал-демократом. С горечью говорит об измене вождей партии.

— Наши «бонзы» предали нас... Мы готовы были выйти на улицу, и всеобщая забастовка могла бы пре-

градить путь Гитлеру. А нам приказали: «Сидеть спокойно. Беречь силы для решающего часа». А он уже тогда и был...

Унтер-офицер из Берлина, где имел небольшую слесарную мастерскую. Она по «тотальной мобилизации» закрыта, а жену услали на полевые работы. Он голосовал за нацистов в 1932 и 1933 годах.

— Верил, что фюрер заботится о маленьких людях вроде меня... Долго верил, — сокрушенно говорит он. — Мы легковерны, но и упрямы: что в голову нам вошло, то нелегко выскакивает. Приучены мы повиноваться с малых лет... Вот и достукались до беды...

После окончания занятия беседую с капитаном. Он попал в плен под Сталинградом. Пережил нечеловеческие страдания, на какие Гитлер обрек окруженную 6-ю армию. Когда образовался комитет «Свободная Германия», сразу примкнул к нему. Работает на фронте — ведет беседы с пленными, обращается по МГУ (мощная громкоговорящая установка) к солдатам в окопах. Недавно здесь, на 2-м Белорусском фронте, машина с МГУ, выехавшая далеко вперед, наскочила на немецкую заставу. Капитан открыл огонь из автомата, немцы отступили.

Наиболее важна, но и наиболее опасна работа по ту сторону фронта, куда антифашисты перебрасываются под видом бежавших из советского плена. И почти всегда получаются хорошие результаты — перебежчики возвращаются с солдатами. После разгрома немецких армий «Центр» восточнее Минска была окружена большая группировка противника (из остатков 25 разбитых дивизий). Военнопленные-антифашисты отыскивали в лесах и приводили в наше расположение десятки и сотни солдат.

16

По протоколам министерских конференций и другим материалам можно проследить, как на протяжении войны изменялась тактика нацистской пропаганды по отношению к советскому народу и советским воинам.

Сперва, мы знаем, звучал лишь один мотив: мы мгно-

венно разобьем Советский Союз, ибо он — колосс на глиняных ногах. Но быстро выяснилось, что радужные предсказания весьма далеки от истины.

7 декабря 1941 года, когда развернулось мощное советское контрнаступление, Геббельс учит, как объяснять упорное сопротивление советских солдат. Секрет ясен: русский привык к гораздо более суровой жизни, нежели немец. Германия победила Францию потому, что немец тверже француза. А теперь немец должен быть еще тверже, чтобы внутренне превзойти русского.

Вот так просто: будь тверд, и русский не устоит перед тобой.

Проходит полгода. Немецкие войска, еще раз прорвав советский фронт на юге, движутся вперед. Казалось бы, все хорошо... Но представитель ОКВ на конференции у Геббельса 6 июля 1942 года вынужден признать, что русские предпочитают «умереть стоя, чем жить на коленях». Однако он тут же смягчает свое признание, говоря: причиной такого поведения является сложившееся у русских представление, что победа немцев не несет для них никаких надежд на будущее. И в протоколе отмечено: по мнению всех присутствующих, немецкая пропаганда должна показывать русским выгодность и для них немецкой победы, и дело будет в шляпе.

Это уже новая песня: не только немецкая твердость необходима, но и немецкие посулы русским...

Через три дня Геббельс разъясняет своим пропагандистским оруженосцам: в русском сопротивлении нет никакого геройства и храбрости. То, что немцам противостоит в русской душе, это всего лишь высоко организованная большевистским террором животность (animalität). Не следует тайну русской души объяснять с помощью философии Достоевского. Имеются такие виды существования, которые потому более стойки, что малоценны. Так, бродячий кот более стоек, чем дрессированная овчарка, но отсюда не следует, что он ценнее. К тому же русским говорят, что немецкие варвары всех расстреливают, мучают, уничтожают. Вывод господина министра: поведение русских стоит в остром противоречии с сознательным героизмом человека, который способен пожертвовать своей жизнью во имя великого дела.

Итак, снова старая музыка: не героизм, а «животность», то есть нечеловеческий, ниже человеческого образ существования, составляет тайну того непредвиденного, небывалого сопротивления, какое встречает «раса господ» на своем пути. . .

Проходит всего неделя, и на конференции 15 июля Геббельс с прискорбием констатирует: из внутригерманских сообщений (он имел в виду сводки «службы безопасности» гестапо) явствует, что в отношении народа к поведению русских произошло изменение. «Нашему тезису, что русскую армию держат в повиновении комиссары с кнутом, больше не верят, а растет убеждение, что русский солдат верит большевизму и за него борется. . .»

Действительно, отчет СД содержал «картину России, сложившуюся у населения». Она такова.

Люди видят, что пропаганда, включая и выставку «Советский рай» (она была организована Геббельсом), лжет, говоря о провале советских пятилеток, о дезорганизации экономики и внутреннем развале СССР.

Особенно удивлены «фольксгеноссен» силой сопротивления Красной Армии. И объяснение, что оно вызвано «страхом перед комиссарами», также не подтвердилось. Очевидно, советская власть породила фанатиков, особенно среди молодежи. Антисоветская, антирусская пропаганда дискредитирована, — такой вывод был сделан в этом «отчете».

Геббельс приказывает: впредь в газетах и по радио не упоминать названий сталинградских заводов «Красный Октябрь» и «Красные баррикады», упорно защищаемых наряду с войсками и рабочими отрядами, — не называть потому, что слова «красный», «красные» плохо действуют на все еще зараженные коммунизмом немецкие круги.

16 января 1943 года, подготовляя народ к финалу трагедии на Волге, Геббельс на конференции отдает распоряжение, чтобы все ответственные работники системы пропаганды посмотрели добытый за границей экземпляр советского фильма об обороне Ленинграда. Фильм, говорит Геббельс, показывает, как велика разница между русским и немецким напряжением сил и как мало содей-

ствие, какое немецкое население оказывает ведению войны сравнительно с русским народом. Он поучает: тайна русского сопротивления также и в том, что на руководящих постах действуют самые твердые и мужественные люди — типа Тельмана. . .

Вот какие имена вспоминает Геббельс! . .

Он возвещает, что и немцы обязаны противопоставить советским — своих немецких людей такого же типа — типа Тельмана.

Вот каким языком говорит Геббельс! . .

А 20 февраля, уже после того, как он произнес речь «Хотите ли вы тотальной войны?», он делает окончательный вывод из второго катастрофического немецкого поражения: за большевиками идет народ, им удалось привлечь весь народ к «тотальному действию». . .

А это уже никак не похоже на разглагольствования о «животности» и отсутствии героизма у «недочеловеков» — русских!

«Служба безопасности» летом 1943 года составила обзор «Отношение населения к пропаганде о большевизме».

Волей или неволей, но население все больше знакомится с русскими и устанавливает различие между тем, как русский народ изображается в пропаганде, и тем, что узнает о русских из рассказов солдат-отпускников и из общения с рабочими из Советского Союза. Поэтому пропаганде все труднее, особенно в рабочих кругах, твердить, что большевизм есть действительная опасность для народов. Многие приходят к мнению, что большевизм не так «плох» и не такой, каким его изображают в пропаганде. Только «большим» людям он угрожает.

Многие считают, что пропаганда их обманывает. Мощь советской промышленности в действительности огромна. Солдаты, возвращающиеся с Востока, рассказывают, что школьное дело в России — на большой высоте. Религия в России пользуется полной свободой. Семейная жизнь вовсе не уничтожена.

Составители «отчета» суммировали свою информацию коротко и резко: немецкая пропаганда должна исходить из других предпосылок, чем до сих пор, так как народ убедился в ее фальши. . .

Одним рывком в январе 1945 года советские армии от Вислы достигли Одера и в феврале на его западном берегу в районе Франкфурта и Кюстрина создали два плацдарма для наступления на Берлин. А до него по шоссе от Одера — 60 километров. . .

Радиокомитет посылает на 1-й Белорусский фронт бригаду с звукозаписывающей аппаратурой, чтобы увековечить в звуке заключительный этап войны. Я еду в качестве корреспондента иновещания.

Деревня Геритц на восточном берегу Одера. Здесь один из мостов, ведущих к плацдарму за Одером. Деревня пуста. В мусоре на кухне брошенного дома нахожу красную книжку с гербом гитлеровской империи на обложке. Билет нацистской партии. На 8-й странице сверху: «Митглидсбух № 2828590. Ганс Мюллер, 1919 г. рождения». Личная подпись Гитлера и казначея Шварца. Фотокарточка улыбающегося молодого немца. Несколько страниц заклеены купонами об уплате членских взносов — последний за ноябрь 1943 года. Больше Мюллер не платил взносов. . .

На крайнем доме деревни, у поворота к мосту, надпись:

«Трепещи, «фюрер», гвардейцы-сталинградцы идут!»

Одер широкий, мутный, быстрый — еще не сошел весенний паводок. На вспухшей темной реке лежит белый мост. Из-за свинцовых туч прорывается солнце, и в его лучах сверкают в изъезженном настиле свежевыструганные бревна. Немцы бомбят мост днем и ночью. Саперы непрерывно чинят и восстанавливают его.

У въезда на мост столб с надписью: «До Берлина 61 километр».

Час езды до Берлина по берлинскому гладкому, широкому шоссе.

Вступаем на мост. Навстречу, со стороны Берлина, мчится. . . такси. Я издали узнаю его по шахматной полосе вокруг кузова. . .

Невольно протираю глаза. Галлюцинация? . . Нет, точно такси. . . берлинское такси проезжает мимо. Отбито у немцев в недавних боях. . . Прибыло из Берлина. . . Мост окончился. Мы — за Одером!

В небольшом городке недалеко от Одера я слышал речь Геббельса по радио. Он выезжал на фронт, — ехать было недалеко! — и обратился к немцам в занятых Красной Армией районах:

— Ясно, что утраченные нами области мы должны вернуть и вернем. Когда и как, об этом, разумеется, невозможно сегодня открыто сказать. . .

Хозяйку квартиры, в которой я жил, мы пригласили к приемнику. Прослушав речь, она всплеснула руками:

— Опять господин рейхсминистр не может «открыто сказать». Слышали, много раз слышали, а теперь видим — что это значит на деле. . .

Возмущение женщины было искренним.

28 марта заместитель Геббельса статс-секретарь Науманн собрал в «Радиодоме» руководителей вещания и потребовал от них вести. . . «полную фантазии пропаганду», чтобы внушать немцам: поражения не может быть, необходимо продолжать борьбу до пяти минут первого.

Одним из средств этой «фантастической пропаганды» был выпущенный на экраны фильм «Защита Кольберга».

В 1807 году, когда Пруссия была молниеносно разгромлена Наполеоном и ее крепости сдавались без выстрела, только гарнизон Кольберга мужественно оборонялся до последнего патрона. Геббельс поручил фашистскому кино использовать этот исторический эпизод для пропагандистского фильма. Он сам исправлял сценарий и отметил в дневнике: «Я лично возлагаю большие надежды на этот фильм. . . И с исторической и с политической точек зрения он как раз соответствует той обстановке, в какой мы оказались».

То была обстановка краха «третьей империи». Она находилась при последнем издыхании, но Гитлер и Геббельс старались продлить ее агонию, требуя от немецкого народа, чтобы он «сражался до последнего патрона».

А сами они уповают на «чудо» — подобное тому, какое спасло Фридриха II. И судьба словно в насмешку подбрасывает им в «без пяти минут двенадцать» видимость чуда.

12 апреля вечером Геббельсу, вернувшемуся из новой

поездки на фронт у Одера, кладут на стол радиограмму: скончался президент Рузвельт.

Геббельс мчится в имперскую канцелярию. Гитлер ликует:

— Теперь-то удастся расколоть вражескую коалицию!

Он приказывает немедленно передать по радио комментарий, и Геббельс составляет текст.

Ночь на 13 апреля я провел на берегу Одера. Там под покровом темноты на западный берег переправлялась рота тяжелых танков для проведения разведки боем.

Возвращаемся в лес, где стоит полк, ложимся спать. Часов в шесть меня будит немецкий голос: на столе стоит включенный с вечера приемник «Телефункен».

Я вслушиваюсь. . .

— Вчера умер Рузвельт, гнусный поджигатель войн, слуга всемирного еврейства. Судьба поразила его тогда, когда он надеялся торжествовать победу над германским народом. . . Он умер, а третья империя живет и будет жить. Наш фюрер сказал, что уже в этом году судьба переменится и удача снова будет сопутствовать нам. Великий гений фюрера не ошибся и на этот раз. Мы знаем свои шансы и понимаем, о чем идет речь.

16 апреля Гитлер, воодушевленный смертью Рузвельта, издает приказ о том, что Берлин останется немецким, Вена снова будет немецкой.

И в этот же день на рассвете начинается советское наступление — на Берлин.

. . .Последнюю министерскую конференцию Геббельс провел 21 апреля под аккомпанемент советских снарядов, рвущихся рядом со зданием министерства пропаганды. «Лицо Геббельса было мертвенно-бледным. Его внутреннее напряжение вылилось в страшный припадок ненависти. «Немецкий народ, — кричал он, — немецкий народ! Что можно сделать с таким народом, если он не хочет больше воевать. Все планы национал-социализма, его идеи и цели были слишком возвышенны, слишком благородны для этого народа. Он был слишком труслив, чтобы осуществить их. . . Немецкий народ заслужил участь, которая теперь его ожидает!»

Так свалив вину за постигшую Германию катастрофу

на немецкий народ, Геббельс затем накинулся на генералов и офицеров: их неспособность, их измена нанесли удар в спину фюреру.

И в заключение он выкрикнул, обращаясь к участникам конференции:

— Теперь вам перережут глотки!

«Произнося эти слова, он пошел к двери. Открыв ее, он повернулся к присутствующим и закричал:

— Но если нам суждено уйти, то пусть тогда весь мир содрогнется!»

Так закончилась последняя министерская конференция Геббельса и с нею война в эфире...

2

МНИМАЯ ЗАГАДКА

Непосредственная передача власти фашизму последовала по настоянию тех кругов немецко-финансового капитала, которые, с одной стороны, группировались вокруг монополий угольной и стальной индустрии, а с другой — вокруг Шахта и Тиссена. Господствующим классам удалось уничтожить до тех пор еще уцелевшие завоевания и достижения Ноябрьской революции и сделать важнейшим методом своего господства террор на службе второй попытки насильственного передела мира.

Иоахим Штрайзанд, «Немецкая история»

1

— Как вы полагаете, существуют в этой стране хорошие немцы? Или они все сплошь отравлены нацизмом?

Такой вопрос задал мне в первых числах мая 1945 года американский юрист в генеральской форме. Невдалеке от Ганновера происходила дружеская встреча представителей советского и американского командования. За столом я очутился рядом с этим генералом, и он завязал беседу «на самую острую для нас тему» (так он ее определил): как обращаться с побежденными немцами? Каковы должны быть отношения между чинами армии США и немецким населением?

— Гитлер — воплощение немецкого духа, типичный немец, — говорил мой собеседник, — а немцы люди, так сказать, низшего разряда. Нет «хороших» немцев. Со всеми следует обращаться как с плохими. И попытаться их исправить!

От моих возражений — народ неоднороден, существу-

ют и порядочные люди, антифашисты, например, — генерал-юрист отмахнулся:

— Это они теперь прикидываются овечками... Как член американской комиссии по расследованию преступлений нацистов, я осматривал концлагеря на оккупированной нами территории. Боже, что я увидел...

Генерал замолк на миг...

— Кажется, в Дахау у барака смертников стоял столб, а на нем домик для скворцов. Его поставил самый свирепый из всех палачей... Он очень любил птичек...

Генерал опять смолк, провел рукой по глазам, словно отгонял видения.

— Вы, вероятно, заметили, — продолжал он, — у нас висят таблички: «Немцам вход воспрещается». Они — зачумлены, и с ними так и нужно обращаться!

Но если американским солдатам было воспрещено общаться с немецкими девушками, то банкирам и промышленникам был предоставлен полный простор для обсуждения с их немецкими коллегами проблем и перспектив совместной послевоенной деятельности.

Вот только один, но характерный пример.

7 мая 1945 года некоего Ганса Грейма, работавшего при Гитлере в «рейхсгруппе Индустри», посетил представитель экономической секции отдела разведки (G-2) американского командования Хефдинг и потребовал полных и точных данных о деятельности этой важнейшей части немецкой экономики. Грейм представил Хефдингу все затребованные им материалы и свое впечатление об этой встрече резюмировал так: «У меня сложилось впечатление, что г. Хефдинг приобрел доверие к нам. Вначале он именно боялся, что мы имеющиеся в нашем распоряжении материалы спрячем или, возможно, уничтожим. Я заверил его, что никакой материал не был ранее вывезен от нас, так как мы сами заинтересованы в том, чтобы активно включиться в будущую работу».

Грейм знал, о чем говорил. Руководители немецкой промышленности, поняв неизбежность разгрома гитлеризма, заблаговременно приступили к подготовке «будущей работы» совместно с американскими монополиями, с которыми еще с 20-х годов установились тесные связи и сотрудничество.

10 августа 1944 года в Страсбурге происходила тай-

ная конференция представителей концернов Круппа, Рехлинга, Тиссена, Мессершмитта и других крупнейших фирм. Намечались меры, необходимые для сохранения в целости немецких монополий. Представитель Тиссена детально осветил сотрудничество Круппа, Цейсса, ГАПАГ с американскими предприятиями.

В соответствии с принятыми решениями были сделаны практические шаги для установления контакта и «взаимопонимания» с американскими партнерами. Так, концерн «Телефункен» в январе 1945 года поставил перед министерством экономики вопрос о продлении договора с американской «Радиокорпорацией». Такие же шаги для возобновления связей с американскими родственными фирмами предпринимал и Цейсс.

2

Вернемся, однако, к беседе с американским генералом-юристом. Далеко не простую проблему он решал чрезвычайно просто.

Все немцы — плохи, и баста...

Столь безоговорочный радикализм мне был непонятен — и тем более у человека, который своими глазами видел то, что творилось в эсэсовских застенках. А ведь там нашли гибель тысячи и тысячи немцев, не смирившихся, не покорившихся нацизму! Социальная, политическая близорукость моего собеседника, видимо человека порядочного, по-настоящему потрясенного нацистскими зверствами, не позволила увидеть и другой стороны страшной картины — сопротивления фашизму.

Урсула фон Кардорф, мы знаем, к нацизму относилась очень критически и не могла быть отнесена к «плохим» немцам.

Впервые пришлось ей столкнуться с этой проблемой в Баварии. В разговоре с французским комендантом она не без вызова сказала, что она не австриячка, как он предположил, а «чистая пруссачка». На полные ненависти к немцам слова француза она ответила, что ее друзей Гитлер повесил за попытку свергнуть его власть.

— Тогда вы меньшинство, а масса...

Урсула возразила:

— Массу можно привести ко всему дьявольскими средствами.

Но все же капитан поверил, что существует и другая Германия, и сказал Урсуле:

— Займитесь пропагандой в пользу «хорошей» Германии. Это необходимо.

Менее сговорчив был американский капитан, у которого Урсула просила пропуск в Аугсбург. Капитан сказал:

— Сперва я посмотрю, хорошие ли вы немцы.

Он вытащил из стола книгу и стал задавать вопросы: состоит ли она в партии, в национал-социалистском объединении женщин и во многих других организациях, о которых Урсула даже никогда и не слышала.

«Наконец стало ясно, что мы были «хорошими» немцами... Странное чувство — быть так классифицированными. Мне ничуть не было важно быть в их глазах «хорошей немкой». Однако же они не могут задним числом измерять нашу «хорошесть» или «плохость» иначе как термометром!»

Как видно, добропорядочная, интеллигентная немка не могла уразуметь американской политической методологии в обращении с немцами. Ее недоумения не рассеяла и та «гротескная анкета», которую ей пришлось вскоре заполнить, чтобы получить визу на выезд из американской зоны. В анкете было 148 (!) вопросов: «каков у вас вес, какие имеются шрамы, цвет глаз и волос, имели ли предки титул и какой именно, какова религия, сколько времени состоял на службе, выполнял ли какие-либо функции в одной из оккупированных областей, был ли под арестом и т. п.».

Права была Урсула, когда отметила в дневнике: «В целом все это столь смешно, что мы пришли в шаловливое настроение, когда заполняли анкету. И какое отношение имеет цвет моих волос к моим политическим взглядам?»

Эта дотошность, смешная и никчемная, была частью того отношения к немцам, о котором Урсула писала: «Союзники говорят с нами тоном гувернантки... Испытываешь чувство, будто сидишь в классе и получаешь непоколебимые предписания, на которые даже самый благонравный ученик очень скоро должен реагировать с ожесточением».

Американская «методология» обращения с немцами ничего не стоила как способ борьбы с нацизмом и его последствиями в жизни немецкого народа. Точнее говоря, эта «методология» препятствовала искоренению нацизма и перевоспитанию обманутых Гитлером людей. И это обнаружилось в деятельности американской военной администрации.

3

В начале марта 1946 года я в Нюрнберге прочитал только что изданный для американской оккупационной зоны «Закон об освобождении от национал-социализма и милитаризма». Быть может, в его выработке участвовал и мой давешний собеседник. Во всяком случае, закон этот был проникнут духом непримиримого радикализма по принципу «все немцы плохи».

Помню, как странно было читать разделение на группы и определение каждой группы немцев: главные виновники, виновные (активисты, милитаристы), менее виновные, попутчики и невиновные.

Сколько же скрупулезной работы, думалось, потребуется от специальных судов по денацификации, чтобы определить, кого куда отнести...

Или же, также подумалось, наоборот — такая «точность» есть удобная ширма для прикрытия фактического неисполнения закона.

Так оно и вышло... Радикализм на словах обернулся на деле попустительством, а еще точнее — покровительством подлинным виновникам нацистских злодеяний и — такова суровая логика мнимого радикализма — преследованием борцов против фашизма.

Генерал Клей тогда, в марте 1946 года, заместитель военного губернатора американской зоны, на пресс-конференции, посвященной закону о чистке, торжественно объявил, что американская военная администрация будет внимательно следить за выполнением закона и останется в Германии достаточно долго для того, чтобы иметь возможность обеспечить выполнение вынесенных нацистам приговоров.

Так говорил Клей. А вот что он сделал. Одним росчерком пера он простил 1 миллион нацистов в возрасте до

27 лет — на том основании, что они стали нацистами, будучи слишком молодыми, чтобы понимать, что они делают. Значит, Клей все же обнаружил немцев если не «хороших», то и не совсем «плохих», — но странным образом он нашел их среди нацистов. А как Клей «обеспечил» выполнение закона о чистке, говорит практика судов по денацификации в американской зоне.

Из трех миллионов дел суды рассмотрели только 631 тысячу. И при рассмотрении дел они были очень милосердны. На всю американскую зону оккупации нашлось только. . . 906 «главных виновников».

В Баварии к июлю 1947 года из 387 «главных виновников» были осуждены 24, а остальные отпущены с миром. Из 9806 «виновников» были наказаны 532. Но уже к «менее виновным» суды отнеслись значительно строже: осудили 2644 человека из 5079 привлеченных. А «попутчиков» наказали почти всех.

Прав был немец-официант в казино для журналистов в Нюрнберге (во время процесса Геринга и К⁰). Когда был опубликован закон о чистке, он сказал мне доверительно, как «русскому господину»:

— Маленьких людей, вроде меня, будут хватать, ну а крупная рыба уплывет. . .

Финал всей комедии чистки наступил в марте 1948 года, ровно 2 года спустя после издания грозного закона. Клей объявил, что 1 июня денацификация в американской зоне заканчивается. . .

Денацификация, однако, не могла закончиться, — она по-настоящему и не начиналась.

Клея сменил Д. Макклой, и ему принадлежала сомнительная честь — подвести окончательный итог «денацификации» по-американски.

Я говорю об амнистии, которую уполномоченный нью-йоркских банков на посту американского проконсула в Германии объявил тем немногим и подлинно главным виновникам, которые были осуждены за свои преступления.

Банкир Герман Иозеф Абс, финансовый эксперт Гитлера, был «духовным руководителем покрывшего себя позором» «Дейче банка», который сочетал в себе чрезвычайную концентрацию экономической мощи с активным участием в преступной политике нацистского режи-

ма». Так был охарактеризован Абс в официальном документе командования США, и на этом основании он был предан суду американского военного трибунала.

Казалось, Немезида настигла Абса: он был приговорен к многим годам заключения... Увы, так только казалось: Абс провел в тюрьме... 90 дней и был торжественно амнистирован и выпущен на волю. И Абс в ФРГ становится главой все того же «Дейче банка», направляет деятельность монополий и концернов.

Если Абс был при Гитлере «первым банкиром», то Фридрих Флик в «третьей империи» был лидером промышленности: не только возглавлял свой собственный гигантский концерн, но и состоял председателем и членом наблюдательных советов десятков крупнейших монополий химической, металлургической, военной промышленности. За военные преступления, преступления против человечности и за эксплуатацию рабского труда иностранных рабочих американский военный трибунал приговорил Флика к семи годам заключения. Но и Флику не пришлось долго сидеть в тюрьме. Он вскоре был «амнистирован» и вернулся к своим привычным занятиям. Обладая личным капиталом в 3 миллиарда марок (он самый богатый человек в ФРГ), Флик ныне возглавляет свой концерн, заседает в десятках наблюдательных советов, участвует в производстве танков, самолетов, баллистических ракет, военных кораблей, химического оружия. Его империя — одна из важнейших частей военно-промышленного комплекса в ФРГ.

Альфред Крупп был осужден на 12 лет тюремного заключения и также «помилован». Бютефиш, один из руководителей «И. Г. Фарбениндустри», поставлявшей Гиммлеру газ для лагерей уничтожения, был приговорен к 6 годам заключения и вскоре амнистирован.

Были освобождены после недолгого пребывания в тюрьме и гитлеровские генералы, активные участники подготовки, организации и ведения преступной войны Лееб и Гот, Кюхлер и Варлимонт и другие.

Таков итог «денацификации» на американский манер. Весьма поучительно сопоставить его с планами «ухода в подполье», которые разрабатывались гитлеровскими главарями в конце войны.

В сентябре 1944 года весьма осведомленный британ-

ский корреспондент сообщил из Стокгольма (как передало агентство Рейтер): «Нацистский проект перехода в подполье после того, как германская армия будет разбита, сейчас уже полностью разработан. Он охватывает сотни тысяч вышколенных мужчин и женщин. Для его осуществления предусмотрены головокружительные суммы денег и большое количество оружия. Подпольная сеть будет законспирирована весьма искусно. Мы не должны рассчитывать на то, что матерые нацистские подпольщики раскроют свои карты. Подпольное движение охватит многих женщин, авантюристок, членов известных немецких семей, а часто и совсем простых женщин».

Несомненно, что подобные планы существовали: нацистские главари не могли представить себе того, что произошло на деле с «денацификацией», и готовились так или иначе спрятаться, затаиться, чтобы выждать момент, когда можно будет «открыть свое лицо», заговорить в полный голос. Но если сразу после краха «третьей империи» они и сидели тихо, скрытно, то ход и исход «денацификации» убедил, что бояться нечего, прятаться нет нужды. И вот наглядный результат.

Изданная в ГДР «Коричневая книга» сообщает, что в ФРГ к 1969 году 189 генералов, адмиралов, офицеров вермахта состояли в министерстве обороны, в штабах НАТО. 1118 бывших нацистов работали в ведомстве юстиции, 224 — в иностранном ведомстве. 300 — в органах полиции, включая боннский вариант гестапо — «ведомство по охране конституции».

А 94 магната монополий господствуют над западногерманской экономикой — это все те же Флик и Абс, Тиссен и Амброс, Бютефиш и Блессинг, Тер-Меер и Сименс... «Они составляют узкий коллектив, ответственный только перед самим собою...» Это верное определение принадлежит буржуазной газете «Христ унд Вельт»...

Сотни и тысячи нацистов, не занимающих официальных постов, либо получают пенсии, либо преуспевают на ниве бизнеса. Достаточно упомянуть Кристмана — палача, свирепствовавшего на Кубани, на Дону, на Украине. Он преблагополучно живет в Мюнхене, владеет большой коммерческой фирмой, и никакие требования общественности — предать палача суду — не смущают его покоя.

В 1965 году, после истечения двадцатилетнего срока с момента окончания войны, правительство Кизингера пыталось объявить, что истекла давность для нацистских преступлений. Под давлением требований в самой Западной Германии и во всем мире срок давности был продлен до 31 декабря 1969 года. В июне 1969 года он был продлен еще на десять лет, до 31 декабря 1979 года.

Однако же нормы международного права не признают никакой давности для таких злодеяний, и совесть человечества требует, чтобы все нацистские преступники были наказаны.

4

Мы познакомились с той точкой зрения, по которой все немцы в целом зачумленная нация. С помощью такой «теории» сознательно напускался густой туман, в котором могли бы остаться неузнанными подлинные виновники постигшей Германию катастрофы. И потому-то из максималистской предпосылки «всеобщей виновности» возникли неожиданные результаты: отказ западных держав от подлинной денацификации, от искоренения нацизма и милитаризма и полное обеление тех, кто должен был понести строжайшую кару за участие в гитлеровских преступлениях.

В соответствии с таким парадоксальным, но вполне понятным результатом «чистки» от нацизма буржуазные историки решают проблему виновности и ответственности за установление фашистской диктатуры.

Профессор Герардт Риттер в книге «Карл Герделер и немецкое движение сопротивления» (имеется в виду верхушечный заговор 20 июля 1944 года) исходит из того, что главную поддержку оказывали Гитлеру широкие массы — рабочие, крестьяне, интеллигенция. Они-то и являются виновниками установления фашистской диктатуры. А банкиры и руководители концернов, юнкеры и генералы тут ни при чем. Более того, они организовали «движение сопротивления» Гитлеру [1].

---

[1] Что это было за «сопротивление», можно представить себе, узнав, что одним из его главарей был «финансовый гений» Гитлера Шахт...

Магнаты монополий, капитаны индустрии, заправилы банков не виновны — вот вердикт, который наиболее пространно и с наибольшим количеством аргументов изложен в книге «Акулы и тиран. Германская промышленность от Гитлера до Аденауэра». Ее написал Луис П. Лохнер, который с 1928 года вплоть до 7 декабря 1941 года работал в Германии как глава берлинского бюро Ассошиэйтед Пресс.

На страницах «Нью-Йорк таймс» в восторженной рецензии о книге заявлялось: «Была ли германская тяжелая промышленность в первую очередь ответственна за то, что Гитлер был посажен в седло, и за то, что составила с ним заговор, дабы вызвать войну? Нетрудно для Лохнера доказать, что это широко распространенное утверждение неверно. Германские промышленники участвовали в приходе Гитлера к власти, но их доля была не больше, чем других классов германского народа».

Если Лохнеру удалось «без труда» доказать, что черное есть белое, то стоит присмотреться к его магии.

Она очень незамысловата: не считаться с фактами, и баста.

Комиссия сената США под председательством сенатора Килгора осенью 1945 года опубликовала доклад, в котором говорилось: «Деяния (магнатов германских монополий) сделали этих промышленников несомненно виновными в преступлениях, которые национал-социалисты совершили против народов мира в своем стремлении к мировому господству».

Л. Лохнеру это авторитетное утверждение сенатской комиссии нипочем, как нипочем ему признания самих германских монополистов в том, что они выпестовали и поставили Гитлера у власти.

Лохнер отмахивается от фактов ссылкой на то, что казначейские книги НСДАП «исчезли» из сохранившегося в целом архива «Коричневого дома», а потому, мол, и нельзя точно установить, кто сколько давал Гитлеру. Что же касается общеизвестных данных, то «свидетельства показывают, что финансовые субсидии немецких промышленников не были решающим фактором при захвате власти Гитлером».

Лохнер повторяет заявление видного промышленника Ламмерса на процессе руководителей химического ги-

ганта «И. Г. Фарбениндустри»: «Мнение, будто германская промышленность, особенно германские крупные промышленники в целом помогли Гитлеру прийти к власти, основано на легенде».

Однако же общеизвестно, что 27 января 1932 года в Дюссельдорфе в Промышленном клубе перед большой группой вот этих самых акул монополистического капитала Гитлер в докладе заявил о своих задачах и целях:

«Бессмысленно строить хозяйственную жизнь на основе производительности, ценности личности и, следовательно, практически на основе авторитета личности — и в то же время в политике отрицать авторитет личности и на его место выдвигать закон больших чисел, демократию... Но аналогом политической демократии в экономической области является коммунизм».

Столь ясная претензия Гитлера стать «сильной личностью» — в интересах самой экономики — была всецело признана и одобрена собравшимися монополистическими магнатами.

Л. Лохнер просто-напросто объявляет: «Редко высказывание известного политика вызвало такой поток басен и легенд, как речь, которую Гитлер произнес 27 января 1932 года».

Коротко, но неубедительно! Ибо было установлено на Нюрнбергском процессе, что именно эта речь положила начало той настойчивой, упорной акции капитанов индустрии, целью которой было: поставить Гитлера у власти.

Лохнер обходит молчанием события конца этого же 1932 года. На выборах в рейхстаг 9 ноября нацисты недосчитались более двух миллионов голосов. Влияние Гитлера на широкие мелкобуржуазные массы быстро падало. В самой партии резко обозначилась тенденция к расколу: образовались 12 оппозиционных групп; одна треть депутатов рейхстага выступала против руководящей группы Гитлера — Геринга. Ко всему прибавились и финансовые трудности: касса партии опустела.

Политический кризис партии был налицо, и Гитлер, в припадке свойственной ему истерии, кричал:

— Если партия распадется, я в три минуты покончу дело с помощью пистолета...

И вот в столь тяжкую минуту на помощь нацистам спешат истинные властители Германии.

Шахт 12 ноября пишет Гитлеру: «Для меня несомненно, что развитие событий может иметь лишь один исход, а именно ваше назначение канцлером».

Шахт не только утешает Гитлера словами, но и помогает ему делами, собирая подписи под письмом к Гинденбургу. 17 виднейших банкиров, промышленников, помещиков 19 ноября потребовали от президента — назначить канцлером Гитлера.

Для окончательного урегулирования сделки между главарем нацистской шайки и империалистической верхушкой была организована тайная встреча Гитлера с Папеном. Посредником в предварительных переговорах был все тот же Шахт, а со стороны Гитлера — Гиммлер. Встреча состоялась 4 января 1933 года в Кельне в доме банкира Курта Шредера.

Все эти общеизвестные факты Лохнер попросту «не замечает» и заявляет: «высасывать из пальца, что германская промышленность хотела войны и потому поддержала Гитлера, это равноценно утверждению, что германские промышленники невероятно глупы».

Нет! Они не были глупы и именно поэтому и поставили Гитлера у власти: они знали, что он будет их верным слугой. . .

Курт Шредер, в доме которого договорились Гитлер и Папен, на вопрос представителя американского военного трибунала в Нюрнберге о влиянии немецких банков на правительство Гитлера ответил:

— Влияние больших банков было слишком сильным!

Немедленно после перехода власти к Гитлеру нацистские гаулейтеры четырех округов, расположенных в Рейнско-Рурской области, обратились с письмом к Фрицу Тиссену: «Вы стали для нашей области высшей властью в вопросах экономической политики. В связи с этим дано распоряжение по всем этим вопросам обращаться к вам и ваше распоряжение считать окончательным».

20 февраля 1933 года, менее чем через месяц после захвата власти, Гитлер пригласил к себе два десятка монополистических главарей — Круппа, Шредера, Феглера, Шахта, Тиссена, Флика, Шницлера и других акул такого же высокого ранга. В длинной речи он сказал об

опасности коммунизма, подчеркнул необходимость получить на предстоящих выборах в рейхстаг большинство голосов.

Затем слово взял Крупп и поблагодарил Гитлера за то, что он столь ясно изложил свое мировоззрение. Настало крайнее время для наведения порядка внутри Германии, и, по убеждению всех присутствующих, только в политически сильном государстве может развиваться и процветать экономика...

Густав Крупп фон Болен унд Гальбах, таким образом, приветствовал осуществление завета первого пушечного короля Альфреда Круппа, который в конце XIX века отчетливо сформулировал программу Круппов: «Право голоса должно быть отнято у людей, не имеющих собственности. Я хочу, чтобы некто, обладающий большими способностями, предпринял контрреволюцию — с ликующими батальонами молодых людей».

И вот такой «некто» нашелся.

Выслушав Круппа, Гитлер удалился, и Шахт приступил к тому, что составляло главную цель собрания: к сбору денег в избирательный фонд Гитлера. Крупп и его коллеги не поскупились — было собрано 3 миллиона марок.

Таковы непреложные факты.

Лохнера факты не убеждают. Он безапелляционно пишет: «На главном Нюрнбергском процессе и на трех процессах промышленников ученые юристы союзных держав прилагали все усилия, чтобы доказать, что руководящие германские промышленники содействовали подготовке, планированию и ведению агрессивной войны и с этой целью составили заговор. В каждом из этих процессов был отвергнут пункт обвинения в подстрекательстве промышленниками к войне».

Действительно, американские трибуналы не признали доказанным участие немецких промышленников в гитлеровском заговоре против мира. Это понятно, иначе создан был бы юридический прецедент, весьма опасный для американских монополий: ведь они в тесном союзе с Пентагоном ведут преступную агрессивную войну в Юго-Восточной Азии, поддерживают агрессию Израиля на Ближнем Востоке, вынашивают планы новой мировой

войны для завоевания «глобального господства» империализма США.

Американские судьи не посчитались и с мнением самих немецких монополистов. На другой день после того, как рейхстаг, откуда были изгнаны коммунисты, утвердил закон о чрезвычайных полномочиях Гитлера, президиум Имперского союза промышленности направил «фюреру» адрес с благодарностью за то, что Гитлер спас страну и экономику от «потрясений» и «политических колебаний».

Крупп и его коллеги хорошо знали, за что благодарят нацистского диктатора...

Западногерманский публицист К. Прицколейт в книге «Кому принадлежит Западная Германия» тоже поднимает голос против «безответственной, нелепой и самодовольной болтовни о том, что Гитлер финансировался крупными промышленниками».

К. Прицколейт не отрицает, что тяжелая промышленность сделала свой вклад в историю Германии, способствовала установлению гитлеровской диктатуры, — но не финансовыми подачками Гитлеру, а созданием могущественного концерна печати во главе с Гугенбергом, сперва генеральным директором у Круппа, а затем «Лордом прессы» и руководителем крайней правой партии «Дейчнационале». «С финансовой помощью банков и концернов он начал издавать не только невыразимо бездарные нацистские газеты, но и газеты, журналы, корреспонденции, информации и матрицы концерна Шерль, которые ежедневно снабжали духовной пищей $^{2}/_{3}$ самых мелких из мельчайших немецких читателей. Эта пресса могла поставить себе в заслугу то, что она сделала парламентскую демократию посмешищем, опозорила республику и, наконец, сломила хребет «системе» задолго до того, как Гугенберг провозгласил создание Гарцбургского фронта» (блока всех буржуазных партий с нацистами в 1930 году). Прицколейт этот факт толкует по-своему: решающую роль в установлении нацистской диктатуры сыграли только широкие народные массы, отравленные ядом пронацистской пропаганды, «совращенные» с пути демократии на путь диктатуры.

Итак, народ — только он вынес Гитлера к власти на волне разочарования в демократии, возмущения и гнева.

Народ, а не верхушка монополистического капитала главный ответчик за то, что сделала нацистская Германия в 1933—1945 годах.

Таков вердикт буржуазных историков и публицистов.

5

Предо мною на столе вырезки из американских газет и журналов первой половины 30-х годов. «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн», «Харперс мэгезин» и «Каррент хистори», «Эсквайр» и «Нью-Йоркер», «Форин афферс» и «Лайф» — эти газеты и журналы, как и многие другие издания США, полны статей, корреспонденций, очерков о Гитлере и его «движении».

По-разному рассказывали об этом своим читателям разные журналисты. Но у всех — одна общая черта. Черта примечательная: ни звука, ни слова о связях между «фюрером» и капитанами индустрии, о заинтересованности в передаче власти главарю коричневых банд, о тайной поддержке притязаний Гитлера на роль диктатора — спасителя Германии от революции.

Но зато как много ярких картин «народного» обожания и даже обожествления Гитлера, как много рассказов о том, что Гитлер это «голос толпы», как много рассуждений о том, что именно широкие народные массы, за вычетом, разумеется, ужасных коммунистов, составляют опору национал-социализма.

В сентябре 1932 года по поручению «Нью-Йорк таймс» в Германию едет Мери Ли. Она раньше всего отправляется в Мюнхен, а там прямехонько в Коричневый дом, штаб-квартиру «фюрера». Она хочет найти ответ на вопрос: «Адольф Гитлер, что он такое? Каков секрет его странной власти? ..»

Мери Ли входит в Коричневый дом. «Все здесь движение, жизнь. Эти люди молоды и, вы чувствуете, переполнены целеустремленностью. Молодые люди входят и выходят, говорят друг с другом. Атмосфера сдерживаемого возбуждения, ожидания важных событий. Старая Германия парков, музеев увядает. Новая Германия держит власть здесь».

Мери Ли за 5 марок (очень высокая цена!) приобре-

тает билет на митинг в цирке, где выступает сам «фюрер». И вот она с трудом пробирается сквозь многотысячную толпу жаждущих увидеть, услышать Гитлера, входит в здание. Оно набито людьми сверху донизу.

«Хайль! Хайль!» Десять тысяч правых рук подняты кверху. Слезы на глазах женщин, хриплые голоса мужчин. Царит напряженность, серьезность. Возбуждение политического собрания, но напряженность людей, ожидающих свадьбы или похорон. Хайль! Хайль!.. Они бросаются вперед... И тогда...»

Тогда появляется Гитлер, и мимо помоста, на который он всходит, дефилируют под звуки военного оркестра в течение часа три тысячи молодых людей в коричневых рубашках, с поднятой правой рукой. «Глаза каждого молодого человека устремлены на Гитлера. Молодые глаза, глаза, отражающие идеализм 19 лет. Глаза, полные решимости умереть за идеал. Жажда дисциплины, жажда узнать, за какое дело необходимо умереть, готовность отдаться идеалу, сражаться за него. Глаза каждого находят взгляд Гитлера как воплощение идеала. Взор Гитлера, кажется, встречается с взором каждого молодого человека. Он глядит вниз из-под правой руки, как если бы он вбирал силу из глаз проходящих мимо него. Он не улыбается. Его серьезность отражает серьезность этих молодых людей, их идеализм, высокое самопожертвование молодежи. Вот что он совершил, этот человек, он уловил устремления каждого раствориться в толпе, этот военный инстинкт, подхватил его и повел за собой. Чувствуешь, что этот человек воплощает чувства, выражает мысли, символизирует идеал. Не чувствуешь, что Гитлер правит толпой. Чувствуешь, что толпа правит Гитлером, чувствуешь, что он выражает ее мысли, говорит ее языком... Гитлер — только руководитель — руководитель ее собственного духа. Сила, чувствуешь, в толпе, а не в Гитлере. И сила Гитлера в идеализме толпы».

Таковы заключительные строки темпераментного повествования мисс Мери Ли о том, как она сподобилась увидеть и услышать Гитлера.

Проходит меньше месяца, и «Нью-Йорк таймс» публикует 2 октября 1932 года корреспонденцию Г. Каллендера из Берлина под широковещательным заголовком:

«Германия ликвидирует свою революцию. Нация, впу-

тавшаяся в авантюру с демократией, стирает либеральный режим и восстанавливает культ Бисмарка, к которому народ склонен по своей природе и в силу традиции».

Итак, народ, его природа, его исторический опыт — вот корни успеха Гитлера, вот условия, сделавшие возможной и неизбежной победу нацизма!..

Гарольд Каллендер, в отличие от Мери Ли, повествует о Гитлере не эмоционально, он передает не чувства свои, а размышления.

Германия делает «упорную попытку ликвидировать революцию 1918 года и ее последствия и восстановить тип недемократического, военного государства, которое находится в гармонии с традициями страны».

От пропорционального представительства, референдумов и конституционного либерализма они (массы) поворачиваются к тому, что имеет более глубокие корни в истории, — «к лейтенанту и десяти солдатам».

Так Г. Каллендер закончил анализ политического положения в Германии классическим изречением самого дремучего из всех прусских юнкеров Ольденбурга-Янушау.

В рейхстаге незадолго до первой мировой войны он сказал, что для Германии наилучшим политическим строем является власть лейтенанта и десяти солдат.

Конечно, нацистская диктатура была наилучшим воплощением идеала власти Круппа — Янушау. Но Каллендер приписывает его всему немецкому народу.

Такое же мнение высказал и американский публицист Г. Армстронг в книге «Империя Гитлера — первая фаза». Он, правда, признал, что за спиной Гитлера стоят юнкеры и монополисты, но безоговорочно заявил, что народ целиком идет за Гитлером.

Столь же категорическое и ошибочное мнение было высказано в статье У. Ортона «Новое вино в Германии» на страницах «Атлантик мансли».

Уже и самый заголовок говорит за себя!

«Новое вино»...

«Вы сомневаетесь? Послушайте молодую немку, которая училась в США и научилась там любви к демократии. Она получала из Германии письма, которые усиливали ее ненависть к нацизму. Чтобы своими глазами

увидеть, что же происходит там, она вернулась на родину.

— Я увидела необходимость нацизма. . .»

Необходимость для кого? Для народа, поясняет статья, раскрывая смысл приветствия «Хайль Гитлер!».

«Когда люди его произносят, они тем самым говорят:

— Мы принадлежим друг другу, вы и я.

— Мы товарищи, не правда ли?»

«Хайль Гитлер» — это магическая формула общности всех немцев и их единства с «фюрером», убеждает У. Ортон своих читателей.

«Гитлер не создал этого Движения (нацизма); он принял его — и в свою очередь был принят им».

Более трезво и точно сказала о причинах успеха Гитлера Алиса Гамильтон, профессор медицины. Она хорошо знала догитлеровскую Германию, страну высокой культуры, великих писателей, замечательных ученых.

И вот что она услышала в «новой» Германии.

Молодой священник из большого сельского прихода говорит:

— Гитлеризм последняя надежда нашего отчаявшегося народа. Быть может, он несовершенен, но это — выход, и надо его испробовать. Он означает примирение, устраняя все классовые, политические, религиозные перегородки. Гитлеризм изгнал коммунистов и заставил замолчать их прессу. Величайшая вещь в мире — повиновение, в основе каждого государства лежит повиновение — неважно чему, ибо оно должно сотворить волю к чему-либо большему, чем ты сам.

Так служитель господа бога заверял, что нацизм отвечает чаяниям народа, главная добродетель которого — слепое повиновение.

То же сказал миссис Гамильтон молодой офицер из померанских юнкеров:

— Дисциплина, повиновение, усердие, умеренность — наши (юнкеров) старые идеалы, и нацистское движение явилось как раз вовремя, чтобы спасти и оживить наши нормы поведения и сделать их нормой для всей Германии. Наша молодежь обожает форму, парады, чувство принадлежности к чему-либо большому. Надев форму, не-

мец становится счастливым. Теперь все немцы обращаются к Фридриху Великому, и его идеалы — наши: повиновение сильной власти, тяжелая работа, строгая семейная дисциплина, целомудрие, самоотречение, бережливость.

Миссис Гамильтон беседовала и со старым профессором, у которого когда-то училась, и он сказал, что сожжение книг — «торжественное и великолепное переживание».

— Я два часа стоял на площади, наблюдая пляшущее пламя и молчаливую, благоговейную толпу. Для всех нас это был символический акт, отказ от религии классовой ненависти и конфликтов, освобождение народа от упадка, наступившего после войны.

Итак, священник, офицер, профессор — они горой стоят за Гитлера. Церковь, армия, официальная наука всегда были оплотом реакции в Германии.

6

Почему же американская буржуазная печать так единодушно убеждала читателей в том, что Гитлера «добровольно» выбрал народ, интересы и чаяния которого «фюрер» воплощает?

Ответ дает встреча Гитлера в августе 1933 года с правой рукой Моргана банкиром У. Олдричем и его коллегой Г. Манном. Они желали непосредственно от Гитлера получить заверения, что американский «большой бизнес» не потерпит в «новой Германии» ущерба. Вот что со слов Манна записал в дневнике американский посол Уильям Додд: Гитлер «чрезвычайно плохо разбирается в международных делах и к тому же мнит себя кем-то вроде немецкого мессии. Несмотря на все это, оба банкира считают, что с Гитлером можно вести дела».

Вот тут-то и «была собака зарыта» по немецкой поговорке: можно вести с Гитлером дела, а потому нужно поддерживать нацистский режим, выдавая его за выражение воли народа.

Как буржуазными воротилами «велись дела» с нацистами, можно видеть на примере «партнерства» Штайнбринка и Гиммлера.

В первой мировой войне Штайнбринк участвовал как командир подводной лодки и снискал немалую славу своими пиратскими подвигами на море. У Гитлера он сделал быструю карьеру: вступив в НСДАП и в СС в мае 1933 года, он вскоре уже был генералом (бригадефюрером) СС, был причислен к штабу рейхсфюрера СС, получил от Гиммлера много почетных наград (например, золотое кольцо с «мертвой головой» — эмблемой СС). Но не только деловые отношения связывали с Гиммлером бывшего директора концерна Флика, а затем директора «Ферейнигте штальверке», а и тесная дружба.

Вот личное письмо Гиммлера Штайнбринку от 2 октября 1933 года:

«Дорогой господин Штайнбринк! Спешу выразить сердечную благодарность за Ваше письмо от 25.9.1933. Моя жена и я очень рады, если 14—15 октября Вы будете в Мюнхене, и надеемся, что Вы во время пребывания в Мюнхене будете жить у нас. Я равным образом лелею надежду, что в эти дни, несмотря на празднества, мы сможем досыта побеседовать».

Штайнбринк не замедлил ответить:

«Сердечное спасибо за Ваши строчки от 2 октября и за Ваше чрезвычайно дружеское приглашение быть Вашим гостем 14—15 октября в Мюнхене. Этим приглашением Вы доставили мне и моей жене большую радость. . .»

Словом, полная идиллия сердечной дружбы... обер-палача с обер-дельцом! Штайнбринк использовал ее в интересах своего концерна и помогал Гиммлеру грабить оккупированные страны.

Тесно сотрудничал Гиммлер и с заправилами «И. Г. Фарбениндустри», организаторами «индустрии» уничтожения миллионов людей в газовых камерах. Большие делал дела и Геринг с монополиями, поставлявшими Гитлеру вооружение.

Прибыли они делили.

Не только политически поддерживали Гитлера, но и вступали в тесные личные контакты с нацистами представители «голубой крови» — вплоть до Гогенцоллернов во главе с бывшим кронпринцем.

В самом начале своей карьеры Гитлер завязал связи с прусской знатью. В начале лета 1921 года, как мы

знаем, он отправился в Берлин. В Национальном клубе, где группировались реакционные элементы столицы, он говорил о целях и задачах НСДАП. Горячий прием он встретил у деятелей бывшей прусской «палаты господ», этого заповедника юнкеров-помещиков вроде Ольденбурга-Янушау и ему подобных политических зубров гогенцоллернской эпохи. Доверительные беседы Гитлер имел и с заправилами «Ландбунда» — союза прусских помещиков.

Эти знатные господа, кичившиеся своей «голубой кровью», не погнушались близким знакомством с обитателем венской ночлежки, который и по-немецки говорил, как типичный представитель низов венской богемы, да еще к тому же с мюнхенскими словечками и оборотами. Они распознали в нем именно того человека, которого само «провидение» посылало им — для обуздания «взбесившейся черни» и наведения порядка в Германии. Поэтому в решающие дни конца 1932 года — начала 1933 года представители прусского юнкерства настойчиво требовали от Гинденбурга, чтобы власть была отдана Гитлеру.

Путлитц рассказывает о банкете для знати, устроенном во дворце министерства иностранных дел: «Фюрер нарядился во фрак (видимо, в первый раз в своей жизни). Он имел в нем неописуемый вид. Белый воротничок сидел криво. Фалды, слишком длинные для его коротких ног, обтягивали его женственно округлые ляжки и волочились, как лошадиный хвост. Дикий вихор выглядел так, как будто к нему уже несколько дней не прикасалась щетка. Казалось бесспорным, что перед тобой немного помешанный плохой комедиант из третьеразрядного пригородного варьете».

Таков был новый кумир, и вот как он был встречен: «Появление Гитлера вызвало большое оживление. Было противно смотреть на это так называемое хорошее общество. Молодые дамы с горящими от любопытства или даже сияющими глазами проталкивались к этому типу, целовавшему им руки».

Внук «железного канцлера» Отто Бисмарк был в не меньшем восторге.

Путлитц спросил его:

— Вы верите, что этот человек займет когда-нибудь

в немецкой истории такое же место, как ваш дед или старый Фриц?

Бисмарк ответил коротко, решительно, с глубоким убеждением:

— Бесспорно!

7

Гитлера поставили у власти монополисты, юнкеры-аристократы, генералы.

Но фашистская диктатура была бы непрочна, если бы не имела опорной базы внизу.

Как же нацизму удалось создать базу для своей антинародной диктатуры и замаскировать истинную сущность этой диктатуры монополистической буржуазии и юнкерства?

Величайший экономический кризис 1929—1933 годов вверг Германию в состояние, близкое к тому, в каком страна была после окончания первой мировой войны.

Трубы заводов не дымились: работала одна четверть производственной мощности немецкой промышленности, и индекс производства упал до уровня 1918 года. Национальный доход сократился почти вдвое.

Эти сухие статистические данные обернулись для немецкого народа тяжкими страданиями: осенью 1932 года семь с половиной миллионов не имели работы.

Отчаяние охватывало людей. Где выход? Как спасти себя, страну от нищеты, голода, гибели?

Ответ давали — ясный, точный — коммунисты, и за ними шли миллионы: на выборах в рейхстаг в ноябре 1932 года, когда Гитлер потерял 2 миллиона голосов, за компартию голосовали 6 миллионов избирателей. А 5 марта 1933 года, уже после захвата власти Гитлером, в обстановке жесточайшего террора, компартии отдали свои голоса 4,8 миллиона немцев.

А два голосования в 1933 и 1934 годах показали, что миллионы людей не поддерживают нацистской диктатуры. 13 ноября 1933 года Гитлер устроил референдум, предложив немецкому народу ответить на вопрос: «Одобряешь ли ты, немецкий мужчина, и ты, немецкая женщина, политику твоего правительства и готов ли заявить об этом, как о выражении твоего собственного убеждения

и твоей воли, и торжественно присоединиться к этой политике?»

Сорок с половиной миллионов сказали «да». Но четыре с половиной миллиона (то есть 10 процентов имевших право голоса) ответили «нет» или воздержались.

Год спустя после смерти Гинденбурга происходило голосование по вопросу об утверждении Гитлера также и в должности президента.

Из 45,2 млн. имевших право голоса ответили «да» 38,1 млн., «нет» сказали 4,3 млн., воздержались почти 2 млн., а 0,9 млн. бюллетеней были признаны недействительными.

Следовательно, почти 7 миллионов взрослых немцев прямо или косвенно выразили свое несогласие с нацизмом.

Так даже и в условиях уже укрепившейся фашистской диктатуры миллионы немцев не поддались на демагогию Гитлера, не побоялись кровавого террора.

Это было то ядро народа, из которого вышли тысячи и тысячи самоотверженных борцов против фашизма, герои движения сопротивления.

Но кто же были те миллионы, которые голосовали за Гитлера, которые составили опорную базу нацизма, те, о которых с таким восторгом и умилением повествовала мисс Маргарита Ли?

Это были, в первую очередь, широкие слои городской и сельской буржуазии — те, кого обычно называют «миттельштанд» («среднее сословие»): ремесленники, торговцы, крестьяне, мелкие служащие, часть интеллигенции. Увлекла за собой националистическая, реваншистская демагогия и некоторую часть рабочих — менее квалифицированных и наиболее пострадавших от кризиса.

Западногерманский публицист Себастьян Хаффнер ставит вопрос:

«Какого сорта люди инстинктивно чувствовали влечение к Гитлеру? Какого сорта люди откликнулись без колебаний на этот чрезвычайно сложный комплекс жестокости, грубости, дисциплины, самоуничтожения и спартанства в соединении с громкими фразами о героизме, сенсационностью, бесконечным авантюризмом, роскошью и коллективным дебоширством, на этот странный сплав

бульдожьей преданности и продажности, старомодной германской простоты и сверхновейшей образованности, призывов «назад, на землю» и стремительных автомобилей и сверхсамолетов, «расы господ» и приказов «смирно», лагерных огней и наград за доносы? Как стало возможным, что тайное единство этой мешанины очевидных противоположностей было легко и инстинктивно воспринято таким сравнительно большим количеством людей? Где лежит Архимедова точка в массовой душе нацистов, с помощью которой он управляет твердо и надежно и ведет их за собой во всех своих кувырканьях?

Откуда это почти мистическое восприятие, которое делает миллионы его последователей способными чувствовать, слушая ложь своего фюрера, что он лжет только для других? . .

На смутный, чисто эмоциональный призыв Гитлера, личности столь же темной, сколь и чудовищной, буквально сотни тысяч отвечали душой и телом, как если бы они всю жизнь ждали именно его. Что за люди они были и чего они ждали?»

С. Хаффнер предлагает такой ответ:

«Это были в основном люди из поколения родившихся в 1900—1910 гг., кто детьми прожил великую войну, школьниками печальную неудачу левой революции и юношами инфляцию 1923 года. Эта дикая оргия, в которой все буржуазные понятия о порядке сгорели как сухой трут, дала молодежи безграничную самоуверенность, отвагу, страсть к беспорядку и любовь к авантюрам... К этому прибавился превозносимый «динамизм», сильный инстинкт немедленного и недолговечного успеха, огромная неустойчивость и неспособность рассчитывать и полное безразличие к завтра и последующему дню. Эта молодежь, необразованная и не желавшая учиться, отбросила как смешное и не имеющее цены все, что она не могла осилить, все, что требовало усилий и что было слишком деликатно для ее чувств, привыкших к грубой пище».

С. Хаффнер вносит важную оговорку:

«Когда мы говорим о поколении 1900—1910 гг., мы, разумеется, не думаем, что каждый из него есть нацист, что нельзя найти нацистов в старшем поколении, но что умственное и душевное состояние, склонное к нацизму,

более распространено в этом поколении. Нацизм заразил душу простого среднего человека этого поколения».

К этой категории сторонников Гитлера принадлежали и те, кто после военного поражения Германии и уменьшения ее армии до 100 тысяч человек остались у разбитого корыта, не имея никакой профессии, отвыкнув от условий мирной жизни. А таких людей были сотни тысяч. Очень многие из них прошли школу в так называемых «добровольческих организациях», силами которых германские правящие круги подавили революцию. В этих «корпусах», «бригадах», «отрядах» бывшие фронтовики превращались в типичных ландскнехтов, с психологией и моралью наемных убийц и грабителей. Они-то и составили ядро штурмовых отрядов СА в 1919—1923 годах.

В момент окончания войны германская армия насчитывала 34 тысячи офицеров. Из них в рядах рейхсвера были оставлены лишь 4 тысячи. Остальные, как правило, были переведены на пенсию. Но она была достаточна только у генералов и старших офицеров. Многим офицерам с небольшой пенсией удалось приобрести разные специальности и найти работу. Но около одной трети офицерского корпуса осталось, по выражению И. Нотгааса (изучившего эту проблему), «за бортом нового общества». И эти 10 тысяч человек, обладая большим «взрывчатым потенциалом», составили тот «социальный резервуар», из которого Гитлер, Рем, Геринг черпали боевые кадры, в первую очередь для командных постов в СА и СС («охранных отрядах», возникших в 1923 году в рамках СА).

Германн Раушнинг, долгие годы принадлежавший к нацистской верхушке, но незадолго до войны порвавший с Гитлером и эмигрировавший за границу, о типе людей, которые сразу же пошли за Гитлером, сказал: «Гитлер обращается к авантюристам, неугомонным людям чрезвычайной возбужденности. К ним он приходит со сказкой об устарелости порядка, усталости цивилизации, которая изжила себя, бессилии и дряхлости почтенного христианского общества. Сильный человек должен править, слабый — повиноваться... Будущее принадлежит новой европейской знати — из сильных, безжалостных людей, действия которых наложат свой отпечаток на новую Великую Европу».

Ударная сила нацизма — штурмовые отряды, вербовавшаяся главным образом из среды наиболее пострадавших слоев мелкой буржуазии, была вместе с тем и наиболее уязвимым местом нацистской системы. Ибо была подвержена колебаниям и сменам настроений и влечений, какие свойственны этой среде.

Так, в сентябре 1930 года берлинские штурмовики, недовольные «нерешительностью» Гитлера, бойкотировали нацистские собрания и совершали нападения на помещения партии. Гитлеру пришлось срочно отправиться в Берлин, чтобы утихомирить штурмовиков — с помощью новых посулов. Весной 1932 года брожение усилилось — вплоть до попытки сместить Геббельса с поста руководителя берлинской организации партии. Чтобы усмирить бунт, Гитлер прибег к крайним мерам: около полутора тысяч наиболее строптивых «мятежников» были исключены из штурмовых отрядов и партии.

Наибольший размах недовольство среди штурмовиков приобрело после захвата власти. Миллионы одетых в коричневую форму сыновей лавочников, ремесленников, мелких служащих ожидали, что с победой «национальной революции» в их положении произойдет давно им обещанный коренной перелом к лучшему. Но этого не было... «Фюрер» провозгласил: «Революция окончена». — «Как окончена? — негодовали эти люди. — А мы? Где то, что нам посулили?»

Брожение в рядах штурмовиков решил использовать — в своих личных интересах — начальник штаба штурмовых отрядов Рем, тот самый Рем, который примкнул к Гитлеру и стал его правой рукой на заре «движения».

В 1930 году, когда штурмовики впервые проявили непокорство, Гитлер сместил Рема с поста начальника штурмовых отрядов на должность начальника штаба, а главой коричневой армии провозгласил себя.

В 1933—1934 годах дело зашло значительно дальше. Рем лелеял честолюбивые планы: прибрать к рукам армию, «присоединив» ее к штурмовым отрядам, и возглавить вооруженные силы страны — что поставило бы его

над самим «фюрером». Записку с таким планом Рем и представил Гитлеру в начале 1934 года.

В военных кругах план Рема стал известен. Гитлеровский фельдмаршал Эрик Манштейн был тогда начальником штаба Берлинского военного округа. В своих мемуарах он сообщает:

«Чем дальше, тем яснее становилось для нас, что высшее руководство СА имеет намерение поставить штурмовые отряды на место армии, в крайнем случае прибрать армию к рукам... Было известно, что Рем домогается создать «народную армию», в которую должен войти рейхсвер. Главную ее часть должны были составить штурмовики. Рем хотел встать во главе этой армии».

Военную верхушку беспокоила и другая проблема. Резко ухудшилось состояние здоровья престарелого Гинденбурга. Его неминуемая близкая смерть ставила вопрос: кто станет верховным главнокомандующим вооруженных сил? Эта функция принадлежала президенту.

11 апреля 1934 года линкор «Дейчланд» вышел в море для участия в маневрах. На его борту были Гитлер и военный министр Бломберг.

Обсудив опасность мятежа штурмовиков и кандидатуру преемника Гинденбурга, они заключили пакт. Бломберг от имени рейхсвера обещал поддержать притязания Гитлера на пост президента, а Гитлер обязался положить предел претензиям Рема и обеспечить главенство рейхсвера в военной сфере.

1 мая Бломберг приказал поместить на фуражках и в петлицах рейхсвера нацистский знак — орла со свастикой. По замечанию британского историка Дж. Уилер-Беннета, для Гитлера это был «значительно больший триумф национал-социализма, чем все, что ему могли обещать грандиозные замыслы Рема».

29 июня «Фелькишер беобахтер», лейб-орган нацистов, опубликовал статью Бломберга. Рейхсвер, писал военный министр, «принимает национал-социализм безоговорочно, исходя из глубочайшего внутреннего убеждения. Армия, сохраняя железную дисциплину и исполненная сознания своего долга, пойдет за рейхспрезидентом Гинденбургом и фюрером рейха Адольфом Гитлером,

который некогда сам вышел из ее рядов и которого мы всегда будем считать своим человеком».

А накануне, 28 июня, на крупповскую виллу Хюгель, где когда-то почетным гостем был Вильгельм II, прибыли Гитлер и Геринг. Туда же явился и Фриц Тиссен. Они благословили Гитлера на кровавое усмирение штурмовиков, которые требовали «второй революции» и исполнения гитлеровских обещаний покончить с «процентным рабством», с властью «больших господ» из банков и концернов.

Так слились воедино интересы монополистической верхушки и милитаристских верхов Германии с личными интересами «фюрера», которого напугали непомерное честолюбие и властолюбивые притязания Рема.

Получив «добро» и от главарей монополий, и от военной верхушки, Гитлер приступил к делу.

В ночь на 30 июня, в третьем часу, он прибыл в Мюнхен в штаб военного округа. Выделенному для связи с ним офицеру штаба В. Мюллеру Гитлер сказал:

— Передайте командующему округом, что все события, которые произойдут здесь в ближайшие часы, являются внутренним делом партии. Части гарнизона должны оставаться в казармах. Армия не имеет отношения ко всему этому делу. Мы сами постираем свое грязное белье. Худо, что в этом замешаны генералы Шлейхер и Бредов. Я позабочусь о том, чтобы ничто впредь не мешало рейхсверу выполнять его задачи по обороне страны.

Из Мюнхена Гитлер вылетел в Висзее, где находился Рем и его приближенные. Еще за два дня до того он был исключен из офицерского союза за аморальное поведение (педерастию). Розенберг так запечатлел эти события в своем дневнике.

Гитлер постучал в дверь Рема и сказал измененным голосом:

— Сообщение из Мюнхена.

— Входи, — крикнул Рем, — дверь отперта...

Гитлер рванул дверь, накинулся на лежавшего в постели Рема, схватил его за воротник и закричал:

— Вы арестованы, вы свинья!

В соседней комнате Гейнес (один из приближенных Рема) был застигнут в постели с юношей.

— Вот эта дрянь хотела стать фюрерами Герма-

нии! — завопил Гитлер. Он приказал этого мальчишку и другого, задержанного в коридоре, немедленно расстрелять.

Рема отправили в Мюнхен и предложили застрелиться.

Но так как он этого не сделал, то был в камере застрелен...

Так повествует Розенберг. Но есть и другая версия: Гитлер убил Рема в постели.

Были убиты сотни людей — кажется, около тысячи, в их числе лидер оппозиции в партии Г. Штрассер, генералы Шлейхер и Бредов, Кар, Лоссов и еще некоторые политические противники Гитлера.

Плутократия Рура аплодировала убийцам. Ее орган «Дейче бергверксцейтунг» с удовлетворением заявил: «Экономика быстрыми мерами 30 июня была спасена от опасности. Она приносит свою благодарность».

А о военной верхушке Путлитц справедливо говорит: «Рассчитывая на блестящую карьеру, генералы закрыли оба глаза, когда он (Гитлер) 30 июня расстрелял, как собак, двух немецких генералов».

Манштейн в мемуарах пытался снять с рейхсвера ответственность за 30 июня — на том основании, что военные руководители, одобряя действия против Рема и К^0, не предполагали, что они выльются в кровавую расправу.

Дж. Уилер-Беннет на это резонно отвечает, что руководители рейхсвера не могли не знать, что именно готовит Гитлер. Он пишет: «Офицеры высшего слоя военной иерархии отлично знали, что должно произойти 30 июня, и молчаливо допустили выполнение плана массовых убийств».

На заседании правительства Бломберг от имени всего кабинета принес Гитлеру поздравление с победой 30 июня.

Дж. Уилер-Беннет подвел итоги кровавого эпизода 30 июня: «Не может быть вообще более красноречивого примера утраты внутреннего равновесия, моральной ценности и политической независимости офицерского корпуса, чем его отношение к убийству Шлейхера и Бредова. Германский офицер стал служакой в том смысле, какой означает техническую пригодность. Он больше не был олимпийской, богоподобной в своей обособленности

фигурой; его охватили стремления к погоне за чинами и привилегиями. «Карьерист» отныне перестал быть исключением, но стал правилом».

Британский историк, конечно, идеализирует догитлеровского офицера. Но он прав в том, что при Гитлере моральный облик офицера пал очень низко...

9

«Нацизм взывает к самым низменным инстинктам человечества... Нацизм есть наиболее ловкая и наиболее упорная попытка в истории извлечь политическую выгоду из зла в людях и из злых людей... Так возникает мировой заговор всех уголовных инстинктов и элементов в человеке».

Так характеризовал Г. Раушнинг тех, кому командующие классы Германии отдали власть.

Д. Лернер и его сотрудники (в Станфордском университете США), авторы исследования «Нацистская элита», распределили высших представителей элиты на пропагандистов, партийных функционеров и военных. Все эти люди происходили в основном из низших слоев немецкого общества, и приход Гитлера к власти означал «возвышение плебеев». По данным исследования Д. Лернера, основные кадры «фюреров» всех рангов родились главным образом в деревне или в маленьких городах у родителей с небольшим доходом и незначительным положением. «Они получили только небольшое школьное образование и после военной службы столкнулись с суровой и неблагодарной трудовой жизнью, которая им, как и их отцам, обещала только небольшой доход и малый престиж... Выбитые из колеи войной, на которой они стали ефрейторами или унтер-офицерами, в трудные послевоенные времена, когда возможности по крайней мере держаться на низшем уровне достигнутого состояния были серьезно ограничены, эти люди из низших слоев возмутились против жалкой жизни, на которую их обрекала презренная господствующая элита. Их чувства беспочвенности, обиды, мятежа передавались младшим братьям и соседям. Так они распространялись среди той мелкобуржуазной молодежи, которая в войне не уча-

ствовала, но разделяла такие же взгляды на будущее в послевоенной ситуации при Веймарском режиме».

Западногерманский социолог В. Цапф уделил тщательному анализу нацистской элиты значительное место в книге «Изменения в германской элите. Модель циркуляции немецких руководящих групп в 1919—1961 гг.».

В. Цапф разделяет нацистскую элиту на четыре группы. Первая — игравшие наибольшую роль — «старые борцы»: Гитлер, Гесс, Розенберг, Геринг, Геббельс, Эссер и многие менее видные, но столь же активные участники многолетней борьбы против Веймарской республики и «ноябрьских преступников».

Вторая группа — «ранние друзья», люди, примкнувшие к НСДАП в начале 20-х годов, но одновременно служившие в органах Веймарского государства. Они считались членами партии «второго ранга», но после 1933 года использовались на видных постах как специалисты-администраторы.

Третью группу, по классификации В. Цапфа, составляют специалисты, примкнувшие к Гитлеру незадолго до захвата власти, в их числе были и люди, занявшие после 1933 года видные посты, — Франк, Фрик, Дитрих.

Наконец, в четвертую группу входили представители буржуазии, вроде Тиссена, Гугенберга, Кирдорфа, Феглера, Шахта, а также видные чиновники, генералы.

Ф. Нойману принадлежит работа «Бегемот: структура и практика национал-социализма в 1933—1945 гг.». Он дает портрет гаулейтера, одной из важнейших фигур в нацистском аппарате: «он родился в 80-х гг. (XIX в.), посещал народную школу, служил офицером в первую мировую войну, если вообще имел профессию, то был школьным учителем и присоединился к партии в ранние годы».

Ф. Нойман определяет взаимоотношения основных групп в правившей «третьей империей» верхушке так: «Армия нуждается в партии, так как ведется тотальная война. Армия не может «тотально» организовать общество; это достается на долю партии. С другой стороны, партия нуждается в армии, чтобы выиграть войну и тем упрочить и усилить свою власть. И армия и партия нуждаются в монополистической промышленности, как гарантии непрерывной экспансии. Все эти три группы

нуждаются в бюрократии, чтобы достичь технической рационализации, без которой система не может работать. Каждая группа суверенна и авторитарна, у каждой есть своя законодательная, административная и юридическая власть; каждая в состоянии быстро и беспощадно осуществить необходимые взаимные компромиссы».

10

Высшей нацистской элитой были СС.

«Охранные отряды» (Schutz Staffeln) возникли в начале 20-х годов как личная охрана Гитлера. В 1929 году Гитлер поставил во главе СС Генриха Гиммлера. С этого момента началось стремительное восхождение карьеры бесталанного агронома, быстро ставшего в ряд с Гессом, Герингом, Геббельсом. Когда Гитлер захватил власть, отряды СС с 280 человек выросли до 52 тысяч. Но они все еще были в составе СА. После 30 июня 1934 года звезда СА закатилась, но зато взошла звезда СС. 13 июля Гитлер приказал «в ознаменование огромных заслуг СС» выделить их из СА в самостоятельную организацию НСДАП, подчиняющуюся лично «фюреру» через Гиммлера — «рейхсфюрера СС».

С. Хаффнер говорит об этих ублюдках в черных мундирах с черепом как эмблемой:

«Для них убийство, пытки, разрушение не сладострастный беспорядок, но «новый порядок». Жизнь в караульнях концлагерей — это веселая товарищеская жизнь. Апостол этого поколения не несколько скучный фюрер, но больше Гиммлер, человек педантичного, методического уничтожения, невозмутимый, тонкогубый, улыбающийся, спокойный палач с пенсне на носу».

В адъютантской комнате перед его кабинетом мне попалась 4 мая 1945 года книга без названия на синей обложке — но с елочными украшениями и надписью «1943—1944». На обороте обложки рисунок — мать с четырьмя детьми, рассматривающими, видимо, именно эту книгу, а под рисунком подпись: «Эта книга — сокровище семьи». Внизу страницы — «Рейхсфюрер СС. Главное управление СС».

Это был «подарок» Гиммлера «женщинам и мате-

рям», «мужчинам СС и полиции», к которым он обратился с рождественским поздравлением:

«Вам, чьи сыновья, мужья, отцы готовы отдать свою жизнь во имя будущего наших детей, раньше всего я посвящаю эту книгу. Для вас, мои мужчины, ожидающие выздоровления от ран или болезни, пусть будет эта рождественская книга приветом от большой общины соплеменников».

Жены, матери, дети могли прочесть в книге сентиментальный рассказ о том, как в далеких русских степях в сибирскую стужу эсэсовцам, в своих окопах забывшим о рождестве, был устроен праздник. В крестьянской избе, при свете елочных свечей, «Санта Клаус» (Дед Мороз в немецком фольклоре) в лице загримированного, с большой бородой эсэсовца раздавал рождественские подарки. Шоколад, печенье, свечи, книги — и нечто завернутое в белую бумагу. И когда эсэсовцы развернули эти таинственные подарки, они были поражены. «Бедная хата обратилась в дворец. Каждый держал рамку с карточкой». Это были фотографии матерей, жен, детей... Как же они появились здесь, за тысячи километров от дома? Очень просто! Еще в сентябре командир роты по адресам всех 80 солдат разослал просьбу — прислать к рождеству фото в рамке такого размера, чтобы она поместилась в нагрудном солдатском кармане...

Вот краткая, но красноречивая запись в дневнике Урсулы: «Гестапо специально явилось в Потсдам к Хасселям, чтобы конфисковать костюмы казненного отца. Как аккуратны эти нелюди, как бережливы! Почему бы костюмам повешенного дальше не использоваться?..»

Они были очень методичны и аккуратны в своих злодействах, эти создатели технически высоко оснащенных, работающих как хорошо отлаженная машина фабрик смерти!

Брошюру «Расовая политика» я взял со стола в кабинете Гиммлера, который был также начальником управления по расовым вопросам и имперским уполномоченным по охране расовой чистоты.

То, что «теоретик» Розенберг размазал по многим сотням страниц своего сумбурного, невежественного «классического» труда «Миф XX века», — всю теорию и практику расовой политики Гиммлер уместил на

70 страницах брошюры, рассчитанной на 11 часов «классных занятий» эсэсовцев. «Раса, которая из всех европейских рас выразила наибольшие способности во многих великолепных памятниках культуры не только на европейской почве, но и в глубинах Азии и Африки», — это нордическая раса. Она — наивысшая из всех рас, ибо она «не приспособляется к миру, но накладывает на него свою печать». А «родина нордической расы» — это Германия, и немецкий народ самый ценный из всех народов на земле: он «всегда нес ответственность за все человечество и стремился к порядку и совершенству в мире. Его «боевой клич» — «один народ, одна империя, один вождь».

СС — это отобранный с особой точки зрения союз нордических мужчин. Этот орден, поучает Гиммлер, есть наследник славных предшественников — немецких рыцарских орденов средневековья, гильдии ганзейских купцов, прусского офицерского корпуса. СС — это отборная часть народа, несущая вперед факел немецкой судьбы. Он включает носителей ценнейшего нордического наследия. Его задача — увеличивать чистую кровь в народе, умножая количество «чистопородных» детей. Поэтому от выбора жены эсэсовца зависит будущее народа. Исходя из этого, Гиммлер в 1931 году издал «Приказ о помолвке и браке». С 1 января 1932 года каждый эсэсовец должен получать разрешение на брак, которое дается только с точки зрения расовой и наследственной чистоты. Обеспечивает правильный выбор невест «расовое управление СС», которое ведет «родовую книгу», куда заносятся браки эсэсовцев. Приказ установил, что четверо — это наименьшее число детей хорошего и здорового брака. А в приказе «О последнем сыне» было объявлено, что по личному распоряжению «фюрера» с фронта отправляются на родину оставшиеся в живых «последние сыновья» — эсэсовцы — и их «долг возможно быстрее зачатием и рождением детей хорошей крови способствовать тому, чтобы не было больше последних сыновей». Гиммлер вменил им в обязанность — выполнить этот долг в течение одного года, чтобы затем вернуться на фронт.

Черная рать СС с помощью необузданного террора держала людей в страхе и повиновении и была физической опорой фашистской диктатуры.

* * *

Итак, никакой «загадки» или «тайны» нет в вопросе о том, как и почему Гитлеру удалось захватить власть. Сколько бы тумана ни напускали буржуазные «теоретики», истина очевидна: Гитлеру отдали власть правящие классы Германии, и нацистский режим был кровавой и беспощадной формой реакционной диктатуры монополистической буржуазии. А увлечь за собой миллионы людей Гитлеру, в тягчайшей обстановке социальных и экономических потрясений, удалось с помощью безудержной демагогии.

Присмотримся ближе к ее «идейному» содержанию.

«POUR LE ROI DE PRUSSE»

> Германо-фашистская «идеология» разнуздала самые дикие и низменные инстинкты. Фашисты возвели в принцип произвол, насилие, надругательство над людьми, они объявили опасными для «расы господ» идеи свободы, идеи просвещения и требования гуманности.
>
> *Из речи главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р. А. Руденко*

1

В кабинете Гиммлера я взял со стола, видимо, впопыхах брошенный эсэсовский офицерский кортик. На его рукоятке — нацистская эмблема (орел со свастикой) и мертвая голова, символ СС.

Вытащив кортик из черных ножен, я на смазанном и остро отточенном лезвии из превосходной стали прочитал сделанную чернью надпись:

«Meine Ehre ist Treue»

«Моя честь — это верность»...

Верность — прекрасное качество. Однако это великолепное качество может превращаться в свою противоположность — когда становится верностью тому, что противно природе человека, чуждо и враждебно истинным интересам народа.

Вильгельм II, принимая присягу молодых солдат гвардейского полка, сказал:

«Вы поклялись мне в верности, а это, сыны моей гвардии, значит, что теперь вы — мои солдаты, вы преданы мне телом и душой, и потому для вас есть только один враг — мой враг. При нынешних происках социалистов может случиться, что я прикажу вам стрелять в ваших собственных родных, братьев, даже в отцов и матерей. Но и тогда вы должны безропотно выполнять мои приказы».

Так понимали «верность» прусско-германские милитаристы и их вожди — кайзер и «фюрер»...

2 мая 1945 года в Берлине работники разведотдела попросили меня на машине доставить в Иоганнисталь

адъютанта Вайдлинга, капитулировавшего начальника обороны столицы. В крытый брезентом кузов влез, с вещевым мешком и небольшим чемоданчиком, высокий, подтянутый майор. У него были опухшие, красные веки не спавшего много ночей человека. Он сел на скамью, вынул из кармана пачку сигарет, закурил.

Разговор завязывается медленно.

Я начинаю с вопроса, где его семья. Майор отвечает, что отправил жену из Берлина неделю назад и теперь ничего не знает о ее судьбе. О себе он говорит, что происходит из буржуазной семьи, получил юридическое образование, короткое время работал юрисконсультом в концерне Сименса. Но вскоре был призван, как офицер запаса, в ряды армии и всю войну провел на фронте.

Майор молчит, курит, смотрит куда-то вдаль... Потом глухо, медленно произносит:

— Мы, молодые офицеры, верили Гитлеру, радостно шли за ним — к величию Германии. Мы верили ему до последней минуты...

Майор смолкает, потом почти шепчет:

— Он бросил нас на произвол судьбы... Дезертировал... в смерть. Я только что объехал пол-Берлина! Ужас, ужас! Был красавец город. А теперь...

Потухшие глаза майора зажигаются гневом.

— Бессмысленно! Преступно! Отстоять Берлин было немыслимо. А мы были верны присяге, мы сражались, и тысячи молодых офицеров погибли. А он, посылавший нас на смерть, струсил... Как горько мы ошиблись...

3 мая 1945 года. Кепеник, район на юго-востоке Берлина.

Дан свет в квартиры и на улицы. Работает водопровод. Ходит трамвай. Открылись 32 промышленных предприятия. Но война, только-только отгремевшая, на каждом шагу напоминает о себе. Развалины домов, безногие, безрукие инвалиды, женщины в трауре. И кладбище с ровными рядами однообразных могил — солдатских. А среди них большая братская могила, на кресте надпись: «Warum? 24.IV.1945».

Здесь похоронены жертвы ожесточенных уличных боев, которые велись в Кепенике.

Седая дама в глубоком трауре, стоявшая у могилы, сказала:

— Мой сын... Эриха повесили на столбе... Он не хотел брать фаустпатрона и стрелять... А другие мальчишки — им всем еще и восемнадцати не было — пошли в фольксштурм... Так приказал фюрер. Они даже второго мая, после капитуляции, не сдались и все погибли. А Эриха они повесили на столбе. Они, его товарищи. Правда, он все равно не уцелел бы, как и остальные?

Она не то спрашивала, не то утверждала. Что я мог ей сказать?

Что я видел фотоснимок: Гитлер именно в эти смертные апрельские дни награждает во дворе имперской канцелярии юнцов из фольксштурма Железными крестами?

«Зачем?» — безмолвно вопрошала надпись на кресте.

Социал-демократический лидер Густав Носке, потопивший в крови революцию в 1919 году и завоевавший постыдный титул «кровавой собаки», похвалялся тем, что действовал во имя «врожденной для немца потребности в порядке»...

Об этой якобы «врожденной потребности» очень хорошо сказал мне в апрельские дни 1945 года фольксштурмист — учитель физики, сдавшийся в плен на подступах к Берлину в Мюнхеберге, где происходили упорные бои.

— Вы не верите в секретное «чудо-оружие» фюрера? Напрасно! Оно перед вами. Не понимаете?

Он пальцем ткнул в свою грудь, а ногой подтолкнул валявшийся на земле фаустпатрон — длинную и тонкую трубку.

— Фольксштурм плюс фаустпатрон — вот это и есть секретное оружие. Старики, как я, и юнцы, как эти сопляки, которые еще не знают, радоваться ли им, что попали в плен и остались живы, или бояться виселицы, — вот формула победы: Фау+Эф (Volkssturm+Faustpatron).

Но это была также и «формула» той «верности», которой посвящена надпись на эсэсовском кинжале.

«Верность» = «Безусловная покорность».

Ранним утром 2 мая я мчался из штаба армии Чуйкова в Штраусберг на переговорный пункт, чтобы сообщить в Радиокомитет о капитуляции Берлина.

Наш путь пролегает через небольшие городки вдоль

шоссе. Они только просыпаются. В Эггерсдорфе по улице бредет с ведром за водой сгорбленный старичок в ночном колпаке, таких же туфлях.

Когда мы проносимся мимо, он поднимает руку. Шофер тормозит.

Старичок говорит:

— Берлин пал...

И непонятно, то ли он спрашивает, то ли говорит утвердительно.

— Да, только что командующий обороной капитулировал. А Гитлер покончил с собой.

Старичок не проявляет признаков если не волнения, то хотя бы удивления. Он неопределенно машет рукой и, не говоря ни слова, бредет дальше...

Что это было: тупое безразличие? подавленность? шок?

Не берусь судить. Но вот наблюдение, сделанное не врагом-победителем, а немкой. Урсула фон Кардорф в этот же день, 2 мая, отметила в дневнике:

«Сегодня я рассказала кое-кому о смерти Гитлера, а они посмотрели на меня равнодушно: «Да? Наконец-то! Жаль, что так поздно». И затем они занялись своими, привычными делами. Что сказал Талейран о смерти Наполеона? Это не событие, это только новость. Люди здесь совершенно равнодушны к тому, жив ли еще столь некогда обожествлявшийся фюрер или мертв. Он сыграл свою роль. Из-за него умерли миллионы — так вот теперь его смерть не оплакивается миллионами».

Урсула Кардорф столкнулась с тупым безразличием к событию, которое, казалось бы, не могло не вызвать сильной реакции — положительной или отрицательной, но никак не нейтральной!

Однако же в этом не было ничего удивительного. Нервы у людей не могли выдержать колоссального перенапряжения, которое сперва искусственно вызывалось истерическими призывами Геббельса и расправами эсэсовцев, а затем усиливалось тягчайшими страданиями, которые принесла война, вернувшаяся туда, откуда ее обрушил на другие народы Гитлер.

Люди, на которых свалилась величайшая военная и политическая катастрофа, стали равнодушными к судьбе «фюрера».

А он в эти роковые для него минуты яростно кричал:

— Если немецкий народ так труслив и неспособен на жертвы, пусть гибнет.

Манштейн, на основании личного опыта, писал о «фюрере»:

«Он видел в людях только орудия, которые призваны служить его политическим целям. От Гитлера к немецкому солдату не протягивались никакие узы верности».

2

Передо мной брошюра «Империя и Европа», изданная главным управлением рейхсфюрера СС Гиммлера (в его кабинете в полуразрушенном здании Главного управления имперской безопасности на Принц-Альбрехтштрассе, 8, я ее и взял).

Книжонка эта — сжатый комментарий к восьми картам, на которых изображено развитие «Германской империи» как властелина Европы от 500 года до года 1943-го. На восьмой карте вся Европа — от Португалии до РСФСР (то есть с включением Белоруссии и Украины) и за вычетом Швеции и Швейцарии — показана как новая «Священная империя» германского империализма. А в пояснениях к своим «геополитическим» этюдам авторы-эсэсовцы заявляют: «Во второй мировой войне выражается ясно, что дело идет не об одной Германии, но обо всей Европе. Опять, как часто было в истории, империя борется за весь Запад против антиевропейских держав Запада и Востока. Европа будущего будет построена на фундаменте, который был во все времена присущ немецкому имперскому мышлению. Империя будет осуществлением тысячелетней истории и оплотом того, что перешло к нам (то есть эсэсовцам) как живое наследие западной культуры».

То, что изложено в гиммлеровском трактате, не было изобретено нацистами. Они восприняли и довели до крайних пределов давнишнюю программу рурско-рейнских баронов угля, стали, химии, прусских юнкеров, берлинских банкиров.

Лозунг «народ без пространства», идею превосходства «нордической расы» и ее «права» на мировое гос-

подство — эти элементы своей идеологии Гитлер получил как эстафету от теоретиков и публицистов, которые на протяжении полувека создавали и пропагандировали завоевательные планы германского милитаризма и империализма.

В 1920 году Гитлер откровенно признал, что его взгляды сформировались под влиянием «учений» так называемого Пангерманского союза.

Союз возник в 1891 году, когда и немецкий капитализм вступал в империалистическую стадию развития. Его устремления и аппетиты отстаивали «пангерманцы», объединившие в своих рядах профессоров и публицистов с крупнейшими промышленниками Гугенбергом, директором у Круппа, Кирдорфом, Маннесманом, Кардорфом, а также и с виднейшими прусскими юнкерами.

Едва возникнув, Пангерманский союз немедленно оповестил мир, что «мы должны — благодаря нашим вооружениям и силе нашего организованного народа — выйти победителями из такой войны», которая имеет целью «расширение нашей (немецкой) культурной сферы на все еще свободные районы земли».

Стоявший четверть века во главе союза Класс утверждал:

«Наши границы узки. Мы, страдающие от земельного голода, должны приобрести новые области для расселения, не то мы станем идущим ко дну народом, жалкой расой».

На съезде Пангерманского союза гейдельбергский профессор Хейк заявил, что ход истории побуждает физически сильное германство к распространению далеко за пределами империи — на широкие просторы земного шара. Что это значило, мы узнаём из выпущенной в конце XIX века книги «Великая Германия и Срединная Европа в 1950 году». Предусмотрительные «пангерманцы» пророчествовали, что в середине XX века «Германская империя» включит в свои пределы Голландию, Бельгию, Люксембург, Данию, Норвегию, Прибалтику, Швейцарию, Трансильванию и Приволжье (с немецким населением).

Первую мировую войну Класс приветствовал как «величайшее счастье» и немедленно принялся вырабатывать и пропагандировать «военную программу». Ее

содержание он уточнил и согласовал с Круппом, и эта программа стала тем планом завоеваний и захватов, во имя которого должны были сражаться и умирать немецкие солдаты. План этот был изложен в вышедшей в 1916 году книге «Срединная Европа». Ее написал Ф. Науманн, неутомимый и ярый пропагандист замыслов германского империализма. Его притязания Науманн подкреплял экскурсом во времена Карла Великого, Фридриха Барбароссы, Карла V, когда существовала всеевропейская «Священная Римская империя германской нации». «Эта империя, — писал Науманн, — хочет теперь опять воскреснуть после долгого сна». Он прямо говорил, что новая «Срединная Европа» будет немецкой, так как будет представлять военный и экономический союз государств под эгидой Германии.

Немецкий историк Г. Онкен называл Германию сердцем Европы и не довольствовался только одной европейской территорией, но считал необходимым придать «Срединной Европе» большую колониальную империю.

Я упомянул лишь немногие из бесчисленного множества «трудов», в которых излагались и прославлялись захватнические устремления. Усилия духовных лакеев монополистической буржуазии были направлены на то, чтобы ее агрессивные планы изображать как защиту интересов и чаяний немецкого народа.

А для этого применялась самая беззастенчивая демагогия.

Духовный учитель Гитлера Шёнерер говорил попросту: «Мы — больше, чем просто люди, ибо мы — германцы, мы — немцы».

Немцу упорно и настойчиво внушалось, что стоит только ему «засучить рукава, и он будет в состоянии захватить весь мир». Культ грубой силы был неотъемлемой частью этой националистической демагогии.

«Каждый драгун, который бьет хорвата по башке, делает для немецкого дела неизмеримо больше, нежели самый тонкий политический ум, когда-либо владевший острым пером». Так бесстыдно писал историк Трейчке (за свои заслуги он был сделан официальным прусским историографом).

Ставя все силы Германии на службу своим хищническим завоевательным планам, германский империализм

и в демагогической обработке умов, и в практической политике широко использовал так называемые «прусские традиции».

«Германии нужна не свободная Пруссия, а Пруссия сильная в военном отношении. Знайте, и этого никто не должен забывать, великие вопросы разрешаются не парламентскими прениями и голосованием, но мечом и кровью», — говорил Бисмарк. Он «железом и кровью» создал вторую Германскую империю, которая стала «Священной Германской империей прусской нации» или «Великопруссией», как точно определил Ф. Энгельс.

3

Прусские короли Фридрих-Вильгельм I и его сын Фридрих II превратили свое государство в сплошную казарму. «Пруссия — не страна, владеющая армией, а армия, владеющая страной», — сказал великий немецкий поэт Гейне. А Фридриху принадлежит крылатое выражение: «В моем государстве лейтенант значит больше, чем камергер. . .»

Лейтенант и стал символом и воплощением власти — вспомним изречение прусского юнкера Янушау.

Французский историк Э. Лависс писал:

«Бранденбург и Пруссия выработали у себя особые учреждения, совсем непохожие на современные им (XIX века) германские, потому что оба эти государства были не свободно развившимися отпрысками, а искусственными созданиями, потому что они были основаны на земле врагов и в виду врага, потому что колонизаторами этих двух территорий были не народы и не части народов, которые приносят в новые страны старые законы, но отдельные лица, вышедшие из разных областей Германии и принимавшие в завоеванной ими земле законы, приспособленные к нуждам этой земли».

Действительно, Пруссия сложилась, выросла, укрепилась на захваченных ею славянских землях, ныне возвращенных исконным владельцам. Рыцари из орденов «меченосцев» и «тевтонцев» вписали кровавые страницы в историю народов покоренных пруссаками стран. Методы разбойничьего захвата и террористического управ-

ления были перенесены властителями Пруссии на их немецких подданных. Так в Германии образовалось «пруссачество» — как социально-политическая система, как идеология.

И одним из главных актов Союзного контрольного совета в Германии было постановление — ликвидировать Пруссию как одно из составлявших Германию государств.

Контрольный совет мотивировал свое решение тем, что Пруссия в истории Германии была очагом и рассадником милитаризма и политической реакции.

Изданный в 1920 году в Германии «Политический словарь» оправдывал и восхвалял «пруссачество». «Строгое прусское государство, заклейменное за границей прозвищем государства рабов, постепенно стерло в Германии индивидуалистическую недисциплинированность характера и воспитало в ней чувства общества и государственности. В основе последнего, равносильного чувству власти, лежит отнюдь не славянский элемент в пруссачестве, а психологический результат господства немцев над подвластным славянским населением, т. е. старая черта германцев и более поздних немцев. В средние века сюда присоединялось столь часто осуждавшееся superbia — высокое самосознание народа, возбуждавшее недружелюбие к нему. Кто сделал немцев судьями над народами? — спрашивал Джон Сольсбери в 1160 году. Чувство сознания своего господства завяло в период упадка Германии, но менее всего на ее востоке. Прусским по существу также является превращение необузданного германского чувства вольности в подчинение закону, т. е. целому, вначале, конечно, насильственное, а затем добровольное».

Вот мы и пришли снова к той «потребности в порядке», о которой говорил Носке: «подчинение закону», то есть требованиям правящих классов.

Едва оправившись от поражения, залив рабочей кровью революционный пожар, «наследники духа Фридриха Великого», прусско-германские генералы, в июне 1919 года так определили политику Германии: «Пруссия должна олицетворять всю Германию, а эта Германия прежде всего проводить такую политику, которая означала бы политику современного Фридриха-Вильгельма I».

А что такое была политика отца Фридриха II?

На этот вопрос можно ответить словами прусского министра просвещения, произнесенными в 1921 году, — не в монархической, а в республиканской Германии:

— Прусский дух ослаблен революционной идеологией. Но старый дух Потсдама живуч и вскоре воспрянет. Мы не стыдимся ни прусского милитаризма, ни благородной прусской бюрократии.

Отцом казарменного духа милитаризма и бюрократизма, народного бесправия и палочной дисциплины и был Фридрих-Вильгельм I.

4

Этого прусского короля, заложившего политические и экономические основы могущества Пруссии, «прообразом социалиста в широком смысле слова» назвал Освальд Шпенглер, автор нашумевшего на весь мир труда «Закат Европы». Написанная сразу же после военного разгрома кайзеровской империи, выразившая смятение и растерянность немецкого интеллигента, эта двухтомная книга мрачно предвещала неизбежную и уже недалекую гибель цивилизации. Так искаженно в уме буржуазного философа отразилась катастрофа германского империализма.

Размышляя о ее причинах и последствиях, Шпенглер не мог не задуматься и о социализме, который в то время уже из стадии чистой теории перешел к практическому осуществлению — в первой в мире социалистической Советской республике. И в самой Германии революционный социализм стоял «в повестке дня».

Как не допустить его победы? И если люди дела прибегали к кровавой «критике оружием», подавляя революцию, то люди теории искали ответа с помощью «оружия критики» социалистического учения. Одним из них был Шпенглер, нашедший решение проблемы в том, чтобы объявить социалистом прусского короля.

Шпенглер тогда принадлежал к небольшой, но влиятельной группе «Юни-клуба», где объединились профессора, публицисты, литераторы, называвшие себя «молодыми консерваторами». Они также стремились преодолеть распространение идей научного и революционного

социализма. Одним из наиболее ловких, имеющих большие шансы на успех им представлялся метод подделки социализма, подмены его идей классовой борьбы лозунгами национализма и шовинизма.

Первая серьезная попытка такой демагогической фальсификации идей социализма была предпринята в Германии в конце 70-х годов XIX века. Придворный проповедник Штеккер, близкий к наследнику престола Вильгельму, учредил «Христианско-социальный рабочий союз», впоследствии переименованный в «Христианско-социальную рабочую партию». Но эта попытка соединения христианства с псевдосоциалистической фразеологией успеха не имела — ни в рабочей среде, ни в мелкобуржуазных слоях.

Шпенглер попытался вдохнуть новую жизнь в старую идею. Он решил связать «социализм» не с христианством, а с пруссачеством и выпущенную в 1920 году книгу так и назвал «Пруссачество и социализм».

О Шпенглере совершенно неожиданно у меня произошел разговор в самые первые дни мая 1945 года, еще до капитуляции гитлеровской Германии.

Мне и моим спутникам (из бригады Радиокомитета) отвели квартиру в берлинском пригороде на вилле некоего Франца Детмольда. Этот представительный, не старше 45—47 лет человек отрекомендовался нам адвокатом:

— Цивилист — специалист по гражданским делам. А еще точнее: по акционерному праву. Нет, нет, я работал не у акул, я защищал интересы мелкой рыбешки против акульих аппетитов. Гитлер проводил свирепую политику насильственного укрупнения и объединения: погибли в пасти концернов тысячи средних и мелких предприятий. Я помогал им спасти, что можно было...

На второй или на третий день нашего пребывания на вилле, возвратившись вечером из центра Берлина, я застал нашего адвоката углубленным в чтение. На переплете одной из лежавших на столе книг я заметил фамилию автора — то был Освальд Шпенглер. Что ж, ничего удивительного не было в том, что труд, рожденный в грохоте первой военной катастрофы Германии, был злободневен в момент второй, еще более тяжкой катастрофы.

Детмольд отложил в сторону книгу и обратился ко мне:

— Удивляетесь, герр доктор, что я читаю старика Шпенглера?

Он протянул мне книжку: то был не «Закат Европы», а «Пруссачество и социализм». С этой работой Шпенглера я был знаком, что и сообщил Детмольду.

Взяв обратно книжку, он полистал ее и опять подал мне:

— Вот, прочтите.

Я прочитал: «Фридрих-Вильгельм I, а не Маркс был первым сознательным социалистом».

— Да, Шпенглер тут повторил то, что писал в «Закате Европы», — сказал я.

Детмольд попросил у меня книгу и прочитал вслух:

— «Социалистическая монархия... есть нечто целое, в котором каждый занимает место соответственно своему социалистическому рангу, своему таланту, своей добровольной в силу своего внутреннего превосходства дисциплине, своим организаторским дарованиям, своей работоспособности, добросовестности и энергии... В лице Кайзера подлинный социализм обнаружил себя, свое происхождение, свой смысл и свое положение в социалистическом мире».

Закончив чтение, Детмольд вопросительно посмотрел на меня, видимо ожидая оценки шпенглеровского определения социализма. Но я задал вопрос:

— Значит, вы, герр Детмольд, согласны со Шпенглером?

Ответ я услышал не сразу. Мой собеседник помолчал, полистал книжку и опять прочитал:

— «Для нас же формирующей противоположностью является опять-таки приказание и повиновение в строго дисциплинированном обществе, слугой которого является без исключения всякий к нему принадлежащий. «Pour le Roi de Prusse» — это все-таки значит вместе с тем выполнять свой долг без погони за нечистоплотной наживой».

— «Работать на прусского короля», — сказал я, — да ведь эта поговорка, когда появилась в XVII веке, высмеивала как раз «социализм» Фридриха-Вильгельма и его сына: стараться не для себя, а только для короля.

Работать, как у нас говорится, на чужого дядю. Вот Шпенглер говорил о «нечистоплотной наживе». Гитлер и Геббельс тоже твердили, что они «социалисты» и воюют против «плутократии» и «процентного рабства». А на деле они-то, называвшие себя социалистами, помогали вашей немецкой плутократии грабить и своих и чужих. Вы же это хорошо знаете...

— Гитлер обманул народ... Теперь это всем ясно. Но тут еще нужно понять: беда произошла оттого, что нацисты попытались воплотить идеи Шпенглера, или оттого, что извратили их? Вот я и читаю, думаю...

— Неужто неясно вам, что Шпенглер назвал Пруссию «социалистической монархией» именно потому, что она была огромной казармой, где был доведен до крайнего воплощения принцип слепого повиновения. Шпенглер этот принцип и считал социалистическим. Вы же знаете вашу немецкую поговорку: «Кто палку взял, тот и капрал»... Тут — весь «социализм» по Шпенглеру!

Детмольд вздохнул:

— Увы! Этот принцип и теперь был на первом месте.

— Да, Гитлер довел его до крайних пределов, «третья империя» стала в еще большей мере казармой. Вы согласны с этим, герр Детмольд?

Он промолчал. Я не стал продолжать разговор. Этот образованный, интеллигентный человек поверил Гитлеру в немалой мере и потому, что нацизм опирался на исторические традиции «пруссачества», на традиции преклонения перед милитаризмом и бюрократизмом. Шпенглер отлично понимал, что речь идет о воссоздании отнюдь не социалистической, а насквозь милитаристской прусско-германской империи. Понимал это и Гитлер... А вот даже и такие люди, как высокообразованный юрист, этого не уразумели. Гитлер признавал, что книга «Пруссачество и социализм» оказала на него влияние. Не случайно в название «Немецкая рабочая партия» было добавлено «национал-социалистская» в 1920 году — после выхода книги Шпенглера. Что это был за «социализм», хорошо разъяснил гаулейтер Саксонии Мучманн:

«Не обманывайтесь ни в коем случае лозунгом «долой капитализм», который мы пишем на наших плакатах. Такие лозунги необходимы. Мы вынуждены говорить языком негодующих социалистических рабочих, иначе

они не будут чувствовать себя у нас как дома. По дипломатическим причинам мы не можем выступать с нашей подлинной программой».

Геббельс наставлял своих подручных: ни при каких обстоятельствах вместо выражения «национал-социализм» не применять слов «социализм» и даже «национальный социализм».

«Слова «национал-социализм» имеют такое содержание, которое нельзя передать никаким иным способом»,— поучал обер-демагог...

5

В том же 1920 году, когда Шпенглер прославлял «прусский социализм», вышла в свет книга «Моя борьба против милитаристской и националистической Германии». Ее написал видный астроном, профессор Вильгельм Ферстер, один из организаторов и руководителей «Немецкого общества мира», которое объединяло на протяжении десятилетий многих прогрессивных, пацифистских представителей немецкой интеллигенции.

И вот что В. Ферстер счел необходимым сказать в тот момент, когда в потерпевшей тяжелое поражение стране вновь разжигались шовинистические страсти:

«...Немецкий народ за последние пятьдесят лет впал в тяжкое безумие, создав некую реально-политическую догматику ужасающей простоты и последовательности; в этом духовном состоянии угрожая и бряцая оружием, он противостал прогрессу человеческой культуры... Мы стали логиками и систематиками воздвигнутого на всемирно-политическом кулачном праве военного государства и довели дух новейшей истории народов до наиболее полного его воплощения».

Разумеется, буржуазный демократ и пацифист Ферстер допустил грубое преувеличение, обвиняя весь немецкий народ в том, что он «впал в тяжкое безумие». Преувеличение, психологически вполне понятное: в годы первой мировой войны буржуазные пацифисты подверглись преследованиям, многие были арестованы и даже убиты, а Ферстер был вынужден эмигрировать.

Конечно, не немецкий народ как таковой породил «догматику ужасающей простоты». «Догматику» кулач-

ного права военного государства создали на потребу германского империализма его идейные оруженосцы Трейчке и Класс, Науманн и Шпенглер.

И хотя честные люди, как Ферстер, в своей резкой критике руководились благородным побуждением отстоять честь нации, помогая ей преодолевать дурман милитаристской и националистической демагогии, — но такая защита не могла быть действенной в силу классовой ограниченности этих либеральных буржуазных идеологов.

И не слова необходимы были, чтобы разоблачить и уничтожить те силы, которые проводили в жизнь принцип «Pour le Roi de Prusse», а действия.

Эту великую историческую миссию в нацистской «третьей империи» выполняли отважные антифашисты — коммунисты, передовые рабочие, лучшие люди из среды интеллигенции и прогрессивных кругов буржуазии.

ОНИ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ...

Немецкий народ также имеет свою революционную традицию. Было время, когда Германия производила храбрецов, которые могут встать рядом с лучшими людьми — революционерами других стран.

Фридрих Энгельс

1

Сопротивление гитлеровскому режиму началось одновременно с его установлением.

Борцы против нацизма, коммунисты и беспартийные, рабочие и ремесленники, студенты и врачи, мужчины и женщины, следовали славным традициям тех немцев, которые вели борьбу за свободу народа — в рядах отрядов Крестьянской войны XVI века и в уличных боях революции 1848 года, на дрезденских баррикадах и в революционных полках повстанцев Пфальца, Рейнланда, Бадена весной 1849 года, в Киле в ноябре 1918 и в Берлине в январе 1919 года, в сражениях за Баварскую советскую республику в марте 1919 года и в ожесточенных схватках Гамбургского восстания в октябре 1923 года.

В мае 1945 года я осматривал полуразрушенное бомбами главное здание гиммлеровского ведомства на Принц-Альбрехт-штрассе, 8.

В помещениях IV управления (это и было гестапо — «служба безопасности» и государственная тайная полиция) на стеллажах в ящиках стояли сотни тысяч полицейских карточек — серого цвета на членов КПГ и связанных с нею организаций и оранжевого — на прочих «подозрительных», кем интересовались ищейки Гиммлера — Гейдриха — Мюллера (начальника IV управления).

Вот, например, шофер Август Вайнтц, 1891 года рождения, житель Кельна: «25.4.34 арестован за деятельность для запрещенной КПГ. Был перед нац. соц. революцией функционером и вплоть до ареста выполнял обя-

занности секретаря запрещенной партии. В его распоряжении были документы на имя каменщика Отто Монтей, рожд. 12.8.98 в Дюссельдорфе, которые он получил от печатника Зелльберга или вроде этого».

Очевидно, Август Вайнтц принадлежал к тем десяткам тысяч коммунистов, которые погибли в застенках гестапо. Во всяком случае, о его дальнейшей судьбе никаких сведений на карточке нет.

Иозефа Боймеля, рожд. 28.10.1900, сапожника, музыканта, артиста из Вены, гестапо разыскивало как участника гражданской войны в Испании на стороне республиканцев. Он был в 1937 году в Марселе, а с тех пор след его потерялся.

Разыскивался и Зигфрид Ауфхойзер, рожд. 1.5.84. У него было так много «злодеяний», что ими заполнены две карточки. «Бывший соц.-дем. депутат рейхстага, руководящий профсоюзный деятель, в течение многих лет член Правления СДПГ, стоял за объединение II и III Интернационалов». Принадлежал к комиссии, которая занималась делами лиц, подвергавшихся опасности в Чехословакии.

Эта последняя запись сделана 12 декабря 1938 года, когда Гитлер подготовлял захват всей Чехословакии. Гестапо проводило и свою подготовку — к захвату всех «врагов империи» на территории Чехословакии.

На карточке отмечены все статьи, которые Ауфхойзер в 1937—1939 годах опубликовал в антифашистском журнале «Ди нейе вельтбюне», 27 декабря 1937 года в журнале «Фольксиллюстрирте» появилась его статья в честь 20-летия Октябрьской революции.

27 января, ровно через месяц, находящееся в эмиграции Правление СДПГ исключило его из партии — очевидно, за эту статью и вообще за сотрудничество с коммунистами.

На дате 20 сентября 1939 года записи в карточке прекращаются. Видимо, война лишила возможности тщательно следить за каждым шагом находившихся за границей «врагов империи» — если, конечно, им удавалось вовремя покинуть страну, которую захватывал Гитлер.

Самоотверженную борьбу против нацизма возглавля-

ли коммунисты — люди, воспитанные на традициях Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Эрнста Тельмана.

Из трехсот тысяч членов Коммунистической партии Германии половина находилась в концлагерях, и здесь десятки тысяч были убиты.

К 1939 году, за шесть лет фашистского господства, 225 тысяч немецких граждан были приговорены к 600 тысячам лет заключения. Сверх того, через концлагеря, в порядке превентивного заключения, без суда, прошло около одного миллиона немцев.

Помимо никем не учтенных жертв уличного террора штурмовиков, по официальной статистике министерства юстиции, в Германии было казнено по приговорам судов в 1940—1944 годах 45 тысяч немцев, а по приговорам военных судов — 20 тысяч солдат и офицеров. Замученные в концлагерях в этот счет не входят.

Зорко и неустанно следила гиммлеровская система террора за малейшим проявлением «враждебной деятельности». А когда виновный попадал в гестаповские сети, его ждала беспощадная расправа.

Но беспощадный террор, пытки и казни не останавливали мужественных борцов против фашизма.

В берлинском «Радиодоме» я нашел копию обширного доклада министру пропаганды Геббельсу — «Большевистская печатная пропаганда».

В докладе приведены интересные данные о ввозе из-за границы, изготовлении внутри страны и широком распространении газет, журналов, листовок, открыток, афиш, замаскированных брошюр.

Одна такая книжечка попала в мои руки. Карманного формата, из 32 небольших страничек, она на обложке имела название: «Эрнст Моритц Арндт. Любовь к отечеству». На обороте обложки — портрет Арндта, вдохновенного певца Освободительной войны 1813—1814 годов.

А под обложкой находились отнюдь не строки Арндта, призывавшего немцев восстать против наполеоновского ига, но антифашистский памфлет «Вороны в павлиньих перьях».

Таких брошюрок, листовок, газет гестаповцы, по приведенным в докладе данным, в 1934 году захватили

миллион с четвертью, в 1935 — миллион триста тысяч, в 1936 году — около миллиона двухсот тысяч.

Вот небольшая иллюстрация к докладу — взятая мною в архиве на Альбрехтштрассе, 8 папка гестаповского «дела». Телеграмма, посланная из берлинского предместья Уленхорст: «Враждебная государству пропаганда. Тир Уленхорст, вблизи Мальдорферштр неизвестный злоумышленник, проникший насильственно, замазал стены марксистской пропагандой. Уголовная полиция на месте происшествия. Расследование не дало результатов. Отчет послан в гестапо. Сведения получены в 00.30».

Следуют подписи, а внизу карандашом неразборчивая резолюция...

Авторы доклада, излагая цели и методы антифашистской нелегальной работы, не привели никаких данных о ее результатах. Видимо, не хотели огорчать Геббельса!

А эти результаты были таковы.

Вместо фабрично-заводских комитетов как низовых органов профсоюзов фашистский «трудовой фронт», заменивший разогнанные профсоюзы, учредил «советы доверенных». Их избирали тайным голосованием рабочие и служащие предприятия.

Но список делегатов составлялся руководством предприятия и старостой нацистской организации на заводе или фабрике. А руководил работой «совета» директор или хозяин предприятия.

И вот что получилось из этой затеи. В 1935 году едва 25 процентов рабочих и служащих голосовали за официальные списки кандидатов, хотя гитлеровцы и объявили, будто за их списки высказались 82 процента рабочих и служащих. На одном предприятии из 1130 человек отдали голоса этим спискам только 430, на другом — из 2347 голосовали «за» 950 человек, на третьем из 3125 человек приняли участие в голосовании 2900 и 1700 из них подали испорченные бюллетени.

Поэтому после 1935 года выборы больше не производились ни разу. Гитлеровцы боялись новых политических поражений в самой гуще рабочего класса.

В докладе Геббельсу была особо подчеркнута организационная деятельность компартии как центра и станового хребта антифашистской работы.

«КПГ поставила своей задачей собрать старых членов партии, привлечь новых оппозиционных рабочих и оживить распущенный партийный аппарат, хотя бы в измененной форме... В 1934—1935 гг. пропаганда стала выдвигать идею сплочения всех бывших социал-демократических и социалистически-марксистских рабочих с коммунистами — в едином фронте».

На заводах и фабриках все годы фашистского мрака не прекращалась подпольная работа. В истории антифашистского Сопротивления уже отмечены десятки и сотни групп коммунистов, социал-демократов, беспартийных рабочих. Многим, если не большинству, не удавалось выйти за пределы своего предприятия, да и продолжительность их существования была невелика — гестапо быстро их обнаруживало.

Наиболее крупной из всех этих организаций была группа Зефкова — Якоба — Бестлейна. Весной 1944 года она объединила в Берлине 80 подпольных ячеек Коммунистической партии Германии и антифашистских групп. Руководители группы установили связи с подпольщиками Дрездена, Ганновера, Магдебурга, Дюссельдорфа, Галле и других городов.

Группа Зефкова — Якоба — Бестлейна через Швецию связалась с ЦК Коммунистической партии Германии, получила от него директивы.

Адам Тротт цу Зольц, один из руководителей верхушечного заговора 20 июля, незадолго до неудачного покушения на Гитлера сообщал в Женеву А. Даллесу, руководителю европейского бюро американского разведывательного управления ОСС (А. Даллес из Женевы направлял деятельность организаторов заговора): «В Германии существует коммунистический центральный комитет, который объединяет и направляет коммунистическую деятельность в Германии. Этот комитет состоит в связи с «Национальным комитетом свободной Германии» в Москве...»

Была выработана платформа «Мы, коммунисты, и Национальный комитет «Свободная Германия». Платформа выдвинула боевые лозунги: «Долой Гитлера!», «Долой войну», «За свободную, независимую и демократическую Германию!» Под этими лозунгами коммунисты,

руководившие движением, призывали сплотиться в едином фронте всех противников Гитлера, нацизма, войны.

Руководители группы принадлежали к закаленным кадрам коммунистов Германии.

Антон Зефков, рабочий-металлист, всю свою жизнь, с 16 лет до смерти, посвятил борьбе за пролетарское дело, был секретарем крупных партийных организаций в Дрездене и Рурской области.

Франц Якоб, пролетарий из Гамбурга, был активным и видным работником КПГ в веймарские времена.

Бернгард Бестлейн, несмотря на то что ему было уже около 50 лет, проявил даже и для подпольщиков удивительное мужество и самообладание. В октябре 1942 года на завод в Альтоне, где он работал, явились гестаповцы и арестовали его. Когда его вывели за ворота завода, он бежал. Гестаповцы открыли стрельбу и ранили Бестлейна. Он пытался обороняться лопатой, но силы оставили его, и он был захвачен.

В ноябре 1943 года он был предан суду. Но 29 января 1944 года, во время очередного воздушного налета на Берлин, тюрьма Плетцензее была частично разрушена, и Бестлейну удалось бежать. Вот тогда-то он связался с группой Зефкова — Якоба и участвовал в ее работе до нового и последнего ареста в мае 1944 года.

В обвинительном заключении констатировалось: «Обвиняемые Зефков, Якоб и Бестлейн руководили нелегальной работой во всех областях, давали руководящие политические указания, и прежде всего о расширении саботажа на заводах, а также участвовали в подготовке и распространении подстрекательских и подрывных материалов на фронте и в тылу. Все трое старые руководящие коммунисты».

В приговоре фашистского судилища было сказано:

«Организация развила оживленную деятельность. Вербовались члены организации, назначались и постоянно обучались функционеры. Руководители старались путем саботажа ослабить нашу военную промышленность, разрушать наш внутренний и внешний фронт и вызвать революционное восстание масс для уничтожения национал-социалистского государства».

Да, коммунисты Германии, возглавляя антифашистскую борьбу, стремились взорвать изнутри нацистскую «империю» и спасти немецкий народ от уничтожения в кровавых, преступных войнах.

Коммунисты были не одиноки. Вокруг них сплачивались многие смелые и честные люди, ненавидевшие фашизм.

2

«Красной капеллой» назвали гестаповцы большую, боевую группу антифашистов, во главе которой были Хоро Шульце-Бойзен и Арвид фон Харнак.

Шульце-Бойзен, внучатый племянник виднейшего представителя милитаристской клики адмирала Тирпица, сын морского офицера, рано порвал с родительским домом, где царил «истинно немецкий национальный дух».

В Берлине молодой студент твердо занял левые позиции и в 1932 году начал выпускать антинацистский журнал «Гегнер» («Противник»). На страницах журнала молодой редактор и его друзья изобличали национал-социализм, выражали чувства симпатии к пролетариату и к Советскому Союзу. Нацисты закрыли журнал, арестовали редактора и его помощников, бросили их в концлагерь и истязали. Один из них погиб под ударами палачей. Шульце-Бойзену удалось по ходатайству матери вырваться из фашистского ада, и он твердо решил отдать свои силы борьбе за уничтожение гитлеровской тирании. Наиболее безопасным местом была армия, и Шульце-Бойзен поступил в люфтваффе (военная авиация). Ему удалось завоевать доверие начальства, и он получил должность в группе заграничной прессы. Группа входила в пятый отдел генерального штаба люфтваффе, который занимался разведкой. Шульце-Бойзен получил доступ к секретным документам, которые все сильнее убеждали в том, что Гитлер ведет Германию к войне.

Шульце-Бойзен и группировавшиеся вокруг него друзья составили ядро организации, которая затем была названа «группой Шульце-Бойзена». Группа росла, к ней присоединялись левонастроенные интеллигенты, коммунисты. Среди них — Арвид Харнак, доктор философии,

племянник известного богослова Харнака. Арвид Харнак ненавидел нацизм так же горячо, как и Шульце-Бойзен. Его должность в министерстве экономики, пребывание в гитлеровской партии (с 1937 года) открывали ему доступ к важным секретным материалам. К началу войны в 1939 году объединенная группа Шульце-Бойзена — Харнака присоединила к себе антифашистов из кружка учащихся, а накануне нападения на СССР в организацию влилась еще одна, более многочисленная группа молодежи. Когда начался «поход на Восток», организация стала расширяться за счет многих, кто понимал гибельность гитлеровской авантюры и хотел отдать свои силы антифашистской борьбе.

Чем же занимались эти мужественные, честные люди, подлинные патриоты своей родины?

Они, во-первых, вели антинацистскую пропаганду, во-вторых, занимались разведывательной деятельностью.

В загородном доме одного члена КПГ была оборудована типография, где печатались листовки, прокламации, двухнедельный журнал «Иннере фронт». В другом месте изготовлялись серийные «Брошюры Агис». В Берлине появилась антифашистская литература, которая призывала: свергайте Гитлера, кончайте с проигранной войной.

Разведывательная деятельность была поделена так: группа «Хоро», руководимая Шульце-Бойзеном, добывала информацию, группа «Арвид» под руководством Харнака кодировала и передавала информацию за рубеж. В пятый отдел штаба ВВС поступали донесения немецких атташе при зарубежных миссиях и другие столь же важные данные. Хоро наладил связь с работником еще одного отдела и получил возможность знакомиться с наиболее секретными материалами. Удалось найти помощников и в штабе сухопутных войск. Добываемые материалы передавались с помощью тайных радиопередатчиков, дислоцированных не только в Германии, но и за ее пределами, в оккупированных странах. Много ценной информации было передано в Москву: о новых бомбардировщиках, новых типах бомб, навигационных приборах, двигателях, работающих на перекиси водорода. Шульце-Бойзену удавалось узнавать, а людям Харнака передавать сообщения о планах немецкого командова-

ния, об объектах наступления, районах сосредоточения войск.

Но и гитлеровская контрразведка не дремала. Радиопередатчики выслеживались, пеленговались, и в конце 1941 года — весной 1942 года кольцо вокруг организации тесно сжалось. В июле 1942 года был захвачен передатчик в Брюсселе. Ищейки напали на след Шульце-Бойзена, 30 августа 1942 года он был арестован. Затем последовали другие аресты, и к середине октября в руки гестапо попали 117 участников «Красной капеллы». Узники были стойки и мужественны, и никакие пытки не могли вырвать у них показаний. Когда дело было доложено Гитлеру, он приказал «немедленно и беспощадно выжечь этот нарыв».

Организация суда была поручена Герингу, который назначил полковника военно-юридической службы для проведения суда. Обвиняемые были разбиты на 12 групп, и с 16 декабря, когда «судили» главных обвиняемых — Шульце-Бойзена, Харнака и других, по 28 января 1943 года был вынесен 41 смертный приговор.

«Своими действиями, — писал центральный орган Социалистической единой партии Германии «Нейес Дейчланд», — эти антифашисты оказывали непосредственную поддержку самоотверженной борьбе советского народа в деле разгрома фашистской системы... Каждый, кто действовал так, был одновременно подлинным интернационалистом и патриотом немецкого народа».

Шульце-Бойзен, Харнак, Кухгоф посмертно награждены орденами Красного Знамени.

3

Антифашистская организация «Красная капелла», в которой коммунисты объединились с беспартийными антифашистами, рабочие с интеллигентами, писателями, актерами, учеными, офицеры с гражданскими лицами, очень напугала нацистские власти.

И ярость Гитлера, и растерянность Геринга, Гиммлера, Геббельса — понятны. «Крамола» забралась в святая святых, в военные штабы; она сплотила людей из самых разных кругов. Это был симптом серьезного неблагополучия...

3 сентября 1942 года — тогда, когда организация Шульце-Бойзена — Харнака была раскрыта, — в секретной сводке «службы безопасности» говорилось: «По истечении трех лет войны точка зрения большой части населения определяется в значительной мере некоторым безразличием, которое частично даже проявляется в более сильной степени — в усталости от войны — и часто находит выражение в таких высказываниях: «Кто бы мог после больших успехов в начале войны тогда подумать, что война примет такой оборот и будет столь долго продолжаться?», или «Как долго еще будет продолжаться война? Конца еще не видно», или «Что еще нам предстоит?»

Такие признаки пусть еще ограниченного, смутного, но недовольства говорили о том, что раскрытая «крамола» — не случайность, не результат «вражеских происков», а нечто куда более серьезное. Как раз тогда, в сентябре 1942 года, Геббельс ездил в ставку для получения инструкций «фюрера» и по возвращении в Берлин на конференции в министерстве сказал, что Гитлер разделяет его, Геббельса, мнение: «необходимо несколько подавить иллюзионистские настроения в народе».

Речь шла о тех иллюзиях быстрой и полной победы, которые распространяли сами же Гитлер и Геббельс. Но, как показывали секретные сводки, иллюзии уже сами по себе быстро таяли, и заботиться нужно было не об их «подавлении», а о борьбе с упадочными настроениями.

И Геббельс опубликовал в «Дас райх», а затем распространил в виде брошюры статью «Не будьте слишком справедливы».

Он укорял немцев в «слабостях и недостатках национального характера», из-за которых «немецкий народ все еще поддается многим искушениям». А именно — в ущерб своим подлинным интересам он «страдает слишком сильно выраженным чувством справедливости и своего рода сверхобъективностью». Геббельс обвинил немецкий народ и в том, что он «страдает таким страхом сделать другому несправедливость, что в сомнительных случаях предпочитает причинить несправедливость себе». И Геббельс провозглашал: «Мы должны все еще учить немцев

ненависти». А в заключение Геббельс заявлял, что объективность, чувство справедливости, сентиментальность могут помешать выполнению немецкой «мировой миссии», которая состоит не в том, чтобы нести миру культуру, а в том, чтобы овладеть зерном и нефтью.

Помню, как поразила эта статья, когда мы прочли ее осенью 1942 года. Казалось бы, дела у Гитлера идут не плохо, его армады дошли до Волги, советское контрнаступление еще не началось. Отчего же такая нервозность? Почему понадобилось проповедовать ненависть, разжигать зверские инстинкты? Объяснение могло быть лишь такое: в гитлеровском тылу растет неуверенность, беспокойство. Это было верное объяснение, но не полное: мы, разумеется, не знали о раскрытии большой антифашистской организации.

4

Осужденных казнили на виселице в берлинской тюрьме Плетцензее.

Шульце-Бойзен в последнем письме родителям сказал: «Эта смерть мне подходит. Все, что я совершил, я делал по велению своего разума, сердца и в соответствии с убеждением».

В камере Шульце-Бойзен спрятал свое обращение к потомкам:

Правду не заглушат веревка и топор,
Еще не зачитан последний приговор.
Кто судил нас, от кары не уйдут.
Ведь этот суд — еще не Страшный
суд.

Харнак в последнюю минуту сказал:

— Я ни о чем не сожалею. Я умираю как убежденный коммунист.

Зефков, Якоб, Бестлейн также были приговорены к смерти. Они погибли на эшафоте так же мужественно, как самоотверженно вели свою революционную работу.

О высокой революционной самоотверженности и коммунистической убежденности говорит заявление, которое Бестлейн сделал в гестапо на допросе:

«Я рассматриваю себя как действующего в силу своих

убеждений и своего мировоззрения и потому желаю мужественно отвечать за свою деятельность. При этом речь идет не об одном действии, но о длительной деятельности, обусловленной различными причинами и развивавшейся последовательно с определенной закономерностью. Основой моей позиции является мое социалистическое воспитание в родительском доме и в пролетарском молодежном движении. Так я познал идеи социализма, за которые я смело, без всякой слабости стоял всю свою жизнь».

Перед смертью Зефков написал политическое завещание. Товарищи по заключению разделили его на части, и каждый наизусть заучил свой отрывок. Вышедшие из тюрьмы узники сложили эти отрывки, и в печати опубликовано посмертное обращение к немецкому народу одного из его лучших сынов:

«Искорените фашизм без остатка! Пролетариату принадлежит будущее!»

Вальтер Хуземан перед казнью писал отцу: «Будь сильным! Я умираю, как и жил, борцом классовой битвы».

Петер Хабернолль, 19-летний солдат, приговоренный к расстрелу за пропаганду против Гитлера и войны, написал матери: «Я вел себя как мужчина. Как борец покидаю я этот мир и протягиваю руку всем, кто пал за дело освобождения Германии и рабочего класса».

Столяр Пауль Геше скованными руками написал перед казнью: «Не плакать над нашими могилами, когда вы будете у них стоять, но обрести у наших могил вы должны силу и веру в величие и справедливость нашего дела во имя лучшего, прекраснейшего будущего».

Герои и мученики Сопротивления нацистской тирании по праву занимают место в ряду лучших представителей немецкого народа.

А что же сказать о поведении руководящих участников верхушечного заговора 20 июля?

Биограф Герделера профессор Г. Риттер не мог умолчать о том, что его «герой» на допросах давал «чистосердечные показания», выдал соучастников заговора. Он был убежден в том, что гестапо заботится об установлении истины, и с самого начала был готов широко помочь в этом...

И уже после приговора к смерти сей «борец сопротивления» просил Гитлера послать его в Швецию для переговоров с западными державами о сепаратном мире...

Фельдмаршала фон Витцлебена, военного руководителя заговора 20 июля, в зал «народного суда» ввели в изорванном, грязном мундире, без пояса, так что он левой рукой поддерживал спадавшие штаны.

Подойдя к столу судей, он правую руку выбросил вверх и прокричал: «Хайль Гитлер!»

Витцлебен знал, что́ его ожидает, был старым и храбрым солдатом... Почему же он ощутил потребность еще раз воздать честь Гитлеру?

Не из-за трусости, нет!

«Немезида власти, которая сама сложилась вследствие честолюбивых устремлений и отсутствия духовной целостности у военной касты, окончательно постигла ее, и в какой позорной форме!» Эти слова историка Уилер-Беннета прекрасно объясняют поведение Витцлебена. «Нордическая элита» — прусско-германская военщина пала низко потому, что предала национальные интересы Германии.

Но далеко не все участники верхушечного заговора 20 июля вели себя недостойно. Среди них были честные патриоты, понявшие, что фашизм — злейший враг Германии, а Гитлер ведет страну к гибели.

Эвальд фон Клейст бросил в лицо гитлеровскому палачу, председателю «народного суда» Фрайслеру смелые, гневные слова:

— Я сражался против Гитлера и нацизма всеми доступными мне средствами, никогда этого не скрывал и считал эту борьбу заповедью божией...

* * *

В листовке, обращенной к немецкому народу, группа Зефкова — Якоба сказала:

«Мы, немцы, трудолюбивы, умны, деятельны. Наша техника достигла выдающихся результатов, наша промышленность и наука пользуются всемирным признанием. Немецкие художники и деятели духовной культуры подарили миру непревзойденные ценности, которые составляют достояние всего человечества».

Эти гордые и справедливые слова были сказаны борцами против нацизма, чтобы напомнить: «Гитлер не есть Германия, и будущее немецкого народа зависит от того, удастся ли ему собственными силами сбросить иго нацистской тирании и, покончив с тяжкими ошибками прошлого, проложить путь к новому светлому будущему».

Люди, подобные авторам этого воззвания, представляют подлинную суть национального характера: революционную преданность истинным интересам родного народа. Это — верность высоким идеалам свободы и счастья, которые воплощаются ныне в Германской Демократической Республике.

3

СОЮЗ ЗОЛОТА И МЕЧА

Нам совершенно ясно, что новейшие войны решаются не схваткой героев, как во времена Гомера (вместо «герой» читай «крейсер»). Бог войны нашего времени — это экономическая мощь.

Вальтер Ратенау

Подходящий с точки зрения военного руководства кандидат должен быть также одобрен Круппом.

Фельдмаршал фон дер Гольц

1

15 октября 1906 года на вилле Хюгель торжество: двадцатилетняя Берта Крупп, владелица огромной промышленной монархии пушечных королей, бракосочетается с тридцатишестилетним прусским дипломатом Густавом фон Болен унд Гальбахом.

Не имевший ни одного внука первый пушечный король Германии Альфред Крупп назначил наследницей своего сына Фридриха тогда годовалую внучку Берту. Фридрих скончался, когда Берте было шестнадцать лет. Спустя четыре года она встретилась с Густавом, и вот на вилле Хюгель свадьба...

Пышная свадьба: ее украшает своим присутствием сам император Германии и король Пруссии Вильгельм II.

Не впервые он посещает резиденцию Круппов: четырьмя годами ранее император шел за гробом Фридриха Круппа, отца Берты.

С Круппами Гогенцоллерны связаны тесными узами с тех пор, как в 1859 году изобретший стальной пушечный ствол Альфред Крупп поставил первые 300 таких орудий Пруссии.

А всего старый Альфред до конца дней своих снабдил Германскую империю Вильгельма I — Бисмарка десятью с половиной тысячами первоклассных орудий. Его наследники продолжали «святое дело» вооружения молодого германского империализма, и Вильгельм II был вдвойне в том заинтересован: как глава империи и как частное лицо. Ибо был владельцем большого пакета акций фирмы «Фридрих Крупп»...

Итак, Берта Крупп выходит замуж за Густава фон Болен унд Гальбаха, потомка кузнецов из Вестфалии Гальбахов и зажиточных крестьян из Северной Германии Боленов. А дворянское «фон» получил отец Густава на службе у герцога Баденского.

Берта Крупп становится фрау фон Болен унд Гальбах, и династия Круппов прекращается? Отнюдь нет! Вильгельм II торжественно оглашает указ: Густав к своей фамилии присоединяет и имя Крупп — и отныне каждый наследник фирмы будет именоваться Крупп фон Болен унд Гальбах.

Так пушечная империя была приравнена к владетельному княжеству, в котором корона и титул переходят к старшему в роде.

Густав — «названый» Крупп — оказался достойным преемником Круппов подлинных. Под его руководством заводы в Эссене неустанно ковали оружие для готовившегося к схватке за мировое господство германского империализма. Первую годовщину своего вступления на крупповский «престол» Густав отметил тем, что приступил к тайному изготовлению гигантских дальнобойных мортир — для разрушения французских и бельгийских крепостей в предстоящей войне. И одна из них, названная «Большой Бертой» в честь супруги Густава, во время первой мировой войны обстреливала Париж.

Густав Крупп фон Болен унд Гальбах был не только главой огромного военно-промышленного концерна, но старейшиной рурско-рейнских магнатов угля, стали, вооружений. Он был лично близок к императору, о чем свидетельствовал и полученный им высший прусский орден.

Военные миссии Германии в Турции были одновременно представителями интересов Круппа, и генерала

Лиман фон Сандерса, главу миссии, открыто называли коммивояжером Круппа. Генерал Кейм, занимавший важный пост в генеральном штабе, был редактором основанного еще Альфредом Круппом «Ежегодника армии и флота», органа оголтелой шовинистической и милитаристской пропаганды. Один из директоров Круппа Буде был братом полковника Буде, заведовавшего отделом в генеральном штабе, и этот полковник незадолго до войны занял пост директора в военно-промышленной фирме, тесно связанной с Круппом. Адмирал Тирпиц, автор программы создания «большого флота», осуществление которой принесло Круппу сотни миллионов, свои военно-политические предложения, представляемые императору, предварительно согласовывал с хозяином виллы Хюгель.

Вся военная верхушка кайзеровской Германии поддерживала тесные связи с верхушкой промышленных и финансовых монополий, и в первую очередь с Круппом, первым среди королей индустрии.

Начальник генерального штаба Шлиффен имел тесные связи с Круппом, Стиннесом, Ратенау, Баллином.

Людендорф, фактический диктатор Германии во второй половине войны, в 1913—1914 годах командовал полком в Дюссельдорфе, местопребывании «мозгового центра» немецкой тяжелой промышленности. Там Людендорф завязал столь тесные связи с магнатами монополий, что жена рейхсканцлера княгиня Бюлов говорила о нем: «Это был одновременно и военный тиран, и инструмент в руках нескольких деловых людей, которые заставляли его служить своим интересам».

В числе виднейших монополистов, скромно названных княгиней «деловыми людьми», был и глава могущественной «Всеобщей компании электричества» Вальтер Ратенау. И вот что он говорил: «Я познакомился с Людендорфом в конце 1915 года и с того дня присоединился к числу тех, кто делал все возможное, чтобы открыть ему путь к верховному военному руководству».

Ратенау, не только виднейший представитель капиталистической верхушки, но и публицист и теоретик германского империализма, связанный с главой правительства Бетманном-Гольвегом и во многом предопределявший проводимую им политику, как только началась война,

возглавил в военном министерстве созданный по его инициативе отдел военного сырья. В отделе и в «промышленном совете» при нем работали Стиннес, Тиссен, Кирдорф, Плейгер и, конечно, представители Круппа. Когда выяснилось, что война будет не молниеносной, а затяжной войной на истощение, Ратенау настоял на создании «военного комитета германской промышленности» — для мобилизации всех средств и ресурсов страны на военные нужды.

Эти главари германской экономики и открыли путь к верховному военному руководству тому, в ком видели не только выдающегося военачальника, способного осуществить самые смелые завоевательные планы, но и «своего человека». Они не ошиблись: как только Людендорф приступил к своим обязанностям, он устроил совещание с Ратенау, Стиннесом, Гугенбергом (от Круппа), Дуйсбергом, Сименсом, Рехлингом, Клекнером, Феглером. Короли угля, стали, электричества, химии выработали обширную программу «тотальной войны». Эта программа, окрещенная из пропагандистских соображений именем Гинденбурга — кумира охваченных шовинистическим угаром миллионов людей, потребовала от немецкого народа новых тягчайших жертв и страданий, но принесла ее авторам неслыханные прибыли.

Из 150 миллиардов марок военных расходов Германии 50 миллиардов осели в сейфах монополий, как кровь, перечеканенная в золото. Львиную долю — более восьмисот миллионов — заполучил Густав Крупп фон Болен унд Гальбах.

2

Так складывалась и укреплялась система государственно-монополистического капитализма, которая, сохранившись в веймарский период, небывало расцвела в нацистской «третьей империи».

И центральной фигурой в этой системе неизменно был Крупп.

Гитлер издал в 1943 году указ, подтвердивший то, что установил Вильгельм: семейный характер фирмы, имя которой — Крупп — имеет право носить только ее наследственный глава.

«Фирма Круппа за 132 года существования в качестве

семейного предприятия имела выдающиеся, единственные в своем роде заслуги в повышении боевой готовности немецкого народа» — такими словами выразил Гитлер благодарность Круппу и за вооружение гигантской военной машины, и за активное участие в установлении нацистской диктатуры. И если кайзер украсил грудь Густава высшими орденами «второй империи», то «фюрер» дал ему высшие награды «империи третьей»: золотой значок нацистской партии, нагрудную эмблему — имперского орла с надписью «фюреру германской экономики», почетное звание «Пионера труда» и два креста «За военные заслуги».

Сам Густав в 1940 году из-за тяжелой болезни вынужден был передать руководство «семейной фирмой» старшему сыну Альфриду.

Альфрид был не только офицером СС с 1933 года, но занимал также семь высоких постов в имперской и партийной иерархии, которые давали ему право доступа к Гитлеру в любое время, — привилегия, подобная той, какую имел его отец у Вильгельма.

Но и другие главари монополий не были в тени при Гитлере. Стиннес и Кирдорф, Сименс и Гугенберг, Рехлинг и Маннесман помогли Гитлеру приготовиться к войне, увеличив с 1933 по 1938 год военное производство Германии в 28 раз. И в эти же годы монополиям очистились десятки миллиардов прибыли из 90 млрд. марок, затраченных на военные нужды. Еще большие прибыли достались капитанам немецкой промышленности во время войны. Банкир Шрёдер показал, что «на деле большие банки были почти вторым правительством. Партия и находившееся под ее господством правительство консультировались с банками по каждому экономическому и финансовому вопросу».

Член правления «рейхсбанка» Блессинг в 1939 году писал: «До сих пор только Германия имела успех со своими методами. Учитывая все эти успехи, можно предполагать, что мобилизация и управление всеми силами экономики кажутся возможными только лишь в условиях тоталитарного режима».

Этой истиной и руководствовались монополистические акулы Германии, поставив на службу своим интересам тоталитарную нацистскую диктатуру.

В Потсдамском соглашении четырех держав были определены задачи уничтожения очага агрессии в центре Европы: «полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация немецкой промышленности, которая может быть использована для производства военной продукции или контроля над нею».

Для этого было постановлено «в практически кратчайший срок децентрализовать немецкую экономическую жизнь с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономических сил, представленных особенно картелями, синдикатами, трестами и другими монопольными объединениями».

Коротко говоря, было признано необходимым наряду с денацификацией провести подлинную демилитаризацию и декартелизацию, то есть уничтожить военно-промышленный комплекс, дважды вовлекавший мир в разрушительные, кровопролитные войны.

Денацификация, мы знаем, превратилась на Западе Германии в постыдный фарс. В недостойную комедию выродилась и декартелизация.

В сентябре 1946 года тогдашний государственный секретарь США Бирнс собрал политических и экономических лидеров Западной Германии и призвал их «плечом к плечу с западными странами стоять в холодной войне».

В этом случае, торжественно обещал Бирнс, им будет позволено вести свои дела под собственным контролем, и США постараются, чтобы Рур оставался германским и немецкая промышленность была восстановлена.

Рассказав об этом эпизоде, У. Манчестер, автор книги «Оружие Круппа», добавляет, что слова Бирнса «были встречены криками одобрения».

Монополист № 1 Альфрид Крупп был приговорен не только к длительному тюремному заключению, но и к конфискации всего имущества. Решение это осталось на бумаге. Выпущенный задолго до истечения срока из тюрьмы, Крупп немедленно вступил во владение всеми своими заводами, шахтами, предприятиями. Осталось на бумаге и другое решение: разукрупнить концерн Круппа, отделив от металлургических заводов источники сырья.

К моменту смерти Альфрида в 1967 году его «империя» пушечных королей владела 150 заводами и шахтами.

Огромная монополия Флика также не была разукрупнена, а, наоборот, разрослась за счет слияния с другими концернами, и список связанных с нею фирм занимает в книге К. Прицколейта «Кому принадлежит Западная Германия» шесть с половиной страниц большого формата. Точно так же обстоит дело и с монополией Тиссена: она объединяет десятки промышленных концернов и банков. «И. Г. Фарбениндустри» была сперва разделена на три части, но вскоре и эти фирмы-наследницы вновь вступили в тесные связи.

Поэтому К. Прицколейт свой обширный труд о монополиях в Западной Германии завершил выводом: «В руках немногих сконцентрировалось больше экономической власти, чем прежде. Фарс декартелизации почти уже забыт. Власть концернов теперь больше, чем когда-либо».

«Федеральный союз германской промышленности» — наследник Союза германской промышленности времен кайзера и такого же союза времен «третьей империи» — могущественная организация монополистической буржуазии Западной Германии. Ее возглавляют руководители двух десятков наиболее крупных концернов, контролирующих почти половину всего акционерного капитала в ФРГ.

О роли Союза германской промышленности в экономической и политической жизни в ФРГ американские исследователи К. Дейч и Л. Эдингер в книге «Германия восстанавливает мощь» писали: «Ныне, как и во времена Веймарской республики, лидеры крупных заинтересованных союзов германской промышленности [1] полны решимости насколько возможно полно использовать свое подлинное и потенциальное влияние на общественное мнение, партии, законодательные органы и правительство».

Западногерманский буржуазный исследователь К. Х. Штанцик в книге «Процесс экономической концентрации» писал: «Экономический директориум ведущих могущественных групп уже сегодня грозит парализовать свободу действий любого правительства».

[1] В ФРГ существуют также «Федеральное объединение союзов германских работодателей», «Федеральный союз частных банковских предприятий» и «Германский конгресс промышленности и торговли».

А председатель Коммунистической партии Германии Курт Бахман предупреждает: «Военно-промышленный комплекс вырастает в одну из серьезнейших опасностей для конституционных порядков и демократических форм общественной жизни».

Это наименование — «военно-промышленный комплекс», — возникшее в США, вполне отвечает положению вещей и в ФРГ. Ибо монополистическая олигархия на берегах Рейна также состоит в теснейшем союзе с милитаристской верхушкой — в «общем деле» необузданной пропаганды реваншизма, в развертывании и ускорении милитаризации страны, в гонке вооружений.

В отчете о своей деятельности в 1969 году президиум Союза германской промышленности с удовлетворением отметил: «Выдающиеся успехи нашей промышленности в производстве танков «Леопард» и современного самолета «До-31», а также расширение производства на предприятиях, выпускающих обычное вооружение, служат примером того, что западногерманская промышленность уже освоила военную технологию; она вновь докажет свои способности в производстве новых танков и самолетов. Следует покончить с таким положением, когда одна из крупнейших промышленных наций вынуждена закупать большую часть тяжелой военной техники в других странах».

«Союз немецких промышленников» проявил «скромность» — в своем отчете он не упомянул, что за пятнадцать лет (1955—1969) западногерманские концерны поставили бундесверу оружия и других товаров более чем на 60 миллиардов марок! А в бюджете 1970 года на закупки оружия отпущено около 9 млрд.

Органическую связь между бундесвером и монополиями инспектор (командующий) сухопутных сил бундесвера генерал А. Шнец подчеркнул в документе, озаглавленном «Концепция вооружений немецкой армии»: «Я не могу умолчать, что, принимая во внимание изменчивую военную обстановку и стратегию «гибкого ответа», я стою за создание и поддержку работоспособной немецкой промышленности».

О тесном переплетении военной машины с монополиями красноречиво говорят следующие факты, обнаро-

дованные западногерманской газетой «Ди цайт» летом 1970 года:

«В Бонне и вокруг него вот уже несколько лет пребывают старшие и высшие офицеры в качестве сотрудников тех фирм, которые связывают свои коммерческие интересы с миллиардным бизнесом вооружений. Военные советники концернов и их связные — это преимущественно люди в генеральском ранге». И газета перечисляла многих отставных генералов вермахта и бундесвера, «обслуживающих» концерны тяжелой индустрии и военной промышленности.

...Итак, «военно-промышленный комплекс» в ФРГ — не миф, как пытаются убедить общественное мнение его публицисты, а реальность. Зловещий союз меча и золота лелеет далеко идущие реваншистские замыслы.

«ДЕМОНИЯ ВОЙНЫ»

Война есть жребий человечества и неизбежная судьба человека. Вечный мир на этом свете не дарован смертным.

Фельдмаршал фон дер Гольц

Право и справедливость в международных отношениях тогда имеют значение, когда нарушитель права недостаточно силен, чтобы он мог поставить себя выше всего этого.

Рейхсканцлер кн. Бюлов

1

В 1906 году на весь мир прогремело предместье Берлина Кепеник. Его прославили похождения сапожника — вора Вильгельма Фойгта.

Сей джентльмен после очередной отсидки вышел из тюрьмы без денег, без работы, без документов, которые позволили бы ему устроить свою судьбу.

Бродя по улицам Кепеника, Фойгт увидел в окне магазина подержанных вещей поношенный костюм капитана немецкой армии. Старый мошенник жил не где-нибудь, а в центре Пруссии. Он знал магическую силу офицерского одеяния. И он вошел в магазин, на последние марки купил костюм, надел его в ближайшей образцовой берлинской общественной уборной и вышел на улицу...

Не без робости... Но она мгновенно исчезла, когда шедший навстречу солдат вытянулся перед ним. Значит, дело пойдет! И Фойгт останавливает на улице взвод, становится во главе и ведет его в Кепеникскую ратушу... Там он «арестовывает» бургомистра и обыскивает канцелярию. Увы, нет столь необходимой для фальшивого документа печати... Взяв деньги из кассы, Фойгт приказывает солдатам вернуться в казарму и удаляется.

Один только вид прусского мундира внушил страх и покорность и солдатам, и штатским чиновникам... Милитаристский угар дурманил головы, и Фойгт воспользовался этим пиететом перед прусско-германской военщиной.

Афера Фойгта прогремела на весь мир и дала благодарный материал для сатириков и карикатуристов: «капитан из Кепеника» стал символом прусского милитаризма.

Эту историю рассказал мне в середине мая 1945 года бургомистр Кепеника, рабочий, революционер, чудом уцелевший в концлагере...

— Мы хотим, — прибавил он в заключение, — устроить инсценировку «дела капитана из Кепеника». Народ посмеется, да и увидит, откуда беда пришла.

2

Военная машина, подготовившая и предпринявшая две мировых войны, создавалась и совершенствовалась на протяжении десятилетий. Ее мозгом и сердцем был «большой генеральный штаб», детище фельдмаршала Мольтке-старшего.

По условиям Версальского мирного договора генеральный штаб подлежал уничтожению. Но германские милитаристы не могли с этим примириться.

Капитан генерального штаба Х. Риттер в книге «Критика мировой войны» в 1920 году обратился к немцам с заклинанием помнить, что «наследие Клаузевица, Шлиффена, охранять которое составляет удел и долг генерального штаба, ныне переходит к германскому народу и, в частности, к германскому юношеству».

Смысл столь патетического призыва был ясен: во что бы то ни стало сохранить генеральный штаб.

Генерал Сект, создавая в обход Версальского договора рейхсвер как костяк будущей большой армии, нарушил и пункт о ликвидации генерального штаба. Он продолжал существовать под псевдонимом «альгемейне труппенамт». Поэтому Гитлеру не составило большого труда воскресить «большой генеральный штаб» под его настоящим именем: и кадры и традиции прошлого были сохранены.

В январе 1946 года фельдмаршал гитлеровской армии В. Браухич направил из Нюрнбергской тюрьмы председателю Международного военного трибунала пространное послание:

«От имени фельдмаршалов и генералов бывшей германской армии, которые находятся под арестом в Нюрнберге в качестве свидетелей, 20 декабря 1945 года я обратился к генеральному секретарю МВТ с просьбой относительно защиты генерального штаба, на которую до сих пор не получил ответа. Как английский военнопленный, я обращаюсь к вам, милорд. Я верю в ваше высокое чувство справедливости, которое дает прекрасную возможность защите каждого обвиняемого, представшего перед МВТ. Совершенно случайно мы узнали в тюрьме, что главный американский обвинитель господин Джексон заявил, что помимо германского кабинета и организаций партии бывший генеральный штаб и начальники определенных управлений бывшей германской армии также должны быть признаны «преступной организацией». Также случайно мы узнали, что соответствующие офицеры могут обратиться к трибуналу с просьбой, чтобы он их выслушал. . .»

Далее в письме было сказано:

«. . .Адвокат д-р Экснер не в состоянии защищать генштаб. Он не знаком с обязанностями и деятельностью отделов и личного состава. Он полностью занят защитой генерала Иодля, одного из главных обвиняемых. Однако решающим моментом является тот факт, что еще до войны генштаб армии и большинство его высших офицеров находились в резкой оппозиции к ведущим лицам ОКВ, членом которого был и генерал Иодль. Поэтому невозможно, чтобы д-р Экснер одновременно защищал беспристрастно и Иодля, и генштаб. Оправдание одного может быть результатом обвинения другого. Наконец, д-р Экснер выразил желание, чтобы с него сняли обязанность защиты генштаба».

Затем Браухич доказывает, что защищать генштаб может только офицер, знающий его работу и имеющий консультанта по юридическим вопросам, и продолжает:

«До настоящего времени мы точно не знаем, какие управления армии причислены к преступной организации и в чем они обвиняются. Даже если в дальнейших судебных процессах большинство обвиняемых будет оправдано, тень, брошенная на них в результате признания организации преступной, не будет снята с них как членов организации. Объявление вне закона генштаба и воен-

ных руководителей германской армии, что в принципе уже было объявлено МВТ, останется тогда в глазах мира совершившимся фактом. Это могло бы случиться без того, чтобы самый высокий суд, ответственный перед всем миром, предоставил возможность справедливой защиты.

Нас судят не как представителей временной организации, какими были политические организации. Мы являемся последними представителями учреждения, которые были воспитаны все до последнего в духе его величайшего создателя фельдмаршала графа Мольтке. Это — наследие великого солдата и человека с большим характером, которое было признано всем миром и которое мы сейчас готовы защищать. Больше того, генеральный штаб германской армии служил образцом для многих других армий».

Передавая в Москву документ, я его прокомментировал в телеграмме, которую воспроизвожу с небольшими сокращениями:

«Это письмо заслуживает пристального внимания. Раньше всего, из него явствует, что немецкий генералитет не считает себя побежденным и даже и не помышляет о том, чтобы прекратить свое существование. Во-вторых, германские генералы противопоставляют себя гитлеровской партии и режиму как «временной организации», говоря словами Браухича, а себя считают организацией вечной. И хотя Браухич и говорит о том, что он и другие генералы являются «последними представителями учреждения», созданного Мольтке, но все содержание его письма и вся его аргументация проникнуты твердым убеждением в том, что генеральный штаб Германии будет жить вечно.

Генералы и фельдмаршалы продолжают считать себя военнопленными, а не военными преступниками. Попытку рассматривать их как преступников Браухич называет постыдной. Он повторяет слова Людендорфа, который в 1919 году протестовал против требования Антанты судить германских генералов как военных преступников и назвал уничтожение германского генштаба «столь трагичным преступлением, которого еще не видел мир».

Итак, Браухич не оригинален! Браухич очень заботится о сохранении чести генерального штаба и генера-

лов, очевидно исходя из того, что они в близком будущем должны будут заняться воссозданием германского вермахта в духе и традициях «великого Мольтке».

Письмо Браухича было доказательством того, что немецкая военщина не признает себя побежденной и подлежащей уничтожению, а, наоборот, надеется возродиться.

Тем неожиданнее для меня были слова английского журналиста прогрессивных взглядов, когда он ознакомился с письмом Браухича:

— Их дело в шляпе! Увидите, трибунал отвергнет осуждение генерального штаба.

Увы! Мой британский коллега оказался прав. Признав преступными организациями нацистскую партию, гитлеровское правительство, гестапо, СС, штурмовые отряды, трибунал, вопреки мнению советского судьи, не причислил к этому сонму верховное командование и генеральный штаб.

Это было ошибочное решение, опротестованное советским членом трибунала в «особом мнении». Оправдание генерального штаба и верховного командования используется ныне милитаристами ФРГ для защиты и увековечения «великих традиций» Мольтке — Шлиффена — Людендорфа. И для продолжения их «исторической миссии».

3

В чем же состоит эта миссия, чему учили эти кумиры прусско-германского милитаризма? Какую военную доктрину они создали?

Некий швейцарец Штегеманн в двухтомном труде «Война» в 1935 году восхвалял эту доктрину за то, что в ней нашла воплощение «демония войны» — ее безжалостность, беспощадность, тотальность.

«Стиль — это человек». Старинное это изречение относится и к военному искусству.

Генерал Шлиффен был начальником генерального штаба в 1891—1906 годах и автором плана молниеносного разгрома Франции, а затем и России.

Г. Куль в книге «Большой генеральный штаб» рас-

сказывает, как он, адъютант Шлиффена, сопровождал генерала в поездке на военные учения.

«Ранним утром поезд шел из Кенигсберга по приветливо освещенной восходящим солнцем Прегельской долине. До тех пор не было произнесено во время поездки ни одного слова. Адъютанту захотелось завязать разговор, и он указал на приятный ландшафт Прегельской долины.

— Препятствие, не имеющее значения, — заметил граф. Разговор прервался до Инстербурга».

Этим небольшим эпизодом Куль, того не желая, нарисовал и портрет самого Шлиффена и обобщенный образ прусского милитаризма. Машиноподобное бездушие, маниакальная слепота ко всему, что не является элементом «демонии войны», — вот духовный, психологический облик «кумиров» прусской военщины и вместе с тем стиль их военного искусства.

О Людендорфе его личный врач сказал:

«Он был духовно слеп. Он не видел никогда, как цветут цветы, никогда не слышал пения птиц, не наблюдал ни одного заката солнца».

Совсем как Шлиффен.

Брутальность — еще одно качество этих мастеров «демонии войны».

Людендорф после революции неоднократно повторял: «Величайшей глупостью революционеров было то, что они оставили нас всех в живых. Ну, погодите. Если я вернусь к власти, пощады не будет. Я со спокойной совестью глядел бы, как Эберта и Шейдемана с их товарищами вздернут на виселицу».

В статье «Вождь» Шлиффен провозгласил: «Полководцев не назначают, полководцами рождаются». Полководец «должен иметь нечто сверхчеловеческое, сверхземное. Он должен сознавать присутствие некоей высшей силы». Подлинное величие полководца в том, чтобы знать, как далеко он «может в каждом случае идти в превышении определяемых наукой законов». Отсюда и вытекал основной принцип военной доктрины Шлиффена: «Невозможное сделать возможным».

Следовательно, эта доктрина имела психологической и философской основой неограниченный волюнтаризм.

Людендорф, ученик Шлиффена, утверждал: «Вся

политика служит войне» (в книге «Ведение войны и политика»).

Переворачивая кверху ногами классическое определение войны как продолжения политики, Людендорф исходил из веры во всемогущество воли «вождя».

Генерал Гренер, такой же носитель «традиций», как и Людендорф, но более дальновидный и трезвый, сказал в октябре 1918 года, когда Людендорф внезапно заявил, что фронт не может больше держаться:

«Этим мы обязаны самим себе, своей тупости и самомнению. В течение многих лет моей большой заботой было то, что Людендорф чрезмерно натягивает лук нашей силы, как это и случилось.

Людендорф, которого я высоко ценю как солдата, к сожалению, никогда не понимал психологического фактора и поэтому так мало понимал в политике. Он верил, что можно приказывать там, где это неосуществимо».

Гитлер также руководствовался принципом: я этого хочу — и я это сделаю. В конце войны, когда ее исход был ясен, Гитлер решил провести наступление на Западном фронте в Арденнах. Он сказал 2 декабря 1944 года генералу Мантейфелю, что, конечно, видит несоответствие между намерением захватить Антверпен и возможностями войск. Но именно теперь наступил момент поставить на карту все: «Я исполнен решимости провести эту операцию, пренебрегая риском».

Волюнтаризм у теоретиков и практиков прусского милитаризма был неразрывно связан с иррационализмом.

Мольтке-старший, соратник Бисмарка, утверждал:

«Война, как всякое искусство, познается не рационалистически, но только лишь эмпирически».

Военный историк и теоретик фон Рабенау в 1935 году в книге «Оперативные решения против численно превосходящего противника» заявил:

«Судьбы людей и народов не могут быть объяснены законами тройного правила, что вынуждает нас почтительно остановиться на границе иррационального...»

Гитлеровский военный орган «Дейче вер» по поводу книги Людендорфа «Тотальная война», ставшей евангелием милитаризма, писал: для Людендорфа «всякая человеческая деятельность имеет оправдание только в том случае, если помогает в подготовке войны. Новый человек

должен быть целиком проникнут идеями войны. Эта мысль — единственная его (Людендорфа) страсть, его единственное наслаждение, словом подлинная одержимость».

Лидер Пангерманского союза Класс проповедовал:

«Война для нас — пангерманцев никогда не была великим и яростным разрушителем, но заботливым обновителем и хранителем, великим врачом и садовником, который сопровождает человечество на его пути к расцвету». Его коллега по Пангерманскому союзу философ К. Вольф сказал: «Расовое идеологическое мировоззрение говорит нам, что существуют расы господ и расы подчиненных. Захваты в особенности являются делом расы господ. Такие люди могут завоевывать, смеют завоевывать, обязаны завоевывать».

Другой «теоретик», профессор Кауфманн, писал в 1911 году: «Победоносная война есть социальный идеал. В войне государство обнаруживает себя в своем действительном состоянии; это его высшее назначение, в котором приходит к полному расцвету его своеобразная сущность».

Освальд Шпенглер после первой мировой войны, в преддверии нового похода «за жизненным пространством», поучал: «Война — высшая форма человеческого существования, и государства существуют для войны».

4

Волюнтаризм, иррационализм, одержимость — словом, вся эта «демония войны» обусловила решающее свойство германской военной доктрины: а в а н т ю р и з м.

Бернгарди заявил, что «Фридриховым и наверняка и сегодня пригодным законом» ведения войны является «решительное ва-банк», то есть ставить все на одну карту.

Другой теоретик, Рабенау, сказал:

«На обозримый период времени мы будем уступать в силах, а это заставляет нас принимать решения чудовищной отваги».

«Решением чудовищной отваги» и был составленный Шлиффеном «стратегический план».

«Теперь мы никогда не можем иметь численного

превосходства, на равные силы можем рассчитывать только в благоприятных случаях, а как правило, мы вынуждены довольствоваться меньшими силами... Нужда заставляет задумываться о средствах побеждать с меньшей численностью».

Таким средством, решил Шлиффен, должна быть ставка на победу в первом сражении: разбить противника наголову и продиктовать ему мир.

Достичь такого результата Шлиффен рассчитывал в течение 4—5 недель. Вспомним, что и гиглеровский «план Барбаросса» предусматривал «разгром СССР» в течение тех же 4—5 недель... Да, безумие обладает свойством повторяться...

Мольтке-младший, который сменил Шлиффена и которому предстояло выполнить его план, понимал, что дело идет об игре ва-банк.

Перед началом войны, в мае 1914 года, он заверял начальника генерального штаба Австро-Венгрии Конрада фон Гетцендорфа, что Франция будет разбита в течение шести недель.

Гетцендорф спросил:

— Что вы предпримете, если не добьетесь успеха на Западе, а на Востоке вам ударят в тыл русские?

Мольтке, пожав плечами, ответил:

— Буду делать, что смогу. Мы не сильнее французов.

Так Мольтке, в сущности, признал авантюризм стратегической концепции «плана Шлиффена». Такою она оказалась на деле: разбить противника в первом же сражении не удалось, война стала затяжной войной на истощение, и Германия ее проиграла.

Авантюризм прусско-германской стратегии Шлиффена, Мольтке, Людендорфа выразился в учении о молниеносной войне, которая поэтому должна быть превентивной. А «превентивная война» — это не что иное, как внезапное нападение на не ожидающего этого противника.

Теорию такой войны разработал уже Фридрих II:

«Что касается имени столь страшного — агрессор, то это пустое пугало, которое может воздействовать лишь на робких духом. Истинный агрессор бесспорно тот, кто вынуждает другого вооружаться и начинать предупредительную войну, чтобы тем избегнуть войны более опасной...»

«Старый Фриц» так и поступал, внезапно нападая на соседей.

Русская дипломатия в 1756 году, когда началась длившаяся семь лет война, опровергла Фридрихову теорию превентивной войны.

«Теперь уже другая вышла от него на свет военная декларация, которая только на том основывается, что он мнимых своих неприятелей предупреждать должен, — правило, которое, ежели придет между всеми государствами в обыкновение, приведет весь свет в крайнее замешание и совершенную погибель».

Преемники Фридриха твердо усвоили его «превентивную» теорию.

Мольтке учил, что быструю победу можно одержать в том случае, когда удается упредить противника — то есть напасть на него внезапно.

А Бисмарк, которого никак не заподозришь в излишней щепетильности или в слабодушии, превентивную войну сравнил с самоубийством, совершаемым для того, чтобы «предупредить» смерть.

Но Вильгельм II и его генералы непоколебимо верили в заветы Фридриха.

1 июня 1914 года личный представитель президента США Вильсона полковник Эдуард Хауз посетил императора Вильгельма. Кайзер распространялся о своем миролюбии, о желании жить в дружбе с родственными нациями — Англией и США.

Тогда Хауз спросил, почему Германия отказалась подписать «пакт Брайана», который предусматривал, в случае возникновения конфликта между державами, арбитраж и годичный «период для остывания» до начала военных действий.

Вильгельм быстро и резко ответил:

— Германия никогда не подпишет такого договора. Наша сила в том, что мы готовы вступить в войну без предупреждения. Мы не откажемся от этого преимущества и не дадим нашим врагам времени подготовиться.

Ответ откровенный и исчерпывающий: прусско-германские милитаристы свято верят в превентивный, молниеносный и победоносный удар...

Порочность и преступность такой военной доктрины в

наибольшей мере сказалась в стратегии Гитлера и его генералов в войне против Советского Союза.

Перед нападением на СССР Гитлер сказал генералам:

«Один-единственный удар должен уничтожить врага. Воздушные налеты, неслыханные по своей массированности, диверсии, террор, акты саботажа, покушения, убийства руководящих лиц, сокрушительные нападения на все слабые пункты вражеской обороны внезапно в одну и ту же секунду... Я не остановлюсь ни перед чем. Никакое так называемое международное право не удержит меня от того, чтобы использовать представляющееся мне преимущество».

Этой «концепцией» руководствовались генералы, когда составляли печально знаменитый «план Барбаросса»:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании. Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск».

Стратегия «блицкрига» покоилась на переоценке своих сил и недооценке мощи Советского Союза.

5

Превентивная война по самой своей природе преступна. «Сила выше права» — вот ее принцип.

«Только война, если противник добровольно не уступит, может решить, чьи интересы сильнее, за кем стоит больше нравственной энергии».

Так профессор Э. Кауфманн ставил знак равенства между нравственностью и силой, вернее, подчинял первую последней.

Из таких теоретических предпосылок закономерно вытекали практические следствия.

В документе, составленном в генеральном штабе в 1910 году и озаглавленном «Основные черты высшего руководства войсками», предписывалось вести безжалостный обстрел городов и бомбить их с воздуха; налагать на население коллективные штрафы, производить конфи-

скации; практиковать расстрел заложников; экономически грабить оккупированные области; организовать принудительный труд населения на военные нужды.

Каждое из этих действий было безусловно запрещено международными соглашениями, в которых участвовала и Германия. Но какое значение имели в глазах милитаристов «клочки бумаги» — договоры, конвенции, соглашения...

Указания, сформулированные в 1910 году, неукоснительно претворялись в жизнь во время первой мировой войны. Вот, например, приказ, отданный командующим армией генералом Биссингом:

«Хотя, разумеется, заслуживает сожаления, что при этом приходится уничтожать отдельные дома, цветущие деревни и даже целые города, это обстоятельство не должно вызывать нежелательного подавленного настроения. Все они не стоят жизни даже одного-единственного солдата. Тот, кто говорит о варварстве, кощунствует. Железное выполнение долга — продукт высокой культуры, и население вражеских стран может поучиться этому у нашей армии».

Итак, уничтожение городов не есть варварство, и выполнение бесчеловечных, преступных приказов есть железный долг и «продукт высокой культуры»...

Эту «культуру» головорезов до «высшего уровня» довел фашизм.

Но тех неслыханных злодеяний, которые творились по приказам Гитлера, ему было мало, и он жаловался: «У нас слишком сильно развился интеллект и слишком мало твердый характер...»

Под твердым характером у прусско-германских милитаристов разумелась именно «одержимость» или «демония». В наставлении для обучения войск 1906 года говорилось: «вперед на врага, чего бы это ни стоило», и всякую технику должен преодолеть «внутренний дух солдата».

Это свойство милитаристы назвали «тевтонской яростью». Х. Риттер в своей «Критике мировой войны» вынужден был признать:

«Панацея тактики старого времени — тевтонская ярость — утратила свой кредит... Последняя вспышка

была порождена железною верой в действенность «тевтонского неистовства», которую, к сожалению, унаследовали внуки победителей при Сен Прива ля Монтань (в 1870 году), пытаясь применять ее против пулеметов и скорострельных орудий».

К таким горьким признаниям привела Риттера та безжалостность, с какою германские полководцы относились и к собственным войскам. Она наиболее беспощадно проявилась в сражениях под Верденом в 1916 году, когда верховное командование кайзера делало отчаянные попытки вырваться из тисков позиционной войны. Для этого решено было прорвать фронт у Вердена, сильнейшей крепости. Восемь месяцев бросали на штурм Вердена дивизию за дивизией «великие» из «большого генерального штаба». И за эти месяцы немцам удалось продвинуться на... семь километров, которые затем были у них отняты... А стоила эта операция потери шестисот тысяч человек!

«Верденский ад» — так была окрещена эта попытка «неистовством» преодолеть сталь и бетон.

Урок не пошел впрок: под Сталинградом «верденский ад» повторился в неизмеримо большем масштабе. Гитлер и его клика пожертвовали многими сотнями тысяч людей, не добившись победы.

Запрещение Паулюсу капитулировать тогда, когда никаких надежд на спасение не было, стало до конца войны образцом гитлеровской «стратегии». И даже в самом конце войны, когда ее проигрыш был всем ясен, Кейтель по распоряжению Гитлера приказал: «каждый город защищать до последнего человека; офицеров, желающих капитулировать, солдат, уклоняющихся от боя, жителей, вывешивающих белые флаги, предавать военно-полевому суду и немедленно вешать...»

В приказе об обороне Берлина войскам предписывалось вести борьбу фанатически — так в данном случае именовалась «демония войны» или «тевтонская ярость».

Подобный метод ведения войны внутренне присущ доктрине превентивного блицкрига, авантюристической стратегии ставки ва-банк. И такая война оказалась для Гитлера и его генералов именно тем, что предсказывал Бисмарк: самоубийством...

Чтобы «спасти лицо», германские милитаристы после поражения в первой мировой войне изобрели легенду об «ударе кинжалом в спину».

Людендорф сразу же безапелляционно заявил:

— Германская армия не виновна в поражении. Ей нанесли удар в спину.

Кто же? «Ноябрьские изменники» — смутьяны и революционеры. Но вот Гинденбург высказал совсем другое мнение о поражении Германии.

В начале 1919 года, вскоре после заключения перемирия, американский журналист Дж. Селдес и трое его коллег добрались до германской главной квартиры. Их встретил Гренер с большой повязкой на голове.

— Вы не ранены, надеюсь, генерал?

— Нет, у меня болит голова.

— Он только что проиграл мировую войну, — сказал один из журналистов, переведя слова Гренера, — и у него головная боль...

В большой, как театральный зал, комнате их принял Гинденбург.

Селдес спросил:

— Кто выиграл войну?

Гинденбург ответил:

— Я скажу с такою же откровенностью: американская пехота в Аргоннах выиграла войну. Я говорю это как солдат, и солдаты лучше всех поймут меня. Если бы не было американских войск против нас, то, невзирая на голодную блокаду, мы могли бы иметь мир без победы. Война могла бы окончиться чем-то вроде тупика... Аргоннская битва была медленной и трудной. Но она была стратегической... Настал день, когда американское командование посылало в бой новые и новые дивизии, а у меня не было даже и разбитой дивизии, чтобы затыкать прорывы. И тогда оставалось только просить перемирия... С военной точки зрения Аргоннская битва была кульминационным моментом в войне, ее решающим фактором... Повторяю: без американского удара в Аргоннах мы могли в результате тупика иметь удовлетворительный мир..,

Так Гинденбург хотя и старался умалить роль Франции и Англии в разгроме Германии и делал ударение на решающем участии Соединенных Штатов, однако же признавал: Германия проиграла войну на поле сражения... Об ударе кинжалом в спину он и не заикнулся.

После второй мировой войны невозможно было говорить об «ударе в спину». А виновник, на которого можно было бы свалить ответственность за военную катастрофу, до зарезу нужен был генералам. И они его быстро нашли.

Напомню, что Браухич в своем письме председателю МВТ упомянул о противоположности позиции большинства военных руководителей Германии и позиции Иодля и Кейтеля, ближайших помощников Гитлера. Это был первый сигнал к той сосредоточенной атаке, которую затем повели Браухич и его коллеги на своего «фюрера».

Франц Гальдер, начальник генерального штаба в 1938—1942 годах, брошюру «Гитлер как полководец» посвятил доказательству того, что если бы не Гитлер, то генералы обязательно выиграли бы войну...

Манштейн, под конец войны наиболее доверенный генерал Гитлера, в книге «Проигранные сражения» уделил немало места характеристике Гитлера как военного руководителя.

«Воля полководца к победе, делающая его душу сильной, чтобы преодолеть тяжелые кризисы, нечто совсем другое, нежели воля Гитлера, которая в конечном счете вытекала из его веры в его «миссию». Гитлер был мало склонен вводить в свои расчеты предполагаемые замыслы противника — в силу своего убеждения, что его воля в конце концов восторжествует. Так же мало был он готов признавать надежные данные о, может быть, многократном превосходстве сил противника. Он хотел уподобиться Наполеону, который терпел только помощников и исполнительные органы своей воли; но он не обладал ни военным образованием, ни военным гением Наполеона. В целом ему не хватало даже основанного на опыте военного знания, которого никогда не могла заменить его «интуиция».

Вера в могущество своей воли приводила к тому, что Гитлер не был способен, даже если бы захотел, считаться с реальностью. «Как в политической, так и в военной

области, — замечает Манштейн, — у него не было меры достижимого».

Иными словами, Гитлер был и профаном, и авантюристом... Что ж! Это верно...

Генерал Типпельскирх в «Истории второй мировой войны» задним числом удивляется:

«Сейчас просто непостижимо, как в голове Гитлера могли рождаться такие фантазии, превращавшиеся его ближайшими помощниками в отдаваемые с серьезным видом приказы».

В сборнике статей «Вторая мировая война» автор очерка «Война в России» генерал-майор Бутлар ставит вопрос, «как могли быть совершены те многочисленные военно-политические и оперативные ошибки, которые в большинстве случаев вызывали сильную отрицательную реакцию со стороны главных военных руководителей, видевших их пагубность, как, несмотря на это, Гитлеру удавалось проводить в жизнь свои мероприятия и решения».

Вайдлинг в воспоминаниях с горечью писал:

«Мы, солдаты, были одурачены планами фантазера, который, несмотря на многочисленные поражения последних трех лет, не научился учитывать прежде всего истинное положение и силы противника. Был ли фюрер только фантазером, или он был душевнобольным? Или же он был настолько разрушен морально и физически, что мог поддерживать себя только морфием или другими ядами и в таком состоянии приходил к своим сумасбродным идеям?»

Таким образом, генералы вовсю «удивляются» и «недоумевают» — как же это они всерьез принимали горячечные фантазии «фюрера» и старались осуществить их? Далее этого не идут их попытки ответить на вопрос: как же было возможно, чтобы «наследники великих» оказались в дураках.

Но ларчик открывается просто: Гитлер делал то, что было заветной целью «большого генерального штаба» и всех его выкормышей. Он вел агрессивные, завоевательные войны. Поэтому Браухич и Гальдер, Манштейн и Рундштедт, Кессельринг и Клюге, не говоря уже о Кейтеле и Иодле, покорно повиновались нелепым приказам «фюрера».

«Ни один генерал не выступил и не поднял голоса оппозиции или протеста».

Так сказал Кейтель.

Иодль, правая рука Гитлера в течение всей войны, в Нюрнбергской тюрьме написал заметки, озаглавленные «Влияние Гитлера на ведение войны. Наброски изображения Гитлера как стратега».

«Знаю ли я этого человека вообще, возле которого долгие годы вел существование, полное самоотречения и шипов? Играл он моим идеализмом и использовал его для целей, которые были сокрыты в его внутреннем мире? Я и теперь не знаю, что он думал, знал и хотел».

Лгал Иодль... Знал он, как и прочие генералы, чего хотел их «фюрер», и они изо всех сил и преданно старались выполнять его волю.

Лгал и Манштейн, когда писал:

«Между диктатором, фанатиком, который думал лишь о своих политических целях и жил с верой в свою «миссию», и военными руководителями не могла естественно установиться внутренняя связь. Он видел в людях только орудия, которые призваны служить его политическим целям. Со стороны Гитлера к немецкому солдату не протягивались никакие узы верности».

Конечно, не могло быть у человека, презиравшего свой народ, «уз верности» солдатам. Но зато была у него «внутренняя связь» с его военными помощниками и приспешниками.

И вот эту связь они и старались и стараются отрицать...

Отрицать, чтобы снять с себя вину перед немецким народом за то, что втянули его в преступную, кровавую, безнадежную войну...

Фельдмаршал Клюге был смещен Гитлером в августе 1944 года с поста главнокомандующего на Западе, так как был заподозрен в причастности к заговору 20 июля.

Клюге застрелился, написав Гитлеру предсмертное письмо, «как один из тех, кто в своем устремлении выполнять свой долг стоял ближе других к фюреру». Так сам Клюге оттенил свою преданность Гитлеру.

И он, умирая, писал: «Мой фюрер, я всегда поражался вашим величием и вашим поведением в этой величай-

шей войне и вашей железной волей утвердить себя и национал-социализм. Когда судьба сильнее вашей воли и вашего гения, то в этом выражается воля Провидения. Вы вели великое, исполненное чести сражение. Это засвидетельствует история. Покажите же теперь себя столь великим, чтобы привести к концу безнадежную борьбу, когда это необходимо».

Что война проиграна, Клюге видел. Но он все еще верил в Гитлера, с ним связывал и дальнейшую судьбу Германии, не проклял его как виновника катастрофы, а прославил.

Так до последнего вздоха и этот фельдмаршал оставался подлинным гитлеровцем — и именно оттого, что Гитлер был воплощением милитаризма и стремился к осуществлению заветных целей «большого генерального штаба».

7

В январе 1963 года, в годовщину Сталинградского разгрома и пленения армии Паулюса, генерал Ферч, генеральный инспектор бундесвера, разослал в войска специальную инструкцию о том, как надлежит реагировать на фильм и телепередачу о гибели 6-й армии.

Объявив фильм «коммунистической пропагандой», имеющей целью «подорвать идейную и духовную способность к сопротивлению», бравый генерал с особой силой обрушился на то, что в фильме «бой до последнего в безнадежном положении — это требование к солдатам, с о х р а н я ю щ е е с в о ю с и л у в о в с е в р е м е н а, а т а к ж е и в б у д у щ е м, характеризуется автором как преступное. Военное командование изображается как бездарное и продажное. . . Утверждается, что якобы существующая германская «милитаристская каста» навсегда потеряла право претендовать на военное руководство» (выделено мною. — *М. Г.*).

Этот «урок Сталинграда» Ферч категорически отклоняет как якобы лживый и как «попытку сбить солдат с толку».

Едва ли необходимо более ясное доказательство того, что «наследники» Шлиффена, Людендорфа, Манштейна ничего не позабыли из «великих традиций» и ничему не

научились на опыте двух военных катастроф. Им хочется, чтобы заученные ими принципы прусско-германской милитаристской касты (без иронических кавычек Ферча!) оставались непреложными в бундесвере.

Об этом с предельной точностью и откровенностью сказал западногерманский публицист Георг фон Штудниц в книге «Спасите бундесвер».

Патетическому названию книги отвечает и безапелляционность и решительность содержания.

Штудниц заявляет:

«Бундесвер построен на ложном принципе: «солдат — это гражданин в военной форме». При его организации были широко раскрыты шлюзы для политизации вооруженных сил: солдату предоставлены все гражданские права. Более того, совесть солдата поставлена выше присяги: ему дано «право сопротивления», то есть невыполнения приказов. Что же получилось? Не солдат немецкой армии, а какой-то гомункулюс, у которого нет истинно немецкого характера, но есть отвращение к военной службе».

Поэтому необходимо отказаться от ложной концепции «гражданин в военной форме», восстановить в бундесвере строгую дисциплину, возвратить офицерам и унтер-офицерам их власть.

Господин фон Штудниц требует — полностью восстановить дух, традиции, формы старого милитаризма, и в первую очередь возродить авторитет и права офицерского корпуса.

Публицист фон Штудниц, разумеется, излагал не свои собственные мысли, а выступил как рупор военной верхушки ФРГ.

Инспектор (то есть командующий) сухопутных сил бундесвера генерал Шнец в 1969 году составил меморандум «Мысли о внутреннем руководстве войсками», и на его основе штабные офицеры разработали документ под названием «Мысли об улучшении внутреннего порядка в армии».

Шнец требует не более не менее как изменения конституции ФРГ в части, какая касается вооруженных сил. Он заявляет: «Армия видит себя при существующих законах в состоянии, которое ограничивает свободу действий в выполнении ее долга». Поэтому «только реформа

общества сверху донизу может спасти дело и решающим образом поднять боевую силу армии».

Что за «реформу» требует Шнец, об этом говорят и такие его «мысли»:

«Формы активной партийно-политической деятельности солдат после появления крайних политических групп должны быть дополнительно проверены. Они должны отвечать особым обязанностям солдат и ценностям законного порядка нашей Федеративной Республики и не должны затрагивать ударную мощь бундесвера. Здесь, по моему мнению, необходимы определенные ограничения нынешнего порядка».

Шнец поэтому говорит: «Кажется разумным и укрепляющим климат доверия, если солдаты, раньше чем обратиться к уполномоченному (бундестага) по делам армии, будут сперва обращаться к ближайшему дисциплинарному начальнику».

Другая «реформа» касается работы печати и всех органов массовой информации. Шнец требует, во-первых, их «государственного использования», чтобы покончить с таким положением, когда «картина истории (имеется в виду история гитлеровского периода. — *М. Г.*) была и остается неточной и сильно искаженной легендами о стремлении военных к политической власти и упреками в слепом повиновении (военных) политическому руководству в прошлом».

Под этими нарочито туманными словами кроется весьма ясная мысль: прекратить критику нацизма и обелить военщину. Шнец так прямо и заявляет: «политическое и военное руководство должно четко и ясно признать германские солдатские традиции». Поэтому «исторически фальшивое изображение массовыми средствами информации солдатского прошлого должно быстро и недвусмысленно исправляться «центром информации и печати министерства обороны».

Конечная цель всех рекомендуемых «реформ» выражена с подлинно милитаристской брутальностью:

«Когда затрагиваются коренные требования повиновения и авторитета, терпимости приходит конец. Против покушения на эти основные элементы каждой армии я требую решительного и твердого отпора».

Покончив с «гражданином в военной форме» и

восстановив добрые старые прусские порядки «повиновения и авторитета», «надлежит так интенсифицировать боевое обучение, чтобы и в войска снова пришел «бодрый и радостный» дух».

8

В бундесвере имеется немалый процент солдат и младших командиров, настроенных реваншистски. Так, к началу 1968 года около 9 тысяч военнослужащих состояли в рядах НДП и за кандидатов этой партии на выборах голосовали 12—15 процентов солдат и офицеров бундесвера.

Но в рядах бундесвера имеются и люди, которые открыто и активно протестуют против поползновений сделать так, чтобы «все было по-старому». В мае 1970 года тринадцать военнообязанных опубликовали в Бонне документ под названием «Солдат-70».

«Мы, — так начинается документ, — молодые рабочие, служащие и абитуриенты, в настоящее время несущие военную службу... Все говорят о бундесвере. Все говорят о Шнеце, Шмидте (министр обороны), проблемах унтер-офицеров и молодых офицеров. Мы считаем, пришло время, чтобы взяли слово и военнообязанные и выступили перед общественностью».

Что же побудило авторов «Солдат-70» взять слово?

«Мы узнали, что долг бундесвера стоять на защите мира и демократии находится в противоречии с действительностью. Мы узнали, что бундесвером руководят люди, для которых все военное стало содержанием жизни и самоцелью».

Что же хотят сказать общественности эти молодые солдаты? Прежде всего они сообщают, что в их рядах и те, кто участвует в борьбе против войны США во Вьетнаме и Камбодже. «Мы принадлежим к числу тех, кто объявил в казармах войну старым и новым нацистам». И они, эти «солдаты-70», обращаются к товарищам: «Обсуждайте в казармах и в обществе наш документ. Поддерживайте наши требования».

В первую очередь они требуют не допустить тех «реформ» Шнеца, цель которых изъять вооруженные силы из-под демократического контроля. «Так технически ре-

формированная армия с далеко идущими неконтролируемыми полномочиями ее руководства создала в США предпосылки для вьетнамской войны и вторжения в Камбоджу».

Чтобы этого не допустить, необходимо обеспечить всем военнослужащим свободу политической и профсоюзной деятельности в казармах и за их пределами, как это предусмотрено законом, предоставить всем демократическим организациям право работы среди военнослужащих, запретить деятельность членов НДП и сочувствующих им солдат.

Авторы «Солдата-70» в области внешней политики протестуют против «образа врага», который им вбивают в головы: «Враг стоит исключительно на Востоке. Во время зимних учений нам разъясняли, с чем мы столкнемся в «русской зиме». Мы вызубриваем типы советских танков и строительство армий социалистических стран. Мы должны установить, что подобное «воспитание» существенно не отличается от «постановки целей» в гитлеровской армии».

Поэтому «солдаты-70» требуют: покончить с антикоммунизмом, прекратить пропаганду против СССР, ГДР, всех социалистических стран, выйти из НАТО и установить строгий нейтралитет ФРГ, запретить НДП, уволить всех участвующих в неонацистской деятельности офицеров и унтер-офицеров, удалить всех служивших Гитлеру генералов и офицеров.

Такова программа молодых «граждан в военной форме», противопоставленная программе Шнеца. Многочисленные подписи, поставленные солдатами под обращением тринадцати авторов документа, свидетельствуют, что движение против возрождения традиций, принципов, методов прусско-германского милитаризма существует в самом бундесвере.

После смотра прусской армии принц Ангальтский похвалил Фридриху II образцовый порядок в его войсках.

— Вас это удивляет, но есть нечто, что меня удивляет больше.

— Что же?

— То, что мы — в безопасности среди них.

«Старый Фриц», умный и холодный циник, знал, о чем говорил: не всемогуща та сила, на которой зиждется

агрессивная милитаристская машина, сила принуждения физического и морального.

Всегда следует опасаться взрыва сил противодействия.

Шнецу следовало бы вспомнить приведенные только что слова и задуматься над ними...

* * *

Посмотрим теперь, как доктрина прусско-германского милитаризма осуществлялась, чем заканчивались подготовленные, развязанные и веденные милитаристами агрессивные войны.

Или, иначе говоря, какие результаты давала «демония войны» в действии.

«НЕ ХВАЛИСЬ, ИДУЧИ НА РАТЬ...»

I

НОЧЬ В ЭТШЕРЕ

Русские разбиты. Радуйтесь со мной!

Эстафета Фридриха II в Берлин в 1 час дня 12 августа 1759 года

Я не вижу выхода из положения и, чтобы сказать правду, я считаю все потерянным.

Эстафета Фридриха в Берлин вечером 12 августа 1759 года

Темная августовская ночь. Полусожженная деревушка Этшер невдалеке от Кюстрина. Хижина без дверей и окон. На охапке соломы расположился король прусский Фридрих II. При свете сальной свечи, которую держит адъютант, король пишет коменданту Берлина графу фон Финкельштейну:

«*Этшер, 12 августа 1759 г.*

Я атаковал врага сегодня утром около 11 часов; мы отбросили его к Юденкирхгоф вблизи Франкфурта. Все мои войска действовали и совершали чудеса. Я собирал их трижды; наконец, я сам чуть было не попал в плен, и мы вынуждены были оставить поле боя. Мой мундир пробит пулями; две лошади были убиты подо мной, мое несчастье в том, что я остался жив. Наши потери очень значительны. Из армии в 48 тысяч я имею теперь, когда пишу, не более 3000, и я больше не хозяин своих сил. В Берлине поступят правильно, если подумают о своей безопасности. Это великое бедствие, и я не переживу его. последствия этой битвы будут хуже, чем сама битва. Я не вижу выхода из положения и, чтобы сказать правду, считаю все потерянным. Я не переживу гибели своей страны. Прощайте навсегда».

Фридрих отдает письмо курьеру, ложится на

солому... Сквозь пролом он видит бесчисленные звезды... Они равнодушно взирают на Землю, на кровавое поле битвы, на потерпевшего невиданное поражение и чудом спасшегося от преследовавших его казаков прославленного полководца.

Фридрих ощупывает карманы. Вот золотая табакерка с большой вмятиной, она задержала русскую пулю у самого сердца короля. А вот флакончик с ядом. Король всегда держит его при себе.

— Я памятую о Митридате, который предпочел смерть плену.

Король перебирает все события этого трагического дня, когда он надеялся отплатить русским за поражения у Гросс-Егерсдорфа в 1757 году, у Цорндорфа в 1758 году, у Пальцига в 1759 году и хотел уничтожить русскую армию, которая стояла на Одере и угрожала Берлину. Он все предусмотрел, все подготовил и выполнил, как наметил. Скрытно подошел с главными силами к русской позиции с юга, где его никак не ожидали; ввел русское командование в заблуждение ложными действиями с севера перед фронтом русской армии, чтобы Салтыков, главнокомандующий, считал, что там главные силы пруссаков. Ударив с тыла по правому русскому флангу, Фридрих добился первого успеха и, посчитав его полной победой, послал в Берлин четырех курьеров с победными реляциями.

Ах, как страшно он ошибся!

Русские не побежали. Отступив, они укрепились на высотах Шпитцберга и Юденкирхгофа. Тщетны были все атаки прусской пехоты и прославленной кавалерии Зейдлитца...

К пяти часам кавалерия была разбита, Зейдлитц ранен. Пехота более не повиновалась приказам. Шесть часов вечера. Жгучее солнце клонится к закату, облака закрывают его. Вечер опускается над кровавым полем боя.

— Где же та проклятая пуля, которая поразит меня! — в отчаянии восклицает Фридрих.

Он умоляет солдат со слезами:

— Дети, не покидайте своего короля, своего отца!

Но они глухи... Ведь их «отец» никогда не обращался с ними иначе как с «живыми машинами для убийства».

Все кончено!.. Армия в паническом бегстве исчезает

с поля сражения — Фридрих покидает его последним и, уйдя от казаков, укрывается в Этшере.

И отсюда уезжает в Берлин пятый в этот день курьер, — но теперь с вестью о поражении... По иронии судьбы он прибывает раньше четвертого, и после страшного известия о разгроме Финкельштейн, словно в насмешку, еще раз вынужден прочитать ликующее донесение о победе!

В написанной им «Истории Семилетней войны» Фридрих не заикнулся об этой ночи на соломе в полуразрушенной хижине, не привел своего отчаянного письма... Лишь одной фразой отделался он: «Русские действительно выиграли эту битву».

В следующем году казачьи кони испили воду Шпрее. 10 октября 1760 года к Берлину подошел корпус Чернышева. Гарнизон не стал защищать столицу и отошел в Потсдам. Город капитулировал, уплатил контрибуцию и выдал городские ключи. Были разрушены пороховые фабрики, литейный двор, оружейные заводы. Из арсенала Чернышев забрал годные орудия, из казначейства изъял все казенные суммы.

13 октября русские войска покинули Берлин, увозя ключи от города.

В 1761 году дела Фридриха были совсем плачевны. Союзные армии — русская, французская, австрийская — теснили его со всех сторон. А силы Пруссии были истощены, армия потеряла лучшие полки, и молодые солдаты сражались неумело. Казна опустела, материальные ресурсы иссякли.

Восточная Пруссия прочно занята русскими, и жители Кенигсберга принесли присягу на верность императрице Елизавете.

Крепость Швейдниц взята австрийцами, и большая часть Силезии потеряна... Кольберг взят русскими, и потеряна Померания.

Премьер-министр Англии Питт внезапно умирает, Англия вступает в мирные переговоры с Францией и прекращает выплату субсидии Пруссии.

Король проводит зиму в Бреслау, в полуразрушенном русскими орудиями дворце.

Он почти никого не принимает. За обедом молчит.

А если и вступает в разговор, то чтобы возразить генералу Цитену, призвавшему уповать на провидение:

— Я верю только в неумолимую судьбу и в суровое убежище почетной смерти.

Маркизу Д'Ажан, наиболее близкому из всех его французских корреспондентов, Фридрих пишет 18 января 1762 года:

«Я не мог избегнуть своей судьбы: все, что человеческое предвиденье могло подсказать, было осуществлено, и ничего не удалось. Если судьба будет и впредь преследовать меня, я несомненно пойду ко дну, только она одна способна вызволить меня из положения, в каком я нахожусь».

Так писал Фридрих 18 января, а на следующий день судьба изрекла свое решение: курьер доставил весть о смерти русской императрицы Елизаветы, непримиримого врага Фридриха, и о вступлении на престол Петра III, горячего поклонника и друга Фридриха.

Новый император приказал русскому командующему Чернышеву не только прекратить военные действия против Пруссии, но и перейти под командование Фридриха. Петр вернул королю Восточную Пруссию и разорвал союз с Австрией и Францией.

Так «чудо» спасло Фридриха.

* * *

На поле сражения у Кунерсдорфа мне удалось побывать в апреле 1945 года, до начала нашего наступления на Берлин. Осматривая памятное поле, я думал: во время Семилетней войны Фридрих выиграл 7 сражений (с французами и австрийцами), но все боевые встречи с русскими армиями проиграл.

А ведь, начиная войну, он считал русскую армию ничтожным противником.

— Москвитяне суть дикие орды, они никак не могут сопротивляться благоустроенным войскам.

Так сказал Фридрих англичанину Кейту, который сперва служил России, а потом перешел на прусскую службу. Кейт ответил:

— Вы, ваше величество, вероятно, будете иметь случай покороче узнать этих дикарей.

Но Фридрих не внял благоразумным словам.

И ему пришлось сознаться:

— Легче сих людей побить, нежели победить.

Такой дорогой ценой заплатил Фридрих за свою самоуверенность вообще, за авантюристическую оценку русской мощи в особенности...

Полученный им жестокий урок не пошел впрок его преемникам и продолжателям

II

ВОЙНА ЧЕТЫРЕХ «F»

Еще до осеннего листопада вы вернетесь с победой.

Речь Вильгельма при отправлении гвардии на фронт в августе 1914 года

8 августа (1918 года) представляет самый черный день германской армии в истории мировой войны. С этого момента война приняла характер бесшабашной азартной игры. Надо было кончать войну.

Э. Людендорф

1

Воскресенье 9 ноября 1918 года, 5 часов утра.

Еще не рассвело... От плохо освещенного перрона медленно отходит специальный поезд и, набирая скорость, скрывается в предрассветном тумане.

Вильгельм II Гогенцоллерн, бывший император Германии, бывший король Пруссии, бывший верховный главнокомандующий вооруженными силами Германской империи, покинул свою ставку в бельгийском городе Спа, чтобы в Голландии укрыться от народного гнева...

В эти же часы на севере Франции, в другом поезде, германская делегация знакомилась с условиями переми-

рия, предъявленными маршалом Фошем от имени Антанты.

«Германия, изголодавшаяся за 4 года войны, имеет только дезорганизованную армию, неспособную остановить победоносное нашествие союзников и взбунтовавшуюся против своих начальников. Страна отдана на милость победителей».

Так маршал Фош резюмирует итоги войны. Так развеиваются воинственные мечты прусско-германской военщины, рассеиваются горделивые планы создания «мировой германской империи».

А ведь были трезвые голоса, которые предупреждали об опасности затеваемой авантюры!

Я отлично помню обошедший все газеты в первые дни войны рассказ о том, как германский посол граф Пурталес вручал царскому министру иностранных дел Сазонову ноту с объявлением войны.

Трижды он, волнуясь и задыхаясь, спрашивал Сазонова, согласна ли Россия отменить мобилизацию. Трижды министр отвечал отказом.

Когда Сазонов третий раз сказал, что у него нет иного ответа, кроме отрицательного, Пурталес, еще больше волнуясь, задыхаясь, дрожащими руками передал Сазонову роковую ноту с объявлением войны. Затем, потерявши всякое самообладание, посол отошел к окну, выходящему на площадь Зимнего дворца, взялся за голову и заплакал...

Мрачные предчувствия не обманули его...

Война была проиграна — война «четырех F» — frischer, frommer, frölicher, freier Krieg (освежающая, благочестивая, веселая, вольная война). Так прозвали ее немецкие газеты.

2

Позорный итог на этот раз подводится не в разрушенной крестьянской хижине, а в роскошной вилле Френез, резиденции Вильгельма в Спа, куда он прибыл из Берлина в конце октября.

Революция — у порога. Фронт держаться не может. А президент США Вильсон от имени Антанты заявляет:

Германия получит просимое ею перемирие лишь в том случае, если кайзер Вильгельм будет убран.

Рейхсканцлер и все министры, понимая, что нет иного выхода, настаивают на отречении.

Вильгельм об этом и слышать не хочет. Он надеется — на что? — очевидно, на новое «чудо»...

Но тут свое властное слово говорит народ. В Киле — восстание матросов, создается Совет матросских и солдатских депутатов. Революция началась.

Правительство вызывает в Берлин Гренера, который сменил Людендорфа.

Он докладывает, что положение на фронте катастрофическое. Если противнику удастся совершить прорыв, то у верховного командования не будет резервов для отпора. Следовательно, необходимо срочное заключение перемирия. Но оно зависит от удаления Вильгельма с престола.

Правительство требует немедленного отречения императора.

Гренер возражает: армия не может «позволить бросить под колеса своего верховного главнокомандующего». Генералы и офицеры были бы подлецами, если бы покинули кайзера на произвол судьбы.

Затем Гренер встречается с руководителями правых социал-демократов Эбертом, Шейдеманом и другими. Они также требуют немедленного отречения кайзера — ибо это единственный способ остановить революцию и спасти монархию!

От имени Гинденбурга и своего Гренер отклоняет требование об отречении императора, а от имени сыновей Вильгельма заявляет, что никто из них не примет регентства, как предлагают Эберт и его коллеги.

Гренер возвращается в Спа.

Он, писал впоследствии в мемуарах Вильгельм, «привез очень печальные известия... Мы быстрыми шагами идем к революции, правительство бессильно создать что-нибудь положительное, народ требует мира все равно какой ценой; настроение против императора все растет, и он (Гренер) полагает, что более нельзя избегнуть отречения...»

Итак, Гренер вынужден менять позицию. И тут он из уст Вильгельма слышит нечто совершенно неожиданное:

приказ подготовить план операции «завоевания Берлина и Германии» силами армии во главе с императором.

Гренер и Гинденбург отвергают план Вильгельма, как совершенно невыполнимый. Вместо этого они решают вызвать в ставку на 7 ноября по пять старших офицеров из десяти армий Западного фронта и спросить у них ответа на два вопроса:

1) Как относятся войска к кайзеру? Возможно ли, чтобы кайзер во главе войска осуществил «отвоевание империи»?

2) Как относятся войска к большевизму? Предпримет ли армия вооруженную борьбу против большевиков?

Полковнику Хейе поручается собрать и провести это совещание.

Тем временем в Спа прибывают известия о свержении монархии в Баварии, Мекленбурге, Брауншвейге, Вюртемберге.

Наступает 8 ноября. Гренер опрашивает офицеров ставки. Лишь один считает, что возможна вооруженная борьба против революции под лозунгом «за короля и отечество». Другой офицер предложил повести «крестовый поход» под лозунгом «спасем родину от большевистских зверств и от предателей, ударивших в критический момент в спину фронту». Но остальные офицеры штаба верховного командования убеждены, что армия не будет сражаться против революции, за кайзера. Большинство офицеров настаивает на том, чтобы кайзер отрекся, и предлагает вступить в переговоры с новым правительством о спасении монархии.

В начале девятого часа утра Вильгельм приглашает к себе Гинденбурга, Гренера, генералов Плессена, Маршалла, графа Шуленбурга, начальника штаба группы армий кронпринца, а также состоявших при ставке представителей правительства.

Гинденбург говорит, что считает сопротивление революции бесполезным пролитием крови, и просит принять его отставку.

Гренер делает обзор положения на фронте. Оно безнадежно: войска колеблются, продовольствия хватит на считанные дни, многие солдаты больше не повинуются, переходят под красное знамя. Железные дороги, мосты через Рейн, телеграф, телефон в руках революционеров.

В Берлине вот-вот начнется кровопролитие. А повернуть армию для подавления революции — слишком большой риск. Выход? Гренер не называет, но и без того ясно — это немедленное отречение императора.

Из Берлина по телефону передают, что социал-демократы вышли из правительства, войска в столице ненадежны, некоторые полки уже примкнули к восставшим. Необходимо немедленное отречение.

Вильгельм обращается к Шуленбургу:

— Ваше мнение, граф?

Шуленбург отвечает:

— Нарисованная Гренером картина слишком мрачна, во всяком случае войска группы армий кронпринца сохраняют порядок и повиновение. Не делая никаких уступок насилию, но и не начиная гражданской войны, необходимо энергично подавить агитацию в центрах мятежа, и порядок будет восстановлен. Об отречении не может быть и речи, и армия в своей массе выполнит долг верности монарху.

Плессен поддерживает Шуленбурга.

Но Гренер решительно заявляет, что план подавления революции неосуществим.

Из Берлина приходят новые сообщения: на улицах начались вооруженные столкновения, повсюду в стране войска переходят на сторону революции.

Шуленбург предлагает компромиссный выход: Вильгельм отрекается от императорской короны, но остается прусским королем.

Вильгельм немедленно подхватывает эту мысль:

— Я не хочу начинать гражданскую войну и готов отречься от императорской короны. Но я останусь при армии и сам отведу войска на родину.

Гренер возражает:

— Армия под командованием генералов и офицеров пойдет спокойно, в порядке, на родину, но не под командованием вашего величества, потому что она больше не поддерживает вас...

Вильгельм возмущен:

— Что означают ваши слова, генерал? Граф Шуленбург утверждает противоположное!

Гренер:

— А я имею другие сведения!

Гинденбург подводит итог:

— Хоть я и присоединяюсь вполне к тому духу верности, которым проникнуты слова Шуленбурга, но я вынужден считаться с полученными с фронта и из тыла сведениями. Поэтому я думаю, что подавить революцию уже невозможно, и я больше не могу отвечать за надежность войск.

Вильгельм:

— Если вы подтвердите, что армия не на моей стороне, я готов отречься от престола. Но я останусь прусским королем.

3

Звонят из Берлина. Рейхсканцлер сообщает, что гражданская война неизбежна, если Вильгельм не отречется немедленно. С этим известием Гинденбург и Гренер спешат к Вильгельму... В это время появляется кронпринц.

«Я застал императора в саду, он стоял окруженный небольшой группой. Я никогда не забуду этой картины: на фоне осеннего, грустного пейзажа умирающей природы группа бледных взволнованных людей. Кругом полная тишина, и сквозь туман вдали виднеется горный лес в своем золотистом уборе. В воздухе пахнет умирающими цветами... Когда отец заметил меня, то сделал несколько шагов навстречу, и только теперь я увидел, до чего он изменился, как все дрожало в его осунувшемся и потемневшем лице. Видно было, что он страдая сдерживался, было жаль на него смотреть».

Вильгельм рассказывает сыну, что происходит, и говорит, что в случае отречения от императорской короны он сохранит за собой престол Пруссии.

Беседу прерывает Гренер:

— Полковник Хейе может доложить итоги совещания вызванных с фронта офицеров.

На первый вопрос — пойдет ли армия за кайзером для «отвоевания родины» — из 39 присутствовавших лишь один ответил «да», двадцать три офицера сказали «нет», а пятнадцать считали сомнительным, что армия пойдет за кайзером. На второй вопрос — будет ли армия сражаться против большевизма — восемь офицеров от-

ветили отрицательно, двенадцать сказали, что нужен длительный отдых, чтобы подготовить войска для такой борьбы, а девятнадцать считали сомнительным, чтобы их войска целиком или частично сражались против большевизма.

Когда Хейе умолкает, Вильгельм спрашивает:

— Могу ли я остаться при армии?

Хейе:

— Армия верна вашему величеству, но думает только о мире и не пойдет против родины, против революции.

Шуленбург возражает Хейе:

— Мы хорошо знаем свои войска, они не нарушат присяги и не покинут своего вождя и государя.

Гренер презрительно пожимает плечами и говорит:

— Присяга! Верховный вождь! Ведь это только одни слова, и ничего больше. Одна отвлеченная идея, а тут вопрос должен разрешаться практически.

Рейхсканцлер снова звонит из Берлина: требуется немедленное отречение.

Вильгельм продолжает судорожно цепляться за трон, снова спрашивает Хейе:

— Скажите, полковник, без меня армия пойдет на родину в порядке?

Вильгельм слышит сразу два ответа.

Шуленбург:

— Нет!

Гренер:

— Да!

Вильгельм:

— Я решаю отречься от императорской короны. А как король Пруссии я отправлюсь в прусскую дивизию и с нею мирно вернусь на родину.

Он приказывает подготовить соответствующий акт. «Голос моего отца дрожал от волнения... Все присутствующие молчали. Государь остался одиноким... Здесь, как и внутри империи, все было разрушено и разбито, все тоже потеряли голову».

Вильгельм удаляется в свои покои, а Гинденбург и Гренер возвращаются в ставку.

Из Берлина приходит экстренное сообщение: рейхсканцлер объявил об отречении Вильгельма и от импера-

торской и от прусской короны и о таком же отречении кронпринца от престолонаследия. Канцлером назначен Эберт, и провозглашена республика.

Итак, свершилось! С Гогенцоллернами покончено.

4

Гинденбург и Гренер покинули виллу Френез, не добившись от императора ясного ответа: намерен ли он немедленно покинуть Германию или настаивает на том, чтобы сохранить прусскую корону. В таких критических обстоятельствах у Гренера созревает важное решение.

Необходимо вступить в соглашение с новым правительством, социал-демократическим правительством республики. Ведь грозный вал революции уже докатился до ставки. Солдатский Совет создан в отделе радиосвязи, в других воинских командах сильное возбуждение. Есть только одна сила, размышляет Гренер, которая способна предотвратить анархию. Это офицерский корпус. Но уже давно назрел кризис доверия между офицерами и солдатской массой, жаждущей мира. Необходимо спасти офицерский корпус и от физического истребления восставшими массами, и от внутреннего разложения. Необходимо сохранить и укрепить власть офицеров не только для безопасного отвода армии с фронта, но и для будущего возрождения мощи Германии.

Так размышляет Гренер в своем кабинете, в то время как на вилле Гинденбург сообщает Вильгельму, что положение быстро ухудшается и императору нужно немедленно уезжать в нейтральную Голландию.

Перепуганный Вильгельм приказывает принять «подготовительные меры» к отъезду и приготовиться для отражения возможного нападения на виллу. Ведь вызванная накануне для охраны императора вторая гвардейская дивизия ненадежна, в ней появились признаки революционного возбуждения.

Пока Вильгельм помышляет о спасении своей драгоценной особы, Гренер принимает меры для спасения основы германского могущества — офицерского корпуса.

Он звонит новому рейхсканцлеру социал-демократу Эберту.

— Гинденбург готов остаться во главе верховного командования, чтобы отвести армию на родину в порядке. Верховное командование будет сотрудничать с новым правительством, чтобы предотвратить гражданскую войну и восстановить порядок.

— Как вы будете держать себя по отношению к рабочим и солдатским Советам? — задает вопрос Эберт.

— Дано указание вести с ними дела полюбовно.

— Чего вы ждете от правительства? — спрашивает Эберт.

— Фельдмаршал ждет от правительства поддержки офицерского корпуса — в его усилиях сохранить дисциплину и твердый порядок в войсках. Он ждет, что будет обеспечено снабжение армии и предотвращено нарушение железнодорожного движения.

— Что еще? — следует новый вопрос Эберта.

— Офицерский корпус ждет, что правительство справится с большевизмом, и отдает себя в его распоряжение.

Возникает пауза, затем Эберт говорит:

— Передайте господину фельдмаршалу благодарность правительства.

Союз германского милитаризма с вождями социал-демократии — против революции — заключен.

«Прежде всего, — рассказал сам Гренер, — речь шла о том, чтобы вырвать в Берлине власть у рабочих и солдатских Советов. Для этого было запланировано вступление в Берлин войск численностью в 10 дивизий. Народный уполномоченный Эберт был вполне с этим согласен. Независимые народные уполномоченные потребовали, чтобы войска вступали без боеприпасов. Мы, конечно, немедленно воспротивились этому требованию, и господин Эберт дал, разумеется, согласие на то, чтобы войска вступали в Берлин с боеприпасами. Мы разработали программу действий. В этой программе было расписано по дням, что следует предпринять: разоружение Берлина, очистка Берлина от спартаковцев и т. д. ...Эта программа была разработана в контакте с господином Эбертом и с его согласия».

Эту программу кровавого подавления революции кайзеровские генералы совместно с социал-демократическими лидерами и выполнили в январе 1919 года...

5

В 7 часов вечера Вильгельм наконец покидает виллу Френез и переходит в стоящий наготове поезд.

Войдя в салон-вагон, он напыщенно заявляет, что не оставит армии, и приказывает подать ужин.

В 10 часов вечера Гинденбург телефонирует, что мятежные войска уже недалеко от Спа, а путь к фронту занят революционными отрядами.

Вильгельм вмиг избавляется от позерства и фразерства.

В 5 часов утра 10 ноября его поезд направляется к голландской границе.

В 8 часов утра к пограничному пункту прибывает автомобиль. Вильгельм и сопровождающие его лица выходят из машины и подходят к таможенному чиновнику.

Вильгельм отдает шпагу. Долгие часы под проливным дождем ждет он на крохотной станции, пока голландское правительство по телефону упрашивает лорда Бентинка, чтобы он разрешил временно поместить бывшего императора в его замке Амеронген. И лишь через 40 часов после бегства из Спа экс-кайзер нашел приют в замке Бентинка.

Теперь он в безопасности и вновь становится самим собой. За обедом, который предложили ему Бентинк, и хозяева и нежданные немецкие гости чувствуют себя мучительно неловко и не смеют глаз поднять от тарелок.

Один экс-кайзер говорит, говорит много и охотно, с одушевлением. И жадно ест.

Он умер 4 июня 1941 года, прожив в изгнании почти четверть века...

Геббельс на очередной министерской конференции указал, как освещать в прессе это событие: не слишком обширно, не более нижней части первой страницы газеты. А содержание комментариев Геббельс определил так: «Несомненно, что кайзер хотел добра, но его режим и его личность не обеспечили, чтобы имперские интересы были так представлены, как это гарантировано теперь в национал-социалистском государстве. А в истории решает не добрая воля, но большая мощь. . .»

Так проводили в могилу кайзера его преемники и наследники, взявшиеся осуществлять то, что ему не удалось...

III

1000 ЛЕТ И 10 ДНЕЙ

Сегодня я впервые заявляю, потому что я могу сегодня это заявить, что этот противник (СССР) окончательно разбит и никогда больше не воспрянет.

Гитлер, речь по радио 3 октября 1941 года

Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандующему Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

8 мая 1945 г., Берлин. От имени Германского Верховного Командования Кейтель, Фридебург, Штумпф

1

40 ступенек ведут под землю на глубину 8 метров в двухэтажный бункер под двором имперской канцелярии. Толщина железобетонных перекрытий достигает почти 5 метров. Под ними — последнее убежище «фюрера», Евы Браун, 29 апреля ставшей его женой, Геббельса, его жены и их шестерых детей, Бормана, начальника генерального штаба Кребса, адъютантов, секретарей, личных слуг Гитлера. Широкий коридор идет от солдатского буфета к личным апартаментам Гитлера. Перед дверью — четыре до зубов вооруженных офицера СС. За дверью приемная длиной 7 метров, шириной 3 метра. Во всю длину стены справа — коричневая скамья. Над ней висят шесть небольших хороших картин старых итальянских мастеров. У противоположной — стол, скамья и четыре стула в крестьянском стиле. Налево дверь в личные комнаты Гитлера, направо — в комнату для совещаний.

В спальне Гитлера — на стене портрет Фридриха II. Шкаф с одеждой. Софа у стены. Перед ней небольшой стол, два стула по бокам.

Здесь и провел Гитлер последние недели и дни своей жизни.

«Если выразить мои впечатления кратко, то это был человек, знавший, что он проиграл игру, и не имевший больше сил скрыть это. Физически Гитлер являл собой страшную картину: он передвигался с трудом и неуклюже, выбрасывая верхнюю часть туловища вперед, волоча ноги... С трудом он мог сохранять равновесие. Левая рука ему не подчинялась, а правая постоянно дрожала... Глаза Гитлера были налиты кровью. С уголков его губ стекала слюна — жалкая и отвратительная картина».

Таким увидел «фюрера» 25 марта 1945 года офицер генерального штаба, опубликовавший свои заметки анонимно.

«За столом с картами сидел фюрер Германии. При моем появлении он повернул голову. Я увидел распухшее лицо с глазами лихорадочного больного. Фюрер попытался встать. При этом я, к ужасу своему, заметил, что его руки и одна нога непрестанно дрожали. С большим трудом ему удалось подняться. С искаженным лицом он подал мне руку».

Таким увидел «фюрера» 23 апреля генерал Вайдлинг.

«Он еще больше сгорбился и еще сильнее волочит ноги, чем раньше. Неестественный блеск глаз исчез. У него обрюзгшее лицо, и он действительно производит впечатление больного старика».

Таким увидел «фюрера» 24 апреля офицер генерального штаба Больдт.

«Фюрер совершенно сломлен» — эти слова генерала ВВС Кристиана лучше всего завершат описание физического и морального состояния Гитлера.

20 апреля 1945 года. 56-летие Гитлера.

18 апреля американские войска ликвидировали окруженную в Рурской области группу армий «Б».

Двадцать одна дивизия — 325 тысяч взяты в плен. 19 апреля войска английской 12-й группы армий вышли на Эльбу.

Нюрнберг, город съездов нацистской партии, Гитлер

приказал защищать до последнего патрона. В день рождения «фюрера» город был взят американцами.

А на востоке одни советские части уже перешли Шпрее, прорвали сильно укрепленную полосу Зееловских высот, двигались к Берлину. Другие советские части к югу от Берлина прорвались в район города Барута, в 18 километрах от Цоссена, где размещались генеральный штаб сухопутных войск, ставка ОКВ и штаб оперативного руководства. Этот центр вооруженных сил Германии бежит из Цоссена без оглядки.

«Начинается последний акт драматической гибели германских вооруженных сил».

Так эпически бесстрастно сказано в записи от 20 апреля в «Дневнике военных действий ОКВ».

А Гитлер?

«Гитлер не хочет сдаваться. Он агитирует за фактическую борьбу до последнего человека», — значится в этой же записи.

Борман меланхолически записывает в дневник: «Сегодня день рождения фюрера. К сожалению, положение не праздничное».

Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на две фотографии. У стены полуразрушенной бомбами имперской канцелярии выстроились — не солдаты, нет, а юнцы из «гитлерюгенд». Их совсем немного, среди них — подростки 14—15 лет. Как далеки они от тех солдат, каких видел Гитлер 5 лет назад!

В застегнутой шинели, с поднятым воротником, с руками за спиной (чтобы не было видно их дрожание), в надвинутой на лоб фуражке он обходит жидкий строй своего последнего резерва.

А на другой фотографии он награждает наиболее отличившихся юнцов Железным крестом. Приколов орден к груди, он треплет по щеке награжденного мальчишку.

Церемония продолжается в имперской канцелярии. Последний раз собрались здесь почти все главари «рейха»: Геринг, Гиммлер, Борман, Кейтель, Иодль, Дениц, Шпеер. Они жмут руки своему фюреру, но на уме у них только одно: как бы поскорее выбраться из западни, какой становится Берлин.

Накануне вечером из полуразрушенного здания у Бранденбургских ворот Геббельс произнес речь в честь

дня рождения Гитлера. Едва он начал говорить, как вблизи дома разорвался тяжелый снаряд. Геббельс прикрыл микрофон рукой, чтобы до радиослушателей не донесся зловещий аккомпанемент к его речи.

Геббельс заклинал берлинцев покорно, безропотно подчиниться той участи, которая им уготована Гитлером.

Познакомившись с сообщениями о новых прорывах советских танков к северу, востоку, югу от столицы, убедившись, что Берлин будет неизбежно окружен, он решает вести битву за Берлин «до последнего патрона и последнего человека». Он приказывает превратить наспех собранные к северо-востоку части под командованием Штейнера в «армию», а Штейнеру — наступать на юг, навстречу 9-й (уже почти окруженной) и 4-й танковой армиям.

«В этих лишенных всякой реальной основы выдумках Гитлер и провел свой последний день рождения», — замечает генерал Типпельскирх в «Истории второй мировой войны».

А берлинцы в это время могли вдохновляться развешанными по городу плакатами. На руинах домов висел огромный транспарант:

«За это благодарим мы фюрера.

Д-р Геббельс».

2

21 апреля, суббота.

Как крысы с тонущего корабля, бегут из Берлина главари государства и партии. Риббентроп уезжает на север, оставляя при Гитлере своего представителя Хевеля. На север Германии отбывает и Гиммлер, оставив в бункере своего уполномоченного Фегелейна (он женат на сестре Евы Браун). А Геринг отправляется на юг, в Берхтесгаден. За ним следуют грузовики с имуществом из его замка Каринхолл. Когда он проезжает по улицам Берлина, звучат сигналы воздушной тревоги. Геринг немедленно скрывается в бомбоубежище. Находящиеся там берлинцы приветствуют его дружески, и толстый рейхсмаршал шутливо говорит:

— Теперь, друзья мои, вы уже можете называть меня Мейером.

В начале войны Геринг поклялся, что ни одна бомба не упадет на Берлин. А если это случится, то пусть его зовут Мейером...

В ранние часы 21 апреля Хевель просовывает голову в дверь комнаты Гитлера и говорит:

— Мой фюрер, сейчас без пяти минут двенадцать часов (Хевель разумел не физическое время, а политическое — роковой двенадцатый час). Если вы намерены еще достичь чего-либо с помощью политики, то позже ничего невозможно будет сделать.

Гитлер тихо, изменившимся голосом отвечает:

— Политика? Больше я политикой не занимаюсь. Она мне опротивела. Когда я буду мертв, вам много придется заниматься политикой.

Но Гиммлер еще верит в политику, — вернее, в возможность расколоть антигитлеровскую коалицию и добиться соглашения с западными державами. Он и покинул Берлин, чтобы вдали от «фюрера», без его ведома продолжить начатую еще в 1943 году попытку нащупать «мост на Запад». В начале 1945 года через шведа врача Керстена ему удалось установить контакт с родственником шведского короля графом Фольке Бернадоттом.

Гиммлер просил Бернадотта стать посредником между Германией и США.

13 апреля, когда стало известно о смерти Рузвельта, Гиммлер срочно вызвал к себе Вальтера Шелленберга, начальника управления заграничной разведки в Главном управлении имперской безопасности.

Уйдя с ним в лес, «верный Генрих» (так его называл Гитлер) сказал:

— Шелленберг, я не думаю, что мы сможем дальше продолжать с фюрером. Не думаете ли вы, что де Гринис прав?

Де Гринис, руководитель психиатрического отделения берлинской больницы «Шарите», незадолго до этого говорил Шелленбергу, а затем и самому Гиммлеру, что, по его мнению, фюрер тяжело и неизлечимо болен.

И вот теперь Гиммлер спрашивает своего помощника, что делать?

— Я убежден, — отвечает тот, — что вам давно пора действовать.

Гиммлер колеблется. Ведь не может же он дать яд Гитлеру или арестовать его. Шелленберг советует явиться к фюреру и заставить его отречься.

— Но тогда с фюрером случится припадок бешенства, и он застрелит меня на месте.

— А против этого нужно заранее принять меры. У вас есть достаточно высоких эсэсовских чинов, способных подготовить и осуществить такой арест!

Полтора часа в лесу обсуждал начальник тайной полиции «третьей империи» проблему — что делать с «фюрером», но так и не решился ни на что.

А теперь, после траурного празднования дня рождения Гитлера, Гиммлер считает, что у него развязаны руки. Ведь Гитлер — конченый человек.

Прибыв в Любек, Гиммлер вызывает к себе Бернадотта и возобновляет разговор об обращении к западным державам с предложением о капитуляции.

А Шелленбергу он говорит, что возьмет власть в свои руки, и поручает ему составить проект названия для новой партии.

3

В Берлине в бункере Гитлер, не подозревающий о действиях своего верного обер-палача, весь день 21 апреля мечется от отчаяния к вере в «чудо» и снова к отчаянию.

Ранним утром его будят, чтобы сообщить: Берлин обстреливается русской артиллерией.

Гитлер бросается к телефону, звонит в штаб военно-воздушных сил (люфтваффе), вызывает генерала Коллера:

— Вы знаете, что Берлин находится под артиллерийским обстрелом?

— Нет.

— Вы ничего не слышите?

— Нет!

— Сильное возбуждение в городе из-за артиллерийского огня. Это, несомненно, тяжелая батарея на платформах. У русских, должно быть, есть мост через Одер.

Приказываю люфтваффе немедленно обнаружить и подавить батарею.

Коллер отвечает, что у русских нет такого моста и огонь ведут орудия среднего калибра, которые уже проникли в город. Гитлер не соглашается и настаивает на своем приказе: немедленно уничтожить батарею с воздуха.

Он вешает трубку, но вскоре снова звонит, и еще много раз звонит и в штаб Коллера, и в другие штабы, с которыми еще сохраняется связь. Он задает нескончаемые вопросы, на которые никто не может ответить; отдает бесконечные распоряжения, которых никто не может выполнить. Чего же он добивается? Каков его план?

Об этом он сказал Иодлю, который убеждал его уехать из Берлина на юг Германии и оттуда руководить дальнейшей борьбой:

— Я буду сражаться в Берлине до тех пор, пока хоть один солдат со мной. Когда меня покинет последний солдат, я застрелюсь.

Пока Гитлер строит свои фантастические планы, советские войска завершают окружение 9-й армии, врываются с юга, востока, севера в дальние пригороды Берлина, уничтожают окруженную у Шпремберга группировку, которую Гитлер приказал снабжать с воздуха.

22 апреля.

Коллер продолжает получать одно распоряжение за другим. В 5 часов 30 минут, когда рассвело, он записывает:

«Какое безумие все это! Что за судьба у нас!»

По приказу Гитлера он отправляет в Берлин в бункер генерала Кристиана и приказывает подготовить эвакуацию штаба люфтваффе, так как советские войска приближаются к его расположению.

Из бункера все утро звонят: что Коллеру известно о наступлении Штейнера?

Коллер отвечает: наступление еще не начиналось. Гитлер не верит, требует проверки и уточнения.

Из штаба дивизии «Герман Геринг» извещают, что войска Штейнера могут быть готовы к началу действий не раньше вечера.

А Гитлер ждет начала наступления не позже чем к полудню.

На 15 часов назначено обсуждение военного положения, а наступление Штейнера, уверен «фюрер», есть ключевое, решающее действие.

Совещание начинается докладом Кребса — о ходе битвы вокруг Берлина и в самом городе.

Гитлер прерывает Кребса — он хочет знать: как обстоит дело у Штейнера?

— Наступление еще не начиналось, — слышит он ответ. А поскольку некоторые части из Берлина были отправлены к Штейнеру, то русские с севера и северо-востока проникли в пригороды столицы.

Гитлер прерывает Кребса и удаляет из комнаты всех, кроме Кейтеля, Кребса, Иодля, Бургдорфа и Бормана.

Он вскакивает и начинает кричать и неистовствовать. Его лицо становится багровым, руки, ноги, голова дрожат; голос прерывается.

— Все пропало! Война проиграна. Я не могу больше командовать!

Он вопит об измене, трусости, неповиновении. Он обвиняет генералов в предательстве. Войска СС тоже изменили ему. Заканчивает он тем, что выполнит данную ранее клятву, останется в Берлине со своими верными берлинцами и умрет здесь сражаясь. Этим он сослужит последнюю службу нации. А кто хочет, пусть покидает Берлин.

«И затем происходит нечто для присутствующих непостижимое, чего они за ним не знали. Гитлер медленно опускается на свой стул, и начавшийся так бурно взрыв заканчивается полным крушением. Съежившись, он всхлипывает как дитя.

Присутствующие пять минут пребывают ошеломленные, в полном молчании».

Так со слов Кребса описывает эту сцену Больдт.

В 0 часов 15 минут 23 апреля Коллер прибыл в Крампнитц к Иодлю.

Иодль рассказал ему подробно о том, что происходило на совещании накануне днем.

Коллер спросил:

— Что же теперь будет? Быть может, Гитлер изменит свое решение?

— Об этом не может быть и речи!

— Что же будет делать ОКВ?

— ОКВ собирается здесь, в Крампнитце, затем переберется на север. Мы повернем 12-ю армию против левого фланга 3-й русской танковой армии, не обращая внимания на то, что предпримут американцы на Эльбе. Может быть, мы этим покажем, что хотим сражаться только против Советов.

Коллер на это сказал:

— Если поворачивать войска Западного фронта на Восток, то необходимо вступить в переговоры с западным противником.

Иодль ответил: придется обождать и посмотреть, что будут делать американцы.

В 15 часов Кейтель и Иодль последний раз были в имперской канцелярии, где доложили Гитлеру о принятых ими мерах.

Гитлер, который накануне заявил, что вследствие своего плохого физического состояния сражаться не может, отдает приказ:

«Солдаты армии Венка! Приказ огромного значения отозвал вас из районов наступления против нашего западного врага и направил на Восток. Ваша задача ясна. Берлин останется немецким. Поставленные вам цели должны быть достигнуты при любых обстоятельствах, так как и с другой стороны идут операции, цель которых в борьбе за столицу империи нанести большевикам решающее поражение и коренным образом изменить положение Германии. Берлин никогда не капитулирует перед большевизмом. Защитники Берлина, узнав о вашем быстром продвижении, обретут новую бодрость и будут сражаться упорно и ожесточенно с верой вскоре услышать гром ваших орудий. Фюрер вас призвал: будьте, как во все времена победы, готовы к штурму. Берлин вас ждет, Берлин с горячим сердцем стремится вам навстречу».

Так Гитлер обманывает солдат. Он хочет, чтобы люди безропотно умирали, — хотя он уже признал, что война проиграна.

С этим приказом Кейтель и Иодль покидают «фюрера», которого они больше никогда не увидят.

В бункере появляется новый участник финального акта драмы — генерал Вайдлинг. Его 56-й танковый корпус, входящий в 9-ю армию, отступил к Берлину и полу-

чил приказ уйти из Берлина. «У нас отлегло от сердца (говорит Вайдлинг в воспоминаниях) — мысль о необходимости драться в развалинах Берлина удручала нас».

Но радость была недолгой. Вайдлинг получает известие, что Гитлер за самовольное отступление приказал расстрелять его и назначил нового командира корпуса. . . Вайдлинг немедленно отправляется в бункер «фюрера». Генерал Кребс принимает его очень холодно. Вайдлинг разъясняет, что вовсе и не думал отступать из Берлина, но что об этом получен приказ 9-й армии. Кребс идет к Гитлеру с докладом. Гитлер требует Вайдлинга к себе. Поздоровавшись с ним, «фюрер» произносит большую речь о наступлении Венка и Штейнера.

«Все с большим и большим изумлением слушал я разглагольствования фюрера... Было ли все это действительностью или сном?» — вспоминает Вайдлинг.

В эти же вечерние часы 23 апреля Больдт получает приказ из расположения генерального штаба сухопутных войск отправиться в Берлин, в бункер «фюрера».

Через Потсдам, Крампнитц, Кладов он въезжает в город.

«На широкой магистрали «Ост-Вест» нам никто не попадается навстречу. Только иногда видишь, как чья-то тень скользнет от одного подвала к другому. Чем ближе к центру, тем пустыннее кажется город».

Больдт подъезжает к имперской канцелярии.

«Кругом ни души. Перед входом, предназначенным для партии, кучи щебня от обрушившегося здания. У входа для вооруженных сил стоят машины, но часовых нет.

Тишину прорезывает зловещее гудение, и сейчас же раздается оглушительный взрыв тяжелого снаряда. Он упал, видимо, недалеко от Потсдамской площади. Через несколько минут падает еще один снаряд, на этот раз немного дальше».

А восточные и северные окраины города, Панков, Кепеник уже заняты советскими войсками. Идут ожесточенные бои на Тельтовканале, прикрывающем центральную часть города с юга. Столбы и деревья в обороняющихся районах Берлина увешаны трупами: эсэсовцы расправляются с каждым, кого подозревают в нежелании «сражаться за фюрера».

24 апреля.

Любек. Шведское консульство. 3 часа ночи. Гиммлер у Бернадотта.

— В течение самое большее одного-двух дней фюрер закончит жизнь в этой драматической борьбе, — говорит «верный Генрих» и просит Бернадотта немедленно сообщить Эйзенхауэру, что Германия готова капитулировать перед западными державами, а на Востоке немцы будут сражаться до тех пор, пока не подойдут войска США и Англии и не выступят против большевиков.

Бернадотт просит письменно изложить эти предложения. При свете свечи, под грохот воздушной бомбардировки Гиммлер составляет документ и вручает его Бернадотту. В томе VI серии «Большая стратегия», входящей в официальную британскую «Историю второй мировой войны», на стр. 152 русского перевода можно прочесть: «Вместо того, чтобы заключить мир с Германией с целью создать более благоприятные условия для противодействия русским, западные союзники стремились возможно скорее овладеть Германией, чтобы создать базу для ведения переговоров с Россией с позиции силы» (подчеркнуто мной. — *М. Г.*).

Вот об этом и не догадывался Гиммлер, передавая Бернадотту свои предложения.

«Около половины шестого утра 24 апреля, — вспоминал Больдт, — меня несколько неделикатно разбудили взрывы 5 или 6 тяжелых снарядов русской артиллерии. К 6 часам снаряды стали ложиться аккуратно через каждые три минуты... С самого рассвета русские начали наступление после непродолжительной артиллерийской подготовки. Через несколько часов мы получили известие, что русские перерезали последний путь на северо-запад. Берлин был окружен со всех сторон».

В это раннее утро 24 апреля я из Штраусберга ехал в «имперскую столицу» Гитлера. На шоссе — сплошной поток машин, направляющихся в Берлин. Навстречу — тоже сплошной поток пешеходов с ручными тележками, тачками, детскими колясками, даже повозками. Это освобожденные нашими войсками иностранные рабочие, насильственно согнанные в Германию, заключенные

концлагерей, военнопленные: американцы, англичане, французы. Великий исход народов Европы из фашистской неволи!

Идут молодые мужчины и старики, женщины и дети. Группа голландцев тащит доверху нагруженную чемоданами тачку. Мужчины — в рабочих комбинезонах, один — в пижаме, у всех на головах блестящие черные цилиндры. Они поют и даже пританцовывают на ходу. Курица восседает на верху тележки, которую везет французская семья. Девочка, сидя на телеге, которую тащат трое мужчин, держит на коленях огромную куклу. Собачка, тщательно завернутая в портплед, — ее несет старушка итальянка. Кошка — в клетке для попугая...

Чем ближе к Берлину, тем гуще толпа освобожденных из немецкого плена европейцев. Они выкрикивают приветствия, машут шапками и платками, показывают пальцами знак победы — V.

Столб, на нем доска, на ней написано: «Город Берлин». Черта города... Мы — в Берлине!.. Шоссе. Виллы. Машины. Люди с флагами. Это не сон, а явь... Мы в Берлине. Широкая улица Альт-Фридрихсфельде. Дома в основном целы. По улицам снуют немцы с детьми, с нагруженными тележками. Они движутся от пригородов к центру. Невдалеке гремит бой, но люди, едва битва завернет за угол, торопятся на свое насиженное место.

В 10 часов 30 минут начинается очередное совещание у Гитлера. Кребс делает доклад. Южнее Штеттина советские танки прорвали фронт, продвинулись на 50 километров, и это грозит катастрофой для сражающейся там 3-й танковой армии.

Гитлер говорит отрывисто, запинаясь:

— Так как река Одер — большое естественное препятствие, то весь успех русских объясняется бездарностью германских генералов.

Кребс осторожно возражает. Гитлер его не слушает и отдает еще один фантастический приказ о наступлении 3-й армии.

Совещание окончено. Гитлер приказывает вызвать в бункер Вайдлинга.

Когда он прибывает, Кребс объясняет:

— Вчера вечером вы произвели благоприятное впе-

чатление на фюрера, и он назначаёт вас командующим обороной Берлина.

— Вы бы лучше расстреляли меня, — отвечает пораженный Вайдлинг.

Гитлер отдает приказ 12-й армии наступать на Берлин с запада и юго-запада.

«Но к этому моменту, — отмечено в «Дневнике военных действий», — 12-я армия уже больше не в состоянии создать сплошной фронт, обращенный на восток. Наступление на противника приходится вести отдельными боевыми группами. . .»

Командующим войсками в Южной Германии, Италии, Богемии, Австрии, на Балканах рассылается директива: бросить все имеющиеся в их распоряжении силы на восток, против советских армий, не обращая внимания на то, что войска Эйзенхауэра могут овладеть значительной территорией. . .

5

25 апреля.

Из квартиры, где я провел ночь, спускаюсь в бомбоубежище, расположенное под домом. Горит коптилка — тока нет давно. Двухэтажные нары вдоль стен, столы, табуреты, стулья. Чемоданы, сундуки. Лежат старики и больные. Спертый воздух, грязь. Так живут берлинцы уже много месяцев. В свои квартиры они заходят днем на короткое время. На всех лицах бесконечная усталость, тупое безразличие. Едва я вошел, меня обступили: что с войной?

У меня в руках небольшой двухстраничный листок — последний номер «Фелькишер беобахтер». Его подобрали на улице наши разведчики.

Я читаю воззвание Геббельса. Он требует от берлинцев сражаться за Берлин, не щадя сил, чтобы «о стены столицы разбился большевистский штурм». Люди слушают хмуро, молчат.

Когда я ухожу, со мной во двор поднимается человек лет 55, без правой руки (уже, видимо, отвоевался), и показывает на три огромные буквы, выведенные на стене: PST.

Так власти напоминали берлинцам о необходимости молчать... молчать... молчать...

В 22 часа в бункер прибывает Вайдлинг с докладом о ходе «битвы за Берлин». Генерал знает: борьба за Берлин безнадежна. Но он этого не говорит и молча слушает Гитлера, который снова и снова кричит, что решил либо победить в Берлине, либо погибнуть.

Первые тяжелые снаряды падают на территорию имперской канцелярии.

В бункер поступают одно за другим известия о катастрофе на Одере южнее Штеттина, о провале наступления 3-й армии, о продвижении советских войск к последним берлинским аэродромам Темпельгоф и Гатов.

«Сообщения о быстром ухудшении нашего положения, — говорит Больдт, — распространились в убежище с быстротой молнии. Командиры СС, которые нас раньше почти не замечали или обращались с нами свысока, вдруг стали воплощением любезности. Вчера еще державшиеся столь вызывающе, они нуждались теперь в утешении...»

26 апреля.

«Во всех предместьях города идут ожесточенные уличные бои. Противник занял Целлендорф, Штеглиц и находится в южной части аэродрома Темпельгоф. Идут бои в районе Силезского и Герлицкого вокзалов. В Шарлоттенбурге также идут бои» («Дневник военных действий ОКВ»).

Варшауэрштрассе — в районе Александерплац, где наши части штурмуют сильно укрепленные немецкие позиции у здания полицейпрезидиума.

На КП корпуса, расположившемся в нижнем этаже огромного жилого дома, генерал рассказывает о ходе боев. Вдруг звонит городской телефон. Мы переглядываемся, затем приехавшая со мной представительница VII отдела снимает трубку и говорит по-немецки:

— Вас слушают.

— Сударыня, я говорю из бункера фюрера. Русские уже были у вас?

— Они уже тут...

Мгновенно раздаются короткие гудки. «Там» положили трубку.

...Лангештрассе минувшей ночью была ареной оже-

сточенного боя. Догорают два дома. Улица усеяна обломками. У стен сложены трупы немецких солдат. На столбе висит юноша, почти мальчик, на груди — доска с надписью: «Я предал родину и фюрера»... Кругом стоят старики, женщины. Угрюмо молчат. Грохочет за углом советская батарея. Старик с повязкой Красного Креста — это немецкий врач — идет в убежище под домом, там лежат раненые.

Подъезжает наш мотоциклист, расклеивает на стенах приказ — первый приказ первого советского коменданта Берлина генерал-полковника Берзарина, командующего армией. Мгновенно у приказа собирается толпа.

— «Приказ коменданта города Берлина генерал-полковника Берзарина», — читает кто-то вслух по-немецки. Эти немецкие слова — «комендант города Берлина генерал-полковник Берзарин» — раздаются на фоне уличного боя, в центре Берлина, утром 26 апреля 1945 года.

Советский комендант гарантирует мирному населению Берлина безопасность и жизнь, приказывает продолжать снабжение жителей по существующим карточкам на основе имеющихся норм...

Женщина, прочтя этот пункт, горько смеется:

— Мы уже забыли, когда получали что-нибудь. Даже хлеб — всего полтора кило на неделю — много дней не выдавался...

6

Три четверти Берлина уже в наших руках. А Гитлер все еще надеется, что 12-я и 9-я армии, наступая друг другу навстречу, освободят Берлин.

«Настало время расплачиваться за грехи прошлых лет.

По Потсдамерплац и Лейпцигерштрассе велся сильный артиллерийский огонь. В воздухе, как густой туман, стояла кирпичная и каменная пыль. Машина, в которой я ехал, могла двигаться только медленно. Снаряды рвались со всех сторон. Вблизи замка (императорский дворец) мы оставили машину и прошли пешком последний отрезок пути. На Александерплац мы должны были перебежками добраться до метро, чтобы укрыться от огневого налета русских минометов. В просторной двухэтаж-

ной станции метро население искало защиты. Массы перепуганных людей лежали и стояли, тесно прижавшись друг к другу. Это была потрясающая картина».

Так вспоминал об этом дне генерал Вайдлинг.

«Сообщения, поступающие из города, становятся все ужаснее, — записывает Больдт. — Почти 8 дней без перерыва в центре города женщины, дети, старики и раненые не выходят из подвалов. Жажда хуже голода. Уже несколько дней нет воды. К тому же непрекращающиеся пожары, дым, проникающий в подвалы, и горячее апрельское солнце. На станциях метро лежат сотни тысяч раненых солдат и жителей города».

И все это ради «сумасшедшей идеи», по выражению Вайдлинга. Но ни он, ни Больдт, никто из тех, кто понимает, видит это, не осмеливается прекратить безумие, обуздать преступного виновника бессмысленной бойни...

Вечером в бункере появляются генерал авиации Риттер фон Грайм и летчица Ханна Райч, известная и своей дерзкой храбростью, и своей фанатической преданностью Гитлеру.

Так как аэродромы Берлина либо уже заняты советскими войсками, либо находятся под обстрелом, то их самолет совершил посадку на автостраде «Ост-Вест», вблизи Бранденбургских ворот, но попал под обстрел, и Грайм был ранен в ногу.

Гитлер приглашает к себе Ханну Райч.

Очень тихо он говорит:

— Ханна, вы принадлежите к тем, кто умрет со мной. У каждого из нас есть ампула с ядом.

Он дает ампулу Ханне и продолжает:

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь из нас попал в русские руки, и я не хочу, чтобы наши тела достались русским. Тела Евы и мое будут сожжены.

Ханна, плача, опускается в кресло и сквозь рыдания говорит:

— Мой фюрер, зачем вы здесь остаетесь? Почему вы хотите лишить Германию ее фюрера? Спасайтесь!

— Нет, моя дорогая, я умру ради чести своей страны. Но все же у меня есть еще надежда. Армия Венка идет с юга. Он отбросит русских. И тогда мы воспрянем.

Он шагает по комнате быстрыми, но спотыкающимися шагами, держа руки за спиной, а голова то поднимает-

ся, то опускается... И хотя он говорит о надежде, но на лице его написано, что все пропало.

Так описывает Ханна Райч эту встречу с Гитлером в бункере вечером 26 апреля.

В 22 часа 15 минут прибывает сообщение, что части 9-й армии, пытающиеся наступать в направлении Берлина, несут большие потери и не могут продолжать наступление. Гитлер приходит в ярость и приказывает вновь сформированному штабу 21-й армии остановить советское продвижение. Но в распоряжении штаба армии никаких войск нет.

7

27 апреля.

В 6 часов утра, когда Больдт проснулся, «удушливый запах серы и известковая пыль наполняли комнату. Вентиляторы перестали работать. Наверху начиналось настоящее пекло. Снаряд за снарядом взрывались на территории имперской канцелярии. Все бомбоубежище ходило ходуном, как при землетрясении».

На совещании Вайдлинг докладывает о катастрофическом состоянии снабжения войск боеприпасами. Аэродромы потеряны, надежд на снабжение с воздуха больше нет.

Кребс сообщает, что ни от 9-й армии, ни от Венка нет никаких известий. Группа Штейнера также не действует.

Потрясенный Гитлер долго смотрит на Геббельса, бормочет что-то невнятное. А затем, рассказывает Больдт, «Гитлер отдает самый жестокий из всех своих приказов. Так как русские часто врывались в наши окопы с флангов, заходя в тыл через подземные станции метро, он приказывает открыть шлюзы Шпрее и затопить станцию, расположенную южнее имперской канцелярии. Там остались тысячи раненых, но их жизнь не имела в его глазах никакой ценности. Этих несчастных утопили».

Ошеломленные этим приказом Больдт и другие офицеры, возвращаясь в свои комнаты, говорят о невыносимом положении Берлина.

Больдт ложится на койку, засыпает тяжелым сном... Часа через три его будит сосед:

— Послушай-ка, что происходит рядом.

А там за бутылками сидят Борман, Кребс, Бургдорф. И вот что говорит Бургдорф, старший адъютант «фюрера», начальник управления кадров:

«9 месяцев тому назад я в порыве идеализма со всей энергией приступил к выполнению моих нынешних задач. Я всегда ставил себе целью гармонию между партией и вооруженными силами. Я зашел в этом так далеко, что оторвался от моих товарищей по армии. Они стали презирать меня. Я делал все, что было в моих силах, чтобы рассеять недоверие Гитлера и партийного руководства к армии. В конце концов в армии про меня стали говорить, что я изменил офицерскому сословию. Теперь я вижу, что упреки эти были справедливы, что труд мой напрасен, а идеализм мой был ошибкой и даже больше — был наивен и глуп».

Он с трудом переводит дыхание. Кребс старается его успокоить.

Но Бургдорф продолжает: «Оставь меня, Ганс, надо же хоть раз все высказать. Может быть, через двое суток будет уже слишком поздно. Наши молодые офицеры шли на фронт, исполненные такой веры и такого идеализма, каких не знает история мира. Сотни тысяч их умирали с гордой улыбкой на устах. Но ради чего? Ради любимого отечества, нашего величия, нашего будущего? За достоинство и честь Германии? Нет! За вас умирали они, за ваше благополучие, за вашу жажду власти. Веря в великое дело, молодежь 80-миллионного народа истекала кровью на фронтах Европы, миллионы невинных людей гибли, а вы, партийные руководители, вы наживались на народном горе, вы весело жили, копили огромные богатства, хапали имения, воздвигали дворцы, утопали в изобилии, обманывая и угнетая народ. Наши идеалы, нравственность, веру и нашу душу вы втоптали в грязь. Человек был для вас только орудием вашего ненасытного честолюбия. Нашу многовековую культуру и германский народ вы уничтожили. И в этом ваша чудовищная вина!»

Последние слова генерала прозвучали как проклятие. Наступила тишина. Слышно было, как тяжело он дышал. Затем размеренно и вкрадчиво заговорил Борман:

«Зачем же, милый, ты переходишь на личности? Если другие и обогатились, так ведь я-то здесь ни при чем.

Клянусь тебе всем, что для меня свято... За твое здоровье, дорогой!»

«Всем, что для него свято... всем, что для него свято... Но ведь все же знали, что он приобрел большое имение в Мекленбурге и еще одно в Верхней Баварии, что у озера Химзес он построил роскошную виллу. Вот чего стоила клятва руководителя партии, второго по рангу после Адольфа Гитлера».

Так комментирует ночную беседу гитлеровских приспешников Гергард Больдт, один из тех офицеров, кто преданно служил Гитлеру.

Против Венка брошены крупные советские силы, и нет больше никаких шансов на освобождение Берлина извне.

А Гитлер весь день только и занимается разработкой и уточнением плана действий Венка.

Он шагает по комнате, размахивая картой, которая почти развалилась от стекающего с его рук пота.

Это, говорит Райч, была трагикомическая картина: почти вслепую человек мечется от стены к стене с бумагой в дрожащих руках; затем внезапно останавливается, садится за стол, передвигает по карте флажки, обозначающие несуществующие армии...

«Полностью распавшийся человек», — заключает Райч.

8

Окраина Берлина. Квартира, в которой я провел ночь.

Хозяйка разжигает огонь в плите, начинает стряпать — из продуктов, которые получила по карточке на основании приказа коменданта Берлина генерала Берзарина.

В комнате собрались беженцы — женщины из разных областей Германии. Изможденные, усталые... Берта Кемпф, седая в 30 лет, рассказывает, что она претерпела за последние два года. Бежала из Кельна, потеряв там половину семьи, лишилась мужа на фронте, мать погибла в Берлине 3 февраля утром, когда более тысячи американских «летающих крепостей» обрушили на город многие тысячи тонн бомб. Она проклинает Гитлера.

Фрау Риккерт владела в Касселе отелем. В октябре 1943 года прилетели англичане, обратили в развалины три четверти города. Отель сгорел, и фрау Риккерт бежала в Берлин. Здесь она работает прачкой. И она проклинает Гитлера.

Фрау Гримм смугла и черноволоса. Соседки говорят о ней, что она цыганка. Мужа нет в живых: этот часовой мастер служил санитаром на советско-германском фронте и осенью 1944 года застрелился.

«Сыт войной по горло и предпочитаю сам с собой покончить», — написал он жене, которую оставил с пятью маленькими детьми...

Старик портной Гешке работает теперь в пошивочной мастерской для Красной Армии. Он имел раньше большое дело в Берлине, но еще до войны был вынужден закрыть его и уехать.

— Житья не было с наци, — говорит он. — Приходил блоклейтер (низовой организатор партии) и требовал, чтобы я делал для партии брюки по сорок пять пфеннигов, а цена на эту работу была две с половиной марки. Я говорил, что мне до партии дела нет, я — работаю, я хочу заработать. Вы понимаете сами, что из этого вышло...

Гешке перебрался в Западную Германию, но оттуда его выгнала война, и вот он, всего лишившийся, проклинает Гитлера...

9

29 апреля.

Ураган огня и стали обрушивается на имперскую канцелярию. Верхний слой бетона бункера пробит в нескольких местах. Разбита антенна радиостанции, рвутся последние провода, соединяющие бункер с отдельными районами города. Советские войска находятся уже не более чем в тысяче метров от имперской канцелярии — там, где Вильгельмштрассе пересекается с Бель-Алльянсплац.

Гитлер решает немедленно обвенчаться с Евой Браун. В присутствии Геббельса и Бормана как свидетелей некий Вальтер Вагнер составляет брачный контракт и совершает венчание. Он не требует документов о «чистоте

арийской крови» венчающихся и довольствуется устным заявлением Гитлера и Евы об их арийском происхождении и об отсутствии у них наследственных болезней.

Документ подписан. Гитлер приглашает жену Геббельса, Кребса, Бургдорфа, своего адъютанта полковника Белова, своих секретарш Юнге и Вайхельт, диетическую повариху Манциали отпраздновать свадьбу. Новобрачные и гости подымают бокалы с шампанским в честь «доброго старого времени».

Затем «фюрер» уединяется и сочиняет завещание. В первой части он подробно излагает историю своей политической карьеры вплоть до захвата власти и уделяет особое внимание тому, что он не хотел войны, делал все для сохранения мира, но мировое еврейство жаждало крови немецкого народа и разожгло пожар войны.

Даже глядя смерти в глаза, Гитлер лжет, лицемерит... Он восхваляет немецкий народ, заклинает его «не прекращать борьбы», верить в возрождение нацистского движения и в создание истинной «народной общины».

А ведь только неделю назад он проклинал немецкий народ за трусость и измену, а 18 апреля сказал генералу Хильперту: «Если немецкий народ проиграет войну, он окажется недостойным меня...»

Во второй части завещания Гитлер исключает из партии Геринга и назначает Деница главой империи и верховным главнокомандующим. Исключает он из партии и Гиммлера и снимает со всех постов. Он составляет список нового правительства во главе с Геббельсом как рейхсканцлером и требует от народа и армии повиноваться новому правительству, как повиновались ему.

В 4 часа утра Гитлер зовет Бормана, Геббельса, Кребса, Бургдорфа и просит их расписаться на завещании как свидетелей.

9 часов утра.

Советские войска наступают по Вильгельмштрассе в направлении имперской канцелярии. Они уже в 500 метрах от нее. Проснувшись от грохота бомб и снарядов, Гитлер получает известие: Фегелейн скрылся... В ярости Гитлер приказывает немедленно найти его и расстрелять.

На стол кладут радиоперехваты. И Гитлер читает сообщение о том, что в Италии партизаны поймали Муссолини и повесили его и его любовницу вниз головой. Он

перечитывает роковое сообщение, подчеркивает слова «Муссолини» и «повешены вниз головой».

Гитлер устраивает «репетицию» своего конца: заставляет эсэсовцев выполнить те действия, какие придется совершить назавтра, — вынести тела во двор, облить бензином, поджечь...

Покончив с «репетицией», Гитлер зовет к себе Грайма и Райч и приказывает им вылететь из Берлина и организовать поддержку с воздуха... армии Венка.

Гитлер дает и второе поручение: арестовать и уничтожить предателя Гиммлера.

Такое же распоряжение сделал по телеграфу еще ночью Борман относительно Геринга.

Грайм и Райч заявляют, что желают остаться и умереть с «фюрером». Гитлер приказывает им выполнить свой солдатский долг. Их самолет взлетает с наспех подготовленной вблизи бункера площадки.

Последняя нить связи с миром оборвана.

В бункер для доклада прибывает Вайдлинг.

«Я рассказал о горячих боях, происходивших в течение последних двадцати четырех часов, о скученности на узком пространстве, об отсутствии боеприпасов, о нехватке «Панцерфауста» — оружия, необходимого при ведении уличных боев, о прекращении снабжения по воздуху и об упадке боевого духа войск. Я указал на фронтовые газеты, вселявшие в солдат чересчур большие надежды. Не успел я это произнести, как подвергся нападкам доктора Геббельса, сделанным в недопустимо резкой форме, за то, что я якобы хотел упрекнуть его, Геббельса.

Резюмируя свой доклад, я ясно и четко подчеркнул, что, по всей вероятности, вечером 30 апреля битва за Берлин будет окончена. Наступила длительная пауза, которую на сей раз никто из присутствующих не чувствовал необходимости нарушить. Усталым голосом фюрер спросил бригадефюрера Монке, наблюдаются ли и на его участке те же самые факты. Монке ответил утвердительно.

Совершенно разбитый человек с большим усилием поднялся со своего кресла, намереваясь отпустить меня. Но я убедительно просил принять решение на тот случай, когда будут израсходованы все боеприпасы, а это будет

самое позднее вечером следующего дня. После кратких переговоров с генералом Кребсом фюрер ответил, что в этом случае речь может идти только о прорыве небольшими группами, так как он по-прежнему отвергает капитуляцию Берлина. Меня отпустили».

Так окончился день 29 апреля.

10

30 апреля.

«Дело шло о часах, остававшихся до соединения обеих наступавших групп противника, которые с севера и с юга двигались на вокзал «Зоологический сад». Глубокие вклинения противника наблюдались в районе Потсдамерплац и Ангельтского вокзала. От Бель-Алльянс-плац вражеский клин продвинулся вдоль Вильгельмштрассе почти до министерства авиации. У здания рейхстага шли упорные бои».

Так оценил утром 30 апреля обстановку в Берлине Вайдлинг.

Около 2 часов 30 минут утра Гитлер выходит из своих комнат в коридор. Здесь собралось человек двенадцать из его окружения, преимущественно женщины. Они выстроились в ряд. Гитлер пожимает им руки, произносит что-то невнятное. Затем поворачивается и скрывается за дверью.

Пауза. Молчание. И вдруг напряжение разряжается взрывом веселья. В столовой — пьют, поют и танцуют. «Пир во время чумы»? Бал в Бедламе, когда кругом горит?

Из комнат «фюрера» звонят по телефону, просят не шуметь.

Как проводит он эту ночь: спит ли, бодрствует?

Мы не знаем.

Но мы знаем, что он решительно отказался от плана Вайдлинга: прорваться сквозь советское кольцо из Берлина и укрыться в Берхтесгадене, в той пресловутой «Альпийской крепости», на которую возлагались большие надежды.

Гитлер резонно сказал, что, вырвавшись из Берлинского котла, он попадет в американский: армии США уже заняли Баварию.

— И тогда я принужден буду ютиться под открытым небом или в полуразрушенном крестьянском доме или в чем-либо подобном и ожидать конца. Так уж лучше остаться здесь, в убежище.

Думал ли Гитлер, говоря это, о хижине в Этшере, где в полном отчаянии провел ночь Фридрих?

Днем Гитлер в обычный час садится обедать вдвоем с Евой. После обеда приказывает, чтобы Кемпке, его личный шофер, доставил в сад 200 литров бензина.

Обед окончен. Гитлер и Ева выходят в комнату для совещаний. Здесь собрались Геббельс, Борман, Бургдорф, главный адъютант фюрера, Кребс, Аксманн, руководитель «гитлерюгенд», обе секретарши Гитлера. Он прощается с ними...

Гитлер закрывает за собой дверь. Геббельс и остальные выходят в коридор, прислушиваются, ждут.

...Выстрел прозвучал в 15 часов 30 минут 30 апреля.

Камердинер Линге с Борманом — так рассказывал двадцать лет спустя Линге писателю Э. Куби — открывают дверь в комнату Гитлера.

«Дверь находилась в левом углу внутренней длинной стены. Открывающий дверь оказывался на расстоянии 2,5 м от противоположной стены. У нее стояла софа со спинкой, на ней едва могли разместиться три человека».

Гитлер сидел в левом по отношению к Линге и Борману углу софы, как раз напротив двери, Ева в правом углу. «Между ними было пустое место. Перед Гитлером на столе лежал пистолет «Вальтер», 7,65 мм калибра. Второй «Вальтер», 6,35 мм калибра лежал на полу на ковре у ног Гитлера. Голова Гитлера свесилась направо. Из правого, наклоненного к земле виска текла кровь на ковер... В левом виске, который, поскольку голова свисала вниз, был обращен кверху, можно было видеть окровавленное входное пулевое отверстие, но из него кровь не капала».

Так рассказал ставший ныне купцом Линге Эриху Куби. Он солгал, как вскоре было установлено медицинской экспертизой.

В дневнике Бормана — лишь лаконичная запись:
«30-4-45
Адольф Гитлер

Ева Г. tt»

Борман приказывает троим эсэсовцам и Линге выполнить предсмертное распоряжение фюрера. Они входят в комнату. Комната тесна, и Аксманн и другие могут только через дверь в последний раз посмотреть на своего «фюрера», Линге приносит заранее заготовленные одеяла, заворачивает в них тела. Эсэсовец, Линге и Кемпке выносят их во двор. Им помогает адъютант Гитлера Гюнше.

В трех метрах от выхода из бункера они кладут трупы в воронку от снаряда глубиной в 1,2 метра. На трупы выливается бензин из многих канистр.

Пламя вспыхивает, вверх вздымаются, извиваясь, синеватые столбы огня. Но затем огонь замедляет свою работу. Цель не достигается. Тела сжечь не удается. Борман приказывает восьми эсэсовцам закопать полуобгоревшие трупы — вместе с двумя отравленными собаками. Набросав на тела тонкий слой песка, камней, обломков дерева, эсэсовцы исчезают... Стоявший вблизи часовой эсэсовец Менгерсхаузен, когда все кончено, пробирается в комнату Гитлера и снимает с его кителя золотой партийный значок, в надежде, что «в Америке за эту реликвию дорого заплатят...».

4 мая в этой яме красноармеец И. Д. Чураков обнаружил обезображенные огнем, слегка засыпанные землей и мусором трупы мужчины и женщины. То были Адольф Гитлер и Ева Браун-Гитлер.

8 мая 1945 года комиссия советских военных врачей под председательством главного судебномедицинского эксперта подполковника медицинской службы Ф. И. Шкаравского произвела исследование трупа Гитлера.

«На значительно измененном огнем теле видимых признаков тяжелых смертельных повреждений или заболеваний не обнаружено... Во рту обнаружены кусочки стекла, составляющие часть стенок и дна тонкостенной ампулы».

После подробного исследования трупа комиссия сделала вывод: «Смерть наступила в результате отравления цианистыми соединениями».

Медицинская комиссия, обследовавшая труп Евы, установила, что смерть наступила от отравления, и обна-

ружила «следы осколочного ранения грудной клетки с гематораксом, повреждением легкого и сердечной сорочки и 6 мелких металлических осколков».

Показания начальника личной охраны Раттенхубера разъяснили, почему на теле Евы были следы ранения.

Камердинер фюрера сообщил Раттенхуберу, что «ему пришлось выполнить самый тяжелый приказ фюрера в его жизни». А именно: «Гитлер перед смертью приказал ему выйти на 10 минут из комнаты, затем снова войти, обождать в ней еще десять минут и выполнить приказ. При этом Линге быстро ушел в комнату Гитлера и вернулся с пистолетом «Вальтер»...

«Гитлер, — продолжал Раттенхубер, — видимо, усомнившись в действии яда, приказал Линге, чтобы тот пристрелил его после того, как он примет яд».

Елена Ржевская, приведя слова Раттенхубера: «Линге стрелял в Гитлера», делает справедливый вывод:

«Очевидно, рука Линге дрожала, когда он стрелял в мертвого фюрера, и пуля, предназначавшаяся Гитлеру, попала в мертвую Еву Браун».

11

Риббентроп в тюрьме в Нюрнберге составил большую записку о личности Гитлера и через своего адвоката распространил ее среди журналистов. Краткий ее смысл выражен в заключительной фразе: «Я не знаю, кем он был, я знаю лишь одно, что он был велик».

Х. Р. Тревор-Роупер, автор книги о Гитлере и его последних днях, судит иначе: «Он был человеком судьбы, который в момент кризиса цивилизации предложил нации новый завет и на нем основал свою мощь — варварский зверский завет и страшная разрушительная мощь. В то же время как человек он был тривиален и посредствен».

Быстрая возбудимость и истеричность Гитлера коренились в его чудовищном самомнении и, в свою очередь, поддерживали и питали эту безграничную самоуверенность.

Фрицу Видеманну, своему адъютанту, Гитлер однажды сказал:

— Если бы Германия в 1918 году не проиграла войны, я был бы не политиком, а великим архитектором, примерно как Микеланджело...

Риббентроп замечает, что Гитлер «считал своим прообразом Фридриха Великого». А сам «фюрер» без тени смущения заявлял:

«В качестве последнего фактора я со всей скромностью должен назвать свою собственную личность — я незаменим. Ни одна личность ни из военных, ни из гражданских кругов не могла бы меня заменить. Я убежден в силе моего разума и в своей решимости... Судьба рейха зависит лишь от меня».

Жестокость Гитлера, брутальность его методов проистекали как из основной черты его характера, истеричности, так и из убеждения во всемогуществе грубой силы. Фюрер садистски смаковал сделанный по его приказу фильм о суде и казни Витцлебена и других руководителей заговора 20 июля.

Этот фильм был снят в тюрьме Плетцензее, где сразу же после оглашения «приговора» были преданы особо мучительной процедуре повешения Витцлебен и еще семь осужденных. Немедленно фильм был доставлен Гитлеру, и он в тот же вечер наслаждался каждой деталью зверской расправы.

Как-то в интимной беседе Гитлер воскликнул:

— Почему мне не пришлось родиться сотней лет раньше? Во время войны против Наполеона... Тогда чего-нибудь стоил и человек без профессии!

Такой человек — это ландскнехт, и Гитлер выдал свою сущность...

Пальмерстон сказал о Луи-Наполеоне после провозглашения его императором Наполеоном III: «Это был единственный экипаж, который попался во время грозы, и его взяли...»

Ничтожный как личность Гитлер во время «грозы» 20—30-х годов оказался необходимым человеком на роль диктатора, спасающего буржуазный строй и власть империалистического капитала с помощью безудержной демагогии, свирепого террора и диктаторских методов.

30 апреля.

Вот что происходит в Берлине (по словам Вайдлинга):

«Над хаосом развалин стоит облако смрада, груды человеческих тел, трупы животных, обломки сгоревших, подбитых танков и машин, горы мусора и щебня, воронки от снарядов, накренившиеся стены, взорванные мосты, пламя пожаров преграждают улицы, но все еще бушует бой — в центре города, у Кайзердамма, у больших наземных убежищ в Фридрихсхайне, у Зоологического сада, у Гумбольдхайне около вокзала Гезундбруннен идут воздушные бои между русскими истребителями и немецкими транспортами: в бой брошены новые роты, составленные из раненых и отбившихся от своих частей, стариков фольксштурмовцев и пятнадцатилетних подростков из гитлеровской молодежи — почти без вооружения».

Вечером Вайдлинг, подготовивший план вооруженного прорыва из Берлина, по приказу Кребса прибывает в бункер.

«В имперской канцелярии меня сразу провели в комнату фюрера. Здесь присутствовали рейхсминистр Геббельс, рейхслейтер Борман и генерал Кребс.

Генерал Кребс объявил мне следующее:

1. Сегодня, 30 апреля, во второй половине дня около 15.15 фюрер покончил самоубийством.

2. Его труп сожжен в саду имперской канцелярии в воронке от снаряда.

3. О самоубийстве фюрера нужно хранить строжайшее молчание. Персонально я был обязан не разглашать тайну впредь до дальнейшего развития событий.

4. Из внешнего мира только маршалу Сталину дано было знать по радио о самоубийстве фюрера.

5. Подполковник Зейферт, командир участка, подчиненный бригадефюреру Монке, получил уже приказ установить связь с местными командными инстанциями русских, которые надлежало просить проводить генерала Кребса к русскому главному командованию.

6. Генерал Кребс должен доложить русскому главному командованию следующее:

а) о самоубийстве фюрера;

б) содержание его завещания, в котором назначалось новое немецкое правительство;

в) просьбу о перемирии, пока новое правительство не соберется в Берлине;

г) желание правительства вступить в переговоры с Россией о капитуляции Германии.

Доктор Геббельс категорически отвергал любую мысль о капитуляции. Я не мог удержаться, чтобы не сказать ему: «Господин рейхсминистр, неужели вы серьезно верите, что русские будут вести переговоры с таким правительством Германии, в котором вы являетесь рейхсканцлером?»

Вайдлинг немедленно приступает к организации переброски Кребса через линию фронта.

Это удается сделать между 2.00 и 3.00 часами 1 мая

Иоганнисталь. Командный пункт В. И. Чуйкова, командующего 8-й гвардейской армией. Он ждет прибытия немецких парламентеров.

В 3 часа 50 минут отворилась дверь, и в комнату ввели немецкого генерала с Железным крестом на шее и фашистской свастикой на рукаве.

Кребс, не ожидая вопросов, заявил:

— Буду говорить особо секретно. Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что 30 апреля Гитлер добровольно ушел от нас, покончив жизнь самоубийством.

Затем Кребс вручил В. И. Чуйкову обращение Геббельса и Бормана к советскому Верховному командованию, завещание Гитлера с составом правительства и свои полномочия на ведение переговоров.

В. И. Чуйков по телефону докладывает маршалу Г. К. Жукову о сказанном Кребсом.

— Спросите Кребса, чего они хотят: сложить оружие и капитулировать или заниматься переговорами о мире?

В. И. Чуйков спрашивает:

— Идет ли речь о капитуляции и ваша миссия — ее осуществить?

— Нет, есть другие возможности.

— Какие?

— Разрешите и помогите нам собрать новое правительство, и оно решит это в вашу пользу.

После переговоров, в которых принял участие заместитель маршала Жукова генерал Соколовский, Кребс просит установить прямую связь с Геббельсом.

Выслушав доклад Кребса, рейхсканцлер приказал ему вернуться.

Перед уходом Кребс вслух прочитал запись условий советского командования:

1. Капитуляция Берлина.

2. Всем капитулирующим сдать оружие.

3. Офицерам и солдатам, на общих основаниях, сохраняется жизнь.

4. Раненым обеспечивается помощь.

5. Предоставляется возможность переговоров с союзниками по радио.

В 13 часов 08 минут 1 мая Кребс вернулся в бункер и доложил Геббельсу о результатах переговоров.

Итак, все кончено...

Кребс и Бургдорф принимают яд. Так же поступают Геббельс и его жена, предварительно отравив своих шестерых детей. Борман с небольшой группой уходит, чтобы прорваться из Берлина на Запад.

Эсэсовцы торопятся, наспех вытаскивают трупы во двор, обливают бензином, поджигают и скрываются.

2 мая утром советские разведчики обнаруживают во дворе имперской канцелярии у входа в бункер два обгоревших трупа.

Повар Гитлера опознает Геббельса по изуродованной ноге и ортопедической обуви.

13

2 мая.

Часовой разбудил меня в половине шестого утра. Еще темно. Нужно ехать в Штраусберг, на телефонную станцию. Сажусь в машину и вижу — к соседнему дому из тьмы выезжает, кажется, бронетранспортер. В предрассветной тьме отчетливо проплывает белое пятно. Белый флаг на штыке. Его несет немецкий солдат в каске...

В подъезд дома входят немецкие генералы, офицеры, люди и в штатском.

Смотрю на часы: в 6 часов утра 2 мая 1945 года

в расположение КП Чуйкова прибыл сдавшийся в плен со своим штабом генерал артиллерии Вайдлинг, командующий войсками оборонительного района Берлина. С ним его штаб, а также Ганс Фриче, политический руководитель немецкого радио, а теперь, как он заявляет, статс-секретарь и заместитель Геббельса в министерстве пропаганды, советник министерства пропаганды Хейрихсдорф, видный гитлеровский публицист Кригк, личная машинистка Геббельса Иоганна Курцава.

Итак, Берлин капитулировал!..

Генерал Вайдлинг перевезен с Шулленбург-ринга в Иоганнисталь. Для беседы с ним и записи на пластинку его приказа о капитуляции Берлина направляемся туда.

Вайдлинг, в коротких брюках и длинных чулках, сидит за квадратным обеденным столом посреди небольшой комнаты в скромной квартирке мелкого служащего. В комнате полутемно, так как окна забиты досками. Рядом с ним сидит генерал-лейтенант в отставке Веташ. По другую сторону стола — генерал-лейтенант в отставке Шмидт-Данквард. Напротив Вайдлинга начальник его штаба, полковник генерального штаба фон Дуффин.

Я вхожу в комнату, делаю общий поклон, сажусь в стороне от стола на стуле. Вайдлинг спрашивает, говорю ли я по-немецки, затем немцы продолжают свой разговор. Полковник, плотный, широкоплечий, в пенсне, шагает по комнате, рассказывая, что он видел сегодня утром в тех районах Берлина, куда отвозил приказ о прекращении борьбы.

— Ужасно, — говорит он. — Еще неделю назад все было цело. А теперь!

Вайдлинга просят прочесть у микрофона для записи приказ о капитуляции Берлина. Подумав несколько секунд, он говорит:

— Что делаешь, нужно делать до конца.

Затем он читает свой приказ — ровным спокойным голосом, отчеканивая слова. Наш оператор Спасский, прослушав на наушники, просит начать сначала и пускает аппарат в ход.

Немцы застыли на своих местах. Комнату заполняет сухой, типично прусский голос Вайдлинга.

— «Берлин, 2 мая 1945 года. Приказ.

30 апреля фюрер покончил с собой и тем самым нас, поклявшихся ему в верности, бросил на произвол судьбы, — начинает Вайдлинг и ровно дочитывает до конца: — По приказу фюрера, мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то что иссякли боевые запасы и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление».

Звучат заключительные слова:

— «Вайдлинг, генерал артиллерии, главнокомандующий оборонительным районом Берлина».

Молчание. Я прерываю его, приглашая генерала прослушать запись. Спасский пускает аппарат. Раздается голос Вайдлинга. В комнате звучат слова приказа, отлично известные и ему и чинам его штаба.

Вайдлинг вздрогнул, уставился в репродуктор. Его сосед, генерал Веташ, не может совладать с мелкой дрожью лица. Третий генерал откинулся на спинку стула, прикрыл лицо рукой. Полковник барабанит пальцами по краю стола.

Тяжелое молчание.

Я решаю еще раз прослушать запись, и снова звучит голос Вайдлинга. Всё... Аппарат остановлен.

Вайдлинг не может скрыть своего волнения; на его лбу выступил пот. Кажется, только теперь отдает он себе ясный отчет в том непоправимом, что совершилось: капитуляция Берлина!

Мы уходим, и я беру у Вайдлинга экземпляр приказа с его подписью. Он висит у меня в кабинете...

Через три часа мы возвращаемся в Берлин. По улицам тянутся колонны пленных. Вот идут офицеры, в несколько рядов, с полковниками и майорами впереди. За офицерами — солдаты, измученные, грязные, многие ранены...

У булочной, в районе Адлерсгоф, стоит длинная очередь. Берлинцы получают хлеб — по приказу первого советского коменданта Берлина. Колонна пленных поравнялась с очередью. Женщины впиваются глазами в проходящих. Никто из пленных не смеет повернуть головы, посмотреть в лицо стоящим на тротуаре; они идут, как слепые, держа головы прямо, ничего не видя. Наша

машина останавливается между колонной и очередью. Женщины глядят на русских, переводят глаза на пленных...

Потсдамерштрассе. Мост через канал (Потсдамербрюкке). Три четверти ширины настила сорваны. Полуобгорелый советский танк повис над пробоиной. Бойцы из люка вынимают тело своего товарища: он погиб в последние минуты выигранной войны.

На Потсдамерплац все разрушено. Вокзал издали кажется целым, но он разбит. От огромного кафе «Фатерланд» на углу площади остались три первые буквы на вывеске.

И соседняя Лейпцигерплац лежит в развалинах. Магазины, банки, кафе, рестораны, правительственные учреждения погребены под грудами обгорелых камней, исковерканных балок. Я в прошлом не раз бывал здесь, но теперь не могу ориентироваться, как проехать к рейхстагу: все неузнаваемо!

Узкий коридор Фридрихштрассе пересекает Унтер-ден-Линден. И направо и налево видны руины домов, где размещались магазины, банки, крупные фирмы, рестораны. Вдали виднеется огромная стеклянная галерея главного вокзала Берлина — Фридрихштрассебангоф, она зияет тысячами пустых переплетов. Дом советского посольства на Унтер-ден-Линден — изящное трехэтажное здание — выгорел, остались только наружные стены. Отель «Адлон» разрушен. Дома на Паризерплац сгорели, обращены в кучки обломков, а тут были французское, американское посольства...

Унтер-ден-Линден больше нет! Бранденбургские ворота. Кони на вершине пробиты осколками и пулями, большие куски фигур выломаны. Колонны иссечены стальными ливнями. Проезды между ними заделаны баррикадами примерно в два человеческих роста. Немцы разбирают баррикады. Над воротами развевается красное знамя.

Вильгельмштрассе — теперь дорожка посреди двух рядов развалин. Министерство иностранных дел Риббентропа. Где он теперь? Министерство авиации с золотыми кондорами на воротах. Где Геринг?

Новая имперская канцелярия на Фоссштрассе. Длинное серое и очень некрасивое здание, возведенное при-

сяжным архитектором Гитлера, министром вооружений Альбертом Шпеером. Фасад сохранился, хотя в здание неоднократно попадали бомбы, крыши пробиты, стены во многих местах обрушены.

Широкие ступени с мостовой ведут к главному входу. Мостовая, ступени, вестибюль завалены орденами. Их тысячи, в коробках и без них... Черные Железные кресты, белые, с черной свастикой, кресты «За верную службу», пряжки с мечами, дубовые листья к Железному кресту. Победители топчут то, что еще вчера было символом величия и славы «третьей империи».

По коридорам пройти из конца в конец здания невозможно: в полах зияют провалы. Приходится пробираться через комнаты, обходить провалы. Знаменитая мраморная галерея — в руинах.

Кабинет статс-секретаря и министра Мейсснера. Он был начальником президентской канцелярии при Эберте, при Гинденбурге, при Гитлере, последовательно меняя «убеждения» — социал-демократические на консервативные, консервативные — на нацистские. В кабинете Мейсснера хаос. Стол и пол засыпаны бумагами, книгами, папками.

В находящемся рядом с кабинетом Мейсснера наградном отделе лежат сотни орденских грамот, заполненных и подписанных Гитлером и Мейсснером. В них стоят даты: 20, 25, 30 мая. «От имени германского народа награждаю я Германна Фолькера орденом за верную службу 2-го класса. Фюрер А. Гитлер» (подпись поставлена почти перпендикулярно к строке). И дата: «20 мая 1945 г.»... Мейсснер не предвидел «мелочи» — что за 17 дней до 20 мая эта предусмотрительно заготовленная грамота попадет не к Фолькеру, а в руки советского журналиста.

Кабинет Гитлера сильно разрушен бомбами. Потолок обвалился, мебель разбита, огромный глобус измят и валяется на полу. В коридоре среди бумаг я поднял список личных телефонов «фюрера» — были телефоны и в его четырех уборных...

185 лет назад, 6 октября 1760 года, комендант Берлина поднес русскому командующему на блюде золоченые ключи. Сегодня, 2 мая 1945 года, победители пишут на стенах рейхстага свои имена.

14

8 мая.

Германия капитулировала.

Карлсхорст, предместье Берлина. Цвизелерштрассе. Немецкая военно-саперная школа. Большой корпус столовой школы. Зал приготовлен для церемонии подписания капитуляции.

Пять окон на длинной стороне зала выходят во двор с газонами и деревьями. По длине зала установлены три стола. У поперечной стены — стол для членов делегаций держав-победительниц. За столом — кресла. У стола — микрофоны. У противоположной стены — столик с бумагой, карандашами. В углу зала, у окон — звукозаписывающие аппараты.

В третьем часу дня с аэродрома прибывают английская и американская делегации. Главный маршал авиации Теддер, генерал Карл Спаатс, адмирал Берроу осматривают зал. Затем отбывают в отведенные им дома.

Вскоре прибывает представитель Франции генерал Делатр де Тассиньи.

В 8 часов 15 минут вечера в здание вводят немецких уполномоченных. В первом ряду, слева направо, шагают генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Штумпф, адмирал Фридебург. Сзади в несколько рядов идут адъютанты и остальные сопровождающие лица. Впереди всей группы — советский офицер. Позади него — представители союзной охраны, в сопровождении которой немцы прибыли из Реймса. Кейтель шагает как на параде.

Немцев отводят в предназначенную для них комнату...

Здесь они ждут начала церемонии подписания.

В 12 часов ночи в зал входят маршал Жуков, маршал Теддер и остальные представители союзного командования. Маршал Жуков предлагает ввести немцев. Они входят тем же прусским шагом...

Маршал Жуков спрашивает:

— Получили ли немецкие уполномоченные текст акта о безоговорочной капитуляции?

— Яволь, — отвечает Кейтель с места.

Маршал Жуков задает второй вопрос:

— Согласны ли немецкие уполномоченные подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии?

— Яволь, — снова отвечает Кейтель. Он ждет, чтобы ему подали акт для подписания.

Маршал Жуков предлагает немецкой делегации подойти к столу, за которым сидят представители союзного командования.

Безмолвно подымаются немцы со своих мест, подходят к столу, садятся и подписывают акт.

Итак, Германия безоговорочно капитулировала на 1418-й день после нападения Гитлера на СССР. 1418 дней кровавых, ожесточенных, героических боев Красной Армии завершились продолжавшейся менее четверти часа церемонией!

* * *

Гитлер торжественно провозгласил в 1933 году:

— Мы основываем новую, третью Германскую империю, и она просуществует тысячу лет!

Геринг был осторожнее:

— Наши предшественники продержались 14 лет. Посмотрим, будем ли мы в состоянии держаться так долго.

История дала свой ответ — не 1000 лет, даже не 14, всего только 12 лет 3 месяца и 8 дней продержался «третий рейх» Гитлера.

Приняв летом 1940 года решение напасть на СССР, Гитлер предписал своему придворному архитектору Шпееру — к 1950 году закончить перестройку Берлина, чтобы город стал «столицей мира». На куполе здания высотой в 290 метров, которое должно быть сооружено в центре города, «фюрер» приказал поместить «германского орла», держащего в когтях земной шар.

Для здания во многих местах Европы заготовлялся гранит. В Швеции был сделан заказ на 10 млн. крон.

Передо мной фото: шведский рабочий осматривает гранитные глыбы, возле которых стоит щит с немецкой надписью: «Генеральный строительный инспектор имперской столицы. Берлин».

Все, что осталось от хвастливых слов и фантастических замыслов «фюрера третьей империи»!

4

НЮРНБЕРГ: ВОЗМЕЗДИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Процесс, который теперь должен начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и ои имеет величайшее значение для миллионов людей на всем земном шаре.

Речь председателя МВТ лорда-судьи Дж. Лоренса при открытии процесса

Впервые перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих. чудовищных преступлений. Впервые наконец в лице подсудимых мы судим не только их самих, ио и преступные оргаиизации и учреждения, ими создаиные, человеконенавистнические «теории» и «идеи», ими распространяемые в целях осуществлеиия давно задуманных преступлений против мира и человечности.

Вступительная речь
Главного обвинителя от СССР
Р. А. Руденко

НА ПОРОГЕ СУДЕБНОГО ЗАЛА

1

Вот что предстало перед нами в ноябре 1945 года в Нюрнберге.

Альт-Нюрнберг, музей средневековья, больше не существует: его разрушили американские бомбы. Ратуша, замок лежат в развалинах. От музея пыток не осталось ничего.

Церковь Зебальда — в руинах. Дом Дюрера разрушен, а под правым глазом бронзового Альбрехта зияет дыра, буква «Д» сбита... Дворец, фонтаны, памятники — кучи битых камней и металла. И без того узкие улочки почти непроходимы: с обеих сторон завалены обломками. В них роются женщины, выбирают обгорелые доски, камнями ломают их и бросают в железные печурки, примостившиеся среди развалин.

Живут люди в подвалах разрушенных домов или в руинах, используя сохранившиеся стены... Пешеходы пробираются по расчищенным тропкам...

На площади, которая носила имя Адольфа Гитлера, около сильно пострадавшей церкви св. Лоренца стоит американский джип с большой надписью мелом на борту: Wie geht's you all?

Эта смесь английского с немецким означает: «Как поживаете вы все?..»

Что это — насмешка? ирония? урок?.. Американские солдаты — «джи-ай», как их зовут в просторечии, — рослые парни, сидящие в джипе, фотографируют развалины. Плоды действий их товарищей — старый Нюрнберг разрушен американской авиацией...

В американской военной газете «Старз энд страйпз» я читаю большую статью «Нюрнберг, что теперь?» — о разрушениях в городе, о планах его восстановления, на что потребуется пять, десять, даже двадцать пять лет... И ни звука о том, как и почему разгромлен город — именно старый, исторический город.

Объяснение я нашел в корреспонденции в лондонской «Дейли мейл»: «Старый, окруженный валом город был последней драгоценностью средневековья, сохранившейся до XX века. Но так как Гитлер наполнил его наиболее квалифицированными рабочими, трудившимися в наиболее важных отраслях его военной машины, Нюрнберг необходимо было подвергнуть нападению...»

Если дело обстояло так, то почему же нужно было разрушить именно «жемчужину средневековья», оставив почти нетронутыми заводы на окраинах и в пригородах Нюрнберга?

Американские летчики работали точно. Вокзал разбит, а стоящая рядом гостиница «Континенталь» пострадала очень мало от случайно попавшей небольшой бомбы.

Случайно попала бомба и в комплекс зданий Дворца юстиции, повредив слегка боковую часть дома.

Хорошо осведомленные американские корреспонденты откровенно рассказывали, что при налетах на город из числа объектов бомбардировки было исключено то, что предстояло использовать для процесса над гитлеровскими главарями.

Для корреспондентского бюро Всесоюзного радиокомитета мы получили в здании Дворца юстиции большую комнату, обили ее шелком, установили большой стационарный магнитофон (из берлинского Дома радио), провели две трансляционные линии из зала суда — прямой речи говорящего и русского перевода, поставили телефон, через советский узел связи во Дворце юстиции связанный с Москвой. На магнитофоне мы записывали наиболее важные показания (например, Геринга, Паулюса). Звукооператором работал прикомандированный к нашему бюро опытный связист старший лейтенант П. Симонов.

Превосходная стенографистка-машинистка секретарь Галина Реутт через 20—30 минут по окончании заседания передавала по телефону в Москву комментарии и отчеты.

В зале заседаний царили искусственный свет и такой же воздух (кондиционированный), там нелегко было проводить многие часы. А в нашей комнате можно было, удобно расположившись, слушать и записывать все, что происходит на заседании...

Поэтому к нам частенько приходили советские коллеги-корреспонденты, чтобы работать в комфортабельных условиях.

Ничего подобного не было ни у представителей больших телеграфных агентств (Ассошиэйтед Пресс, Юнайтед Пресс, Рейтер), ни у корреспондентов радиокорпораций и газет. И они навещали нас, чтобы посмотреть, как великолепно устроилось «московское радио».

О масштабе нашей работы скажу языком цифр: за первые полгода процесса в Москву было передано 300 тысяч слов, то есть по 2 тысячи ежедневно...

Вскоре после начала процесса в штабе американского верховного командования в Европе сменился начальник отдела публичных связей. Новый руководитель генерал

Эстер приехал также и в Нюрнберг. Осматривая Дворец юстиции, он посетил и наше бюро и выразил свое восхищение «высшим классом оборудования», как он выразился. Спустя месяца два он вновь приехал в Нюрнберг, опять пришел к нам:

— Я рад видеть вас и сказать, что мы часто слушаем ваши нюрнбергские комментарии по московскому радио...

Магнитофон наш был предметом зависти представителя большой американской фирмы, которая в зале заседаний установила систему синхронного перевода на четыре языка. Он не раз приходил, осматривал магнитофон, качал головой. И однажды сказал:

— Мистер Гус, не продадите ли мне магнитофон по окончании процесса?

Американец никак не мог понять, что это невозможно — раньше всего потому, что магнитофон не принадлежит мне...

2

Организационно и технически процесс подготовлен был тщательно.

Много месяцев следственные власти четырех держав разбирали и изучали захваченные в ходе войны германские архивы. Из десятков тысяч документов были отобраны наиболее важные, более четырех тысяч — от 38 томов дневника Франка, палача Польши, до военного приказа Гитлера, состоящего из 14 слов. Десятки тысяч страниц в немецких подлинниках, в переводе на три языка, в фотокопиях хранятся в документальном центре во Дворце юстиции. Там же комплекты нацистских газет, многие тысячи метров пленки нацистской кинохроники, на которой запечатлены этапы истории «третьей империи» — от захвата власти Гитлером до краха.

В отдельной комнате на деревянных стеллажах размещены вещественные доказательства: человеческая кожа, превращенная в покрышку портфелей, отдельные куски кожи, покрытые татуировкой. Такой сувенир пожелала иметь жена коменданта Бухенвальдского лагеря. Голова заключенного поляка, засушенная и преподнесенная такой же любительнице «оригинальных сувениров»,

хранится в центре комнаты в сейфе. В нем лежит и председательский молоток лорда Лоренса: столь безопасное место избрано после того, как молоток, который был в руках председателя первой сессии ООН в Сан-Франциско, а затем передан председателю МВТ, исчез со стола судей вскоре после начала процесса.

Комендант трибунала и начальник тюрьмы — опытный тюремный работник США полковник Эндрюс.

Солдаты в белых касках, перепоясанные белыми ремнями, в белых перчатках, с особыми наплечными значками, несут охрану в тюрьме, в зале заседаний, в коридорах Дворца юстиции, вокруг него.

Многие из них владеют немецким языком и прислушиваются к разговорам подсудимых во время заседаний. Обвиняемые содержатся в тюрьме, которая соединена внутренним переходом с Дворцом юстиции. Одиночные камеры расположены по обе стороны коридора. Около двери камеры круглосуточно стоит часовой и сквозь глазок наблюдает, что делается в камере. Самоубийство Роберта Лея (незадолго до начала процесса) потребовало надзора за каждым движением заключенного.

Благодаря любезности полковника Эндрюса мне удалось посетить тюрьму в воскресенье, когда трибунал не заседает. Помню то особое чувство, какое я испытывал, вступив в неширокий, ярко освещенный коридор, увидев двери с табличками: «Геринг», «Гесс» и т. д.

Так вот где они теперь, эти кичливые и безжалостные претенденты на мировое господство!

Мне разрешили заглянуть в камеру сквозь глазок. Кровать вдоль стены. У противоположной стены — стул, столик. В углу туалет. Но камеры были пусты: их обитатели завтракали в пяти небольших столовых. В каждой — по четыре человека, подобранных психиатром — доктором Джильбертом в соответствии с их взаимоотношениями, психическим состоянием, возрастом.

— Но ведь их — двадцать один, говорю я, а не двадцать.

Эндрюс смеется:

— Совершенно верно. Ваша арифметика верна... Одного мы поместили отдельно...

— Кого же?

— Геринга... Пришлось изолировать — будоражил своих коллег, ссорился, кричал...

Я вспомнил эпизод перед началом утреннего заседания. Эндрюс подошел к скамье подсудимых и что-то сказал Герингу. Он, видимо, возразил. И вдруг Эндрюс резко ударил своей палкой-стеком по барьеру и крикнул:

— Встать!

Геринг вскочил, как школьник, побагровел, что-то пробормотал.

Всемогущий рейхсмаршал, командующий люфтваффе, министр авиации, главный имперский лесничий и обер-егермейстер, министр-президент Пруссии, председатель рейхстага... Прочих его чинов и званий сейчас не помню. И вот он стоял, вытянув руки по швам, перед начальником тюрьмы.

— Нелегко мне с ними, — сказал Эндрюс, — но я их держу в повиновении.

В зал заседаний обвиняемых ведут по переходу и вводят в таком порядке: впереди солдат охраны с рукой на пистолете, за ним Геринг, снова солдат, за ним Гесс и так далее. Позади скамьи обвиняемых стоят восемь солдат. Еще два — лицом к скамье, по обоим ее концам.

Возле скамьи — дежурный офицер. На заседании обвиняемые и их защитники сносятся между собой только через охрану, которая получает и передает записки, документы. Во время кратких перерывов защитникам разрешается подходить к обвиняемым и разговаривать под неослабным надзором охраны.

Фотографировать и делать киносъемки разрешено только через особые непробиваемые стеклянные витрины из комнаты, находящейся наверху.

Дня через два после посещения тюрьмы я прочитал в «Дейли телеграф» рассказ лорда Биркенхеда о его визите в Нюрнбергскую тюрьму.

«Всякое впечатление, что заключенные нежатся на ложе из роз или пользуются специальными привилегиями, немедленно исчезает, когда вы входите в тюрьму. Их содержат совершенно в таких же условиях, как и всяких преступников, обвиняемых в серьезных преступлениях.

Пищевой рацион для заключенных не превышает 2900 калорий в сутки и состоит из самых простых блюд.

Гесс явно одержим депрессивной манией. Риббентроп погрузился в полное отчаяние и часто подвергается наказанию за то, что не убирает камеры. Геринг явился в тюрьму с двумя чемоданами, в одном одежда, в другом наркотики.

«Когда этот человек прибыл сюда, — говорит полковник Эндрюс, — это был дрожащий, потный болван. Теперь, когда он постепенно отучен от наркотиков, он стал человеком, каким должен был быть 12 лет назад».

Каждому заключенному дан один костюм, а Кейтелю, Иодлю, Герингу военная форма. По возвращении в камеры костюм снимается, гладится, и заключенные облачаются в тюремное платье — штаны цвета хаки, шерстяные чулки и толстые рубашки.

Обмен воинскими приветствиями между заключенными и персоналом союзных армий запрещен, разрешен только обычный поклон. При проходе через двери, на лестнице, в любом месте заключенные пропускают вперед союзный персонал. Когда в камеру входят военные или гражданские представители союзных властей, заключенные встают и стоят смирно до тех пор, пока не будет разрешено сесть. В коридорах при встрече с комендантом, офицерами и всеми представителями власти заключенные становятся «смирно».

Описав режим, установленный в тюрьме, лорд Биркенхед предался философствованию:

«Герингу, гуляющему в тюремном дворе в тюремной одежде, несомненно должны приходить мысли о стадах лосей, бродящих в обширных лесах Каринхолла, о гобеленах, картинах Веронезе, испанских алтарях, о грохочущих цехах «Германн Геринг-Верке», о нервном возбуждении массовых митингов, флагах, факелах, оркестрах».

У Биркенхеда я прочитал еще и такие строчки: «Британский офицер, которому пришлось допрашивать Кейтеля, говорил мне о том потрясении, какое он испытал, увидев перед собой верховного главнокомандующего некогда могущественного вермахта сидящим на жалкой кровати, одетым в теплую, но позорную одежду».

Да, немало было в странах западной «демократии»

людей, которые близко принимали к сердцу «бедствия», постигшие «несчастных» гитлеровских главарей. И, к сожалению, во время процесса некоторая часть «свободной прессы» способствовала поддержанию таких «жалостливых» настроений.

3

В Нюрнберге шло сражение. Об этом напомнил эпизод в самом начале процесса.

В первые дни декабря вечером возле отеля «Континенталь» раздался выстрел. Широкая входная дверь с шумом растворилась, и ввалился советский солдат, прижимая обе руки к животу и обливаясь кровью. Он что-то произнес и замертво упал на пол. Что же произошло? Шофер одной из наших машин стоял возле нее, когда откуда-то прогремел выстрел, и пуля поразила его в живот. Фамилия погибшего на боевом посту советского воина была Бубенко, и некоторые весьма охочие до сенсаций с антисоветским душком журналисты поспешили оповестить мир, что произошло покушение на главу советского обвинения Руденко.

Органы контрразведки и службы безопасности считались с возможностью попыток освободить обвиняемых или убить их.

Майор Джек Тейх рассказал корреспонденту английской «Рейнольдс ньюс»: «Абсолютно возможно, что нацист, потеряв рассудок, попытается проникнуть в здание суда, чтобы взорвать заключенных, судей, обвинителей и весь собранный материал и таким образом помешать окончанию процесса и вынесению приговора. Уже сделанные разоблачения нанесли делу нацизма в глазах немецкого народа огромный урон. Если дело пойдет так и дальше, то шансы нацистов на возвращение к власти станут равными нулю. Что же касается того, что взрыв убьет и всех находящихся под судом лидеров, — то это не важно для такого нациста, которому вздумается заняться этим делом. Он знает, что они все равно погибли».

Подчеркнув возможность нацистских покушений, майор Тейх тут же успокоил своего собеседника: «Никогда в истории ни один суд не охранялся так тщатель-

но, как этот. Сколько охранников я разместил около бесчисленных дверей, в коридорах, переходах — это, конечно, секрет, но могу сказать, что многие сотни моих людей несут охрану».

Дисциплина среди солдат охраны, вначале очень строгая, заметно падала по мере продолжения процесса. В феврале 1946 года в западной части Дворца во время перерыва между утренним и вечерним заседаниями был убит солдат службы связи выстрелом из немецкого автомата. Стрелял другой американский солдат.

В апреле во время заседания в прилегающем к залу коридоре прогремел выстрел. Все переполошились... Эндрюс, другие офицеры охраны ринулись из зала. Но Лоренс спокойно продолжал вести заседание. Через несколько минут вернулся Эндрюс, поднялся к столу судей, что-то доложил Лоренсу. После заседания нам объявили: дежурный офицер случайно нажал спусковой крючок пистолета, который ему передал отлучившийся солдат охраны.

5 февраля в газете «Старз энд страйпз» появилось сообщение Юнайтед Пресс под огромным заголовком «Попытки освобождения держат Нюрнберг в тревоге»:

«Объявлена тревога. Пулеметные расчеты и танки выведены на улицы у Дворца. Военные власти сохраняют строжайшую тайну о подробностях заговора. Но внезапно принятые меры предосторожности дают достаточные доказательства, что власти не преуменьшили этого дела. Циркулирует неподтвержденный слух, что воинские части и эсэсовцы, интернированные в лагерях в 20 милях от Нюрнберга, планировали произвести массовый побег, чтобы напасть на Нюрнбергскую тюрьму с помощью украденного оружия. Некоторое количество динамита и других взрывчатых веществ было найдено вблизи железнодорожного пути в Фюрте на прошлой неделе. Высказывается мнение, что попытка проникнуть в тюрьму не обязательно сопряжена с желанием доставить нацистам безопасность. Заговорщики могли намереваться линчевать обвиняемых».

На следующий день бригадный генерал Вотсон, командующий гарнизоном Нюрнберг — Фюрт, заявил, что сообщения о плане освобождения Геринга и других из тюрьмы «полностью безответственны и лишены

всякого основания». Он сказал, что контрразведка не получала никаких сведений о предполагаемом нападении на тюрьму и поэтому не было никаких оснований для боевой тревоги. Тревога была объявлена с учебной целью, так как личный состав войск, несущих охрану, полностью сменился. «Нет ничего угрожающего, — сказал генерал. — Не было ничего угрожающего. Мы не ждем, что может быть что-нибудь угрожающее».

Вот моя телеграмма, посланная в Москву 5 мая 1946 года:

«Вчера весь вечер и часть ночи Нюрнберг сотрясался от гула взрывов и канонады. К востоку от города стояло огромное зарево пожара, столбы пламени вздымались высоко в небе, и клубы черного и белого дыма заволакивали горизонт. С высокой башни замка в Штайне, где находится пресс-кемп, ваш корреспондент наблюдал это эффектное зрелище в полночь. На глаз эти пожары и взрывы происходили километрах в пятнадцати от Штайна, прямо на восток. Несмотря на такое большое расстояние, стекла вылетали из окон, а в одной комнате дверь была сорвана с петель. Было видно, как тучи ракет взлетали на воздух, как подымалось пламя от взрывов большой силы и затем спустя некоторое время колоссальная взрывная волна сотрясала наш замок и башню. Это горели и взрывались огромные склады немецкого снаряжения и взрывчатых веществ, находящиеся в пятнадцати километрах от Нюрнберга, вблизи города Фойхт. Специальная воинская часть производила с прошлого года подрыв этих запасов. По словам начальника складов, огонь возник между пятью и шестью часами вечера в субботу 4 мая. На складах находилось, по его словам, около 29 тысяч тонн взрывчатых веществ. К одиннадцати часам вечера от десяти до восемнадцати тысяч тонн уже взлетели на воздух. Юнайтед Пресс сообщает, что осталось еще от семи до пятнадцати тысяч тонн, которые могут взорваться. Американский солдат рассказал, что на складах было около двухсот «фау-два» с начинкой по одной тонне в каждой. По сообщению газеты «Старз энд страйпз», в одиннадцать часов вечера четвертого мая огонь распространился на местность, находящуюся только в четверти мили от склада отравляющих газов. Американские части и немецкое население Фойхта

были срочно эвакуированы. По словам солдат, снаряды разлетались в окрестностях и рвались как в бою. О жертвах и разрушениях сообщений еще нет. В настоящий момент взрывы и пожары прекратились. Отдел контрразведки американской армии, по сообщению Юнайтед Пресс, начал расследование и опрашивает пленных СС и гражданских немецких рабочих, которые работали на складах. Выясняется возможность самовозгорания пороха под лучами солнца».

4

Жизнь наша протекала в суде и в пресс-кемпе, который расположился в замке карандашного короля Фабера в городке Штайн, неподалеку от Нюрнберга. Отсюда возили нас утром в суд, сюда мы возвращались вечером. Здесь завтракали, здесь и обедали (вечером, как принято в Англии). А дневной завтрак — ленч получали в кафетерии во Дворце юстиции.

В комнату нашего бюро заявился однажды полковник с большим саквояжем, вытряхнул его содержимое на диван и сказал:

— Мистер Гус, я уезжаю в отпуск в Штаты. Могу предложить вам все это.

«Все это» — английские ботинки, брюки, разные мелочи. «Товар» полковник приобрел в расположенном невдалеке от Дворца юстиции американском военном магазине и продавал его по «божеской цене».

И напрасны были бы попытки выразить этим «бизнесменам» не то что негодование, но даже простое удивление тем, что они занимаются торговлей. А еще точнее — спекуляцией. Пользуясь особо льготными правилами, они ездили в соседнюю Швейцарию или в Париж, привозили оттуда часы, духи, чулки и продавали с солидной надбавкой. Мы поражались, а они удивлялись нашему удивлению таким естественным занятием.

В ресторане пресс-кемпа во время обеда играл на хорах оркестр, состоявший из превосходных музыкантов. В ежевечерних программах была серьезная музыка. Однако вскоре после начала процесса оркестр исчез и концерты прекратились — без объяснения причин.

В фойе пресс-кемпа появился аккордеонист Макс,

небольшого роста, коренастый человек с отталкивающим лицом.

В его репертуаре было много русских песен, он подходил к советским журналистам и играл, как говорится, прямо нам в ухо.

Кто-то однажды его спросил:

— Макс, вы, вероятно, были у нас в плену?

Макс смутился и ответил на ломаном русском языке, что в плену не был.

— Откуда же вы знаете так много наших песен?

Он смутился еще сильнее, ничего не ответил, отошел... И больше мы его не видели. А официант (тот, который в 1918 году побывал в Николаеве) доверительно шепнул мне, что Макс — отъявленный нацист, наверное из СС.

Разные были люди в том огромном человеческом муравейнике, каким был Нюрнберг, точнее, процесс...

Однажды я услышал из репродуктора:

«One, two, three. Three, two, one...»

Радиотехник проверял исправность трансляционной сети. Вдруг английская речь сменилась русской: «Дело было вечером, делать было нечего» — и т. д. по стихам Михалкова. А затем снова по-английски.

Я разыскал этого странного радиста. Им оказался тридцатилетний житель Нью-Йорка Джон Рида (по профессии моряк). Он сражался в Испании в рядах интернациональной антифашистской бригады, там научился говорить по-русски. Провел войну в рядах американского флота, попал в Нюрнберг как специалист-радист. И, конечно, в силу знания русского языка.

Да, разные были тут люди...

5

К началу процесса, по данным американской службы общественных связей, в Нюрнберге было аккредитовано 147 журналистов (из них 44 советских). После рождественского перерыва пресс-кемп заметно опустел: многие корреспонденты не вернулись в Нюрнберг. Однако к началу советского обвинения (в первых числах февраля) снова зашумели коридоры суда, ресторан пресс-кемпа, кулуары опять зажили полной жизнью. Так было и

тогда, когда началась на процессе стадия защиты, особенно же во время допроса Геринга. И так до конца происходили приливы и отливы внимания мировой прессы к процессу. Но такого напряжения, как в первый месяц, больше, пожалуй, не было.

Корреспондентский корпус в Нюрнберге был неоднороден. Советская пресса была представлена большой группой писателей и журналистов. К. Федин, И. Эренбург, Л. Леонов, В. Вишневский, Б. Полевой, В. Саянов, Я. Галан, С. Крушинский, Ю. Яновский, Б. Афанасьев, Г. Беспалов, Ю. Корольков, Н. Ланин, С. Нариньяни, В. Померанцев.

Такой внушительной делегации не было больше ни у одной страны. И это вполне понятно.

Мы — советские журналисты — видели свою задачу в наиболее полном и точном освещении хода процесса, чтобы люди во всем мире получили верное представление о нацистских злодеяниях, о сущности гитлеризма, о причинах и условиях его появления в Германии.

Пресса капиталистических стран — во всяком случае, ее значительная часть — была больше заинтересована в сенсационных подробностях и «острых» деталях, чем в раскрытии сущности процесса, происходящего над виновниками развязывания преступной агрессивной войны и ее ведения преступными методами.

Квалифицированные, опытные, известные журналисты во многих отношениях наивны как дети. Я говорю не о тех, кто, подобно представителю херстовского агентства, был сознательно реакционен, кто исповедовал антисоветскую «религию».

Как пример приведу один спор с Джонсом, корреспондентом «Дейли экспресс». Он считал себя социалистом и взялся доказать, что именно в Англии, а не в СССР уже существует социализм.

— Сколько у вас платят процентов по займам? Не помните? Я скажу вам: четыре процента. А сколько в Англии платят банки процентов на капитал? Не знаете? Я скажу вам — три процента! А из них государство в виде подоходного налога отбирает половину. У вас получают четыре процента, а у нас только полтора. Где же в большей мере уничтожены доходы на капитал?

Что можно было ответить на такие «теоретические» рассуждения!

Я пытался изложить несколько простейших истин о сущности социализма, но Джонс упрямо стоял на своем.

Помимо представителей печати и радио были в Нюрнберге и люди из отделов прессы иностранных ведомств, прикомандированные к делегациям обвинителей для организации общественного мнения. Думаю, что не ошибусь, если скажу: многие из них были также заняты и несколько иного рода деятельностью...

Так, запомнился некий господин А., сын петербургского дельца, вывезенный из России в раннем детстве. Он сам представился как офицер морской разведки Франции во время войны, затем перешедший в отдел печати министерства иностранных дел. Сей господин, отлично говоривший по-русски, был очень прыток, вертелся в коридорах суда и в пресс-кемпе, очень заигрывал с советскими журналистами, клянясь в любви к России.

Был в числе французских журналистов русский человек по имени-отчеству Павел Ефимович (фамилию не стану называть), выступавший под псевдонимом. Он как-то, слегка подвыпив, сказал доверительно:

— Не удивляйтесь моему любопытству. Моя обязанность здесь быть весьма осведомленным...

Корреспондент французской провинциальной газеты в Нанси Саша Симон со стороны матери был правнуком И. А. Гончарова. Он сносно говорил по-русски и неплохо относился к нашей стране.

Таня Лонг была наполовину русской, тоже говорила по-русски. Как и ее муж Раймонд Даниэль, она была корреспондентом «Нью-Йорк таймс».

25 января 1946 года британские журналисты устроили в пресс-кемпе вечер памяти великого шотландского поэта Роберта Бернса. Во время торжественного обеда председательствовал сэр Дэвид Максуэлл-Файф. Речи произнесли Константин Александрович Федин, английский, французский, шведский, чешский, американский журналисты. Очень большой успех имела речь К. А. Федина, и устроители торжества были весьма благодарны нам, советским журналистам, что мы «обеспечили участие столь выдающегося человека»... Большого труда это нам не стоило: Константин Александрович сразу

и охотно принял приглашение и согласился сказать речь...

В начале весны я принял участие в поездке нескольких американских и английских журналистов в Кобург — к бывшему царю болгарскому Фердинанду. Свергнутый с престола в 1918 году, после поражения Германии и Болгарии, Фердинанд, принц Кобургский, вернулся в родные места... Он согласился принять нас в своем поместье.

— Я не занимаюсь политикой, джентльмены, — сказал царь. — Я даже и говорить о ней не желаю... Я выращиваю цветы, овощи и счастлив...

Думаю, он благословлял судьбу, что она позволила ему оставаться в стороне от тех событий, итог которых подводился в Нюрнберге. С него хватило и Вильгельма II...

Угостив нас плодами своих трудов, царь «милостиво простился с нами». Аудиенция не была продолжительной, но была поучительной... «Так проходит мирская слава»...

6

Погоня за сенсациями... Она началась в тот самый миг, как Лоренс торжественно открыл заседания трибунала.

Первой ласточкой было так называемое интервью Геринга. Оно появилось сразу же после начала процесса и было передано в печать защитником Геринга Штамером. Трибунал осудил поступок адвоката.

Хотя это решение и отрезвило наиболее ретивых охотников за сенсациями в журналистской среде и наиболее ревностных любителей мутить воду среди адвокатуры, но все же не прекращались нарушения журналистской этики, и на страницах газет появлялись отчеты, явно инспирированные защитниками, материалы, отвлекавшие внимание от главного, существенного и рассчитанные на обывательский интерес.

Вот, к примеру, шумиха вокруг завещания Гитлера. Когда британские разведывательные органы нашли этот документ, то газеты, в первую очередь английские, несколько дней цитировали, комментировали «последнюю

волю фюрера». Не меньше шума наделало и «письмо Риббентропа Черчиллю», появившееся в газетах в начале января 1946 года.

Риббентроп написал его в апреле 1945 года. Он распинался в своей любви к Англии, клялся, что ни к чему так не стремился, как к соглашению с нею, уверял, что Гитлер за неделю до смерти говорил, что всегда стремился к дружбе и сотрудничеству с Великобританией. . .

Почему Риббентроп написал такое письмо, понять было нетрудно. Почему же его опубликовали солидные газеты вроде «Дейли телеграф»?

Я спросил нескольких английских корреспондентов. Ответы были разные, но симптоматичные.

— «Телеграф» не прочь помочь Риббентропу увернуться от петли.

— Почему же не использовать такой сенсационный материал.

— Очень жалею, что он не попался мне...

Но другие коллеги осуждали поступок газеты и считали, что незачем бросать спасательный круг Риббентропу.

Еще один эпизод.

Вспыхнуло национально-освободительное движение в Иранском Азербайджане, население которого потребовало широкой автономии.

Около часа ночи в дверь моей комнаты сильно постучали. Проснувшись, я сказал: войдите. Дверь отворилась, и, к моему великому изумлению, вошли британские корреспонденты Джонс и Борн. Они подошли к кровати и спросили:

— Вы что-нибудь слышали по радио?

— Нет. А что, собственно, случилось?

— Вы ничего не знаете? Персидские события!

— Какие события?

— Только что по радио передавали, что Персия объявила войну России.

— Кто это вам сказал?

— Один американский корреспондент. Мы пришли к вам узнать, вы что-нибудь слышали?

— Нет, я радио не слушал. А сейчас уже поздно — два часа в Москве, и вещание прекратилось.

— Мы пойдем слушать Би-би-си, последний выпуск. Они, наверное, что-нибудь скажут.

— Но я не сомневаюсь, что все это сплошная ерунда и чья-то выдумка.

— Мы сейчас узнаем. Если что-нибудь интересное, мы придем к вам. Если мы через двадцать минут не придем, значит, ничего не было. Пожалуйста, извините нас. Спокойной ночи!

Они больше не пришли. А утром Борн мне сказал, что все это оказалось чистой выдумкой — в ночном выпуске ББС Персия даже не была упомянута.

— Кто это вам сказал? — спросил я.

— Это нам сказал Рой Портер (комментатор антисоветского агентства Интернейшнл Ньюс Сервис). Он это всем рассказывал и даже сказал, чтобы пойти спросить у вас.

— Но Портер большей частью бывает пьян поздно вечером. Очевидно, так дело было и вчера.

— Да, вероятно.

Шахт! Что его ждет? Это был вопрос не только и даже не столько о его личной судьбе, сколько об отношении к магнатам монополий Германии: будет ли допущено, чтобы они вновь господствовали в Германии, еще раз направив ее развитие по пути к войне?

Я задавал такой вопрос многим коллегам. Американцы отшучивались, им, видимо, не хотелось говорить на эту тему.

От англичан я слышал в общем одинаковые ответы. Корреспондент газетного концерна «Кемзли пейперс» Хау сказал:

— Шахт избегнет смерти. Обвинение против него слишком слабо. Американцы не представили достаточных данных. До перекрестного допроса, проведенного Джексоном, я был уверен, что Шахта нужно повесить, а после допроса эта уверенность у меня исчезла.

— Но ведь Шахт один из главных виновников войны — именно он дал Гитлеру миллиарды на вооружение.

— Это только идеологические обвинения, а нужны конкретные факты.

Такое же рассуждение о Шахте услышал я от корреспондента «Дейли экспресс» В. Джонса.

— Я думаю, что Шахт виновен лишь в одном: он совершил ошибку, когда помог Гитлеру прийти к власти.

— А его помощь в восстановлении военной мощи Германии?

— Да, это верно, но ведь он порвал с Гитлером и устраивал заговор против него...

Подобные суждения о Шахте меня сперва поражали. Но затем стало ясно, что Шахта в обиду не дадут его американские и британские партнеры по довоенным сделкам, банкиры и финансисты. Так оно и вышло.

Вспоминается любопытная беседа о Гизевиусе, свидетеле защиты Шахта. Джексон назвал Гизевиуса «подлинным представителем демократической оппозиции в Германии». Я выразил удивление: что за «демократ» этот чиновник тайной полиции Пруссии, затем агент американской секретной службы, доверенное лицо Аллена Даллеса, руководителя швейцарского отделения этой службы? А до войны он был членом реакционного «Штальгельма».

И в ответ от коллеги-журналиста я услышал:

— У вас, русских, неверное представление о демократии. Вы признаете только одну-единственную партию. А народ выражает свои мнения и желания через разные партии. И вы всегда манипулируете словами «буржуазный», «капиталистический», и эти слова у вас означают «плохой». Но ведь это не так...

В том дремучем лесу, каким было политическое сознание моего собеседника, было бесполезно и наивно искать дороги к свету...

Естественно, что проблема Германии, ее будущее, политика победителей по отношению к ней была наиболее животрепещущей и в наших беседах.

Р. Даниэль в разговоре заметил, что Германия — опытное поле нового мирного устройства в Европе. Я попросил его подробнее высказать свою точку зрения.

— Уже существуют резкие расхождения в политике четырех оккупирующих держав. Русские открыто используют такие методы, которые имеют целью помочь всем, кто стремится предотвратить возрождение нацизма. А мы, американцы, в своей зоне демонстрируем отсутствие ясной политики, и у нас качка — с одного борта на другой. И хотя в нашей зоне и проводится денацифи-

кация, но ничего не сделано в главном — в перевоспитании широких масс народа, которые еще продолжают считать себя расой господ.

Корреспондент Юнайтед Пресс Мак Дермот, находившийся в Германии с начала вторжения американских и британских войск, изучивший все зоны оккупации, делился своими наблюдениями и впечатлениями:

— Я уверяю вас, что немцы не подготовлены к демократии: ими нужно руководить, и они в глубине души мечтают о новом фюрере. Поэтому, я убежден, для Германии на десять лет, если не больше, необходимо военное управление союзников...

Характерные факты рассказывал американский журналист С. Падовер, который занимался изучением настроений в разных кругах населения.

В Мюнхене врач сказал ему:

— Как с русскими? Когда вы будете сражаться с ними?

Падовер не сомневался, что существует организованный центр, направляющий пропагандистскую кампанию против СССР и старающийся посеять раздоры между победителями.

— Немцы не желают признать, что они побиты вами, вашей Красной Армией. Солдаты, сражавшиеся на Востоке, хотят смыть позор поражения, но понимают, что это возможно только в новой войне — в союзе с нами, американцами...

Очень интересный разговор о Германии был с известным американским публицистом У. Липпманом, который приезжал в Нюрнберг взглянуть на Геринга (как он сам сказал).

Вечером в пресс-кемпе вокруг Липпмана собрались журналисты, засыпали его вопросами.

В беседе я участвовал преимущественно как внимательный слушатель.

Политика США в Германии и Европе неправильна, так как США довольствуются ролью «пассажиров на задней скамье», уступая роль водителей Англии и СССР. Это объясняется неверным пониманием значения германской проблемы. А это, в свою очередь, связано с тем, что США досталась южная часть Германии, наименее важная экономически и политически, а Англия и Совет-

ский Союз разделили между собой основные, важнейшие части Германии. США обязаны добиться коренного изменения такой ситуации, активно вмешавшись в то, что Липпман назвал «дуэлью между Лондоном и Москвой» — за главенство над Германией. На США лежит обязанность содействовать решению германской проблемы, чтобы навсегда устранить опасность новой немецкой агрессии. Для этого следует добиваться скорейшего восстановления единства Германии. Если же Советский Союз на это не пойдет, то нужно объединить три зоны, находящиеся в оккупации западных держав.

Читатель без труда заметит внутреннее противоречие в этих рассуждениях. Исходя из верной предпосылки о необходимости создания единой, миролюбивой, экономически процветающей Германии, Липпман сразу же выдвигал альтернативу: создание под американской эгидой «частичного» государства. Он предлагал раскол Германии, противопоставление одной ее части другой и превращение германской проблемы в источник напряженности и военной опасности.

Рождественский перерыв в работе трибунала удалось использовать для интересной поездки по американской зоне оккупации.

Вадим Кучин, работавший офицером связи при советском обвинении, владел немецким языком так, что немцы считали его коренным берлинцем.

Он предложил В. М. Саянову и мне участвовать в поездке на его машине. Мы с радостью согласились. Впятером (кроме нас троих — жена Кучина Катя, военный переводчик, и шофер) мы выехали из Нюрнберга, кажется, 22 декабря.

Мы проехали около 800 километров по дорогам Баварии и Вюртемберга. Ингольштадт, Аугсбург, Мюнхен, Ульм, Штутгарт, Ансбах, многие другие города и много десятков сел лежали на нашем пути. Автострада, шоссе номер 2, 4, 14 и другие — таковы были пути нашего следования. Дунай, Изар, Некар и много мелких рек пересекла наша машина за эти дни.

Верховья Дуная — этой второй после Рейна реки в Западной Европе. Здесь сердце Баварии, одной из древнейших областей Германии. Здесь, в Баварии, возникла «католическая лига», которая вызвала Тридцатилетнюю

войну, обратила Германию в арену ожесточенных схваток в течение десятилетий и привела ее к катастрофе. История повторяется: здесь, в Баварии, зародилась в «Коричневом доме» новая опустошительная война, которая привела Германию к катастрофе не меньшей, чем 300 лет назад.

Наступает ранний зимний вечер. Только шестой час, и мы проносимся через городки, освещенные электрическим светом. Пфафенгофен — маленький городок с узкими извилистыми улицами, сохранившими свой облик с давних времен. Они освещены голубыми фонарями. И такое впечатление, будто лунное сияние отражается в лужах воды на асфальте. Кино с новым американским фильмом. Большая елка около ратуши, усеянная электрическими огнями.

Пфафенгофен остался позади. Люстгейм. Деревенский трактир с гостиницей. Здесь можно получить жареный картофель, эрзац-кофе, пиво, которое хозяйка подает с извиняющейся улыбкой — настолько мало похоже оно на былое баварское пиво.

Хозяин подсаживается к нам и заводит обычный теперь разговор. Он не был в партии, он очень хорошо относился к полякам, которые работали у него. Немедленно предъявляется справка, подписанная какими-то людьми. Во всем виноваты СС и этот окаянный Гитлер.

— Были вы на фронте?

— Нет, но я служил во вспомогательных войсках люфтваффе.

Этот 43-летний голубоглазый, светловолосый баварец долго и старательно объясняет, как плохо было ему и другим немцам при Гитлере. Но теперь дела его — и это видно сразу — отнюдь не плохи. Трактир уцелел, как и находящаяся на втором этаже дома гостиница, инвентарь и белье сохранились, предприятие работает. Правда, нет угля, и в комнатах холодно почти так же, как и на улице.

Узнав, что мы из Нюрнберга, спрашивает:

— А что, Геринга уже нет?

— Как нет?

— Убит... Советским прокурором...

Мы смеемся, говорим, что это чушь, враки, немец вежливо соглашается, но явно не верит нам...

Утром, едва мы встаем, является старая немка — ей нужно повидать русских. Вся деревня знает о нашем пребывании. Она пришла спросить, не слышно ли чего-нибудь о ее сыне, который попал в плен у Сталинграда. Когда мы разговариваем с ней, по лестнице вниз спускается здоровенный негр с молоденькой девушкой. Он приехал поздно вечером на своем «студебеккере» и ночевал с ней. Так обстоит дело с «чистотой расы» в нынешние времена! Мы провожаем пару глазами, а старая фрау быстро отводит их в сторону. Я прочел на ее лице не столько изумление или гнев, сколько любопытство.

Мы покидаем Люстгейм и вскоре въезжаем в Мюнхен. Не похож Мюнхен на «немецкие Афины», но и на «столицу движения», как его именовал Гитлер, тоже не похож... Повсюду — развалины. Широкая красивая Людвигштрассе лежит в руинах. Фельдгернгалле — Галерея полководцев больше не существует, о чем Германия вряд ли может жалеть. «Коричневый дом» сровнен с землей.

Изар течет так же красиво, как раньше, аллеи вдоль его берегов по-прежнему живописны.

Из дома выходит пожилая немка с двумя ведрами мусора, подходит к куче на перекрестке и хладнокровно выбрасывает мусор. Такие картины можно наблюдать на всех центральных улицах Мюнхена.

Буттермельхерштрассе посередине перегорожена целым холмом мусора. Он подходит вплотную к дому, в нижнем этаже которого находится небольшая столовая некоей фрау Эльзы Криш. Столовая еще закрыта, но меню висит на дверях. Суп — 15 марок, мясное блюдо — 70 марок, это не по карточкам, а по вольным ценам.

Объехав весь город, едем дальше. Я вспомнил тот далекий летний день, когда слышал Гитлера... Тогда, в 1928 году, даже и вообразить было невозможно, что вскоре Гитлер захватит власть. Но это произошло, и результат был особенно нагляден в Мюнхене.

Моросит мелкий дождь. Начинает темнеть. Но дороги оживленны. Десятки людей на велосипедах группами и в одиночку заполняют их. Бóльшая часть — женщины. За спинами мешки. Много и пешеходов, и, что особенно поражает, они идут под дождем с детьми, часто совсем маленькими. Мы проносимся через городки и деревни,

похожие друг на друга. Древние стены, ворота в них. Башни, узкие кривые улицы. Снова дорога и снова велосипедисты и пешеходы, они идут и едут из города в город, из деревни в деревню, невзирая на непогоду и тьму.

Ульм. Здесь Наполеон разгромил австрийскую армию Мака и создал угрозу русской армии Кутузова. И недалеко отсюда Багратион совершил свой славный подвиг, выдержав с небольшим арьергардом натиск всей французской армии.

Снова Дунай. Мы переезжаем его по мосту. Мчимся дальше. Выезжаем на автостраду, широкая лента которой пустынна.

Ночлег в селении Райхенбах-ан-дер-Фильм. Оно не пострадало от войны. В нем три тысячи жителей. Деревенская гостиница «Олень». Большая золоченая фигура зверя висит над входом. Внизу, как всегда, общий зал трактира, и в нем молодые парни и девушки за кружками пива с любопытством глядят на советских офицеров. Рядом особая комната. На дверях написано «стрелковая комната». Стены увешаны круглыми мишенями со следами подвигов местных мастеров стрельбы. В этой комнате собираются «сливки местного общества». Когда мы ужинаем, приходят молодые люди призывного возраста, элегантно одетые, с барышнями.

За одним столом самодовольный буржуа. Его разглагольствованиям почтительно внемлют молодые люди.

— Но что же самое главное? — восклицает он.

И, выдержав паузу, отвечает:

— Дешево купить хороший товар.

Слушатели ему почтительно поддакивают. Отхлебнув пиво, он говорит еще более внушительно, подняв палец:

— А плохой товар выгодно продать.

Одобрительный смех.

Война пронеслась мимо этих людей...

Хозяин гостиницы на мой вопрос отвечает:

— О, мы всем очень довольны!

Он с гордостью рассказывает, что гостиница была основана еще перед первой мировой войной его отцом, а теперь он с братом содержит предприятие. Этот трактирщик тоже спрашивал, правда ли, что Геринг убит в

зале суда — но не прокурором, а советским журналистом...

В комнатах, отведенных нам для ночлега, так же холодно, как и в гостинице Люстгейма, но во всем остальном нет никаких следов войны. Узнав в нас русских, и здесь также приходят справляться о военнопленных.

И совсем немного интереса проявляют они к тому, что происходит в Нюрнберге: о процессе Геринга и компании в трактирах не говорят, газетные отчеты почти не читаются... Было несомненно из тех бесед, какие мы вели, что на предстоящих коммунальных выборах эти люди отдадут голоса христианско-социальному союзу (ХСС), который играет главную роль в политической жизни Баварии с первых дней американской оккупации...

Воскресенье. Девять часов утра. Мы собираемся выехать на Штутгарт. Рейхенбах только просыпается. Боковая улочка Шиллерштрассе ведет от проходящего через селение шоссе к подножью горы, на которую взбираются домики селения. Улочка и домики чистенькие, как на витрине в магазине игрушек. Конец декабря, но окна открыты. Из них высовываются головы стариков и старух. Они с изумлением осматривают советских людей. Война обошлась, в общем, милостиво с баварской деревней. Десятки деревень и сел не разрушены, не разорены. Жирные гуси бегают по дорогам. Курицы важно спускаются со своих насестов. Целые стада овец пасутся у дорог. В трактирах повсюду можно достать не только картофель и пиво, но и хлеб без карточек, овощной суп, молоко.

Я расспрашивал о только что созданном баварском крестьянском союзе. Пока еще о нем мало кто знает, но очевидно, что эта организация объединит крестьян Баварии и будет твердой опорой для режима.

Нас интересовал вопрос о сепаратистских тенденциях. Конечно, трудно получить искренние и точные ответы в таких дорожных разговорах. Но впечатление таково, что сепаратистских тенденций в явном виде сейчас в народе нет. Неприязнь к Пруссии и к берлинцам высказывается охотно. Как сказал мне один восьмидесятисемилетний старик:

— Оттуда, с востока, мы ничего хорошего не видели, и мы хотим жить в Германии, а не в Пруссии.

В небольшой деревушке мы встретились с группой украинских националистов-бандеровцев. Вероятно, узнав о нашем приезде, они пришли в трактир, расселись так, чтобы отделить нас от выхода, и подчеркнуто громко заговорили по-русски, а потом по-украински. Хозяйка сразу потребовала с них деньги за пиво и была недовольна их приходом. Очевидно, эта компания не пользуется хорошей репутацией в деревне. Почти все они одеты в фельдграу — кители немецких военнослужащих, один был в форме так называемой власовской армии.

Вадим сказал тихо:

— Спокойствие... Не обращайте на них внимания. Докончим завтрак и выйдем: я впереди, затем Саянов, за ним Катя, потом Гус, и замыкать будет Ваня...

Мы так и сделали, и бандеровцы нас пропустили, но пошли вслед за нами. Когда же мы сели в машину и она тронулась, они кричали нам вслед, грозили кулаками.

И никаких властей не было ни вблизи, ни вдали...

Прибавлю, что невдалеке от Нюрнберга группа советских работников трибунала подверглась нападению в старинном городке при осмотре древнего собора. Там тоже не было американской военной полиции.

Украинских националистов в Баварии много, и центр их находится в Мюнхене. Почти в каждой деревне встречали мы людей в военной форме с погонами и со всеми знаками различия старой польской армии. Кое-где попадались и лагеря для беженцев-латышей с латышским флагом.

Штутгарт. Город, окруженный горами, расположен на их склонах и в большой котловине. Королевская площадь — одни развалины. Старый замок сгорел. Новое дворцовое здание конца XVIII века, в котором некогда жил Наполеон, разрушено. Почти у самых стен старого замка и рядом с памятником императору Вильгельму I расположена городская доска объявлений. На ней написано на смеси двух языков: «Сити анцейгер тафель». Под стеклом в аккуратных колонках размещены напечатанные на машинке объявления. Обмен, покупка, про-

даже недвижимости, сдача комнат, розыск и браки. Особенно любопытна последняя графа.

«Я, двадцатилетний молодой человек ростом в 1,75 метра, блондин, с приятной наружностью, ищу интересную молодую девицу от 17 до 20 лет не выше 1,70 роста, со светлыми глазами, для брака».

Другое объявление:

«Портниха, 30-летнего возраста, один шестьдесят пять ростом, с хорошим делом, хотела бы найти мужчину на пятом десятке, который мог бы составить счастье ее жизни».

Две колонки таких же объявлений с одной стороны доски и столько же с другой. Сбоку к доске прибит ящик, и на нем написано — «для предложений».

Вы имеете возможность, не сходя с места, ответить на призывы этой портнихи или этого молодого человека...

В Вюртемберге, как и в Баварии, деревни совершенно не тронуты, сохранили внешний вид довольства и зажиточности. По дорогам снуют велосипедисты и велосипедистки. Хорошо одетые мужчины и женщины с детьми идут в гости в соседние селения или возвращаются домой. За все четыре дня мы не видели ни одного поста военной полиции. Американцев можно встретить только в Мюнхене, Штутгарте, Аугсбурге.

* * *

Путешествие по американской зоне окончено. А с ним подходит к концу и 1945 год, незабываемый год Победы...

Мы возвращаемся в Нюрнберг, чтобы встретить Новый, 1946 год в родном советском кругу — среди тех, кого наш народ послал сюда, в Нюрнберг, для участия в небывалом историческом акте правосудия, которое вершит от имени народов Международный военный трибунал.

Новый год встретили на вилле, отведенной для советских работников обвинения и трибунала, встретили радостно, с большим подъемом. Ведь наступал первый послевоенный год, первый год мирного труда и строитель-

ства. Правда, впереди еще было много работы и здесь, в Нюрнберге, и в Германии — чтобы не только наказать преступников, но и помочь немецкому народу строить свою новую жизнь.

И наступили будни: трибунал возобновил заседания.

СУД СОВЕСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1

В 1945 году Нюрнберг перестал быть обычным географическим пунктом на карте Германии. Он — экстерриториален в самом точном смысле слова: здесь перед всем человечеством развертывается действие огромного всемирно-исторического значения. Процесс главных немецких военных преступников — это одновременно и последняя битва только что отгремевшей второй мировой войны, и первая проба сил в возникающей «холодной войне» между победителями.

Нюрнбергский процесс есть также сражение за душу немецкого народа, за освобождение сознания от нацистского яда, за расчистку путей его возрождения, — расчистку, куда более трудную, чем уборка нюрнбергских улиц от развалин...

По двум главным руслам протекает это многообразное, сложное сражение: по официальному — в зале заседаний Международного военного трибунала и по неофициальному — в кулуарах Дворца юстиции, в пресс-кемпе, где разместилась журналистская рать, в казино в «Континентале». И еще третье русло: в тюрьме, в камерах, где содержатся подсудимые, в тюремных столовых, где их кормят, в комнатах, где они совещаются с защитниками, отделенные от них густой металлической сеткой.

И в зале заседаний, и в кулуарах, и в тюрьме происходит ожесточенная борьба не только между подсудимыми и правосудием, но и между силами подлинно антифашистскими, искренне стремящимися покарать прошлое, чтобы оно не могло никогда стать будущим, и силами реакционными.

Первая попытка привлечь к уголовной ответственно-

сти перед международным правосудием виновных в агрессии была предпринята в 1919 году. В Версальский мирный договор был включен раздел VII «Санкции» со статьями 227—229. Германский кайзер Вильгельм обвинялся в «высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров», и союзники присваивали себе право предать суду военного трибунала его и других виновных в нарушении законов и обычаев войны, с тем что преступники, действия которых не ограничивались определенным местом, предстанут перед лицом правосудия союзных держав.

Голландия, где укрылся Вильгельм, отказалась его выдать для суда. А германское правительство, в свою очередь, отказалось выдать союзникам германских офицеров и генералов, виновных в военных преступлениях.

Руководители Антанты не настаивали на осуществлении статей 227—229, и военные преступники первой мировой войны остались безнаказанными.

Помня об этом, народы, победившие в тягчайшей борьбе гитлеровскую Германию, настояли на том, чтобы не была повторена ошибка 1919 года. В 1943 году СССР, США и Великобритания опубликовали декларацию об уголовной ответственности гитлеровцев за совершаемые ими преступления перед судами тех стран, где преступления совершены, и перед международным судом. Такой суд для рассмотрения дела о главных немецких военных преступниках был учрежден на основе утвержденного в августе 1945 года Устава Международного военного трибунала.

Устав трибунала и его приговор не только осуществили впервые в истории акт правосудия над людьми, использовавшими захваченную ими государственную власть для совершения преступлений против мира. Устав трибунала и его приговор обогатили правосознание человечества такими правовыми принципами и такими практическими действиями, которые дают важное орудие для борьбы в защиту мира, против новых попыток агрессии. Генеральная Ассамблея ООН подтвердила «принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в приговоре трибунала».

Законность и целесообразность суда над военными

преступниками гитлеровской Германии оспаривалась перед процессом, во время суда и оспаривается и теперь.

Американские и иные зарубежные покровители гитлеровцев, германские их защитники исходили из стремлений, хорошо известных и тем и другим, — помешать установлению международной ответственности за преступления против мира и человечности...

20 ноября, сразу же после того, как председатель лорд Лоренс сделал краткое вступительное заявление, защита поставила вопрос о некомпетентности трибунала. Защитник Геринга Штамер огласил обширную декларацию. Трибунал, состоящий из судей стран-победительниц, не может быть беспристрастным; не существует международного закона, признающего агрессию преступлением, а посему — и тут-то и был краткий смысл длинной речи — защита почтительнейше ходатайствует о создании международной комиссии экспертов для разрешения вопроса о компетентности трибунала.

Номер не прошел. 21 ноября Лоренс объявил решение трибунала: вопрос о его юрисдикции не подлежит обсуждению на основании статьи 3 Устава. Она гласит: ни трибунал, ни его члены, ни их заместители не могут быть отведены обвинителем, подсудимым или защитой. Поэтому, сказал председатель трибунала, слушание дела продолжается.

2

Хотя первая атака на законность трибунала, на правовые основы суда над виновными в преступлениях против мира, была отбита, защита до самого конца не переставала при всяком представляющемся случае заявлять о незаконности Нюрнбергского процесса.

Перед началом защитительных речей от имени всей защиты выступил профессор международного и государственного права Ярройс все с теми же утверждениями, что процесс не имеет законных оснований. Вслед за ним Штамер повторил его аргументы: не может быть признано преступным такое деяние, которое не предусмотрено соответствующим законом (nullum crimen sine lege), а этот закон был установлен в Уставе трибунала после совершения рассматриваемых в суде действий об-

виняемых. Поэтому, в силу принципа «закон не имеет обратной силы», Устав трибунала не может считаться достаточным для суда и наказания обвиняемых. А потому, в силу положения «не может быть наказания, если оно не предусмотрено законом» (nulla poena sine lege), трибунал не имеет права осудить приспешников Гитлера.

На эти юридические хитросплетения ответили все обвинители. Подробнее других рассмотрел и опроверг доводы защиты Р. А. Руденко.

В заключенном в Париже в 1928 году пакте Келлога — Бриана, в котором участвовала и Германия, подписавшие его державы торжественно заявили от имени своих народов, «что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики». Р. А. Руденко сослался и на резолюцию конгресса Международной ассоциации уголовного права в 1929 году: исходя из того, что война Парижским пактом поставлена вне закона, необходимо создать организацию интернациональной уголовной юстиции и установить уголовную ответственность государств и отдельных лиц за агрессию.

Что касается определения агрессии, которого якобы нет до сих пор, то главный обвинитель от США Роберт Джексон указал на конвенцию, подписанную в 1933 году Советским Союзом и семью государствами. В ней дано четкое и точное определение агрессии. Главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс также сослался на определение агрессии, содержащееся в ряде договоров СССР с другими государствами.

Таким образом, принцип уголовной ответственности за агрессию и определение агрессии существовали задолго до установления фашистской диктатуры в Германии.

То же самое относится и к проблеме ответственности за военные преступления и преступления против человечности. Международные конвенции — Гаагская 1907 года, Женевская 1929 года, а также и решения Вашингтонской конференции 1929 года определили, что́ является преступным нарушением правил и обычаев ведения войны.

Так были разбиты софизмы защиты. Но домогательства защиты нашли сочувственный отклик.

«В этой стране (Англии), — писал в «Таймс» член парламента У. Гаррис, — распространено суждение, что процесс есть лицемерный камуфляж. 21 обвиняемый будет осужден не потому, что они виновны, а потому, что они побеждены».

Покровителям нацистов ответил правовед М. Бернейс, который в качестве начальника отдела специальных проектов генерального штаба США участвовал в предварительной разработке принципов организации международного суда над нацистскими преступниками.

«Были такие, — писал М. Бернейс, — кто сомневался в необходимости суда и стоял за наказание виновных по приказу. Другие оспаривали такие основы плана суда, как доктрина, признающая агрессию преступлением».

М. Бернейс на эти возражения ответил так: «Начать с того, что нападение и убийство есть тяжкое преступление и во время войны, и в мирное время».

Автор указывает на Гаагские и Женевские конвенции об обращении с военнопленными, с гражданским населением, имуществом. Защита в Нюрнберге напирала на то, что в конвенциях говорится только о запрещении определенных действий, но они не объявлены преступными и уголовно наказуемыми. М. Бернейс рассмотрел и этот вопрос и показал абсолютную несостоятельность попытки противопоставлять «запрещение» определенных действий как незаконных — их наказуемости как уголовных деяний. «Конвенция устанавливает только то, что запрещено. Но когда запрещенное действие считается преступным в силу общего согласия цивилизованных народов, оно рассматривается как преступление на основе законов о ведении войны и соответственно карается».

М. Бернейс подчеркнул и такой важный момент: многие нацистские преступления нарушили также законы самой Германии. В силу безоговорочной капитуляции Германии оккупирующие державы взяли на себя и функции правосудия, и потому МВТ в качестве правопреемника германских судов вправе судить нацистских главарей в соответствии с нормами германского права.

М. Бернейс ответил и на довод защиты, что судить нацистских главарей могли бы только нейтральные судьи, а не представители победивших стран. «В каждом уголовном процессе в любой цивилизованной стране суд

должен быть беспристрастным, но ни в коем случае не «нейтральным». Он не нейтрален в своем отвращении к преступлению и в своей решимости осудить преступление. Можем ли мы честно ждать, что любой сочлен семьи наций будет «беспристрастным», сталкиваясь с международным преступлением, совершенным великой державой?» — ставит вопрос М. Бернейс и отвечает: «беспристрастных судей для такого процесса пришлось бы искать среди эскимосов или готтентотов».

Суммируя свои доводы в защиту полной законности Нюрнбергского процесса, американский автор сказал: «Да, то, что происходит в Нюрнберге, революционно. Но поймем ясно, что́ это за революция. Это не революционное изменение закона. Это революция в применении закона».

«Подвергаем ли мы немцев честному суду (fair trial) — спрашивают меня. Разве судьи и обвинители не избраны из среды победивших наций и пострадавших сторон? Не похоже ли это на то, как если бы обычный убийца был предан суду, созданному из родственников убитого».

Такой вопрос поставил М. Бернейс, резюмируя свою статью, и ответил на него: суд в Нюрнберге — справедливый суд...

К такому же выводу пришел и У. Гаррис в цитированной статье в «Таймс»: «Имеет огромное значение, что в зале суда целиком отсутствует атмосфера мести».

Отводя нападки на Нюрнбергский процесс, одна немецкая газета опубликовала выдержки из стенограммы заседания гитлеровского так называемого «народного суда», который «судил» участников заговора 20 июля.

Председатель суда Фрейслер допрашивает обвиняемого Штиффа, генерал-майора, начальника организационного отдела в оберкомандо сухопутных сил (ОКХ).

Ф р е й с л е р. Верно ли, что некоторое время назад генерал артиллерии Линдеман обратился к вам с пораженческими жалобами?

Ш т и ф ф. С жалобами на тяжелое положение он обращался несколько раз. Я отвергаю выражение «пораженческие».

Ф р е й с л е р. Вы можете отвергать это выражение. Но то, что вы отвергаете, интересует нас так же мало,

как здорового немецкого мужчину извращенные наклонности гомосексуалиста, и вы в своем политическом поведении так же извращены, если не понимаете, что такое полное пораженчество. Но здесь господствует наше здоровое суждение, а не ваше. Верно ли, что вы свели Линдемана с Ольбрихтом?

Штифф. Я сказал ему: «Вы можете об этом побеседовать с Ольбрихтом».

Фрейслер. «Он может об этом говорить с Ольбрихтом». Мы уже знаем и сегодня поближе узнаем, какую роль играл Ольбрихт. Говорили ли вы об этом комплексе с генералом Вагнером?

Штифф. Да, генерал Вагнер был полностью осведомлен. Я обратился к нему раньше всего как к старшему товарищу.

Фрейслер. Я могу опять сказать только — черт возьми! Как старшему товарищу? Как старшему преступнику, так как вы знаете, что ему был известен план убийства фюрера... Итак, вы считаете его старшим товарищем?

Штифф. Нет, я это сделал не по преступным причинам.

Фрейслер. Да, потому что вы в этой области действовали как гомосексуалист (Штифф: «Нет!»). Здесь действительно только наше мнение, и никакое иное...

Штифф. Господин президент, я не закончил изложения своей точки зрения.

Фрейслер. Хватит, хватит! Вашу точку зрения вы могли бы придержать при себе, вы, поганый дефетист, до тех пор пока вы умрете... Но мне уже совершенно ясно, что ничему не можете научиться, что вы неисправимы...

И Фрейслер немедленно закончил «слушание» дела Штиффа, приговорив его к повешению. Через несколько часов приговор был исполнен.

Таково было «правосудие» Гитлера!

Трибунал посвятил в приговоре целый раздел правовому обоснованию, вытекающему из Устава.

Устав не является произвольным осуществлением власти победителей, но есть, во-первых, осуществление суверенных законодательных прав стран, перед которыми безоговорочно капитулировала Германия, во-вто-

рых, он выражает международное право, которое уже существовало ко времени создания Устава.

Международное право налагает долг и обязанность как на государства, так и на отдельных лиц: «Тот, кто нарушает законы ведения войны, не может остаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжениями государства, если государство, давая свою санкцию на подобные действия, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву».

3

Обвинение в Нюрнберге было представлено лучшими, наиболее опытными юристами, практиками и теоретиками, СССР и США, Англии и Франции. Его возглавляли Р. А. Руденко, судья Верховного суда США Роберт Джексон, британский министр юстиции Хартли Шоукросс и Франсуа де Ментон, которого сменил Шампетье де Риб. Шоукросс в работе трибунала почти не принимал участия, он произнес только вступительную и заключительную речи. Весь процесс от имени Англии вел его заместитель, известный адвокат и видный политический деятель сэр Дэвид Максуэлл-Файф.

У главных обвинителей было много помощников по отдельным пунктам обвинения.

Можно без преувеличения сказать, что никогда еще в истории правосудия в одном процессе не участвовало столько талантливых, интересных и вместе с тем очень различных прокуроров, как в Нюрнберге.

Когда Роман Андреевич Руденко произнес вступительную речь, я телеграфировал в Москву:

«Речь Руденко произвела сильное впечатление. Написанная сжато, энергично, убедительно, она была произнесена очень выразительно и эмоционально. Главный советский обвинитель выступал последним в ряду главных обвинителей от четырех великих союзных держав. Это усложнило его положение: многое уже было сказано на протяжении ста с лишним заседаний трибунала. Полторы тысячи документов представлены суду. Нет такого фашистского злодеяния, о котором не шла бы речь до сих пор. Нужно было найти новые слова, новые факты,

новые документы. Руденко нашел их. Он как бы обобщал и подытоживал то, что происходило в суде. Перед слушателями вставала во всей своей страшной и отвратительной наготе сущность гитлеризма, сущность фашистского нового порядка насилия и террора, порабощения и разбоя. Руденко говорил от имени почти 300 миллионов людей — от имени народов СССР, Югославии, Польши, Чехословакии. Руденко говорил от имени славянских народов, которых лютой ненавистью ненавидели гитлеровцы и истребление которых считали своей первой задачей. Руденко говорил от имени всех народов Советского Союза, которые принесли неисчислимые жертвы, чтобы раздавить фашистского зверя. Но Руденко говорил также от имени всего человечества: его речь вместе с речами судьи Джексона, сэра Шоукросса, господина де Ментона является грозным обвинением против фашистского режима, против гитлеровской Германии, которая была государством организованного насилия и террора, против сидящих на скамье подсудимых главных военных преступников. Именно так была воспринята и расценена эта речь многочисленными слушателями, которые заполнили весь зал суда, трибуны прессы, галерею для гостей. Одна тема проходила в речи Руденко красной нитью: все, что он говорил, еще и еще раз напоминало и доказывало, что гитлеровцы особо лютую ненависть питали к Советскому Союзу, к советскому народу. В сущности, все агрессии немцев до 22 июня 1941 года были ничем иным, как подготовительными этапами к нападению на Советский Союз. Гитлер хотел создать для Германии наиболее выгодные стратегические позиции, которые позволили бы ему уверенно и без риска начать борьбу с Советской страной. Для этого-то он захватил Австрию, Чехословакию, напал на Польшу, затем постарался вывести из строя Францию, чтобы обеспечить себе тыл. Победа над Советским Союзом означала бы для Германии гарантию установления ее владычества над Европой.

Несколько раз упоминал генерал Руденко о той великой силе, которая опрокинула все расчеты Гитлера, которая спасла мир от фашистского порабощения, которая привела гитлеровских преступников на скамью обвиняемых в Нюрнберге. Эта сила — Красная Армия. Она при-

няла на себя основную тяжесть ударов фашистской Германии, Советский Союз выдержал главную тяжесть борьбы с нею. Гитлеровцы знали это. Вот почему они так лютовали в захваченных ими советских областях. Генерал Руденко представил трибуналу сжатую картину невероятных преступлений, которые совершены были на Украине, в Белоруссии, в Молдавии, в областях России, на Кавказе, в Крыму. Об этих преступлениях подробно будут говорить другие представители советского обвинения. Но и того, что сказал сегодня Руденко, более чем достаточно, чтобы содрогнуться от ужаса: миллионы и миллионы невинных людей были замучены, растерзаны, зверски убиты только за то, что они были советскими людьми».

Главный советский обвинитель Руденко закончил свою речь словами: «Да свершится правосудие».

Роберт Джексон внес огромный вклад в подготовку и организацию обвинения: под его руководством большой штат сотрудников разыскал, просмотрел, отобрал, изучил тысячи документов, которыми пользовались обвинители всех четырех стран.

Джексон руководствовался на суде тем принципом, какой сформулировал в письме президенту Трумэну:

«Мы не принимаем парадокса, в силу которого ответственность перед законом должна быть тем меньше, чем больше власть (совершивших преступления)».

Его речи отличались строгим рационализмом построений; суровость его аргументации и выводов сочеталась с типично американским юмором. Приведу такой диалог с Шахтом.

— Я полагаю, — сказал Шахт, — что продолжаю получать свою пенсию. Иначе я не мог бы покрывать свои расходы.

— Но я думаю, что они теперь не могут быть у вас велики.

В зале — хохот.

Он загонял в угол и «нокаутировал» самых упорных, стойких противников.

Иными были методы и приемы Франсуа де Ментона. Его вступительную речь я комментировал так:

«В речи, произнесенной с большим подъемом в классической традиции французского красноречия, в речи

содержательной и остроумной, глубокой и обличительной, он набросал перед трибуналом общую картину злодеяний, совершенных гитлеровцами во Франции и в остальных странах Западной Европы, подвергшихся нашествию германского варварства. Господин де Ментон посвятил в своей речи много внимания тому, что он назвал изобличением идейных и исторических корней новейшей формы германского варварства».

Пожалуй, самой колоритной фигурой в обвинении был Д. Максуэлл-Файф.

Шотландец по рождению и воспитанию, участник первой мировой войны, он затем с блеском окончил Оксфордский университет и начал адвокатскую карьеру в возрасте 22 лет. А через два года он был избран в парламент, в котором с тех пор и заседал непрерывно на скамьях консервативной партии — и не только как «заднескамеечник», но и как член правительства (министр юстиции).

В искусстве перекрестного допроса он был непревзойден: безжалостный, подобно энтомологу, он решительно «накалывал» извивающегося подсудимого в каждом пункте, которого он пытался избегнуть, сводя судороги его юридических софизмов, его риторические фокусы до пустых фальшивок, какими они и были.

Файф заставил Риббентропа съежиться, сказав:

— Всякий раз как вы сталкиваетесь с документами, содержащими ваши слова, которые вам не нравится теперь слышать, вы говорите, что «это была дипломатическая ложь».

По окончании британского обвинения Д. Максуэлл-Файф в газетном интервью говорил о значении процесса:

«Каждый из нас лично пережил страдания, связанные с войной. Поэтому войну можно определить как коллективную трагедию. Эти страдания и эта трагедия вызваны наступательной войной, которая всеми народами мира, включая немцев, считается преступной.

Во второй раз приходится государствам и народам оплачивать военные убытки и репарации. Но впервые весь мир задает вопрос: должны ли отвечать люди за наступательную войну? Покажите нам, если можете, кто виновен в бедствиях всего мира? Этот процесс для человечества несомненно является шагом вперед, если учесть,

что больше никогда А... В... или С... (люди, которых мы знаем) не будут прятаться под защиту «государства» или «нации», люди, которые в действительности являются такими же самыми, как и мы с вами».

Я не раз слышал от наших советских обвинителей, что они довольны сотрудничеством с Джексоном и Файфом и восхищаются их уменьем, опытом, мастерством.

К сожалению, репутацию эту запятнал — правда, уже после процесса — американский обвинитель Додд. В суде он выступал обоснованно и даже темпераментно по важным пунктам обвинения. Он казался безусловным противником германского милитаризма и шовинизма, и ничто не предвещало того крутого поворота, какой произошел после процесса.

Пользуясь политическим капиталом, нажитым в Нюрнберге, Додд прошел в сенат от демократической партии. А там он, во-первых, оказался замешанным в грязных махинациях, во-вторых, сделался агентом «лоббиста» западногерманских монополий, некоего Клейма. По его поручению, разумеется не безвозмездно, бывший прокурор, обличавший в Нюрнберге немецких монополистов в заговоре против мира и безопасности народов, в сенате рьяно защищал предложения и меры, которые предназначались для укрепления власти в Западной Германии этих же военных преступников, для развития американского сотрудничества с ними...

Ну что ж! В каждом стаде найдется паршивая овца. И бесстыдные, позорные деяния Додда-сенатора не могут изменить высокой оценки вклада, какой внесло американское обвинение в великое дело правосудия, совершенное в Нюрнберге.

ЗАЩИТА ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ...

1

Скамья обвиняемых в Нюрнберге...

Два десятилетия читались, произносились эти имена — Гитлер, Геринг, Гиммлер, Гесс, — произносились с ненавистью и страхом, с проклятием и негодованием.

А теперь это не отвлеченные имена, а живые люди во плоти и крови.

Нет на Геринге мишуры аксельбантов и орденов, его голубой рейхсмаршальский мундир висит на нем как на вешалке — так исхудал некогда жирный «наци № 2». И бесчисленные ордена Риббентропа, которые он бесстыдно вымогал (например, у румынского диктатора маршала Антонеску), не на его груди, а на столе, и их рассматривает американский офицер. И Кейтель без погон и орденов, без маршальского жезла и монокля, каким я его видел 8 мая в саперном училище при подписании капитуляции! Теперь, с папкой для бумаг под мышкой, удивительно похож на военного писаря. Каковым этот «ла-кейтель» и был при Гитлере, но кровавым писарем, подписывавшим и распространявшим злодейские приказы об убийстве советских военнопленных, об истреблении населения СССР.

За состоянием и поведением подсудимых неотступно наблюдают в зале суда, в тюремных камерах американский врач-психиатр Келли и психолог из Нью-Йоркского университета доктор Джильберт.

До начала процесса доктор Келли сказал представителям печати, что, по его мнению, осужденных трибуналом следует казнить газом, чтобы вскрытие могло обнаружить, были ли у них физические и умственные ненормальности, которыми можно объяснить их чудовищные злодеяния.

Но обвиняемые еще живы, и Келли всесторонне обследует их психику как психиатр, а Джильберт изучает их как психолог.

Первый вывод, которым оба врача поделились с печатью вскоре после начала процесса, таков: эти люди не сумасшедшие, но и не «супермены». Они — жестокие, расчетливые эгоисты, их умственные способности нормальны, они знали, что они делали...

Доктор Келли, когда процесс еще не окончился, в Нью-Йорке на собрании Психологической ассоциации сделал доклад о некоторых результатах своей работы в Нюрнберге.

Он еще раз сказал, что все подсудимые — не исключительные личности, а совершенно рядовые люди, каких много в любой стране. Их можно найти повсюду, и урок,

который мы должны извлечь, таков: подобные люди могут захватить власть, если народ позволит им это.

Доктор Джильберт вел ежедневные подробные записи своих бесед с обвиняемыми и опубликовал их по окончании процесса. Это — единственный в своем роде материал и для психологов, и для историков, и для романистов.

Как же вели себя на суде главари гитлеровской шайки?

Корреспондент Ассошиэйтед Пресс сообщал:

«Герман Геринг воспрепятствовал плану обвиняемых свидетельствовать друг против друга, использовал всю силу своего влияния, чтобы убедить своих товарищей — военных преступников, что будет лучше «висеть вместе, чем унижаться, пороча друг друга». Влияние Геринга явно велико. Из глубоко потрясенного, вялого истерика, который минувшим летом падал в обморок во время грозы, он превратился в главенствующую личность, очевидно, не погнувшуюся под тяжестью неоспоримых доказательств, которые обрушены на него обвинением».

Действительно, Геринг, обратившийся из «наци № 2» в обвиняемого № 1, вел себя как суверенный глава того остатка «третьей империи», каким была скамья обвиняемых в Нюрнберге.

Надо было видеть, как он во время заседания снимал наушники в знак протеста против показаний свидетелей или слов обвинителя, и некоторые обвиняемые немедленно следовали его примеру. Как он писал записки адвокатам и нередко ставил свою утверждающую подпись на записках других обвиняемых, прежде чем они передавали их защитникам.

Джильберту Геринг сказал, что не сомневается в смертельном приговоре, так как это «неизбежная участь побежденных в суде победителей». Геринг хотел заранее набросить тень на вердикт международного правосудия.

Он требовал, чтобы все обвиняемые вели себя как «верные ученики Гитлера, готовые пойти на мученичество за свои убеждения».

Но далеко не все с этим соглашались, констатировал английский журналист, и некоторые предпочитали занять позу «невинных жертв гения зла» Гитлера. Эти об-

виняемые в свою защиту выставляли два положения: «я ничего не знал об этом» или «я только выполнял приказы».

«Невинные жертвы» и «мученики» — две основные категории, а между ними половинчатая позиция Риббентропа, который называет себя наполовину обманутым, дававшим Гитлеру советы, которых он не слушался.

На скамье подсудимых не было единства. Гесс всецело поддерживал Геринга и пошел даже дальше, отказавшись давать показания трибуналу, «не имеющему права судить руководителей суверенного государства Германии». Он сказал Джильберту:

— Я был вдохновлен фюрером, как и весь немецкий народ.

— Но ведь теперь это не так...

— Да, теперь переходный период. Подождите двадцать лет, и вы увидите...

Крайнюю по отношению к Герингу и Гессу позицию занимал Шахт. Он сидел во время заседаний вполоборота к своим соседям, не общался почти ни с кем во время перерывов и всем своим видом показывал, что не имеет с ними ничего общего и попал в их компанию по недоразумению. Свою защиту он основал на том, что был одним из организаторов заговора против Гитлера.

И именно из-за этого и произошло острое столкновение между ним и Герингом, точнее, между их защитниками. Герингу стало известно, что коронный свидетель Шахта, Гизевиус, сотрудник гестапо и агент американской разведки ОСС, будет рассказывать суду о причине отставки военного министра Бломберга: он женился на проститутке, скрыл это, и Гитлер, Геринг, вся «элита» присутствовали на его свадьбе...

Штамер от имени Геринга угрожал, что будут сделаны чрезвычайно опасные для Шахта разоблачения, если Гизевиус выполнит свое намерение. Но попытка шантажировать Шахта не удалась, и Гизевиус поведал трибуналу об этом красочном эпизоде.

Шпеер также не принадлежал к группе Геринга. Франк, палач Польши, в тюрьме ставший верующим католиком, не причислял себя к «мученикам» и строил надежду на спасение от веревки на том, что непрерывно каялся в своих кровавых деяниях, стоивших жизни

миллионам людей в Польше, и проклинал Гитлера и нацизм, как «великое наваждение дьявола». В Польше он со скрупулезностью бакалейного торговца ежедневно заносил в дневник итоги своего «бизнеса» — сколько людей уже убито в Польше, сколько еще осталось истребить... А на процессе Франк щеголял этими записями — вот, мол, каковы были мои злодейства, а теперь я в них раскаиваюсь...

Кальтенбруннер, заместитель Гиммлера, появился на скамье подсудимых с опозданием, так как болел. Когда его впервые ввели в зал заседаний, он дружески поздоровался с коллегами, но ему никто не ответил, и многие демонстративно отвернулись. И так до самого конца Кальтенбруннер был подвергнут остракизму... Свое отвращение эти господа проявляли к обер-палачу, разумеется, не потому, что впрямь презирали его, но в силу желания и таким способом напомнить о своей якобы непричастности к преступлениям гестапо и СС.

Но как ни расходились во многих пунктах обитатели позорной скамьи, в главном они были солидарны.

Во-первых, в лицемерии. После демонстрации документальных фильмов (из фашистской кинохроники) о зверствах в концлагерях, о расстреле мирных людей, о пытках Геринг громогласно сказал:

— Это чудовищно.

А многие его «друзья» демонстративно отирали слезы на глазах... Но тот же Геринг в камере заявил Джильберту, что фильмы — фальшивка, подтасованы и подделаны.

Во-вторых, обвиняемых объединяли и такие чувства, какие проявились при демонстрации фильма «Нацистский план».

В зале суда темно, но у скамьи обвиняемых горят неяркие лампочки, освещающие лица «героев» фильма.

Как они радуются, видя вновь себя — в расцвете силы и славы (если только это слово подходит к организаторам небывалых в истории злодеяний...). Геринг вертится на скамье, обращаясь то к одному, то к другому «коллеге»: он называет марки самолетов люфтваффе, он по именам перечисляет летчиков.

Гесс неслышно аплодирует, когда на экране появляется Гитлер.

А когда «фюрер» оглашает в рейхстаге послание Рузвельта с призывом к миру, подсудимые громко смеются: видимо, и теперь самая мысль о мире для них смешна.

По окончании демонстрации фильма Геринг во всеуслышание сказал:

— Если бы были показаны все такие фильмы полностью, то и судья Джексон присоединился бы к нам.

А Гесс заявил:

— Теперь все видят, что фюрер был потрясающей личностью.

Риббентроп же утирал платочком глаза...

Я готов поверить, что они действительно растрогались: еще бы, сидя на скамье подсудимых, увидели себя вновь в ореоле всемогущества. Как тут не расплакаться...

2

Запечатлелся в памяти момент, когда советское обвинение оглашало протокольную запись совещания в ставке Гитлера 16 июля 1941 года. Запомнился не только потому, что это документ воистину неповторимый, но и в силу реакции обвиняемых на него...

...Четвертая неделя войны гитлеровской Германии против СССР. Ставка Гитлера в Восточной Пруссии. 3 часа дня.

За столом собрались «фюрер», «наци № 2» — рейхсмаршал Геринг, фельдмаршал Кейтель, начальник имперской канцелярии Ламмерс, рейхслейтер Розенберг, еще за два месяца до нападения на СССР получивший пост «уполномоченного фюрера по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями», а затем возведенный в ранг «рейхсминистра по делам оккупированных областей Востока».

Тогда они имели эти громкие титулы, тогда они были упоены победой, были уверены, что еще несколько усилий — и Советский Союз будет уничтожен.

А теперь у них остался лишь один титул — «обвиняемые»... И то, что они слышат теперь, тогда было для них торжественной музыкой победы, а ныне звучит как погребальный звон...

Заседание 16 июля началось с того, что Гитлер изложил «принципы» обращения с «восточными областями». «Самое основное (сказал он): создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня... Железным законом должно быть: никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев».

Это «принципы», а вот конкретные задачи: «Освоить огромный пирог, чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли, в-третьих, эксплуатировали».

Практически решить эти задачи и поручается кичащемуся своим «историческим и политическим пониманием восточной проблемы» Розенбергу. Он — присяжный гитлеровский философ, теоретик изуверского учения о «превосходстве нордической крови», и потому он наиболее подходит к роли истребителя миллионов советских людей...

И вот Розенберг излагает практическую программу: как расчленить Советский Союз, что сделать с каждой его частью...

«Фюрер» подытоживает план раздела «огромного пирога»: Прибалтика и Белоруссия, под именем «Остланда», станут частью Германской империи, равно как и Крым с прилегающими к нему северными районами и немецкие колонии на Волге, а Баку и его область будут немецкой военной колонией. Самостийная Украина будет кормить Германскую империю, Бессарабия и Одесса перейдут к Румынии, Восточная Карелия и Ленинградская область — к Финляндии.

Раздел добычи окончен. Участники его пьют кофе и переходят к распределению должностей комиссаров и правителей «восточных областей».

Слово снова предоставляется Розенбергу.

Но теперь дело идет не так гладко, как вначале. По поводу кандидатур возникают длинные дискуссии и споры: у каждого из присутствующих имеются «свои люди» на эти заманчивые посты.

Розенберг предлагает на пост рейхскомиссара Прибалтики гаулейтера Лозе. Геринг выдвигает Коха, хорошо знающего Прибалтику. Но его, говорит Геринг, можно послать и на Украину: Кох — человек с большой

инициативой и способен обеспечить снабжение империи (то есть может отлично ограбить Украину — что Кох и доказал на деле...).

Но у Розенберга для Украины свой кандидат — Заукель, уже зарекомендовавший себя умелым поставщиком рабов из оккупированных стран Запада. Гитлер заявляет, что на ближайшие три года Украина будет самой важной из восточных областей, и предлагает послать туда Коха, а Заукеля — в Прибалтику.

В Крым «фюрер» хочет послать гаулейтера Фрауэнфельда.

Для Кавказа Розенберг выдвигает своего начальника штаба Шикеданца, а для западной части Прибалтики рекомендует Кубе.

Но тут снова разгорается ожесточенный спор.

Гитлер считает, что Кубе следует назначить рейхскомиссаром Москвы.

Розенберг и Геринг возражают: Кубе для столь ответственного поста слишком стар. В этом они видят препятствие, а не в том, что столица Советского Союза вовсе не находится в их руках. Но ведь это не имеет значения: Москва не избегнет участи Парижа.

Розенберг намечает комиссарами для Московской области Шмеера, Зельцнера, Мандербаха. Он сообщает, что намерен также использовать капитана фон Петерсдорфа.

Тут Борман записал в протоколе: «всеобщее изумление, всеобщий отказ. Фюрер и рейхсмаршал подчеркивают, что Петерсдорф несомненно сумасшедший».

Но «рейхсминистра восточных областей» не смущает такая мелочь, как безумие...

Петерсдорф все же не проходит... Дискуссия продолжается: кому же быть правителем Москвы?

Розенберг и Геринг повторяют, что Кубе по старости не годится. Тогда называется кандидатура Каше.

Энгфрид Каше, депутат нацистского рейхстага, гаулейтер, обладает качествами грабителя и палача: он это доказал в Югославии, за что по окончании войны и был судим и повешен. Но в июле 1941 года до этого еще далеко.

Гитлер, подводя итоги затянувшейся дискуссии, определяет: быть в Прибалтике Лозе, на Украине Коху,

в Крыму Фрауэнфельду, на Кавказе Шикеданцу, на Кольском полуострове Тербовену. А для Москвы утверждается Каше.

А как же Ленинград? Для него рейхскомиссар не нужен: «фюрер» решил Ленинград сровнять с землей — прямо записано в протоколе...

Дело сделано, но остается еще немного: захватить Москву, Кавказ, Украину и удержать их в своих руках.

Насчет последнего у Гитлера рецепт простой: «Гигантское пространство должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего можно этого достичь, расстреливая каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд».

Итак, заседание окончено в 20 часов, и для истории составлен один из самых нелепых документов.

Я гляжу на скамью подсудимых. Они сидят молча, даже Геринг притих. Фантастические мечты и суровая действительность...

Посетив заседание трибунала, генерал Мак Нерни, сменивший Эйзенхауэра на посту американского главнокомандующего в Европе, сказал на пресс-конференции с удивлением:

«Они выглядят так, как будто у них все «о'кей»... Я никак не думал, что у них может быть какое-нибудь основание для смеха».

...Они старались так выглядеть. они хорохорились, чтобы и себя подбодрить, и на судей произвести впечатление...

Хорохорились, однако, не очень долго. С каждым новым заседанием трибунала, с каждым новым документом, с каждым новым свидетельским показанием — и что особенно важно, показания защиты тут не представляли исключения — мрачнели подсудимые, реже появлялись у них улыбки, ниже и ниже опускались головы. Разумеется, не от стыда или раскаяния, а только от страха...

3

Защитники подсудимых принадлежали к виднейшим адвокатам «третьей империи». В их числе были три профессора права. Многие были членами нацистской партии, и даже активными...

Идейным главой защиты сразу же стал адвокат Геринга Отто Штамер. Он произносил от имени защиты речи общего характера, он «направлял» адвокатов по поручению Геринга.

Потерпев поражение во фронтальной атаке на трибунал, защита перешла к частным, если так можно выразиться, наступательным операциям. Протест против предъявляемых обвинением документов и против вызова некоторых свидетелей, опорочивание свидетелей обвинения, бесконечные ходатайства о вызове свидетелей и о приобщении документов, не имеющих отношения к существу дела; жалобы на то, что запросы защиты о своевременном предоставлении документов обвинения не удовлетворяются совсем или выполняются медленно, повторение ходатайства об отсрочке заседаний трибунала — эти методы в своей совокупности должны были показать, рассчитывала защита, что Нюрнбергский процесс не есть «fair trial».

Во-вторых, такими уловками защита хотела до бесконечности затягивать процесс, чтобы «выиграть время»... Можно без боязни ошибиться сказать, что господа адвокаты, многие из которых были видными нацистами, руководствовались статьей Геббельса «На кого работает время». Правда, сам Геббельс в 1943 году не включил эту статью в очередной сборник своих опусов, так как уразумел, что время не работает на Гитлера. А вот защита упрямо и упорно надеялась, что коренные изменения в мировой политике приведут к краху процесса.

Используя названные и им подобные формальные приемы, защита по существу разбираемых деяний ограничивалась двумя методами: 1) данных фактов вовсе не было, а если они были доказаны неопровержимо, 2) то данный обвиняемый к ним не имел никакого отношения.

Словом, защита пускала в ход обширный арсенал уловок, чтобы помешать раскрытию истины и установлению вины подсудимых.

Что же у нее получилось?

Ничего для нее хорошего!

Сейчас мы это увидим на нескольких примерах.

Французский обвинитель Дюбост представляет трибуналу письменные показания француженки, которая испытала на себе ужасы гестаповских тюрем во Франции.

Защитник гестапо Меркель заявляет протест против представления этого документа, ибо он как протокол обычного полицейского дознания не отвечает требованиям ст. 21 Устава.

Мой сосед, французский журналист, иронически замечает: Меркель исходит из хорошо ему известного опыта гиммлеровской полиции, «дознания» которой производились с помощью жестоких пыток... Трибунал, после краткого совещания, оглашает решение: представляемый французским обвинением документ исходит от специального комитета по расследованию военных преступлений гитлеровцев и потому отвечает требованиям ст. 21 и принимается трибуналом... Меркель садится на место... Однако его фиаско не обескураживает Кауфмана, защитника Кальтенбруннера, и он протестует против представления трибуналу актов советской Чрезвычайной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений — на том основании, что показания пострадавших не могут быть достоверными, так как они давались в состоянии аффекта, под воздействием чувства мести...

Да, в 54 тысячах актов Чрезвычайной комиссии содержатся показания матери, на глазах которой нацистские изверги разрубили пополам ее ребенка; рассказ православного епископа о том, как гиммлеровские палачи сожгли в церкви женщин. В Житомирской области были взяты из инвалидного дома и привезены на место казни двадцать одноруких, одноногих, израненных инвалидов. Но тут случилось то, чего не ожидали палачи: инвалиды обезоружили и перебили их и бежали. «Деятели» гестапо послали начальству донесение, в котором оправдывались тем, что были захвачены врасплох.

Начальник Яновского концлагеря 20 апреля 1943 года, в день 54-летия Гитлера, отобрал 54 заключенных и лично расстрелял их.

Защита понимала, что аккумулированные в этих документах страдания и горе, кровь и слезы миллионов людей тягчайшим грузом ложатся на чашу весов, и оттого-то она и попыталась устранить такие документы.

Трибунал отверг домогательства защиты и признал акты советской Чрезвычайной комиссии удовлетворяющими требованиям Устава.

Свою тактику защитники хотели поставить на прочной основе так называемого германского права.

Свидетель защиты офицер флота лейтенант Гейзиг подробно излагал содержание речи Деница, в которой адмирал призывал командиров подводных лодок беспощадно уничтожать спасающихся с потопленных кораблей моряков. Лоренс попросил пропустить все неважное и касаться только существенных обстоятельств. Тогда немедленно выскочил Тома и заявил:

— Германское право предусматривает, что свидетель обязан излагать все известные ему обстоятельства дела, а не только то, что выгодно обвинению. Так гласит германское право, и потому Лоренс не должен был останавливать свидетеля.

На это лорд Лоренс с обычным своим невозмутимым спокойствием сказал:

— Трибунал не руководствуется германским правом и не желает полностью слушать пересказ содержания речи Деница. Ваше вмешательство, доктор Тома, не было вызвано никакой необходимостью.

На какое же «германское право» ссылались защитники? На фашистское «право», которое нашло свое выражение в Майданеке, в экспериментах над людьми в Дахау, в вырезывании кожи из спины заключенных, в газовых душегубках, в сжигании детей живьем, в уничтожении миллионов и миллионов людей бесконечными способами и методами.

Пробовали адвокаты применять тактику отвода по отношению к свидетелям.

Когда представитель советского обвинения начал оглашать письменные показания Паулюса, защитники немедленно заявили протест и потребовали личного допроса свидетеля в заседании трибунала.

Р. А. Руденко спокойно подошел к микрофону и сказал:

— Хотя и письменные показания свидетеля имеют, согласно Уставу, полную юридическую силу, но советское обвинение, идя навстречу желаниям защиты, согласно вызвать свидетеля Паулюса для личных показаний и может сделать это немедленно. . .

Эффект слов Р. А. Руденко был неописуем! На скамье подсудимых волнение. Геринг лихорадочно пишет запис-

ки, передает их адвокатам. Они один за другим подбегают к микрофону и торопливо заявляют, что не настаивают на вызове свидетеля Паулюса и согласны на оглашение его письменных показаний. Но уже поздно... Трибунал постановляет вызвать свидетеля, и Паулюс входит в зал заседаний.

Так еще раз опростоволосились защитники.

Защита не уставала требовать вызова многочисленных свидетелей.

Кого только не было в ее ходатайствах: У. Черчилль и генерал У. Доновен, начальник американского управления стратегических служб (ОСС), знаменитый дирижер Фуртвенглер и генеральный судья люфтваффе Гаммерштейн, бывший британский министр иностранных дел Галифакс и народный комиссар иностранных дел Молотов.

Редер требовал вызова семнадцати свидетелей, Ширах — тринадцати, Иодлю был необходим двадцать один свидетель, Заукелю — тридцать пять.

Разумеется, трибунал отклонял эти требования, как чрезмерные и необоснованные. Но действительно важные для защиты свидетели были допущены к даче показаний: Далерус и Гизевиус, фельдмаршалы Кессельринг и Мильх, дипломаты Штеенграхт и Шмидт и многие другие.

Трибунал выслушал 61 свидетеля защиты — в то время как обвинение удовольствовалось 38 свидетелями.

4

Не большего успеха добилась защита и в опорочивании свидетелей, показания которых убийственны для подсудимых и не могут быть опровергнуты по существу.

Допрашивается свидетель обвинения обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Бах-Целевский. В 1941 году он был послан на фронт в качестве руководителя полиции и СС в районе действия группы армий «Центр», а в 1943 году Гиммлер назначил его руководителем борьбы против советских партизан.

Этот отпетый эсэсовский «деятель» показывает трибуналу, что немецкому офицеру — именно войсковому

офицеру, а не только эсэсовцу — было предоставлено право предавать казни всякого «подозрительного» советского человека, а для борьбы с партизанами была сформирована особая бригада из уголовников. Бах-Целевский рассказывает трибуналу, что перед нападением на СССР Гиммлер собрал руководителей СС и разъяснил им: цель похода также и в том, чтобы истребить не менее 30 миллионов славян...

Геринг нервничает больше обычного, переговаривается с Кейтелем, пишет записку своему защитнику Штамеру. Тот выскакивает к микрофону и задает вопрос, имеющий целью дискредитировать свидетеля:

— Почему же вы, зная об этих преступлениях, не протестовали против них? Что вы делали для их прекращения?

Бах-Целевский отвечает, что он несколько раз поднимал вопрос о прекращении излишней жестокости, но из этого ничего не выходило.

Тогда Геринг посылает еще две записки Штамеру. Защитник спрашивает Бах-Целевского:

— Известно ли вам, что Гитлер и Гиммлер особенно хвалили вас за проявленную вами жестокость?

— Нет, — отвечает Бах-Целевский.

— А не вы ли предложили использовать преступные элементы для борьбы против партизан?

— Нет, — отвечает Бах-Целевский.

Штамер возвращается на свое место. Его сменяет Тома, защитник Розенберга.

— Олендорф здесь на суде заявлял, что жестокие расправы с населением не вытекали из политики гитлеровской партии, а вы заявили, что были результатом такой политики.

Тома получает ответ, которого не ожидал:

— Сегодня я считаю, что это было логическим следствием нашего мировоззрения.

— А тогда? — поспешил спросить Тома.

И тут Бах-Целевский, в большом возбуждении, кричит:

— Нелегко прийти к такому заключению немцу, и мне многое пришлось пережить, чтобы прийти к этому заключению. Да и как могло быть иначе, если в течение

десятилетий проповедовалось, что славяне — это низшая раса, что евреи — это вообще не люди.

Тома, не произнеся ни звука, в явном смущении повернулся и ушел на свое место. Не больше повезло защитнику Шахта профессору Краузе. Подойдя к микрофону, он с победоносным видом сказал:

— 18 августа 1935 года в Кенигсберге на коммерческой выставке Шахт произнес речь. Вы присутствовали на ней?

— Да, — ответил Бах-Целевский.

— И вы покинули зал в знак протеста?

— Да, — сказал Бах-Целевский, и Краузе удовлетворенно кивнул головой.

— Вы протестовали против речи Шахта?

— О нет, — возразил свидетель. — Дело в том, что я был во враждебных отношениях с гаулейтером Кохом, а Шахт превознес его в своей речи. В знак протеста против этого я и вышел.

— Против кого же вы протестовали? — спрашивает Краузе, все еще надеясь выпутаться.

— Я протестовал против Коха, а не против Шахта и немедленно разъяснил это господину Шахту через посредника.

Под общий смех Краузе прекратил допрос свидетеля.

Герингу не оставалось ничего иного, кроме брани; когда Бах-Целевский, выходя из зала, прошел мимо скамьи обвиняемых, «наци № 2» крикнул ему:

— Проклятый предатель!..

Адвокат Маркс начал глумиться над свидетельницей Мари-Клод Вайян-Кутюрье. Она на себе испытала ужасы фашистских концлагерей и рассказывала о них спокойно, убедительно.

Маркс решил подорвать доверие к свидетельнице.

— Вы сделали здесь целый доклад и выражались в высшей степени литературно. Чем вы занимались раньше?

Когда свидетельница ответила, что она журналистка, Маркс сказал:

— У вас такой прекрасный стиль. Не были ли вы раньше лектором? И почему вы так хорошо выглядите? Ведь, по вашим словам, были длительное время в лагере?

Гнусное поведение Маркса вызвало возмущение в зале, и председатель трибунала призвал его к порядку.

Наибольшее поражение тактика опорочивания свидетелей потерпела при перекрестном допросе Паулюса.

«Сталинград в Нюрнберге», — назвала мюнхенская «Нейе цейтунг» появление в суде свидетеля Фридриха Паулюса. Да, наступил самый драматический момент процесса, когда в зал был введен этот гитлеровский фельдмаршал.

Еще в чине полковника в 1940 году он составлял первые наброски «Барбароссы», после чего руководил военной игрой, в ходе которой немецкие армии — на карте! — дошли до Волги, — а затем, как командующий 6-й армией, и впрямь дошел до великой русской реки. Но лишь для того, чтобы вместе с остатками своих войск сдаться в плен.

Принеся присягу, Паулюс окидывает взором скамью подсудимых, задерживает взгляд на Кейтеле. Бывший руководитель верховного командования отводит глаза в сторону, опускает голову...

Но Геринг и Иодль так и впились взорами в Паулюса.

Они испугались этой встречи, ибо понимали, что Паулюс скажет суду, немецкому народу правду — правду о преступлениях не только нацистской клики, но и всей касты германских милитаристов.

И подсудимые не ошиблись: Паулюс дает показания твердо, отчетливо:

— Все тщательные приготовления по «Барбароссе» неопровержимо говорят о том, что налицо был преступный замысел, преступный план нападения на СССР.

Геринг при этих словах Паулюса пренебрежительно машет рукой, Кейтель укоризненно качает головой, Розенберг лицемерно вздыхает...

— Конечная цель нападения, заключавшаяся в наступлении до Волги, превышала силы и способности германской армии, — продолжает Паулюс.

Спокойно, уверенно говорит свидетель. Из его рассказа возникает объективная картина преступных авантюр Гитлера и его приспешников, сидящих на скамье подсудимых. С нескрываемой злобой слушают они

Паулюса, непрерывно шлют записки адвокатам, оживленно переговариваются между собой.

— Кого вы считаете активными участниками развязывания агрессивной войны? — спрашивает Руденко.

— Геринга, Кейтеля, Иодля.

Взрыв негодования на скамье обвиняемых...

Обвинение заканчивает допрос Паулюса, и Лоренс спрашивает, желает ли защита подвергнуть свидетеля перекрестному допросу.

— Появление свидетеля было для нас крайне неожиданным, — говорит Латернзер, — и нам необходимо время, чтобы подготовиться к допросу.

Нельте присоединяется к просьбе об отсрочке, и трибунал переносит перекрестный допрос Паулюса на следующий день.

Лихорадочно, напряженно работали обвиняемые и адвокаты, готовя Паулюсу западни и капканы: не было еще на процессе такого опасного свидетеля. Дискредитировать его — если не перед трибуналом, на что надежды мало, то, во всяком случае, в глазах немецкого народа — такова цель вопросов, которые защита обрушивает на Паулюса.

— Почему, — спрашивает его защитник Иодля доктор Экснер, — почему вы не попытались прекратить военные действия, несмотря на приказ Гитлера?

Он отвечает:

— Вся ситуация была мне Гитлером представлена в таком виде, будто от моей выдержки зависит судьба всего немецкого народа.

Ответы Паулюса скупы, четки. Голос его не дрожит. Только один раз, когда защитник спрашивает его, поблагодарил ли он Гитлера за то, что он назначил его фельдмаршалом, он повышает голос и резко бросает: нет!

Защита добивается, чтобы Паулюс признался, что он принял командование 6-й армией, сознавая преступность войны против СССР, и до конца выполнял приказы Гитлера.

Увы! Защита получает результат, какого никак не ожидала.

Нельте:

— Не возникала ли у вас мысль уклониться от ис-

пользования вас в действиях, охарактеризованных вами как преступные?

Паулюс:

— Я тогда, как и многие другие, думал, что должен выполнить свой долг по отношению к своей родине.

Нельте:

— Но ведь вы же знали факты, которые противоречили этому понятию долга?

Паулюс:

— Те факты, которые впоследствии стали мне ясны благодаря тому, что я пережил как командующий 6-й армией, и апогеем которых явилась битва под Сталинградом, привели меня лишь впоследствии к тому сознанию, что это — преступные деяния, так как до этого я имел только частичное представление о фактическом положении вещей...

Рухнули попытки защиты запугать свидетеля, опорочить его показания. Тогда делается попытка набросить тень на честность и добропорядочность Паулюса.

Экснер спрашивает:

— Скажите, были ли вы преподавателем военной академии в Москве?

— Нет, не был.

— Скажите, занимали ли вы какую-нибудь должность в Москве?

— Я до войны никогда не был в Москве.

— А во время вашего плена?

— Я находился в России в качестве военнопленного.

Проваливается и эта попытка... Но Экснер не успокаивается:

— Скажите, вы являетесь членом комитета «Свободная Германия»?

Паулюс отвечает, и, как писала немецкая газета «Нюрнберг нахрихтен», в его словах появляется теплота, когда он говорит:

— Я принимал участие в том движении, в котором участвуют все германские штатские и военные, поставившие своей целью спасти германский народ от грозившей ему гибели, спасти от того горя, которое навлечено на него гитлеровскими сообщниками, и свергнуть гитлеровское правительство. К этому я и призывал в моем воззвании от 8 августа 1944 года германский народ...

Так защита добивается эффекта, резко противоположного тому, на какой рассчитывала... Тогда она прибегает к прямым инсинуациям.

Хорн спрашивает, каким образом Паулюс и другие участники комитета «Свободная Германия» осуществляли свою деятельность. Паулюс отвечает: через газеты, листовки, радио.

Хорн настаивает:

— Не было ли других возможностей, кроме пропаганды?

Лоренс резонно спрашивает:

— Какое отношение имеет этот вопрос к рассматриваемому трибуналом делу?

У Хорна готов ответ:

— Я хочу определить, в какой степени свидетель заслуживает доверия.

Лоренс:

— Я не вижу, чтобы это имело какое-либо отношение к степени доверия к этому свидетелю.

Тогда Хорн наносит, как думает защита, последний сокрушающий удар:

— Очень возможно, что у нас имеются сведения о других имевшихся в их распоряжении возможностях, о которых свидетель не упоминал.

Инсинуация, но облеченная в уклончивую форму: «очень возможно»...

Но Лоренс решительно прекращает диверсии защиты:

— По мнению трибунала, мысли и действия свидетеля, когда он был военнопленным у русских, не имеют никакого отношения ни к делу, ни к степени доверия к нему. Трибунал не допускает постановки подобных вопросов.

Посрамленный Хорн огрызается, задавая последний вопрос:

— Был ли у вас во время вашего плена случай каким-либо образом предоставить в распоряжение советских властей ваши военные знания и опыт?

Ответ Паулюса категоричен:

— Никаким образом и никому!

Перекрестный допрос окончен, Паулюс покидает зал суда... Когда он проходит мимо скамьи обвиняемых, оттуда раздается шип...

Сделаю небольшое отступление и расскажу о встрече с сыном Паулюса.

Услышав по радио, что его отец дает показания Международному военному трибуналу, Александр Эрнст Паулюс поспешил в Нюрнберг, но опоздал: Паулюс уже улетел обратно в СССР.

Паулюса-сына я нашел в 12 километрах от Нюрнберга, в селении Герольдсберг, в деревенской гостинице «Желтый лев».

Высокий, похожий на отца, в штатском костюме, он не очень приветливо встретил меня, сухо осведомившись, чем может быть полезен. Чтобы растопить лед, я сказал, что мог бы оказать услугу: передать в Москву сведения о семье фельдмаршала, которые будут ему сообщены.

Майор смягчился, стал рассказывать.

Он и вся семья (мать, жена с сыном, сестра с ребенком) были арестованы в ноябре 1944 года. Его доставили в Берлин, поместили во внутреннюю тюрьму на Принц-Альбрехт-штрассе, 8. Начальник гестапо Мюллер заявил ему, что фельдмаршал Паулюс стоит во главе армии из немецких военнопленных, которая будет сражаться против Германии. Поэтому по приказу Гиммлера близкие Паулюса объявлены заложниками.

После этого майор был отправлен в военную тюрьму в Кюстрине.

Незадолго до взятия Кюстрина советскими войсками все заключенные были переведены на Запад, и там его и освободили американцы. А теперь майор живет с женой и ребенком в небольшом городке Фризене, к северу от Кельна.

— Работаю на фабрике печей своего тестя... Пришлось стать купцом, — сказал он со вздохом... — Я очень хотел повидаться с отцом, но опоздал... А он сюда не вернется?

— Куда?

— В суд. Ведь он тоже внесен в группу генерального штаба...

Майор явно повторял то, что говорили адвокаты при

допросе Паулюса, напоминая, что и он — военный преступник.

— Ужасно, что одни германские офицеры вынуждены выступать против других: такого еще не бывало...

— Это ваше личное мнение?

— Так думают немецкие офицеры.

— А что еще они думают?

— Там, где я живу, много офицеров, уже вернувшихся из американского и английского плена. Они работают на фабриках, в конторах, торгуют; многие ничего не делают... Мы всегда были далеки от политики, ведь в германской армии категорически запрещено заниматься политикой. Но мы видим, что жизнь в Германии не восстанавливается, заводы стоят, транспорт в расстройстве...

— А кто же виноват? — спрашиваю я в упор.

— Люди 20 июля правильно задумали: сбросить Гитлера, окончить войну, чтобы сохранить сильную Германию в довоенных границах.

— А с Австрией?

— Ну, Австрия не обязательно... Кто виноват, вы спрашиваете?

Прежняя настороженность майора исчезла, он заговорил возбужденно, нервно:

— Весь мир думает, что армия виновата, милитаристы. Это безумное заблуждение! Немецкая армия — оплот нации, бастион порядка в Европе. Но наше несчастье в том, что судьба посылает нам негодных вождей. Кайзер, фюрер... И нет больше старого Фрица, нет Бисмарка... Можно осудить Кейтеля, других генералов, — но нельзя осудить и судить армию, ее солдат, офицеров...

Я спросил майора, каковы его планы на будущее. Он махнул рукой:

— Что об этом думать! Когда вокруг тебя все погибло, о себе забываешь...

Я видел, что у него нет охоты продолжать тягостную беседу, и мы простились. Не знаю его дальнейшей судьбы: надел ли он мундир бундесвера, остался ли деловым человеком?

* * *

В кулуарах защита орудовала с не меньшей активностью, чем в зале суда. Она вела наступление даже беззастенчивее, чем на заседаниях трибунала: ведь здесь не было Лоренса, не было обвинителей... Главной целью кулуарной стратегии было опорочить самый процесс и бросить тень на Советский Союз.

Провокационными маневрами в кулуарах руководил по преимуществу Штамер, а исполнителем был защитник Гесса адвокат Зейдль, бывший нацист, в прошлом защищавший мелких воришек и мошенников. А в Нюрнберге этот маленький, плюгавенький, длинноносый и вообще отнюдь не «арийского вида» человечек делает «большую политику».

В коридоре, во время перерыва, Штамер «обрабатывает» корреспондентов. Тут же стоит Зейдль и кажется еще ниже около высокого Штамера. Зейдль снизу вверх, сквозь очки подобострастно смотрит на него, учится, как нужно работать в кулуарах...

Он носится по коридорам суда, хватает за рукава журналистов, нашептывает им:

— У меня для вас припасен такой документ, такой документ... Только одному вам...

А потом оказывается, что такие же обещания он дает всем корреспондентам. Многие журналисты отказывались от грязных услуг провокатора.

Помню, однажды пришел ко мне корреспондент «Дейли геральд» Федженс и сказал, что Зейдль предлагает всем какой-то антисоветский документ.

Фальшивку не удалось подсунуть трибуналу, и Зейдль всучивал ее тем, кто был падок на сенсации, особенно же с антисоветским душком.

ПРОИГРАННЫЙ БОЙ

1

Пожалуй, самой характерной чертой процесса было превращение свидетелей защиты в свидетелей обвинения.

Свидетели защиты вынуждены были — все без

исключения — признавать, что свои показания они дают после совещаний с защитниками, имея в руках «заметки», то есть шпаргалки адвокатов о том, что им надлежит говорить...

Однако, как тщательно ни «репетировались» показания свидетелей защиты, правда выходила наружу...

Первым свидетелем защиты на процессе был генерал Боденшатц, доверенное лицо и помощник рейхсмаршала. Свидетель должен был убедить трибунал, что Геринг был горячим сторонником мира, убежденным гуманистом и высокоморальной личностью. Именно так отвечал Боденшатц на вопросы Штамера по заготовленной Штамером же шпаргалке.

Все идет гладко... Боденшатц, ответив Штамеру, бросает взор на Геринга, и рейхсмаршал удовлетворенно кивает головой... Еще бы, он слышит, как Боденшатц заявляет:

— Социальная позиция Германа Геринга была следующей: все его чувства, мысли и действия были подчинены социальным интересам, он был благодетелем всех нуждающихся...

Тут я сделаю небольшое отступление.

В Ландсберге (что на реке Варте) весной 1945 года в доме состоятельного коммерсанта мне попался такой документ:

«Прусский министр-президент.
Берлин, Вестен 8, 30 мая 1942.
Лейпцигерштрассе, 3.

Я охотно удовлетворяю вашу просьбу быть крестным отцом вашей дочери Розмари Эрики и разрешаю вам внести в церковные книги мое имя, как крестного отца. Однако мое согласие дается при условии, что отсюда не вытекают никакие дальнейшие обязательства. Я шлю наилучшие пожелания крестной дочери и препровождаю в виде подарка 50 марок. Хайль Гитлер!

Подпись: Герман Геринг».

Да, воистину Геринг был благодетелем нуждающихся! — на сумму не свыше 50 марок.

Но вернемся в зал суда.

У свидетеля Боденшатца все идет отлично — до той минуты, когда допрос переходит к обвинению.

Роберт Джексон начинает так:

— Вопросы защиты были вам поставлены некоторое время назад и вы приготовили ответы в письменном виде?

— Эти вопросы были сообщены мне ранее, и я мог к ним подготовиться...

Предъявляя Боденшатцу его ответы следователю до процесса, Джексон принуждает его признать, что Гитлер преднамеренно развязал войну против Польши.

Боденшатц вертится ужом, ссылается на плохую память, но Джексон неумолимо припирает его к стенке.

— Вы видели раньше этот документ (протокол совещания о нападении на Польшу)?

— Этот документ был предъявлен мне в копии полковником Вильямсом, и я сказал ему, что не помню, был ли я на этом совещании. Но если в протоколе значится моя фамилия, то, очевидно, я на совещании присутствовал.

В зале раздается дружный смех...

Когда Боденшатц, отвечая на вопросы Штамера, сказал, что Геринг решительно протестовал против еврейских погромов, устроенных в «хрустальную ночь» 10 ноября 1938 года, Джексон спокойно повторил слова Боденшатца и невозмутимо спросил:

— И поэтому через два дня после своего протеста Геринг издал декрет о конфискации еврейской собственности — о «легальном» грабеже?

Боденшатц молчит, и в зале снова дружный смех...

Боденшатц не может не признать, что в протоколе совещания в декабре 1936 года правильно записаны слова Геринга о развертывании огромной и срочной программы вооружений. Он не может не признать, что те расхождения между Гитлером и Герингом, которые последний выдает за «резкое политическое несогласие с фюрером», были на деле результатом полного банкротства Геринга как руководителя военно-воздушных сил, что Геринг болезненно переживал опалу и старался возобновить близость с «фюрером».

Джексон неумолим в своих вопросах:

— Вы говорите, что в середине 1944 года стало очевидно бессилие Германии в воздухе. Почему же Геринг продолжал давать заверения, что обеспечит воздушную оборону Германии?

Боденшатц молчит, Геринг сердито качает головой, а в зале снова смех...

Боденшатц покидает место свидетеля, и мой сосед — француз, хорошо говорящий по-немецки, замечает:

— Нет, это не «Боденшатц», это «Шатц им Боден» (игра слов: «Шатц» — сокровище, «им Боден» — в земле»)...

Показания дает Мильх, генерал-фельдмаршал, статс-секретарь министерства авиации, ближайший помощник и личный друг Геринга. Он занимает свидетельское место, вооруженный целой кипой бумаг. Здесь его записные книжки, официальные документы и, разумеется, шпаргалка, составленная Штамером...

Штамер получает от Мильха заранее подготовленный ответ — авиация создавалась для обороны Германии.

И вдруг Мильх проговаривается... Он сообщает трибуналу, что в 1939 году признал необходимым резко увеличить производство крупных авиационных бомб... Но эти бомбы никак не являются средством обороны... Так Мильх опроверг самого себя...

А когда допрос перешел к обвинению, с Мильха «полетели пух и перья».

Джексон спрашивает: когда и какие награды получал Мильх от Гитлера?

Мильх отвечает, что в 1940 году был произведен в фельдмаршалы, а в 1942 году в день пятидесятилетия получил награду от правительства.

Джексон:

— И эта награда была сделана в денежной форме?

Мильх:

— Это было денежное вознаграждение. На эти деньги я купил себе имение.

— Сколько оно составляло?

— Это вознаграждение составляло двести пятьдесят тысяч марок.

Получив такой ответ, Джексон без всякой паузы произносит:

— Итак, вы пришли сюда показать, насколько я понял ваше показание, что режим, составной частью которого вы были, вверг Германию в войну, к которой она со-

вершенно не была подготовлена? Правильно ли я понял?

Вопрос убийственный для Мильха — и не только потому, что вскрыта «материальная» сторона его преданности Гитлеру, но и потому, что он не может фактами подтвердить «неподготовленность» Германии к агрессивным войнам...

Джексон ставит точку над «и»:

— И вы хотите уверить трибунал, что все операции (захват Норвегии и Дании, Голландии и Бельгии, разгром Франции и взятие Парижа) были неожиданными для офицеров военно-воздушных сил?..

Мильх на это может только снова пробормотать, что большой неожиданностью для него было самое н а ч а л о войны.

Следовательно — не война.

Итак, разрушено важное звено в показаниях Мильха. Британский обвинитель Робертс разрушает второе.

— Вы сказали, что начиная с 1935 года военно-воздушные силы Германии строились в оборонительных целях?

— Да.

— Утверждаете ли вы, что военно-воздушные силы продолжали оставаться средством обороны до декабря 1939 года?

— Да.

— Я хочу, чтобы вы выслушали выдержки из документальных доказательств. В мае 1935 года Геринг сказал: «Я намереваюсь создать военно-воздушные силы, которые, когда пробьет час, обрушатся на врага подобно карающей деснице. Противник должен считать себя побежденным еще до того, как он начнет сражаться». Скажите, звучит ли это так, как если бы речь шла о военно-воздушных силах, имеющих оборонительный характер?

Мильх не находит лучшего ответа, чем:

— Нет, это не звучит так, но необходимо отделять слова от деяний...

В зале раздается смех — этот неизменный комментарий к ответам свидетелей защиты в ходе перекрестного допроса...

Робертс напоминает Мильху, что Гитлер давал тор-

жественные обещания уважать нейтралитет и независимость сопредельных стран, а ровно через 12 месяцев нарушил свои обещания.

— Вы знаете теперь об этом? Не так ли?

Мильх:

— Да, я знаю. Во всяком случае, будучи солдатами, мы не имели никакого отношения к политическим вопросам...

— Я хочу узнать о вашем понятии чести. Не думаете ли вы, что в высшей степени бесчестно давать обязательство 28 апреля, а 23 мая принимать тайное решение о том, чтобы нарушить это обязательство?

Мильх молчит.

Последний удар свидетелю наносит Руденко.

22 мая 1941 года, показал Мильх, Геринг сказал, что не желает войны с Россией.

— А почему Геринг не желал воевать с Россией? Со страной, которая нападет на Германию? Ведь это оборонительная война?

Загнанный в угол Мильх заявляет:

— Геринг отрицательно относился к такой войне.

Руденко без тени иронии:

— К оборонительной войне?

Мильх, окончательно теряя самообладание, выпаливает:

— Он лично отрицательно относился ко всякого рода войнам.

В зале — взрыв хохота... И даже Геринг не может удержаться от смеха и рукой зажимает рот...

Итогом перекрестного допроса было заявление Мильха, на которое никак не рассчитывали ни Геринг, ни Штамер:

— Для меня не существовало обязательных предпосылок к тому, что Россия нападет на нас. Я лично не думал, что Россия сделает это, исходя из интересов России, которые я пытался проанализировать.

Преподнес Мильх еще один сюрприз своим коллегам на скамье обвиняемых: по его глубокому убеждению, Гитлер после французского похода стал проявлять явные признаки ненормальности. Он не был совсем сумасшедшим, но его умственные способности были ослаблены.

Итак, еще один свидетель защиты — именно защиты Геринга — потерпел фиаско...

И французский коллега снова сострил:

— Это не Мильх, а Зауэрмильх!

Зауэрмильх — значит прокисшее молоко, простокваша...

2

Не больше успеха принесли показания свидетелей защиты полковника Браухича, главного адъютанта Геринга, Кернера, статс-секретаря Геринга, и фельдмаршала Кессельринга.

Браухич подтвердил, что ему, как главному адъютанту Геринга, был известен факт гнусного убийства 50 пленных английских летчиков. А ведь Геринг упорно доказывает, что он понятия о том не имел.

Кернер подтвердил, что создателем гестапо и концлагерей был именно Геринг, что по указанию рейсхмаршала производилось систематическое ограбление оккупированных областей.

— Я счастлив, что мне пришлось бомбить Ковентри, — сказал Кессельринг без тени смущения...

На показания Кессельринга защита сильно надеялась... Ее надежды разбил Д. Максуэлл-Файф.

Искусными вопросами об убийстве итальянских заложников он загнал всячески изворачивавшегося Кессельринга в угол, и трибунал услышал такое объяснение казни 382 жителей Рима в ответ на взрывы бомб в немецкой полиции:

— Волнение среди немцев было таким, что я, как и мои подчиненные командиры, включая и посла Мюльгаузена, должны были сделать все, чтобы заглушить это волнение. Это с одной стороны, а с другой — нужно было сделать что-либо такое, что я счел бы наиболее целесообразным для избежания в дальнейшем подобных случаев, а именно нужно было публично заклеймить это покушение, показав, что германской армии не может быть нанесен какой-либо ущерб без последствий. Именно это было для меня важно. А участвовал ли в этом X или Y, для меня было второстепенным вопросом. Первостепенным же был вопрос об успокоении общественного

мнения, как римского, так и немецкого, причем в самый кратчайший срок.

Итак, германский фельдмаршал нашел верный способ успокоения — убивать, убивать... Мертвые всегда спокойнее живых...

Для большей убедительности Кессельринг добавил, что он был в идеально дружественных отношениях с итальянцами.

Теперь мир узнал, что такое «дружба» в понимании нацистских генералов: массовые казни людей, виновных лишь в том, что они итальянцы. Не помог Кессельринг Герингу...

Не много пользы извлекла защита и из допроса свидетеля Биргера Далеруса, шведского промышленника и дальнего родственника Геринга по первой жене.

Занял свидетельское место седой человек лет шестидесяти, прекрасно одетый, превосходно владеющий и немецким и английским языками, чувствующий себя как дома во всех европейских столицах. Что же должен был он доказать, по замыслу защиты? Для чего она сюда его вызвала? Он должен был доказать ни более ни менее, как то, что Геринг был оплотом европейского мира и в стремлении добиться мирного решения конфликта с Польшей в июле — августе 1939 года не остановился даже перед действиями помимо Гитлера и вопреки Гитлеру. А на деле Далерус показал нечто совершенно противоположное: так называемые мирные усилия Геринга были не чем иным, как двойной и ловко рассчитанной игрой, и целью ее было — расколоть Англию и Польшу и добиться помощи Англии в завоевании Польши. На протяжении немногих недель Далерус выполнял одновременно обязанности и дипломатического курьера между Лондоном и Берлином, и неофициального посредника между ними, и министра иностранных дел Геринга. Он перелетал из Лондона в Берлин и обратно, и был даже такой случай, когда на протяжении одних суток он успел побывать и в Лондоне и в Берлине.

Геринг хотел устроить «новый Мюнхен». В этом был его стратегический замысел.

Но в игре 1939 года было и нечто новое по сравнению с первым Мюнхеном: Геринг и Гитлер разделили теперь между собой роли, и если Геринг действовал как «миро-

творец», то Гитлер бряцал оружием и запугивал Англию.

Далерус рассказал трибуналу, как во время ночной беседы с Гитлером этот последний, беснуясь, бегал по кабинету и выкрикивал угрозы против Польши и Англии. Эти угрозы должны были через Далеруса достигать ушей английских политических деятелей, — а одновременно с ними и мирные заигрывания Геринга.

Все шло гладко, пока за свидетеля не принялся Максуэлл-Файф.

Серией вопросов он добился того, что Далерус признал: Геринг, уверяя его в искреннем желании не допустить войны, скрыл от своего посредника, что уже разработан детальный план нападения на Польшу, более того — назначен и точный срок нападения...

Следовательно, Геринг даже и с Далерусом вел двойную игру.

Максуэлл-Файф привел некоторые цитаты из книги Далеруса «Последний шанс», и Далерус подтвердил: Геринг стремился к тому, чтобы вбить клин между Англией и Польшей и добиться свободы рук для расправы с Польшей.

И Далерус, свидетель защиты Геринга, говорит трибуналу:

— Если бы я знал тогда то, что узнал теперь, то не стал бы путаться в это дело...

Затем Максуэлл-Файф огласил из книги Далеруса выдержку, в которой передан намек Геринга на то, что Риббентроп будто бы хотел организовать катастрофу самолета Далеруса во время его полета в Англию. Риббентроп сорвал с головы наушники, яростно обернулся к Герингу, размахивая наушниками, и начал кричать на него...

Максуэлл-Файф, заканчивая допрос, делает вывод:

— Таким образом, из трех главных руководителей Германии — канцлер был ненормальный, рейхсмаршал находился в состоянии безумного опьянения, согласно показаниям подсудимого Геринга, министр иностранных дел был предполагаемым убийцей, пытавшимся саботировать ваш план?

Далерус ответил молча, одним кивком головы.

Совсем большой конфуз получился со свидетелем

Риббентропа, его бывшим статс-секретарем Штеенграхтом.

Желая изобразить своего бывшего шефа белее снега, Штеенграхт не пожалел черных красок для Гитлера...

— Он был диктатором, основной чертой его характера было отсутствие доверия к людям, колоссальная подозрительность. Когда его побуждали к совершению жестокостей, он охотно подчинялся такому влиянию. Гитлеровский режим был страшным режимом террора, который царил повсюду. В министерствах и высших канцеляриях, в частных домах и ресторанах, везде были тучи шпионов, которые рьяно доносили обо всем, что слышали...

Геринг скорчился от злости и по окончании заседания гневно набросился на Риббентропа: как он посмел вызвать такого свидетеля.

Так свидетели защиты роковым образом становились свидетелями обвинения, и это было не случайно, а неизбежно: ибо правда событий обличала, а не защищала нацистских извергов.

3

В поведении защиты, в ее стратегии и тактике наступил новый этап после речи Черчилля в Фултоне.

Утром 6 марта, перед началом заседания, мы наблюдали такую сцену. Штамер стоит перед скамьей обвиняемых спиной к ней и держит развернутую газету так, чтобы стоящий сзади Геринг мог ее читать. В газете — сообщение о речи Черчилля с знаменитой фразой о «железном занавесе», якобы опустившемся между Восточной и Западной Европой, с призывом к «холодной войне».

Геринг внимательно читает, затем произносит громко, чтобы услышали уже собравшиеся в зале журналисты:

— Это конец! Я давно об этом говорил...

Фултонская декларация Черчилля так обрадовала подсудимых и их адвокатов еще и потому, что с самого начала они делали ставку именно на Черчилля.

Риббентроп через защитника Хорна упорно, но безус-

пешно домогался, чтобы трибунал разрешил вызвать бывшего премьер-министра в качестве свидетеля.

В конце представления доказательств в защиту Геринга Штамер сказал:

— Я хочу представить документ для характеристики отношения к Гитлеру. Это выдержка из книги У. Черчилля «Шаг за шагом».

Джексон прерывает адвоката:

— Я не считаю это необходимым. Мнение мистера Черчилля, выраженное им в 1937 году, сейчас никого не может интересовать.

Лоренс:

— Поскольку доктор Штамер уже огласил некоторые выдержки из этой книги, я не возражаю против этой выдержки.

Штамер читает:

— На странице 188 книги под датой 17 сентября 1937 года сказано: «можно осуждать систему Гитлера и в то же время восхищаться ее патриотическими достижениями».

Лоренс, поспешно прервав Штамера:

— Я полагаю, что нет нужды читать эту выдержку.

Штамер:

— Оценка, данная Черчиллем Гитлеру, имеет для меня решающее значение.

Лоренс:

— Мы слышали уже достаточно мнений о личности Гитлера.

Штамер:

— Не с этой стороны.

Лоренс:

— Геринг уже сказал свое мнение о Гитлере, и я думаю, что Геринг знает о нем больше, чем мистер Черчилль.

Штамер:

— Хорошо, я не буду оглашать. В таком случае я окончил представление своих документов.

В своей камере в «исторический» день 6 марта Геринг сказал Джильберту:

— Так всегда было. Вы увидите, что я был прав. Это вечное равновесие сил. Вот теперь попытка — заставить нас играть против Востока. Вы никогда не можете

решить, хотели ли они натравливать нас против Востока или против Запада. Теперь Россия стала для них слишком сильной, и им нужен противовес. Они и Мюнхенский договор заключили, чтобы натравливать Германию на Россию.

Характерна была и реакция Риббентропа на фултонскую речь. Он сказал Джильберту:

— Вероятно, история покажет, что Гитлер был прав, а я не прав.

— Почему?

— Я всегда был за сближение с Россией. А Гитлер считал, что раньше или позже, но мы подвергнемся нападению. Вероятно, он был прав.

Так Риббентроп задним числом оправдывал Гитлера с помощью Черчилля.

Отдел разведки американской военной администрации сообщил прессе, что в 30 выбранных наудачу районах Баварии обнаружена «сильная поддержка» речи Черчилля. Баварцы охотно говорят с американцами о возможности войны между Россией и западными державами.

В тот день, когда взрывались склады немецких боеприпасов, у входа во двор замка Фабера американский солдат, проверив мой пропуск, сказал с испугом:

— Это не война, сэр? С русскими?

4

Когда обвинение приступило к представлению доказательств индивидуальной вины подсудимых, американский обвинитель Р. Альбрехт сказал:

— Я перехожу к человеку, который с полным правом носит имя «наци № 2», но который во многих отношениях был опаснее самого фюрера.

При этих словах Геринг вздрогнул, заерзал на месте.

Альбрехт говорил, что Геринг обладает вкрадчивыми, приятными манерами и его наружность можно назвать привлекательной, но она обманчива: под маской внешнего дружелюбия и простодушия скрывались жестокость, любовь к самопрославлению, жажда неограниченной власти.

Альбрехт цитировал хорошо известные миру слова Геринга, обращенные им к берлинской полиции вскоре после захвата власти: «Каждая пуля, которая вылетает из ствола вашего револьвера, — это моя пуля. Если это называют убийством, тогда я убийца. И я один несу ответственность за все то, что вы делаете по моему приказу».

Обвинитель суммировал представленные до сих пор доказательства, и стало непререкаемо ясно и очевидно, что душой нацистского заговора наравне с Гитлером был Геринг — тщеславный, эгоистичный, жестокий до садизма, лживый наци номер два, ныне на этом процессе являющийся наци номер один.

Любопытная деталь: Геринг ни разу еще не надевал черных очков, как это делали его коллеги по скамье обвиняемых для защиты глаз.

Но когда Альбрехт закончил речь словами: «Мы считаем, что ответственность Геринга полностью доказана», Геринг немедленно надел черные очки.

Устав трибунала включает принятый в судопроизводстве США и Англии допрос обвиняемого под присягой, как первого свидетеля защиты.

В первый день суда Геринг попытался произнести речь. Ему этого не позволили. Теперь он дает показания и торопится с лихвой возместить все четыре месяца вынужденного молчания и начинает пространную речь со дня своего рождения. Скамья обвиняемых не спускает взоров с Геринга: кажется, его сподвижники слушают его не только ушами, но и глазами. А сам Геринг чуть ли не после каждой фразы смотрит на своих судей.

Он говорит о том, как познакомился с Гитлером, как Гитлер сразу же распознал в нем надежного человека и назначил руководителем СА, как вместе с Гитлером он добивался власти, как после захвата власти устанавливал в Германии неограниченную диктатуру. Все это вещи общеизвестные. А Геринг эту старую историю излагает в новой редакции. Если послушать его, то даже и в голову не придет, о чем же, собственно, идет речь. Так, например, захват власти в январе 1933 года, достигнутый с помощью интриг, провокаций и угроз, он назвал легальным переходом власти в руки гитлеровской партии. Вся кровь и грязь, вся омерзительность и чудовищ-

ность гитлеровского режима и его преступлений остаются вне академического повествования Геринга. А когда ему приходится вплотную подходить к весьма неприятным вопросам, вроде вопроса об учрежденных им гестапо и концлагерях, он улыбается и делает жест рукой, как бы отталкивая от себя эту проблему. Он утверждает, что был великодушен по отношению к политическим противникам. Но даже и не это наиболее любопытно в словах Геринга. Самое важное в них — это лейтмотив, пронизывающий всю музыку. Подчеркнуто произносит он через каждые пять минут слова «коммунистическая партия», «коммунистическая опасность», «коммунистические враги государства».

Геринг напирает на то, что он прилагал все усилия к установлению дружеских отношений с определенными кругами в Англии.

Спрошенный об участии в разработке планов нападения на СССР, Геринг не преминул повторить старинные гитлеровские измышления о тех требованиях, которые будто бы были предъявлены Германии в ноябре 1940 года. Он, однако, модернизировал старую ложь так, что трудно было сразу разобрать, что это — цитата из нынешних антисоветских речей или выдержка из показаний гитлеровского главаря! Вообще Геринг проявляет очень полную и неожиданную для заключенного осведомленность во всем том, что пишут антисоветские газеты и говорят антисоветские деятели. Очевидно, получает он эту информацию во время своих ночных собеседований с защитой.

Он хочет внушить мысль: я, Геринг, лучше Гитлера, так как я был против крайностей и преступлений, хотел проводить политику объединения всех реакционных и антисоветских сил, а Гитлер этого сделать не сумел... А отсюда недалеко и до вывода: я еще могу пригодиться тем, кто размышляет о новых войнах и замышляет новые походы на Восток...

Геринг отнюдь ни в чем не собирается раскаиваться, наоборот, он доказывает правильность политики своей и Гитлера. И не только правильность, но и выгодность и полезность ее для определенных кругов во всем мире. Он смотрит с надеждой на эти профашистские круги и ждет, что они бросят ему спасательный круг.

Словом, Геринг очень старается превратить показания перед Международным военным трибуналом в собственный комментарий к выступлению Черчилля.

Вернувшись в камеру, он первым делом спросил у Джильберта:

— Ну, я не был смешон? Не забудьте, против меня были лучшие юристы четырех стран, а я был один, совсем один...

Он не переставал восхищаться собой. А когда по окончании его четырехдневных показаний трибунал объявил, что больше никому из обвиняемых не будет дана возможность столь подробно и длительно излагать историю нацизма, Геринг еще больше возгордился. Значит, он и впрямь крупная историческая фигура. И он сказал Джильберту:

— Я думаю, и обвинение должно признать, что я хорошо сделал свое дело...

5

По окончании многодневного рассказа Геринга Штамер задавал ему вопросы, и Геринг три дня отвечал на них по тщательно разработанному сценарию.

Под занавес он сказал:

— Один из величайших противников Германии в войне Черчилль говорил, что в этой войне не на жизнь, а на смерть не может быть незаконных средств.

Так Геринг снова расшаркался перед Черчиллем, и не только расшаркался, а и постарался пойти в фарватере новейших антисоветских выступлений. Фактически все показания Геринга нанизаны были на основной стержень — антисоветский стержень!

После Штамера вопросы Герингу задавали защитники других подсудимых. Каждому адвокату он отвечал так, чтобы выгородить его подзащитного.

Корреспондент Ассошиэйтед Пресс передал суть этих показаний: «Кейтель был поддакивающим человеком, он подписывал все, но не имел голоса в решении любого вопроса. С Розенбергом никогда не совещались по вопросам внешней политики, «так как я не позволил бы ему и рта раскрыть»... Функ был пешкой, не имевшей никакого влияния в правительстве. Папен «не имел никакого

отношения к захвату власти Гитлером». Геринг вел себя как большой господин, раздающий милости своим подчиненным — всем этим Функам и Иодлям, Франкам и Розенбергам.

Повинуясь своему непреодолимому тщеславию, Геринг заявил, что занимал особое, исключительное положение в «третьей империи», был одновременно и солдатом и политиком, во всем оказывал руководящее влияние.

Окончились вопросы защиты, право вести допрос перешло к обвинению...

Первым за Геринга взялся Роберт Джексон.

Под давлением неопровержимых документов, которые предъявлял Джексон, Геринг вынужден был оставить позу и манеры «государственного деятеля». Перед трибуналом извивался в жалких попытках уйти от ответственности уголовный преступник, пойманный с поличным и загнанный в угол. Против него свидетельствовали его собственные слова и дела, протоколы совещаний, на которых он выступал, записи его речей, приказы, которые он отдавал.

Он сказал через два дня после еврейских погромов 10 ноября 1938 года: лучше бы вы убили 200 евреев, чем своими грабежами причинили убытки немецкому государству. Он сказал: не хотел бы я быть евреем в немецком государстве.

Так говорил Геринг, когда организовывал грабежи и насилия. А теперь он бормочет несвязные слова о том, что был будто бы в нервном состоянии и в приступе раздражительности говорил все это. Геббельс, видите ли, привел его в такое состояние, один Геббельс во всем виноват.

Он не в силах сдерживать своего визгливого голоса, он краснеет и бледнеет: неопровержимые улики обступили его со всех сторон. Так «второй человек» гитлеровской Германии и первый человек на скамье обвиняемых выступает в своем настоящем виде — уголовного преступника крупного масштаба.

Вторым допрашивал Геринга сэр Дэвид Максуэлл-Файф. Геринг говорил, что возражал против некоторых приказов Гитлера, но о большинстве ничего не знал. Он выставлял себя честным солдатом и особенно рьяно от-

рицал причастность к гнуснейшему убийству 50 английских летчиков.

Английский обвинитель доказал, что Геринг несет личную ответственность и за это преступление.

После Максуэлла-Файфа к допросу приступил Р. А. Руденко.

Он предъявляет документ за документом, неопровержимо уличают они Геринга в совершении преступлений. А Геринг отрицает свое участие в них. Более того, он отрицает даже свою осведомленность о них...

Он не только ничего не делал, он ничего не знал...

Когда Руденко предъявляет ему протокол совещания 16 июля 1941 года — о разделе СССР и назначении гауляйтеров в Ленинград и Москву, Геринг пытается отшутиться:

— Это было совсем не так. Глупо было бы делить шкуру неубитого медведя. Такие разговоры можно было бы вести только после того, как медведь подстрелен.

Руденко замечает:

— Этого не случилось, к счастью.

Геринг нагло бросает:

— Для вас...

Руденко задает вопрос:

— Итак, считаете ли вы себя, второй человек в Германии, ответственным за организованные в государственном масштабе убийства миллионов ни в чем не повинных людей, даже независимо от осведомленности об этих фактах?

Геринг отвечает:

— Нет, так как я ничего не знал о них и не приказывал их проводить.

Геринг увиливает от ответа...

Свой великолепно проведенный допрос Р. А. Руденко заканчивает так:

— Вы заявили на суде, что гитлеровское правительство привело Германию к расцвету. Вы и сейчас уверены, что это так?

Геринг:

— Катастрофа наступила только после проигранной войны.

Снова Геринг увиливает от ответа.

Руденко:

— В результате которой вы привели Германию к военному и политическому поражению. У меня больше нет вопросов.

Французский обвинитель отказался от допроса Геринга:

— Французское обвинение полагает, что ни в малейшей степени не поколеблены те бесспорные доказательства вины, которые были нами выдвинуты. Поэтому у меня нет новых вопросов к подсудимому Герингу.

6

Я рассматриваю три фотографии, великолепно сделанные первоклассным мастером Евг. Халдеем: Геринг в зале суда во время перерыва, Геринг в специальном помещении совещается со Штамером, Геринг отвечает на вопросы обвинителей в перекрестном допросе.

На первом снимке Геринг спокойно сидит, глаза его не видны, так как он смотрит вниз, губы крепко сжаты, отчетливо видны складки у рта. Он как будто погрузился в глубокие размышления...

На втором снимке Геринг, отделенный решетчатой сеткой от Штамера, внимательно его слушает. Взгляд его сосредоточен, губы сжаты, Геринг готовится к схватке...

И третий снимок: Геринг сидит перед микрофоном на свидетельском месте. Не только на лице, но во всей его фигуре огромное напряжение. Губы сжаты плотнее обычного; не повернув головы, он глядит вправо от себя — на задающего вопросы обвинителя. Слушает он с тем особо острым вниманием, которое требуется в опаснейшие моменты, когда отпущены буквально секунды, чтобы найти верный ответ...

Я еще раз разглядываю фотографии. Совещание с защитником... Много их было... Геринг разрабатывал со Штамером детальный сценарий своих показаний — более пятисот заметок захватил он с собой, когда был вызван к допросу. И во время одного из таких совещаний с адвокатом был затронут и «горячий» вопрос о поджоге рейхстага. Обвинители лишь бегло касались этого события, и Геринг решительно отрицал свою причастность к

поджогу. Однако он сделал намек на то, что штурмовики, быть может, и совершили этот акт, чтобы использовать его для укрепления своего влияния. Но он-то, во всяком случае, ничего об этом не знает и никогда не слышал о той десятке штурмовиков, которые были названы свидетелем Гизевиусом как непосредственные поджигатели. Геринг так говорил, потому что был уверен: все погибли — кто в застенках гестапо, кто на фронте.

И вдруг отыскивается некий Хайни Гевер. Его разыскал в американском лагере военнопленных помощник Штамера В. Бросс. С этой вестью он спешит к Герингу: теперь есть свидетель, который покажет, что рассказ Гизевиуса чистая фантазия, и навсегда будут пресечены выдумки о поджоге рейхстага Герингом.

«Но Геринг (пишет Бросс в своих воспоминаниях), весьма далекий от радости, был очень неуверен... С этим обстоятельством необходимо обращаться с крайней осторожностью. С подобными свидетелями нужно быть весьма внимательными. Кто гарантирует, что свидетель не купит своей свободы показанием, которое обвинит меня».

Иезуитский выход из сложной ситуации! Даже своему защитнику не раскрыл Геринг ни того, что было в памятную ночь 28 февраля 1933 года, ни того, что он на самом деле думает о возможном свидетельстве Гевера... И Бросс говорит в воспоминаниях: «Он не проявил никакого намерения исследовать этот новый след, а также и желание дальше обсуждать эту тему...»

Вот в подобные моменты Геринг и был таким, каким его увековечила камера Евг. Халдея.

Еще раз взглянем на третий снимок: Геринг в разгаре словесного боя с обвинением... Быть может, это был тот самый момент, когда Максуэлл-Файф задал ему вопрос:

— Продолжаете ли вы оправдывать Гитлера и прославлять его теперь, когда вы знаете, что он был убийцей? Сохраняете ли вы свою верность Гитлеру?

Геринг сказал Джильберту:

— Это был коварный вопрос, очень-очень опасный вопрос.

Да, бесспорно, вопрос Максуэлла-Файфа был для

Геринга, для всей его позиции в суде решающим, даже роковым...

Как на него ответить? А ответ нужно найти немедленно... И на лице Геринга, во всей его фигуре то напряжение, о каком я уже сказал...

Геринг ответил, что он не оправдывает «фюрера», но сохраняет ему верность в плохие времена, как был ему верен в хорошие...

7

Рядом с Герингом на скамье подсудимых Рудольф Гесс. Он не случайно занимает здесь второе место, вслед за «наци № 2»: в нацистской иерархии он стоял чуть ниже Геринга.

Родившийся в 1894 году в Александрии, учившийся в Египте, Германии и Швейцарии, добровольно вступивший в вильгельмовскую армию, Гесс в мае 1920 года впервые увидел в мюнхенской пивной Гитлера. Через полтора года после этого один немец, живший в Испании, предложил премию за лучшее сочинение на тему «Каким должен быть человек, который вновь вознесет Германию на высоту».

Первую премию получил мюнхенский студент Гесс. Он написал: «Человек, который поведет Германию вперед, будет диктатором. Он поведет Германию вперед, если нужно будет, самыми жестокими средствами. У него должен быть стальной кулак в бархатной перчатке».

Вместе с Гитлером сидел Гесс в 1924 году в тюрьме в Ландсберге. Там он помог своему шефу написать библию нацизма «Майн кампф». Не без основания утверждают, что Гессу принадлежат в этой книге не только мысли, но и слова — целые главы. После выхода из крепости Гесс некоторое время был ассистентом у так называемого ученого-геополитика, генерала и профессора Карла Гаусгофера. Затем Гитлер сделал его своим адъютантом и личным секретарем. 21 апреля 1933 года, на другой день после своего дня рождения, Гитлер назначил Гесса «заместителем фюрера».

27 апреля 1941 года, за несколько дней до отлета Гесса в Англию, газета «Националь цейтунг» писала, что очень многие важнейшие меры по подготовке к войне и

по организации военной экономики обязаны были своим осуществлением прямой инициативе «заместителя фюрера».

Гесс был ярым пропагандистом выдвинутого Герингом лозунга: пушки вместо масла. В многочисленных речах и воззваниях он требовал от немецкого народа бесконечных жертв.

На суде раскрылась подоплека авантюристического предприятия Гесса — его перелета в Англию 10 мая 1941 года, за месяц двенадцать дней до нападения на СССР.

План перелета в Англию для установления прямого контакта с ее правящими кругами возник у Гесса еще в июне 1940 года во время военной кампании во Франции.

Сперва Гесс обратился к генералу Удету с просьбой предоставить самолет. Но Удет отказал, так как Гитлер запретил Гессу лететь. Тогда он обратился к Мессершмитту, который и предоставил ему осенью 1940 года истребитель «М-110». С аэродрома в Аугсбурге Гесс совершил более двадцати пробных полетов. Для задуманного перелета на самолете был предусмотрен дополнительный бак с горючим.

В подготовительной работе к этой акции немалую роль сыграл А. Гаусгофер, сын генерала. Гесс запросил его, кто наиболее влиятелен в Англии, с кем можно было бы вступить в переговоры. А. Гаусгофер, работавший в немецком посольстве в Лондоне в 1934—1938 годах, был отлично знаком с профашистскими кругами в Англии. В своем ответе Гессу 19 сентября он предложил либо искать контакта с английскими посланниками в нейтральных странах, либо направить письмо к одному из его, Гаусгофера, друзей в Англии.

Гесс избрал второй способ. 23 сентября Гаусгофер написал письмо герцогу Гамильтону с просьбой о встрече в Лиссабоне. Письмо Гаусгофера было доставлено Гамильтону.

Почему же Гаусгофер обратился именно к первому пэру Шотландии? На этот вопрос мы находим точный ответ в записке Гаусгофера Гитлеру от 12 мая 1941 года «Английские связи и возможность их использования».

Он писал о людях, которых очень хорошо знал на протяжении ряда лет. Привлечение этих лиц к участию

в установлении англо-германского «взаимопонимания» составляло объект его работы в Англии в 1934—1938 годах. Перечисляя их, Гаусгофер начал с «руководящей группы молодых консерваторов, из которых многие шотландцы», и указал, что эта группа «имеет тесные связи с двором» и связана также со «старшими консерваторами». К этому кругу относились: Сэмюэль Хор, тогда посол в Испании, капитан Гарольд Бальфур, помощник министра авиации, Кеннет-Линдсей, занимавший пост помощника министра просвещения, капитан Генри Скрамджор-Веддерберн, помощник министра по делам Шотландии, лорд Лотиан, тогда посол в США, Уильям Стронг, один из руководящих деятелей министерства иностранных дел, Оуэн О'Малли, посланник в Венгрии, Р. А. Батлер, тогда заместитель министра иностранных дел, и герцог Гамильтон.

Затем Гаусгофер писал о «так называемом кружке круглого стола молодых империалистов, прежде всего колониальных и имперских дел». «Возможно было бы почти каждого из поименованных лиц, — утверждал Гаусгофер в этой записке, — привлечь, по меньшей мере на время, на сторону точки зрения, которая предусматривала бы англо-германское соглашение».

В конце 1940 года Гесс трижды пытался вылететь в Англию, но каждый раз откладывал вылет, так как не было ответа из Англии. Ответ прибыл только в апреле 1941 года.

Вот что рассказывал об этом Гаусгофер в донесении Гитлеру. Он получил от своего хорошего знакомого, швейцарского дипломата Карла Буркгардта, сообщение о встрече в Женеве с лицом, хорошо известным и уважаемым в Лондоне и связанным с руководящими кругами консерваторов. В Женеве в апреле 1941 года этот англичанин в продолжительной беседе с Буркгардтом высказал желание определенных английских пронацистских кругов изучить возможность эффективных мирных переговоров. Свои впечатления как от этой беседы, так и от встреч в самой Англии Буркгардт в письме к Гаусгоферу суммировал так: «1. Английские интересы в восточных и юго-восточных районах (Европы), за исключением Греции, номинальны. 2. Ни одно английское правительство, способное управлять, не будет в состоянии отказаться от

политики восстановления государственной системы Западной Европы (то есть независимости Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции. — *М. Г.*). 3. Колониальный вопрос не представит серьезных трудностей, если германские требования ограничатся прежними немецкими колониями и если итальянские претензии будут умеренными».

Сообщая об этом и передавая Гаусгоферу «наилучшие пожелания от кружка старых друзей в Англии», Буркгардт пригласил Гаусгофера встретиться с ним в Женеве. Гаусгофер немедленно доложил об этом Гессу, и 28 апреля 1941 года в Женеве состоялась беседа Гаусгофера с Буркгардтом. Прямым результатом этой беседы явилось решение Гесса не откладывать более своего предприятия и немедленно отправиться в Англию. 10 мая Гесс вылетел на самолете «мессершмитт-110» из Аугсбурга, взяв курс на «Дунгавел-Касл» — имение лорда Гамильтона в Северной Англии, где все было подготовлено для его встречи. Но Гесс ошибся в расчете горючего и, не долетев до цели 14 километров, выбросился на парашюте в районе Иглшама (Шотландия).

8

Полет Гесса был назван по приказу Гитлера безответственной попыткой, совершенной Гессом в ненормальном психическом состоянии.

Несомненно, что Гитлер решил таким образом изобразить «предприятие» Гесса из-за того, что британское правительство не сохранило в тайне перелет Гесса и тем самым нарушило главное условие полной секретности, на которое рассчитывал Гесс. Поэтому Гитлеру ничего не оставалось делать, как объявить Гесса безумцем, действовавшим только по личной инициативе.

Из оглашенного на суде протокола бесед Гитлера с Чиано 12 мая, через два дня после «акции» Гесса, видно, что Гитлер знал о ней, стоял за спиной Гесса. Существуют и другие доказательства того, что «заместитель фюрера» действовал с его ведома и согласия — чтобы попытаться в последнюю минуту перед «походом на Восток» достичь соглашения с Англией и устранить угрозу войны на два фронта.

Утром 11 мая Гамильтон в сопровождении офицера разведки прибыл в казармы, где находился Гесс. Он осмотрел вещи Гесса, среди которых были визитные карточки Карла и Альбрехта Гаусгоферов, очевидно с умыслом захваченные Гессом.

Гесс, представившись Гамильтону, сказал, что его друг А. Гаусгофер рекомендовал Гамильтона как англичанина, способного понять его, Гесса, точку зрения. Его прибытие в Англию является очевидным доказательством как его искренности, так и стремления Германии к миру. И хотя фюрер убежден в победе Германии, он, Гесс, хочет предотвратить ненужное кровопролитие. Он спросил Гамильтона, может ли тот собрать вместе руководящих деятелей его партии, чтобы обсудить мирные предложения. Суть этих предложений Гесс изложил так: заключение соглашения о том, что Англия и Германия никогда не будут воевать друг с другом при условии, если Англия навсегда откажется от своей традиционной политики борьбы против сильнейшей державы в Европе.

Получив отчет Гамильтона, британское правительство решило направить для дальнейших бесед с Гессом опытного дипломата. Выбор пал на Айвора Киркпатрика, который в то время работал в Би-би-си, но в прошлом был сотрудником английского посольства в Берлине и отлично знал Гесса. Вместе с Гамильтоном он немедленно отправился в Шотландию.

Первая встреча Киркпатрика с Гессом произошла 13 мая. Гесс начал с исторического вступления, чтобы разъяснить, как он пришел к своему решению. С 1904 года, заявил он, Англия вела политику сопротивления Германии, что послужило причиной первой мировой войны, за которую Англия и несет ответственность. Во всех перипетиях европейской политики Англия неизменно играла роковую роль, так как препятствовала удовлетворению интересов Германии. Поэтому, заключил Гесс, Англия ответственна за нынешнюю войну.

Далее Гесс заявил, что прибыл в Англию, чтобы убедить ответственных политических деятелей, что Англия не может выиграть войну. Поэтому наиболее разумным было бы заключение мира на таких условиях: Англия предоставляет Германии свободу действий в Европе и возвращает ей бывшие колонии, а Германия дает Англии

такую же свободу действий в ее империи. Далее в отчете Киркпатрика читаем: «Чтобы поставить перед ним вопрос об отношении Гитлера к России, я спросил, включает ли он Россию в Европу или в Азию. Он ответил: в Азию. Тогда я возразил, что, поскольку в силу его предложений Германия будет иметь свободными руки только в Европе, она не сможет напасть на Россию. Гесс быстро реагировал: Германия имеет определенные требования к России, которые должны быть удовлетворены либо путем переговоров, либо в результате войны. Он, впрочем, прибавил, что слухи, будто Гитлер готовит в близком будущем нападение на Россию, не имеют никакого основания».

Во второй беседе Гесс продолжал запугивать своих собеседников. Он сказал, что Германия неизбежно выиграет войну с помощью блокады Англии. Даже если Британские острова капитулируют и война будет перенесена в империю, Гитлер продолжит блокаду Англии, обрекая ее население на голодную смерть. Подводные и воздушные силы в распоряжении Гитлера таковы, сказал Гесс, что англичане не будут в состоянии обеспечить проход в Англию даже одного-двух судов в день.

15 мая по указанию министерства иностранных дел произошла третья беседа Киркпатрика с Гессом.

Гесс повторил, что Гитлер хочет добиться постоянного прочного взаимопонимания с Британской империей.

Обсудив имеющиеся материалы, английское правительство решило направить на переговоры с Гессом члена кабинета лорда-канцлера Саймона (под псевдонимом «доктор Гатри»).

Стенограмма беседы Саймона и Киркпатрика с Гессом занимает семьдесят страниц машинописного текста. А. Киркпатрик спустя четверть века в воспоминаниях на страницах гамбургской «Ди Вельт» ограничивается одним коротеньким абзацем: «Саймон приложил большое старание, чтобы вести беседу на разумном уровне. Он задавал только возможные вопросы. Но это оказалось бесцельно. Мы отказались от неравной битвы и уехали так же таинственно, как и прибыли. До внешнего мира не дошло ни одного слова о нашем посещении».

Если бы действительно дело обстояло так, то «загадка» Гесса оставалась бы до сего времени неразгаданной.

Но, к счастью, на помощь нам приходят документы, в том числе и стенограммы бесед с Гессом герцога Гамильтона, Киркпатрика и Саймона. Эти документы были в 1945 году в официальных копиях переданы британским правительством защите Гесса в Нюрнбергском Международном военном трибунале и представлены защитой трибуналу в качестве оправдательного материала. К ним относится отчет Гамильтона о встрече с Гессом 11 мая 1941 года (документ М-116), отчет Киркпатрика о беседе с Гессом 13 мая (документ М-117), такой же отчет о встречах 14 мая (документ М-118) и 15 мая (документ М-119), а также стенограмма беседы Саймона с Гессом 9 мая 1941 года.

Саймон начал разговор так: «Я прибыл с правительственным полномочием и охотно выслушаю и обсужу с вами наилучшим образом все, что вы пожелаете сообщить для сведения правительства».

Гесс ответил на это выражением благодарности и начал с разъяснения, как он пришел к своему решению явиться в Англию. «Эта мысль, — заявил он, — родилась у меня, когда я был с фюрером во время французской кампании в июне прошлого года». Гитлер тогда сказал, что война, вероятно, может привести к соглашению с Англией. Поэтому, одержав победу во Франции, не следует предъявлять суровых условий стране, с которой желательно прийти к перемирию.

После этого Гесс, остановившись на истории английской политики в отношении Германии, перешел к застращиванию, повторяя и развивая то, что говорил ранее Киркпатрику о тысячах самолетов и подводных лодок, о средствах нанесения Англии страшных ударов с воздуха и на море. «Все, что произошло до сих пор в воздушной войне, только небольшая прелюдия к еще более ужасному», — говорил Гесс — в то время, когда основная масса военно-воздушных сил Германии уже была перебазирована на Восток. . .

Саймон прервал его вопросом:

«Вы сказали мне, что в Германии все готово: огромные количества самолетов и пилотов и, конечно, другая техника, которая, будучи использованной, позволит закончить войну сокрушением Англии. И я склонен спросить вас: почему же вы теряете людей на Крите и в Ираке и

на других театрах войны, если в вашем распоряжении есть средства прямо поразить нас; почему большая германская стратегия предпочитает это?»

Гесс увернулся от ответа: «Я не сказал, что эти средства уже у нас в руках. Я сказал, что они будут».

Собеседники Гесса желали получить ясный ответ о намерениях Германии. Саймон сказал: «...Не будет ли вам угодно сообщить мне для британского правительства, каковы предложения, которые по вашему настоянию должны быть сообщены или обсуждены?»

Гесс заявил, что вмешательство Америки не изменит положения в пользу Англии, а мысль продолжать войну после капитуляции Британских островов на территории империи приведет только к катастрофе метрополии. Германия оккупирует в Англии только воздушные базы, чтобы не кормить население страны, которое будет обречено на голодную смерть.

Изложив все это, Гесс заметил: «Англия имеет возможность покончить с этим на наиболее благоприятных условиях. Я не знаю, известны ли д-ру Гатри условия мира. Но я предполагаю, что он хочет иметь их в официальной форме».

Так беседа наконец дошла до главного пункта. Саймон сказал: «Я прошу вас, господин рейхсминистр, коротко изложить мне суть вашей миссии».

Гесс торжественно изрек: «Условия, на которых Германия готова прийти к соглашению с Англией, я слышал от фюрера во многих беседах. Я должен подчеркнуть, что эти условия оставались такими же все время с начала войны. Когда я обдумывал свой полет, я всегда запрашивал фюрера об условиях мира. И я абсолютно убежден, что ничто тут не изменилось».

Саймон спросил: «Прибыли вы сюда с ведома фюрера или нет?»

Гесс ответил: «Без ведома. Абсолютно» — и засмеялся.

Саймон спросил: «Имеются ли в Германии другие ответственные лица, которые разделяют взгляды Гесса?»

Гесс ответил: «Эти идеи суть идеи фюрера». Что касается иных руководителей, то они, сказал Гесс, обычно принимают и разделяют идеи Гитлера. Затем он передал Саймону и Киркпатрику документ, заявив: «Даю честное

слово, что все мною здесь написанное фюрер не раз говорил мне».

Документ назывался «Основа для соглашения».

Киркпатрик прочел пункт первый:

«1. Для предотвращения в будущем войн между Англией и Германией будут определены сферы влияния. Сфера интересов Германии — Европа; сфера интересов Англии — ее империя».

Саймон прервал чтение вопросом: «Европа тут, несомненно, означает континентальную Европу?»

Гесс ответил: «Да, континентальную Европу».

Саймон: «Включает ли она какую-либо часть России?»

Киркпатрик так перевел ответ Гесса: «Он сказал, что само собою очевидно, что Европейская Россия интересует нас; если, например, мы заключим договор с Россией, Англия ни в коем случае не может вмешиваться».

Саймон на это сказал: «Я хочу знать, что означает европейская сфера интересов? Если германская сфера интересов — Европа, то, естественно, хочется узнать, входит ли в нее Европейская Россия... Россия к западу от Урала...»

Гесс прервал его: «Азиатская Россия не интересует нас».

Киркпатрик продолжал читать:

«2. Возврат немецких колоний. 3. Возмещение убытков германским подданным, жившим перед войной или во время войны в Британской империи и потерпевшим личный или имущественный ущерб в результате действий имперского правительства или в результате бесчинств, грабежа и т. п. Возмещение на такой же основе Германией убытков британским подданным. 4. Одновременно должны быть заключены перемирие и мир с Италией.

Вышеназванные пункты неоднократно назывались мне фюрером в беседах как основа для соглашения с Англией. Помимо них не упоминались никакие другие пункты».

Саймон стал задавать Гессу вопросы, чтобы уточнить смысл пункта первого о европейской сфере Германии. «Так же как мы не будем вмешиваться в дела Британской империи, Англия в будущем не должна вмешиваться в дела Европы», — сказал Гесс.

Саймон возразил: «Но тут, кажется, есть разница.

Домашние дела империи — дела британские. Являются ли домашние дела континента Европы немецкими?»

Гесс разъяснил: «Мы, как господствующая держава Европы, не должны находиться в постоянном опасении, что Англия станет вмешиваться в дела любого европейского государства. Это главное, что сразу было сказано в пункте о сфере интересов Германии».

Саймон поинтересовался затем, какое место в этой «сфере» будет отведено Италии, на что Гесс ответил, что дела между Италией и Германией не будут касаться никого, кроме них самих.

Перед уходом Саймон задал вопрос о том, что имеется в виду под «германскими колониями». «Все бывшие немецкие колонии», — ответил Гесс.

Саймон поблагодарил за беседу и обещал все сказанное Гессом в точности передать правительству.

Стенограмма заканчивается просьбой Гесса: «Теперь я хотел бы сказать в дополнение еще кое-что для правительства, но только одному д-ру Гатри». Содержания этого сверхсекретного разговора с глазу на глаз в стенограмме нет.

Осведомленные английские журналисты в Нюрнберге во время процесса над главными военными преступниками говорили автору этой книги, что Гесс сообщил Саймону дату начала «Восточного похода».

В Англии после первых кратких сообщений в прессе официальное заявление правительства о перелете Гесса было сделано в палате общин только 24 мая министром авиации Синклером. Он ни словом не обмолвился о содержании тех бесед, которые уже имели с Гессом Киркпатрик и Гамильтон, и настойчиво доказывал, что поведение Гамильтона во всех отношениях было безукоризненным и правильным. О письме Гаусгофера к Гамильтону с приглашением встретиться в Женеве Синклер также не упомянул.

Вторично говорилось о Гессе в палате общин 22 сентября 1943 года, когда с заявлением выступил министр иностранных дел Иден. Он впервые кратко изложил некоторые моменты бесед с Гессом и передал суть его предложений. В конце своего заявления Иден сказал: «Гессу было дано ясно понять, что не может быть никакого вопроса о беседах или переговорах какого бы то ни было

рода с Гитлером или его правительством. Гесс с момента прибытия в эту страну содержится как военнопленный и будет в таком положении до конца войны».

Перелет Гесса накануне войны против СССР, будучи из ряда вон выходящим поступком в истории дипломатии, доказывает, как велико было желание гитлеровской верхушки вступить в сговор с Англией против СССР.

Однако же из попытки Гесса ничего не вышло: правящие круги Великобритании не приняли условий соглашения, предложенных Гессом. Ведь он требовал, чтобы Англия навсегда отказалась от вмешательства в дела Европы и перестала быть европейской державой.

Безусловно, такое «разграничение» сфер интересов не устраивало британские правящие круги. Видеть на противоположном берегу канала всемогущую Германию и не иметь на континенте никакой опоры — этого не допускала традиционная политика Англии.

Другим препятствием к достижению антисоветского соглашения было требование о безусловном возврате Германии колоний.

Но главной причиной провала миссии Гесса было желание правящих кругов Великобритании не ввязываться в «большую драку», а оставаться наблюдателями единоборства между СССР и гитлеровской Германией, о дате нападения которой на нашу страну Лондон был точно осведомлен Гессом. Стоять «над схваткой», чтобы к концу ее выступить в роли всемогущего арбитра, — таков был дальний прицел британской политики.

Немалую роль в отклонении предложений Гесса сыграли и настроения широких кругов английского народа. Решительно бороться против нацизма, а не вступать в сделки с ним — вот чего требовали массы трудящихся. Когда Гесс явился в Англию, по стране прокатилась волна митингов протеста. Лейбористская партия на своей конференции подавляющим большинством голосов отвергла предложение о мирных переговорах с Германией.

Была неприемлема программа Гесса в ее главных пунктах и для тех кругов, на которые он более всего рассчитывал: британским тори совсем не улыбался отказ от мирового положения Англии.

В одном — и для Гесса весьма важном — пункте его миссия дала положительные результаты: Гесс избег уча-

сти Геринга, так как трибунал голосами судей США, Англии и Франции, против голоса СССР, приговорил его только к пожизненному заключению.

Давать показания трибуналу Гесс отказался, и защита ограничилась представлением этих стенограмм бесед Гесса в Англии.

9

Генералам было поручено разработать военную сторону замышленной агрессии, Риббентропу — дипломатическую. И Риббентроп с усердием выполнял поручение «фюрера».

Сильно отличается этот тихий, жалкий Риббентроп, дающий показания, от Риббентропа прежних лет. Но есть и существенное сходство. Тогда он произносил лживые речи о мире, которые имели целью замаскировать подготовку к агрессии. Теперь Риббентроп опять произносит лживую речь — о своем миролюбии, чтобы скрыть свое участие в организации и осуществлении заговора против мира.

Как же построил он свою защиту перед лицом неопровержимых уличающих фактов?

Исходный его тезис был таков: я всего только послушный и покорный исполнитель воли и приказов фюрера и никакой самостоятельной роли во внешней политике не играл.

Второй тезис Риббентропа: политика Гитлера была политикой мира, и войны, которые вела Германия, были войны вынужденные и оборонительные. Если же кто и нарушал международные договоры, то в первую очередь противники Германии.

— Довольно странная логика, — сказал мне Эрик Борн, корреспондент агентства Рейтер. — Если политика Германии не была плохой, то зачем же Риббентропу выдавать себя лишь за бессловесного клерка?..

Да, логики было мало в поведении Риббентропа!

Ему предъявляется сделанное Гитлером 22 августа 1939 года заявление о том, что он твердо решил напасть на Польшу, и задается вопрос: как это твердое решение Гитлера совместить с переговорами, которые тогда

велись между Англией и Германией о мирном урегулировании конфликта?

Риббентроп ответил:

— С генералами всегда нужно так говорить, как если бы завтра уже начиналась война.

Как ни изворачивался бывший министр иностранных дел «третьей империи», но его показания полностью подтвердили утверждение обвинителя, что дипломатия гитлеровской Германии была не чем иным, как системой провокационных и лживых маневров для маскировки подготовляемой агрессии и для усыпления бдительности ее жертв.

Риббентроп выставлял себя также противником нападения на СССР. А трибуналу была предъявлена его телеграмма послу в Токио для передачи японскому правительству: «До наступления зимы мы подадим друг другу руки на концах Транссибирской магистрали. После краха России позиция государств тройственного пакта в мире будет такой, что вопрос о поражении Англии или полном разрушении Британских островов будет только вопросом времени».

Риббентроп добивается согласия трибунала на посылку в Англию письменных запросов Бивербруку, Ванситтарту, Лондондерри, Кемзли — чтобы они подтвердили горячую приверженность Риббентропа к миру и к согласию с Англией.

Лорд Ванситтарт, узнав об этом, сказал:

— Чистое сумасшествие эта затея...

Свидетельница, бывшая секретарша Риббентропа, Маргарита Бланк ничего существенного в пользу Риббентропа не привела.

Штеенграхт, мы знаем, обругал Гитлера, но не помог Риббентропу. Шмидт, переводчик МИД, рассказал, что 31 августа 1939 года, когда началось нападение на Польшу, Риббентроп сказал «фюреру»: «Желаю вам счастья». А 3 сентября, когда Гитлеру был вручен английский ультиматум и рухнула надежда, что западные державы останутся в стороне, он в полной растерянности спросил не кого-либо иного, а Риббентропа: что же теперь делать?

Следовательно, Риббентроп не был простым секрета-

рем по иностранным делам при шефе, а был его советником.

Выступившая в роли свидетеля жена Риббентропа изложила трогательную «рождественскую историю».

Декабрь 1940 года. Налет английской авиации на Берлин. Бомбоубежище имперской канцелярии.

Риббентроп, под грохот разрывов английских бомб, чуть ли не со слезами на глазах убеждает Гитлера: необходимо и достижимо соглашение... с Москвой... Можно избегнуть войны, заклинает Риббентроп «фюрера», и Гитлер умиленно соглашается со своим министром иностранных дел... Словом, полная идиллия!

Риббентроп и сам рассказал об этой беседе, в итоге которой Гитлер одобрил план Риббентропа — договориться с Советским Союзом.

И на это Максуэлл-Файф ему сказал:

— Вы понимаете, что вы говорите? Вы говорите, что после того, как была издана директива «Барбаросса», Гитлер позволил вам попробовать втянуть Советский Союз в пакт трех держав, даже не сказав вам, что у него уже были приказы о нападении на Советский Союз. Неужели вы думаете, что вам кто-нибудь поверит?

Риббентропу никто и не поверил...

Обвинители подвергли Риббентропа перекрестному допросу.

По-разному вели себя гитлеровские лидеры, но так, как Риббентроп, никто до него и после него...

От Риббентропа трибунал слышал стандартные ответы: «я этого не знаю», «не знал», «я этого не помню» и «этого не было», «это не соответствует действительности», «это неправильно записано», «это обстояло не так», «это была не моя точка зрения».

Иначе говоря, Риббентроп ссылался на полное неведение о фактах и событиях, а когда это не помогало, отрицал самые факты.

Я подсчитал: ответы первого образца он дал Максуэллу-Файфу, французскому обвинителю Фору и Руденко тридцать раз, ответы второго рода — тридцать два раза... Рекорд, никем не побитый...

Руденко спросил его:

— Почему Гитлер назначил вас министром иностранных дел в 1938 году, как раз перед началом осуществле-

ния широкой программы агрессии? Не находите ли вы, что он считал вас самым подходящим для этого человеком, с которым у него не могло возникнуть разногласий?

Риббентроп ответил:

— О мыслях Гитлера я ничего не могу сказать. Он мне ничего не рассказывал об этом. Он знал, что я был его верным сотрудником, и он знал, что я придерживался того же мнения, как и он, что необходимо создать сильную Германию. Больше я ничего не могу сказать.

Максуэллу-Файфу удалось настолько вывести Риббентропа из равновесия, что он, почти в истерике, сказал правду о политике и дипломатии своей и Гитлера.

Обвинитель спрашивает по поводу захвата Чехословакии:

— Какой еще больший нажим можно было оказать на руководителя страны, если не тот, что ваша армия должна была вступить в его страну, имея большое превосходство сил, и что ваши военно-воздушные силы должны были бомбить его столицу?

Риббентроп брякнул:

— Например, война...

Зал ответил громким смехом, и Риббентроп низко опустил голову.

Такой же конфуз постиг его и тогда, когда он изложил свою точку зрения на дипломатический язык. Несколько раз признался он в том, что в дипломатических переговорах сознательно прибегал ко лжи, угрозам, запугиваниям.

— Значит, язык дипломатии — это в первую очередь язык обмана и шантажа? — спросил обвинитель Риббентропа.

Риббентроп не без недоумения посмотрел на Максуэлла-Файфа и сказал:

— Разве вы этого сами не знаете?

Р. А. Руденко задает вопросы:

— Считаете ли вы агрессией нападение на Чехословакию?.. На Польшу?.. На Данию?.. На Норвегию?.. И так далее — вплоть до нападения на СССР?

И Риббентроп каждый раз отвечает:

— Нет.

— Почему же?

— Потому что, изволите видеть, Германия была вынуждена прибегнуть к превентивной войне...

Не больше успеха имел Риббентроп и тогда, когда пытался отрицать свое участие в преступлениях против человечности.

Максуэлл-Файф огласил запись слов Риббентропа в беседе с итальянскими представителями: необходимо уничтожать партизан, включая женщин и детей.

— И вы еще утверждаете, что не хотели, чтобы с женщинами и детьми обращались жестоко?

Риббентроп чуть слышно лепечет:

— Если я это и сказал, то сказал, будучи, быть может, крайне взволнован...

Обратите внимание на это «если»; Риббентроп пробует и тут отрицать факт, но, поскольку факт неопровержим, он ссылается... на свое волнение. Что ж, быть может, так и было. Но волнение у разных людей сказывается по-разному. У Риббентропа волнение вызвало приказ о хладнокровном убийстве женщин и детей...

Максуэлл-Файф справедливо заметил:

— Это все тот же ваш дипломатический язык.

Да, у дипломатии Гитлера был тот же язык, что у его полиции, у его военного командования. Риббентроп, как и Гиммлер, как и Кейтель, признавал только язык крови и насилия, язык смерти, на которую гитлеровская Германия обрекла миллионы людей.

Как и Геринг, как и Гесс, Риббентроп полностью проиграл сражение с обвинением.

Незадолго до того, как должен был начаться его допрос, Риббентроп через защитника передал журналистам многостраничный «опус» — характеристику Гитлера.

Составлен был этот документ не без хитрости: наряду с восхвалением «фюрера» была в нем и критика его недостатков: «Он был вспыльчив и часто не мог владеть собой». Указал Риббентроп и на коварство Гитлера в обращении даже с ближайшими сотрудниками:

«Гитлер иногда, чтобы облегчить себе дело, натравливал одного на другого, извращая точку зрения одного своего сотрудника и сообщая ее в таком виде другому, чтобы заручиться его помощью. Принцип «разделяй и властвуй» проводился им до такой степени, что часто

многие директивы, дававшиеся различным ведомствам, противоречили друг другу, сотрудники проводили более половины времени во взаимной борьбе».

Однако же «сальдо» в этой характеристике было выведено в пользу Гитлера: он, при всех своих недостатках, был велик. А потому и незачем удивляться, что Риббентроп, столь малый по сравнению с «фюрером», верил ему и преданно служил.

Так коммивояжер по продаже шампанского, вознесшийся на вершину служебной иерархии «третьей империи», пытался снискать себе сочувствие у журналистов, и в первую очередь в той части прессы, которая не очень одобрительно относилась к суду над нацистскими главарями.

Об этом и зашел однажды вечером разговор в баре пресс-кемпа. Корреспондент реакционного херстовского агентства Интернешнл Ньюс Сервис, в соответствии с наставлениями своего шефа, всегда выражал если не сочувствие подсудимым, то неодобрение обвинителям, особенно советским.

На этот раз сей джентльмен изменил своему обычаю держаться в стороне от коллег и обратился к нескольким из нас, собравшимся у стойки бара:

— Молодец Риббентроп! Не струсил, сказал честно, что думает о Гитлере. Не изменил вождю...

Мы — англичанин Эрик, два американца, француз, я — переглянулись. Затем Эрик хлопнул херстовца по плечу и сказал:

— А вы бы взяли его к себе! Главным дипломатическим обозревателем. Отчего бы вашему шефу не обратиться с такой просьбой к старику Лоренсу?

Мы засмеялись, а херстовец махнул рукой и отошел от бара.

— А все-таки, — сказал я, — как вы думаете, помогут Риббентропу его вылазки за пределы судебного зала?

— Нет! — разом воскликнули француз и один из американцев.

— Может случиться, что и помогут, — промолвил второй..

— Файф и Джексон крепко взяли его в оборот, — возразил француз.

— Да и Руденко, — добавил я. — И думаю, панегирик

Гитлеру не ляжет большим весом на чашу весов Риббентропа. Скорее наоборот...

Насколько помнится, риббентроповская «ода» в честь его «фюрера» на страницы печати не попала...

10

Проиграв войну, Кейтель, начальник верховного командования, пытается выиграть теперь последнее сражение: он хочет перед Международным военным трибуналом защитить военную касту, всю прусско-немецкую военную машину. Для этого он избрал такую тактику: во-первых, он разыгрывает полную откровенность, так сказать, солдатского типа; во-вторых, он ссылается на солдатское чувство верности, долга и повиновения.

Что касается откровенности, то она у Кейтеля вынужденная: он не может отрицать своей подписи на приказах о расстреле 50—100 советских граждан в ответ на убийство одного немецкого солдата, на приказах о самых крайних мерах против женщин и детей. Он не может отрицать своих резолюций: «я все эти меры утверждаю». Поэтому он и играет в откровенность, чтобы расположить к себе судей и чтобы придать больше правдоподобия своим рассуждениям о «солдатской чести».

«Солдат по склонности и убеждению, я всегда старался служить своему отечеству и германскому народу наилучшим образом и в мире и в войне. Это я делал с одинаковой преданностью при кайзере, при президенте Эберте, при генерал-фельдмаршале Гинденбурге и при Гитлере...»

Кейтель всячески изворачивался, чтобы показать себя порядочным человеком, солдатом-рыцарем.

Но если он в чем и преуспел, то лишь в том, что показал образец самого отвратительного лицемерия.

Он заявлял трибуналу по поводу совершенных германскими вооруженными силами преступлений:

— То, что даже при самом критическом отношении должно считаться доказанным, как в основном обоснованное немецкими документами, превышает способности моего представления... Это настолько давит на мои

чувства, что лишает меня способности оценить случившееся с помощью обычных человеческих представлений.

Следовательно, Кейтель, подписывавший приказы об уничтожении советских комиссаров и политработников, о расправах с партизанами, об убийстве заложников, не понимал, что он делает, — поскольку он лишь на суде увидел и понял масштаб злодеяний?

Ничего подобного!

Свидетельские показания и документы неопровержимо доказали, что Кейтель действовал вполне сознательно, отдавая себе отчет в смысле этих действий.

Генерал Вестгоф рассказал на процессе, что на полях его доклада о репрессиях против совершающих побеги военнопленных Кейтель написал:

«Я приказывал не расстрелять, а передать в гестапо».

Образцовая смесь лицемерия с попыткой увернуться от ответственности. Ибо кто-кто, а Кейтель отлично знал, что значит «передать в гестапо».

На протесте начальника абвера Канариса против нарушающих нормы международного права директив об обращении с советскими военнопленными Кейтель писал: «Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры».

Ясно и недвусмысленно: никакого рыцарства, мы — ландскнехты и будем действовать именно и только так.

Но, принужденный отвечать за это, Кейтель теперь лицемерно ужасается и возмущается всем содеянным и в то же время прячется за принцип повиновения во что бы то ни стало.

Его спросили:

— Вы проводили преступные приказы, которые нарушали основные принципы чести профессионального солдата?

Кейтель на это сказал:

— Когда приказ был дан, я действовал по моему пониманию, согласно долгу службы, не смущаясь возможными последствиями, которые я не всегда представлял.

А ведь начальник ОКВ (верховного главнокомандования), генерал-фельдмаршал, проведший всю жизнь на военной службе, не мог не знать, что обязан «смущаться возможными последствиями» преступных приказов. Ибо

об этом ясно говорили и нормы международного права, и германское законодательство.

Германский военный уголовный кодекс 1872 года содержал ст. 47, которая устанавливала ответственность военнослужащего, выполнившего преступный приказ начальника.

В 1940 году эта статья была изменена, но ее смысл сохранился: выполнивший преступный приказ подлежит наказанию, если знает, что приказ влечет за собой совершение преступления или нарушение закона.

Кейтель, да и все германские генералы и офицеры не могли этого не знать.

Почему же не руководствовались законом Кейтель и его подчиненные?

Да потому, что понимали: все это — сплошное лицемерие, а руководствоваться подлежит не законом, но только приказом свыше.

Потопивший в крови Баварскую советскую республику генерал фон Эпп без всяких обиняков заявил в рейхстаге: «Солдату незачем спрашивать, с кем ему сражаться, ему указывают цель, и за эту цель он как солдат обязан сражаться. Он не отвечает за действия и мотивы тех, кто ему цель указывает».

Такую «концепцию» слепого повиновения исповедовали и осуществляли Кейтель и все гитлеровские генералы.

Но никакая присяга не дает права и не обязывает выполнять приказы заведомо преступные. И если обратиться к немецкой истории, то мы и там найдем подтверждение этого принципа.

В 1761 году генерал фон дер Марвитц получил приказ Фридриха II — разорить замок Хубертусбург. Генерал приказа не выполнил, считая его постыдным для армии. Он вышел в отставку и завещал на его могиле сделать надпись: «Видел героическую эпоху Фридриха и воевал вместе с ним во всех его войнах. Избрал немилость там, где повиновение не приносило чести».

Кейтель честь принес в жертву повиновению... И он и его коллеги следовали не примеру Марвитца, но призыву фон Эппа. «Верность фюреру» и «повиновение приказу» сыграли злую шутку с верхушкой военной машины.

План заговорщиков 20 июля зиждился на предпосыл-

ке, что Гитлер будет убит и с его смертью прекратит действие присяга в верности «фюреру».

Генералы, руководители заговора и организаторы неудачного покушения 20 июля, в тот злосчастный июльский день дали перестрелять себя как куропаток в своем штабе на Бендлерштрассе или без сопротивления попали в руки Гиммлера — потому и только потому, что бомба пощадила Гитлера и осталась в силе присяга на верность «фюреру». И генералы-заговорщики окаменели подобно кролику под взглядом удава.

11

И на главном Нюрнбергском процессе, и на процессе так называемого «верховного командования» эта проблема дебатировалась обвинением и защитой особенно остро и упорно. Ибо столкнулись два диаметрально противоположных взгляда: безусловное, безоговорочное выполнение приказа, каков бы он ни был, и право и обязанность военнослужащего не выполнять заведомо преступные приказы, нарушающие нормы и обычаи ведения войны, установленные и признанные цивилизованным человечеством.

Сразу же после того, как главный американский обвинитель Роберт Джексон произнес вступительную речь, в центральном военном органе США «Арми энд неви джорнел» появилась статья с протестом против того, что в Нюрнберге судят солдат (то есть Кейтеля и Иодля, Деница и Редера); они выполняли свой долг, повинуясь своему «вождю» и воинской присяге.

Джексон вынужден был опубликовать заявление, в котором было сказано:

«Я указал (во вступительной речи на процессе), что мы преследуем этих милитаристов не за то, что они служили своей родине, но за то, что они подготовили ее и подтолкнули к войне; не за то, что они сражались на войне, но за то, что они ее вызвали... На скамье подсудимых представлены многие профессии, включая правовую. Эти профессионалы обвиняются и судятся не за то, что они принадлежали к «профессии», но за преступления, в том числе за планирование агрессивной войны, которая затопила мир кровью. Нельзя защищать этих

преступников на том основании, что они солдаты или юристы.

Я продолжаю думать, что никакой американец не может поддерживать безнаказанность для лиц, которых мы судим. Солдаты наши в Германии, я знаю, не испытывают таких чувств».

Теперь, спустя четверть века после столкновения Р. Джексона с органом Пентагона, особенно ясна суть конфликта. Американская военщина вела, ведет и не отказывается и впредь вести преступные войны преступными средствами. Поэтому она уже в 1945 году поспешила прикрыться принципом повиновения приказу и безусловного выполнения солдатского долга.

Весь мир возмущением и гневом ответил на злодеяния американского милитаризма в Индокитае. Хладнокровное убийство стариков, женщин и детей в Сонгми повторило кровавые «подвиги» гитлеровцев в Лидице, Орадуре, в сотнях советских селений.

Но Пентагон, фактически освободив виновных в этих преступлениях против человечности от ответственности, тем самым сказал, что ставший нормой международного права приговор Международного военного трибунала для него не закон...

Одна часть показаний Кейтеля была сенсационной.

Кейтель заявил, что и он сам и другие немецкие генералы были очень удивлены пассивностью западных держав в момент нападения Германии на Польшу. Немецкое командование ожидало с большим беспокойством возможного наступления на западе, так как там у немцев, по словам Кейтеля, было не более пяти дивизий и слабые гарнизоны на линии Зигфрида. Западные державы, заявил Кейтель, упустили столь благоприятную для них стратегическую обстановку. Отсюда Гитлер и немецкое командование сделали вывод, что западные державы и не были намерены всерьез, по-настоящему воевать.

Эта оценка бывшего руководителя верховного командования немецких вооруженных сил приобрела еще больший интерес в силу той реакции, какую вызвала у Геринга. Когда Кейтель говорил, Геринг обернулся к Иодлю и что-то ему сказал. Полетели записки защитникам. В кратком перерыве судебного заседания Геринг подозвал к себе защитника Кейтеля и объяснялся с ним.

Результаты обнаружились немедленно после возобновления заседания. Адвокат Нельте заявил трибуналу, что Кейтель ошибся и хочет сделать поправку. И Кейтель сказал, что он спутал 1938 год с 1939-м. В 1938-м действительно Германия имела на западе не более 5 дивизий, но в 1939-м она располагала там значительно большими силами.

Нужно было рассчитывать на абсолютную наивность слушателей, делая такую поправку: кто же может поверить, что Кейтель, дающий свои показания со скрупулезной точностью ротного писаря, мог спутать 1939 год, год начала войны, с 1938-м!

Итог допроса был для Кейтеля столь же плачевен, как и для его коллег: полное изобличение его преступной деятельности. Вернее — саморазоблачение.

Кейтель как ни изворачивался, но в конце концов сказал:

— Я действовал не только в силу слепого повиновения фюреру, но и потому, что фюрер умел меня убедить. Доводы фюрера казались мне убедительными.

Но, поспешил он прибавить, все же были расхождения с Гитлером. Какие же? В вопросе о нулях: Кейтель предлагал за каждого убитого партизанами немца уничтожать 5—10 мирных жителей, а Гитлер приставил нуль — 50—100. Чем же завершилось «разногласие»? Кейтель подписал приказ с гитлеровскими «расчетами»!

Допрос Иодля, а затем и адмиралов Деница и Редера подтвердил: германские генералы и адмиралы верой и правдой служили Гитлеру потому, что он делал то дело, какому они преданы душой и телом.

12

Кальтенбруннер на скамье подсудимых занимал место своего шефа. Гиммлер, рейхсфюрер СС, начальник Главного управления имперской безопасности, глава германской полиции, имперский уполномоченный по охране чистоты расы, предпочел смерть от своей руки веревке палача.

После подписания капитуляции Германии он явился во Фленсбург к призрачному «рейхсканцлеру» Деницу и

предложил ему свои услуги, быть может возлагая надежды на секретные переговоры с Бернадоттом. Но Дениц также лелеял надежду на то, что его «правительство» будет признано если не всеми союзниками, то западными державами. А в таком случае Гиммлер был совсем не подходящий партнер. И он указал Гиммлеру на дверь... Тогда, переодевшись, с фальшивыми документами, оберпалач попытался перебраться на Запад. На контрольном пункте он показался подозрительным и был задержан. Офицеры контрразведки опознали его и после обыска, когда ему было приказано раскрыть рот, Гиммлер раздавил ампулу с ядом.

Итак, ответ за чудовищные преступления дьявольского аппарата террора и массового человекоистребления держал заместитель Гиммлера Эрнст Кальтенбруннер. Защиту он построил на голословном отрицании фактов. Итог такой «защиты» подвел обвинитель от США Эймен:

— Если ваши показания, подсудимый Кальтенбруннер, решительно противоречат показаниям других 20 или 30 свидетелей и огромному количеству документов, то маловероятен тот факт, чтобы вы говорили правду, а показания всех других свидетелей и все другие документы говорили бы неправду. Вы согласны с таким предположением?

Кальтенбруннер:

— Нет, с этим я не могу согласиться.

Независимо от «согласия» Кальтенбруннера, полностью подтвердились бесчисленные факты нацистских зверств и руководящая роль заместителя Гиммлера в этих злодеяниях.

Эти неслыханные злодеяния были совершены во имя изуверской, человеконенавистнической теории расизма. Как преступления Нерона, Аттилы, Чингисхана, гитлеровские злодеяния запечатлены в памяти человечества. Нет надобности подробно о них рассказывать, и я ограничусь немногими образцами «работы» нацистских извергов.

Оберштурмбанфюрер СС Христиансен издает секретный приказ о том, что впредь, как правило, не должны производиться расстрелы детей. Заметьте эти слова: «как правило». Значит, в виде исключения допустимо убивать и детей.

Думаю, что такое «милосердие», проявленное эсэсовским зверем, еще страшнее и ужаснее, чем беспощадность тех, кто убивал детей «как правило».

Рудольф Гесс, комендант «фабрики смерти» — Освенцимского лагеря, поведал суду, что создал конвейер смерти: от прибытия человека в Освенцим до передачи его трупа в крематорий проходило только 10 минут, если это был мужчина, и 15 минут у женщины, поскольку необходимо было срезать волосы.

Так называемый профессор из Эссена Пауль Риккер (где он теперь? какую получает пенсию?) запечатлел на пленке «маскарад»: труп бежавшего из лагеря заключенного, затем пойманного и повешенного, проносят перед строем его сотоварищей по аду; впереди идет оркестр, все музыканты костюмированы... Фашистский маскарад... так сами палачи назвали это свое злодейство. Впрочем, злодейство ли?... Быть может, гуманность!

Да, да, мы — гуманисты, убеждал судей свидетель Отто Олендорф. Свидетелем был лишь формально этот закоренелый преступник в чине бригадефюрера СС, начальник III отдела имперского управления безопасности... В течение года он был командиром «эйнзатцгруппы Д», которая с июня 1941 года «работала» в районе действия группы армий «Юг». Под руководством Олендорфа команда убила на юге Украины не менее 90 тысяч мирных жителей.

Когда Олендорф вошел в зал, в его наружности нельзя было заметить ничего, что выдавало бы в нем хладнокровного, циничного палача. Спокойно принес он присягу, спокойно рассказывал о своих деяниях, спокойно отвечал на вопросы.

— Среди убитых вами десятков тысяч были женщины и дети?

— Да, — как о чем-то само собой разумеющемся отвечает Олендорф.

Он не простой убийца, он палач с философией — более того, с «гуманностью». Ибо он массовый расстрел предпочитал расстрелу индивидуальному или небольшими группами.

— Почему, свидетель?

— Потому что при массовом расстреле меньше подвергались испытанию нервы убиваемых.

Его «заботы» о жертвах доходили до того, что он приказывал перед казнью их не связывать и не бить, привозить на место смерти в машинах, дабы сократить время предсмертного ожидания.

Более того. Сей ревнитель «гуманности» с радостью выполнял распоряжение своего шефа Гиммлера: женщин и детей не расстреливать, а убивать в машинах-душегубках системы профессора Беккера.

Олендорф не без гордости разъяснил, что такой метод расправы избавлял жертвы от излишних душевных переживаний, а палачей — о палачах тоже пекся Олендорф! — палачей такая казнь освобождала от необходимости стрелять в женщин и детей. Ведь и у них были жены и дети...

Однако же мягкое сердце Олендорфа так и не нашло успокоения: вид отравленных в душегубке был настолько ужасен, что нервы эсэсовцев, извлекавших трупы, этого не выдерживали.

Вот об этом Олендорф рассказывал с большим сокрушением: ему, мол, так и не удалось до конца осуществить гуманность.

Если бы я не слышал спокойного, хладнокровного рассказа Олендорфа о его «гуманности», я не поверил бы тому, что возможно такое циничное надругательство над человечностью, что мыслима такая извращенность понятий, мыслей, чувств...

..Удивлен был и Шахт, но по-своему. Он сказал д-ру Джильберту:

— Поразительно, ведь этот Олендорф до 1933 года был вполне порядочным деловым человеком, успешно работал в банке...

Напрасно удивлялся Шахт! «Деловые» люди, вроде Олендорфа, свои деловые навыки как раз и применяли в «деле» массового человекоистребления...

В последние недели «третьей империи» Олендорф был одним из посредников между Гиммлером и американскими властями, с которыми Гиммлер вел тогда переговоры через шведского графа Бернадотта.

Предложения Гиммлера Олендорф привел в интервью с корреспондентом Ассошиэйтед Пресс после возвращения из зала суда.

Я помню, как американский коллега говорил о своем

изумлении, когда Олендорф рассказывал ему об уверенности Гиммлера в успешном исходе переговоров с западными державами.

Гиммлер был убежден, что западные державы признают СС единственным фактором, способным спасти Европу от большевизма, — так Олендорф охарактеризовал главный козырь Гиммлера.

Этот «козырь» был не нов.

Во время переговоров в ноябре 1918 года о перемирии германская делегация настаивала на смягчении предъявленных Германии условий. Оружия «останется недостаточно, чтобы в случае необходимости стрелять по германскому народу», который заражен большевизмом, говорили германские генералы французским. «Надо сохранить Германии армию в полном порядке, чтобы дать ей возможность подавить революцию».

Бест, гитлеровский сатрап в Дании, страдал такой же манией ведения дневников, как и остальные гитлеровцы. Дневники попали в руки датских властей. Под датой 30 декабря 1943 года он записал: «Полдень. В чайном домике фюрера завтрак с Адольфом Гитлером, рейхсфюрером Гиммлером, доктором Кальтенбруннером, группенфюрером СС Панке, фельдмаршалом Кейтелем, генералом Иодлем, генералом фон Ханнекен, генерал-лейтенантом Шмидтом (завтрак и обсуждение датских вопросов длились с 14 часов до 16 часов 30 минут). Это сопровождалось короткими беседами с фельдмаршалом и рейхсфюрером СС Гиммлером».

О чем же говорила нацистская верхушка в этом «чайном домике фюрера» 30 декабря 1943 года? Об этом рассказал на допросе группенфюрер СС Панке, который руководил гиммлеровской полицией в Дании. Бест и Панке доложили Гитлеру о положении в Дании. Гитлер категорически заявил, что не может быть и речи о предании датских саботажников суду трибуналов. Известно, сказал он, что лица, ликвидированные таким способом, повсюду становились героями.

И объявил решительным образом: «мой приказ должен быть выполнен». В чем же состоял этот приказ? В том, чтобы немецкая полиция в Дании организовала так называемые убийства расчета или «убийства клиринга».

Что такое клиринг в экономической области в гитле-

ровском понимании, хорошо известно: ограбление соседней страны под предлогом взаимных экономических расчетов.

Что же касается убийств по системе клиринга, то Гитлер потребовал, чтобы в Дании эсэсовцы убивали пятерых датчан в ответ на уничтожение одного немецкого оккупанта. Убийства должны были совершаться тайно под видом уголовных. Заседание закончилось тем, что Гитлер приказал Панке приступить к совершению убийств расчета. Значительную часть убийств выполнила банда, которая по имени своего главаря носила имя «Петер». Однако, как рассказывает Панке, не удавалось выполнить установленную Гитлером норму. В лучшем случае успевали убить одного датчанина вместо пятерых. Но так как приказ «фюрера» есть приказ, то Панке прибегал к подлогу. В своих отчетах он многих датчан, убитых иным способом, помещал в рубрики жертв «убийств расчета».

Итак, вот картина, которая навсегда войдет в уголовную историю: руководители целого государства, горделиво именуемого Великой Германской империей, собираются в ставке верховного командования немецкой армии и обсуждают вопрос об организации уголовных убийств мирных жителей маленькой соседней страны. Человек, именуемый фюрером немецкого народа, рейхсканцлером Германской империи и верховным главнокомандующим всех вооруженных сил Германии, лично отдает приказ о том, чтобы банды уголовных преступников врывались в дома мирных граждан и убивали их, в обязательной пропорции пять к одному.

Такими делами занимались эти невиданные в истории преступники в «чайном домике» главаря своей банды.

13

Вслед за палачом Кальтенбруннером ответ держал философ палачества Розенберг. Сидя на скамье подсудимых, он слушал советских обвинителей без наушников, так как отлично говорил по-русски, но зато с презрительной миной. Она исчезла, когда ему пришлось давать ответ за свои преступления...

Океан человеческой крови пролили гитлеровцы для того, чтобы обеспечить господство своей «чистой нордической» крови. Нет таких преступлений, которые не были бы совершены под знаменем расовой теории, провозвестником и апологетом которой был Альфред Розенберг. Он претворял ее в жизнь, когда Гитлер облек его правами и полномочиями министра оккупированных областей Востока. И он в течение нескольких лет руководил выполнением разработанного при его участии плана хладнокровного истребления нескольких миллионов людей, порабощения оставшихся в живых и ограбления занятых областей Советского Союза. Розенберг принимал деятельное участие в том знаменитом совещании, когда решено было окончательно стереть с лица земли Ленинград, расчленить Советский Союз и обратить его республики и области в немецкие колонии. Розенберг заявлял на собрании своих ближайших помощников, что нельзя избегнуть при решении исторических задач на Востоке гибели миллионов русских.

Этот недоучившийся рижский студент, бежавший из Советской страны в Германию в 1918 году, был одним из ближайших сподвижников Гитлера. Не зря же у него был партбилет № 126...

Розенберг начал свою деятельность в Мюнхене в 1919 году, и тогда-то он и встретился с Гитлером и оставался с ним до конца.

В комментарии к нацистской программе он заявил: «Если германская нация не хочет погибнуть, она должна обеспечить будущие поколения землей и пространством, и ясное понимание того, что оно может быть завоевано не в Африке, а только в Европе и в первую очередь на Востоке, органически определяет германскую внешнюю политику».

Так в одной фразе Розенберг сформулировал цели и характер всего нацистского заговора.

Суть идеологии Розенберга также сформулирована в одном изуверском афоризме: «Ныне возникла новая вера — миф крови, вера в то, что божественная сущность человечества в основном должна определяться кровью».

Эту «идеологию» он изложил в пухлой, невежественной, нелепой книге «Миф XX века». За нее он получил «национальную премию». Это был ответ на присуждение

Нобелевской премии мира брошенному в концлагерь К. Оссецкому, пламенному публицисту-антифашисту.

«Альфред Розенберг своими сочинениями, — было сказано в постановлении о присуждении премии, — помог заложить научный и интуитивный фундамент философии национал-социализма и наиболее выдающимся путем содействовал усилению этой философии».

Чтобы замести следы своего участия в уголовных преступлениях, автор «Мифа XX века» попробовал превратить показания в пространную лекцию.

— Тут много было сказано ужасных слов, но о нацизме как таковом еще ничего не сказано.

Лоренс немедленно прервал его:

— Трибуналу уже полностью показана природа нацизма...

Тогда Розенберг перешел к самооправданию по методу превращения черного в белое:

— Я никогда не содействовал развязыванию агрессивной войны. Моя расовая теория ни в коем случае не вела к расовым преследованиям. Целью управления на Востоке было добровольное присоединение советских народов к Германии...

Если бы это услышал человек, попавший в зал суда с какой-нибудь другой планеты, он безмерно удивился бы, почему же судят этого великодушного «гуманиста»... Но Розенберг так и не мог объяснить трибуналу, почему люди, которых он будто бы воспитывал в рыцарском духе, устроили газовые камеры, прибили на них дощечки с надписью «баня», по соседству соорудили крематории и организовали неслыханный ранее конвейер смерти — из запломбированных вагонов, подгоняемых к газовым камерам, в эти камеры, а оттуда в крематорий.

Р. А. Руденко задает вопрос в упор:

— Признаете ли вы агрессивный, грабительский характер войны Германии против Советского Союза и свою личную ответственность за подготовку и осуществление агрессии?

Розенберг резко говорит:

— Нет...

Геринг удовлетворенно кивает головой. А на лицах своих соседей-журналистов я вижу явное удивление...

Руденко спокойно задает новый вопрос:

— Вы были ближайшим сподвижником Гитлера в выполнении всех его планов и замыслов?

И Розенберг дает еще более неожиданный ответ:

— Нет, это не так. Это совершенно неверно.

Теперь удивляются уже и на скамье обвиняемых.

А советский обвинитель ставит точку:

— Хорошо, будем считать это ответом на мой вопрос. Я закончил, господин председатель.

Так проиграл сражение и философ нацизма, особоуполномоченный Гитлера по идейному воспитанию немецкого народа.

14

Американские журналисты провели анкету среди корреспондентов:

— Считаете ли вы, что Шахт будет признан виновным, и если так, то к какому наказанию будет приговорен? Не думаете ли вы, что Шахт будет оправдан?

Уже сама эта затея была весьма симптоматична: проверялись общественные настроения на людях прессы, которые являются не только барометром, но и стимулятором взглядов широкой публики.

Преследовалась цель: итогами анкеты воздействовать на судей, не говоря уже о читателях газет.

Анкета, затеянная именно американскими журналистами, дала такие результаты, на какие рассчитывали ее устроители: более двух третей опрошенных ответили, что, по их мнению, Шахт будет оправдан...

Нет необходимости пояснять, что среди давших столь благоприятный для Шахта ответ не было советских журналистов.

И вот настает день защиты Шахта.

Несколько дней продолжались его показания, показания свидетелей, оглашение документов, а затем и перекрестный допрос.

Шахт держался очень уверенно даже под огнем вопросов обвинителей. Чувствовалось, что он убежден не столько в своей правоте, сколько в своей безнаказанности. Поэтому он отвечал даже дерзко, когда ему задавались острые вопросы.

Вместо ответа по существу он говорит:

— Я не знаю, так ли это. Но если вы придерживаетесь такого мнения, я не буду вам противоречить.

Очень милостиво по отношению к прокурору...

Или такой ответ Шахта по поводу его речи, прославлявшей Гитлера:

— Я полагаю, что вы цитируете правильно, и я не думаю, чтобы кто-либо в день рождения главы государства мог сказать что-нибудь другое.

Снова снисходительное согласие с прокурором и тут же маленький урок ему же.

Свидетель Фокке, вызванный Шахтом, сказал Международному военному трибуналу, что если Шахт даже и хотел сделать Гитлера инструментом своей политики, то это ему не удалось. Этот свидетель предупреждал Шахта, что Гитлер принесет Германии только одни несчастья. Шахт в ответ сказал, что это необоснованный пессимизм. Таким образом, даже если бы Шахт и рассчитывал использовать Гитлера в своих целях, то на деле Гитлер использовал самого Шахта в своих целях. Однако же у Шахта и не было такого расхождения с Гитлером, которое имело бы принципиальный смысл. Шахт полностью стоял на той же платформе, что и Гитлер, и сознательно отдал себя в распоряжение Гитлера для достижения их общей цели.

Он сделал все, что мог, чтобы привести Гитлера к власти. Он не раз в публичных выступлениях в первые годы гитлеровской власти заявлял, что является верным помощником и последователем Гитлера. Так, на открытии одной из лейпцигских ярмарок Шахт сказал:

— Не я, а Гитлер — хранитель экономического разума Германии.

Теперь, на суде, Шахт называет эти свои высказывания хитростью и маскировкой.

По этому поводу между ним и Р. Джексоном состоялся диалог.

Р. Джексон:

— И вы не называете это введением Гитлера в заблуждение?

Шахт:

— Я не назвал бы это «введением в заблуждение». Я назвал бы это «руководством».

— Но, во всяком случае, таким руководством, когда вы не говорите истинного мотива, из которого исходите?

— Я думаю, что вы можете добиться значительно больших успехов, желая руководить кем-нибудь, в том случае, когда не говорите правду, чем в том случае, когда говорите ее.

— Я очень рад, что получил столь откровенное изложение вашей философии, доктор Шахт. Я весьма обязан вам.

— В течение первых лет я не применял этой тактики, но позже я ею пользовался в весьма значительных размерах, могу сказать, постоянно. Это никогда не прекращалось.

— А теперь это прекратилось?

— У меня теперь нет больше коллег. Теперь я нахожусь перед этим трибуналом. Мне здесь нечего делать, кроме как говорить правду.

Но если Шахт «разочаровался» в Гитлере, который не выполнил порученного ему дела, то сам «финансовый кудесник» ни на йоту не изменил своих взглядов.

— Я и теперь, перед этим судом, придерживаюсь того мнения, что Америка и Англия должны были предоставить Германии идти своим путем в Европе.

Говоря попросту, западным державам и после военной катастрофы «третьей империи» надлежит вступить в союз с Германией и поручить ей «объединить» Европу — против «коммунизма».

— Я и теперь полностью стою за то, что только с помощью вооружений Германия может добиться равенства с другими державами.

Постарался Шахт выставить себя и «борцом против нацизма», в роли организатора и руководителя заговора верхов бюрократии и генералов против Гитлера.

Об этом трибуналу подробно рассказывал свидетель Гизевиус.

Да, такой заговор был, и 20 июля у ног Гитлера взорвалась бомба. Он остался жив, а заговорщики дали себя переловить и перебить как цыплят...

Целью заговора было не установление в Германии подлинно демократического строя, а замена открытой фашистской диктатуры более «приличной» по форме диктатурой генералов и монополистов.

Шахт разговаривал с трибуналом так, как будто заранее знал, что его ждет оправдание.

Он и был оправдан, как предсказывали американские журналисты, оправдан вопреки мнению советского судьи.

Взрыв негодования в Германии и во всем мире был так велик, что оккупационным властям американской зоны пришлось передать дело Шахта штутгартскому суду по денацификации. Суд после длительного разбирательства приговорил Шахта к восьми годам заключения в концентрационном лагере. Это произошло в конце 1947 года.

В июле 1948 года корреспондент Ассошиэйтед Пресс сообщил из Штутгарта, что власти, ведающие денацификацией, решили пересмотреть дело Шахта.

2 сентября 1948 года суд в Людвигсбурге отменил прежний приговор и постановил освободить Шахта, как «попутчика» нацизма, от всякого наказания. Напомню читателю закон о денацификации, изданный в американской зоне оккупации в 1946 году. Этот закон и в деле Шахта обнаружил свою сущность — прощать подлинных виновников.

Суд постановил также, что правительство земли Баден-Вюртемберг должно возместить Шахту судебные издержки...

Вскоре после оправдания Шахт вывез свою мебель из Западного Берлина. Среди его вещей был и большой портрет Гитлера с надписью: «Моему любимому Шахту за большие заслуги. Берлин, 23 мая 1936 года, Адольф Гитлер»...

Таков Шахт, «финансовый кудесник» нацизма, друг и партнер заправил Уолл-стрита и Сити, дважды оправданный в суде, но в сознании человечества навеки заклейменный как злейший враг демократии, свободы, счастья людей.

15

Альберт Шпеер был придворным архитектором «фюрера» и его личным другом. «Стиль» Шпеера — в здании имперской канцелярии, в Конгрессхалле и трибунах в Нюрнберге. Это мрачный, казарменный стиль серых

прямолинейных бетонных масс, и потому парадные сооружения Шпеера так напоминают бараки концентрационных лагерей, эсэсовских фабрик смерти.

В 1942 году Гитлер поставил своего друга, тридцатисемилетнего архитектора, во главе военной промышленности «третьей империи». Шпеер свои принципы и задачи сформулировал кратко и ясно на страницах геббельсовского официоза «Дас райх»: «Энергичное применение самых суровых наказаний за проступки: карать каторжными работами или смертной казнью. Война должна быть выиграна».

В полном соответствии с этими «принципами» и действовал Шпеер. Под его руководством военная промышленность Германии поставляла Гитлеру непрерывным потоком самолеты, танки, снаряды...

Шпеер до последнего мига не щадил сил, чтобы обеспечить победу Гитлеру. Зимой 1944 года, когда Гитлер предпринял авантюристическое, не способное предотвратить проигрыш войны, наступление в Арденнах, Шпеер, как он сам подчеркнул в своих «Воспоминаниях», считал необходимым разыграть «последнюю карту» и деятельно помогал обеспечить наступление необходимыми материальными ресурсами.

В 1943 году, после Сталинградского разгрома, когда по инициативе Геббельса была провозглашена «тотальная война», Шпеер вступил в сговор с Геббельсом и Леем и добивался союза с Герингом, чтобы устранить Бормана и Кейтеля, которых Шпеер считал виновниками поражений Германии...

Словом, Шпеер был ретивым и преданным Гитлеру организатором и руководителем огромного арсенала, в котором работали в нечеловеческих условиях и погибали сотни тысяч военнопленных и иностранных рабочих, насильственно согнанных в «третью империю»...

Таково было участие Шпеера в преступлениях нацистской клики — он был таким же главным военным преступником, как и его коллеги на скамье подсудимых.

Отлично понимая этот весьма для него неприятный факт, Шпеер избрал особую линию защиты.

Когда ему было вручено обвинительное заключение, он на нем написал: «Процесс необходим. Общая ответ-

ственность за столь тяжкие преступления существует даже в авторитарном государстве».

Сказано очень хитро: с одной стороны, признается ответственность за содеянное, но, с другой, личная ответственность именно Шпеера отходит на задний план...

И свои обширные мемуары, выпущенные в 1969 году, Шпеер закончил таким рассуждением: «Бывают вещи, в которых ты виновен, даже если можешь себя оправдать, — просто потому, что размер преступлений столь велик, что всякое человеческое оправдание обращается в ничто...»

Иначе говоря, он, Альберт Шпеер, скорее жертва обстоятельств, нежели преступник...

В последнем слове он так и не сказал ни о своей личной вине, ни о своем раскаянии, но опять прибег к софистической формуле. Нарисовав картину страшной катастрофы, какую сулит человечеству развитие военной техники, Шпеер патетически воскликнул: «Поэтому этот процесс должен способствовать тому, чтобы в будущем предотвратить опустошительные войны и заложить основы для мирного сожительства народов. Что значит моя собственная судьба после всего, что случилось, и перед лицом такой высокой цели!»

Шпеер, приговоренный к двадцатилетнему заключению, имел достаточно времени, чтобы тщательно проанализировать свой опыт, чтобы сделать верные выводы из тех предупреждений, с которыми он обратился к человечеству и особенно к Германии в последнем слове.

И вот перед нами толстый том его «Воспоминаний».

Читаешь страницу за страницей: Шпеер подробно описывает то, что он делал для ведения и выигрыша гитлеровской грабительской войны. Ни тени подлинного — не то чтобы раскаяния, а даже и сожаления, что пришлось быть видным соучастником Гитлера. Шпеер повторяет сказку, изложенную им на суде: будто он готовился отравить Гитлера в бункере имперской канцелярии газом «Табун». Замысел, говорит он, сорвался по непредвиденным обстоятельствам... И вот Шпеер у Гитлера 22 апреля 1945 года, когда уже все кончено и Гитлеру остается только умереть в подземелье, сооруженном Шпеером. Прощальная встреча с «фюрером» и другом...

«В последние месяцы я его ненавидел, с ним боролся,

лгал и изменял ему; но в этот момент я был поражен и потрясен...»

Словом, верность «фюреру» до гроба...

В книге выражены далеко не только личная симпатия и сочувствие Гитлеру.

Нет! В ней сказано значительно больше: на основе своего богатого опыта Шпеер фактически учит, как не повторять сделанных при Гитлере ошибок, как в следующий раз лучше, умнее, с подлинным успехом организовать и направлять дьявольскую машину производства наиболее могущественных орудий уничтожения и смерти...

«Воспоминания» Шпеера — это книга нераскаявшегося и неразоружившегося военного преступника... Это — призыв к тем, кто занимается делом, каким занимался Шпеер, делать его лучше!..

ВОЗМЕЗДИЕ СОВЕРШИЛОСЬ

Итак, перед читателем прошли Геринг, «наследник» Гитлера, Гесс, его заместитель в партии, Риббентроп, глава дипломатического ведомства, Кейтель, начальник верховного командования, Розенберг, философ-идеолог нацизма, Шахт, его финансовый гений, Шпеер, глава арсенала, — самые главные из обвиняемых в Нюрнберге, об остальных говорить не буду: ничего нового их допросы не дали для той картины, какую представил человечеству Нюрнбергский процесс.

Не стану задерживать внимание читателей и на речах защитников. Они были фальшивы в своей основе, ибо не помогали немецкому народу понять и усвоить урок того периода его истории, когда он подчинялся Гитлеру и этим навлек на себя катастрофу. Но и обвиняемым речи защиты тоже не принесли помощи. Ибо никакие ухищрения красноречия не были способны противостоять фактам...

Трибунал сказал в приговоре: «Война по самому своему существу зло. Ее последствия не ограничены только одними воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно

является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных».

Так трибунал заклеймил агрессивные войны и обогатил международное право ясным и точным законом: агрессивная война — преступление, подлежащее суровому наказанию.

Трибунал приговорил к повешению Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Кальтенбруннера, Фрика, Франка, Штрейхера, Заукеля, Иодля, Зейс-Инкварта и Бормана (заочно).

К пожизненному заключению были приговорены Гесс, Функ и Редер, к 20 годам — Ширах и Шпеер, к 15—Нейрат, к 10 — Дениц.

Советский судья в особом мнении опротестовал оправдание Шахта, Папена и Фриче и замену Гессу казни заключением.

Приговор трибунала осудил нацизм, эту германскую разновидность фашистской диктатуры наиболее реакционных кругов империалистической буржуазии. Приговор трибунала признал преступными организациями СС и СД, нацистскую партию и гитлеровское правительство. ошибкой трибунала был отказ признать преступными верховное командование и генеральный штаб.

Контрольный совет отклонил просьбу осужденных о помиловании и просьбу Геринга, Кейтеля и Иодля о замене повешения расстрелом.

Правосудие свершилось в ночь на 16 октября 1946 года.

В качестве свидетелей от немецкого народа присутствовали при исполнении смертного приговора тогдашний министр-президент Баварии В. Хегнер и главный прокурор Нюрнберга Ф. Лейснер.

В. Хегнер опубликовал рассказ об этой «ночи расплаты».

Привожу его в выдержках:

«Около половины одиннадцатого ночи появился комендант тюрьмы, американский полковник Эндрюс, и предложил Лейснеру и мне следовать за ним. В комнате, куда он привел нас, находились офицеры и врачи. Здесь

нам сообщили, что Геринг покончил жизнь самоубийством — отравился. Нас провели в камеру Геринга. Он лежал на кровати. Его ноги в пижамных брюках торчали из-под черного шелка, верхняя часть туловища была наполовину прикрыта светлой курткой в голубой горошек. Казалось, от обнаженных ступней ушла вся кровь — они уже начали синеть. Глаза были закрыты.

Вместе с полковником Эндрюсом, переводчиком и огромного роста американским офицером в каске мы должны были зайти в каждую камеру. Большинство приговоренных молчало. Штрейхер же грубо заметил, что уже слышал приговор. Заукель ругался: он уважает американских солдат и офицеров (полковник Эндрюс всегда хорошо обращался с ним), но он никогда не испытывал ни капли уважения к американскому судопроизводству.

После объявления приговора на заключенных надели кандалы, чтобы больше никто из них не смог покончить жизнь самоубийством.

Затем нас повели в самый конец тюремного двора, где находился гимнастический зал. Там мы увидели три виселицы, сооруженные на деревянных помостах. К маленьким четырехугольным платформам каждой виселицы вели тринадцать ступенек. Над каждой из этих платформ — прямоугольник из двух балок. В центре поперечной балки — большой железный крюк, на котором раскачивалась веревка.

Помост от платформы донизу со всех сторон был покрыт черным сукном. Потом нас проводили в комнату журналистов. Никто не спал. Время тянулось мучительно медленно.

Около часа ночи нас опять повели в зал. На этот раз здесь было много иностранных журналистов и американских солдат. От Контрольного совета присутствовали американский, русский, английский и французский генералы.

Мы стояли слева от входной двери в самом конце гимнастического зала. Дверь была заперта. Около часа ночи в дверь постучали. Американский солдат открыл ее.

Вошел полковник Эндрюс, затем тюремные священники — католик и протестант, — а за ними между двумя американскими солдатами, бледный и растерянный, шел бывший гитлеровский министр иностранных дел.

Его подвели к ступенькам. Американец спросил: «Фамилия? Имя?» Переводчик перевел. Арестованный ответил: «Иоахим фон Риббентроп». Он поднялся на 13 ступенек. Допрашивающий и переводчик поднялись вместе с ним.

Наверху на платформе американец спросил, а переводчик перевел: «Имеете ли вы что-нибудь еще сказать?»

Риббентроп сказал: «Господи, защити Германию! Господи, прими с миром душу мою! Мое последнее желание, чтобы Германия вновь обрела свое единство, чтобы наступило взаимопонимание между Востоком и Западом во имя мира на земле».

Стражник связал Риббентропу ноги. Палач, приземистый американский солдат с красным лицом, набросил на голову приговоренного черный мешок, завязал его, а потом накинул веревку на шею своей жертвы.

Евангелический священник произнес короткую молитву. Палач отступил на несколько шагов и сделал что-то позади. Люк с грохотом опустился, и приговоренный повис. Примерно через 10 минут русский врач с двумя американскими коллегами исчез за черным сукном на помосте. У него в руках был стетоскоп. Через некоторое время он появился снова, медленно подошел к генералам и констатировал смерть повешенного.

Казнь происходила поочередно на двух виселицах. Третья не использовалась.

Между казнями курили. Когда ввели одного из приговоренных, у меня в руках еще была сигарета. Американец крикнул: «Брось сигарету, немец!» Я видел также, как между казнями выносили трупы. Лица еще были закутаны в черное, рубашки расстегнуты, так как врачи прослушивали сердца.

В заключение был внесен труп Геринга и представлен нам на обозрение. Очевидно, это сделали для того, чтобы мы еще раз смогли убедиться, что он мертв».

Тела казненных были сожжены, прах развеян по ветру...

Вопрос о том, как яд оказался у Геринга, остался невыясненным. В 1957 году журнал «Мюнхенер иллюстрирте» опубликовал сообщение, что яд Герингу передал Бах-Целевский.

По словам журнала, такие показания он сделал в 1951 году американскому прокурору У. Д. Канфильду, который затем заявил, что против Бах-Целевского не будет возбуждено уголовное преследование. «Помощь совершить самоубийство осужденному к смерти — такое проклятое дело мы не можем передать суду. Мы не заинтересованы в том, чтобы дальше расследовать это дело. К чему?»

Приговоренные к заключению отбывали его в тюрьме в Шпандау. Ширах и Шпеер отсидели свой срок. Нейрат, Функ и Редер были освобождены «по болезни» и «старости». И остался там один Гесс. Но нашлись сердобольные люди в доброй старой Англии, и среди них — как ни странно — бывший главный британский обвинитель Х. Шоукросс, и они развернули громкую кампанию за «освобождение больного старика...».

* * *

Десять месяцев длился первый в истории процесс преступников, составивших и осуществивших заговор против мира, развязавших и ведших агрессивные войны, совершивших тягчайшие преступления против человечности.

Великое сражение правосудия против зла было выиграно силами мира, истины, справедливости...

В день двадцатипятилетия со дня начала Нюрнбергского процесса комиссия историков СССР и ГДР выступила с заявлением о всемирно-историческом значении процесса:

«Со времени вынесения приговора от 1 октября 1946 года каждое правительство и каждая держава, готовящие или развязавшие агрессивную или захватническую войну или совершившие преступления против человечности, могут быть поставлены перед судом народов... Четверть века, протекшие с начала Нюрнбергского процесса, подтвердили с предельной ясностью историческое значение этого процесса, который создал общепризнанное и общеобязательное международное право. Соблюдать его призваны все народы мира!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гус Михаил Семенович

БЕЗУМИЕ СВАСТИКИ

М., «Советскнй пнсатель», 1971, 400 стр.
План выпуска 1970 г. № 20.

Редактор *Г. А. Блистанова.* Художннк *Н. М. Гребнева.* Худож. редактор *Е. И. Балашева.* Техн. редактор *Л. П. Мельникова.* Корректор *Ф. А. Рыскина*

Сдано в набор 3/VI 1971 г. Подписано в печать 16/IX 1971 г. А 04146. Бумага $84\times108^1/_{32}$, № 1. Печ. л. $12^1/_2$ (21,0). Уч.-нзд. л. 20,09. Тнраж 30 000 экз. Заказ № 920. Цена 75 коп. Издательство «Советскнй пнсатель», Москва К-9, Б. Гнезднниковскнй пер., 10

Леннниградская тнпографня № 5 Главполнграфпрома Комнтета по печатн прн Совете Мнннстров СССР, Красная ул., 1/3.

75 к.

